

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2022

№ 70

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Шербинин А.И.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сухушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скочилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглеzneв В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Шербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Вяткина Н.Б.** (Институт философии НАНУ, Киев, Украина); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Shcherbinin A.I.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science); **Agafonova E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Skochilova V.G.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Political Science); **Borisov E.V.** (Tomsk, Russia); **Ogleznev V.V.** (Tomsk, Russia); **Syrov V.N.** (Tomsk, Russia); **Chernikova I.V.** (Tomsk, Russia); **Ladov V.A.** (Tomsk, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Tomsk, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Tomsk, Russia); **Kashpur V.V.** (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Viatkina N.B.** (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Ардашкин И.Б., Суровцев В.А. Параллелизм семантических теорий аналитической философии и теорий терминологического планирования	5
Архипьев Н.Л. Кластерная семантика для некоторых модальных и интуиционистских систем	20
Борисов Е.В. Парадокс Фитча в свете гибридной логики	39
Легайдо М.М., Конькова А.В. Об интересной связи между традиционной силлогистикой и воображаемой логикой	48
Сухарева В.А. К проблеме возможности частных физических объектов	59
Ускова Е.В. Онтологический и гносеологический статус сознания в натуралистических теориях	71
Чалый В.А. Научный перспективизм: реализм, антиреализм или новая парадигма?	80

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Загиряк М.Ю. Проблема нации в философии С.И. Гессена	91
Климова С.М. «Американский дискурс» Ф.М. Достоевского	100
Козырева О.А., Гущин И.А. Метафора и соотношение семантики и прагматики у Аристотеля	110
Маслов Д.К. Понятие в субъективной логике Гегеля	119
Московец С.А., Ладов В.А. Феноменология Гуссерля в контексте метафизики, антиметафизики и постметафизики	137
Стрельцов А.М. Философия Аристотеля как методологическое основание университетского образования в мысли Филиппа Меланхтона	147
Чешев В.В. Ф. Бэкон о деятельном субъекте познания	156

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Бармашова Т.И. Корреляция понятий «стихийное» и «бессознательное» в социальной сфере	167
Донских О.А. От <i>Homo oeconomicus</i> к <i>Homo faber</i> (происхождение пост-современного общества)	177
Микиртумов И.Б., Фролов К.Г. Нонкогнитивизм и моральные высказывания	189
Овчинников С.Е. О некоторых связях социальных исследований с аналитической философией в контексте метафизики агентности	198
Прокофьев А.В. Пристрастность, беспристрастность и феноменология морального опыта	207

СОЦИОЛОГИЯ

Быкадорова А.С., Валитова Е.Р. Трансформация террористических и экстремистских стратегий в сети Интернет (февраль–апрель 2022 года)	217
Габдрахманова Г.Ф., Лаукарт-Горбачева О.В. Человеческий потенциал Республики Татарстан в официальных документах и экспертных оценках	228
Крыштановская О.В., Лавров И.А. Молодежь в поисках своей партии	242
Рахманов А.Б. Концепция мировых войн: вызовы, субституты, формальные и реальные критерии, или Как возможна мировая война в XXI веке?	251
Шрайбер А.Н., Артюхина В.А. Протестные настроения студенческой молодежи: причины возникновения и готовность к действиям	269

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Ardashkin I.B., Surovtsev V.A. Parallelism of semantic theories in analytic philosophy and theories of terminological planning	5
Arkhiereev N.L. Cluster semantics for some modal and intuitionistic systems	20
Borisov E.V. Fitch's paradox in light of hybrid logic.....	39
Legeydo M.M., Konkova A.V. On an interesting connection between traditional syllogistics and imaginary logic	48
Sukhareva V.A. On the possible existence of private physical objects	59
Uskova E.V. Ontological and epistemological status of consciousness in naturalistic theories.....	71
Chaly V.A. Scientific perspectivism: Realism, anti-realism, or a new paradigm?	80

HISTORY OF PHILOSOPHY

Zagirnyak M.Yu. The problem of the nation in the philosophy of Sergei Hessen	91
Klimova S.M. The "American discourse" of Dostoevsky	100
Kozyreva O.A., Guschchin I.A. Metaphor and the semantics–pragmatics interface in Aristotle.....	110
Maslov D.K. The notion in Hegel's subjective logic	119
Moskovets S.A., Ladov V.A. Husserl's phenomenology in the context of metaphysics, anti-metaphysics and postmetaphysics.....	137
Streltsov A.M. Aristotle's philosophy as a methodological foundation of university education in Philip Melanchthon's thought.....	147
Cheshev V.V. Francis Bacon on the active subject of cognition	156

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Barmashova T.I. Correlation of the concepts "spontaneous" and "unconscious" in the social sphere	167
Donskikh O.A. From <i>Homo oeconomicus</i> to <i>Homo faber</i> (the origins of postmodern society)	177
Mikirtumov I.B., Frolov K.G. Noncognitivism and moral claims	189
Ovchinnikov S.E. On some connections between social studies and analytic philosophy in the context of ontology of agency.....	198
Prokofyev A.V. Partiality, impartiality, and the phenomenology of moral experience	207

SOCIOLOGY

Bykadorova A.S., Valitova E.R. Transformation of terrorist and extremist strategies on the Internet (February–April 2022).....	217
Gabdrakhmanova G.F., Laukart-Gorbacheva O.V. Human development of the Republic of Tatarstan in official documents and expert assessments	228
Kryshtanovskaya O.V., Lavrov I.A. Youth in search of their political party	242
Rakhmanov A.B. The concept of world wars: challenges, substitutes, formal and real criteria, or How is a world war possible in the 21 st century?.....	251
Shrayber A.N., Artyukhina V.A. Students' protest mood: Causes of emergence and readiness to act	269

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья
УДК 1 (091)
doi: 10.17223/1998863X/70/1

ПАРАЛЛЕЛИЗМ СЕМАНТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ТЕОРИЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Игорь Борисович Ардашкин¹,
Валерий Александрович Суровцев²

¹ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия*

² *Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Томск, Россия*

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *ibardashkin@tpu.ru*

² *surovtsev1964@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются тенденции развития семантических теорий аналитической философии и теорий терминологического планирования. Показано, что такое развитие имеет определенный параллелизм, который связан с переходом от прескриптивистских теорий в объяснении значения языковых выражений к дескриптивистским. Анализируются параллельные трансформации аналитической философии (Г. Фреге, Л. Витгенштейн) и теорий терминологии (Е. Вюстер, М.Т. Кабре, Р. Тиммерман, К. Кереманс). Обосновывается, что социальный фактор определяет развитие современных семантических теорий.

Ключевые слова: семантические теории, аналитическая философия, теории терминологического планирования, прескриптивная и дескриптивная установки, языковое значение

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

Для цитирования: Ардашкин И.Б., Суровцев В.А. Параллелизм семантических теорий аналитической философии и теорий терминологического планирования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 5–19. doi: 10.17223/1998863X/70/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

PARALLELISM OF SEMANTIC THEORIES IN ANALYTIC PHILOSOPHY AND THEORIES OF TERMINOLOGICAL PLANNING

Igor B. Ardashkin¹, Valery A. Surovtsev²

¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ ibardashkin@tpu.ru

² surovtssev1964@mail.ru

Abstract. Trends in the development of semantic theories of analytic philosophy and of theories of terminological planning are investigated. Addressing this issue is due to the need to identify the direction of the development of the semantic aspects of the language in the logical-cognitive, linguistic and social aspects on the example of theories of analytic philosophy and theories of terminological planning. The main lines of research on the semantic aspects of the language were associated with the areas of logic and linguistics, while the social factor was considered to a lesser extent. Turning to the sphere of terminology actualizes this aspect, since it is the need of society (societies) for integration that leads to the need to create this science. The development of theories of terminology (terminological planning) from the 1930s up to the present time reveals a certain parallelism in the definition of the meaning of a term in theories of terminology in relation to the meaning of a concept (word, linguistic expression) in theories of analytic philosophy. This parallelism in the definition of meaning conventionally lies in the fact that the initial theories of analytic philosophy (Gottlob Frege, Bertrand Russell, Ludwig Wittgenstein (in the *Logical-Philosophical Treatise* period)) and the theory of terminological planning (the general theory of terminology by Eugen Wüster, the extended theory of terminology by Helmut Felber) are characterized by a prescriptive setting in relation to the parameters of establishing meaning for a concept (linguistic expression) and a term. The prescriptive setting of these theories is that in them the researcher prescribes the parameters that must be present in the meaning of a word (concept, term, linguistic expression), which, according to the authors, indicates a social factor of influence on the semantic process. Similar parallels are observed in the semantic theories of analytic philosophy and in theories of terminological development at further stages of their development, when it turns out that the prescriptive character acts as a requirement that cannot be met in the process of determining the meaning of a word (concept, term, linguistic expression). In this connection, in the theories of analytic philosophy (Wittgenstein in the *Philosophical Studies* period, Saul Kripke's theory of rigid designators) and in the theories of terminological planning (Maria Teresa Cabre's theory of doors), a descriptive approach begins to be applied. It consists in the fact that the meaning of a word (concept, term, linguistic expression) cannot be preset, but is established in the process of its application (at the very moment of use). In this case, the social factor of influence on the semantic process begins to be less controllable than in the case of its functioning as a prescriptive setting.

Keywords: semantic parallelism, theories of analytic philosophy, theories of terminological planning, prescriptive attitude, descriptive attitude, social aspect

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

For citation: Ardashkin, I.B. & Surovtsev, V.A. (2022) Parallelism of semantic theories in analytic philosophy and theories of terminological planning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 5–19. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/1

Часто говорят о самодостаточности аналитической философии языка в том смысле, что она нацелена исключительно на решение вопросов функционирования знаковых систем с точки зрения их логических и семантических аспектов. В этом случае проблемное поле аналитической философии предстает в качестве своеобразной теоретической игры, в рамках которой в большей степени ставятся и решаются умозрительные, нежели прагматические, вопросы. Однако так происходит далеко не всегда, поскольку значение различных семантических теорий в рамках аналитической философии имеет важные социальные и прагматические следствия, а сами эти теории часто выступают законодателями мод в отношении исследований в смежных предметных областях (основания математики, лингвистика, когнитивные науки, право и т.д.).

Подобное влияние можно обнаружить и в области теорий терминологического планирования. Анализ влияния подобного рода позволит: во-первых, продемонстрировать универсальный, в том числе касающийся прагматических аспектов характер семантических теорий аналитической философии, их преимущества и ограничения на их применение; во-вторых, уточнить ряд проблем, которые возникают в процессе терминологического планирования как актуального направления междисциплинарных научных исследований; в-третьих, обозначить динамичность и нелинейность трансформаций, связанных с языковыми средствами, привлекаемыми для описания окружающего мира. Вопрос о влиянии носит достаточно широкий характер, поэтому основной вектор исследования будет направлен на параллелизм семантических аспектов аналитических концепций языка и теорий терминологического планирования.

Одной из ключевых семантических проблем употребления языка была и остается проблема соотношения значения и смысла языковых выражений, которая, в свою очередь, является в одних случаях производным, а в других – предопределяющим фактором проблемы отношений языка и реальности. Эта проблема во многом возникла как следствие необходимости понимания характера определенности и терминологической однозначности языка науки. В свою очередь, терминологическое планирование возникло в качестве междисциплинарного направления как реакция на усиливающееся влияние научного знания на социальные процессы и потребность в управлении этим влиянием посредством стандартизации и экспликации терминологического аппарата научных знаний, выражающейся, в частности, в необходимости учета значений терминов различных наук в соответствующих словарях и базах знаний. Таким образом, проблема соотношения смысла и значения играет важную роль также и в теории терминологического планирования.

Вектор развития семантических теорий аналитической философии можно обозначить как постепенную трансформацию концепций прескриптивного плана, прескриптивного в том смысле, что они были нацелены на установление того, каким является нормативный образ языка (к примеру, теория смыс-

ла Г. Фреге, теория дескрипций Б. Рассела и т.п.), в концепции дескриптивно-го плана, дескриптивного в том смысле, что задача анализа языка состоит не в том, что необходимо задать условия его осмысленного употребления, а в том, чтобы описать, как работает действительный язык (к примеру, теория речевых актов Дж. Остина, теория языковых игр Л. Витгенштейна и т.п.). Аналогичный вектор развития можно выявить в трансформации теорий терминологического планирования: от прескриптивных концепций (общая теория терминологии Е. Вюстера, расширенная традиционная теория терминологии Х. Фельбера и др.) до дескриптивных концепций (теория дверей М.Т. Кабре, теория социокогнитивного терминоведения Р. Тиммерман и К. Кереманса и др.).

Семантический параллелизм между теориями аналитической философии и теориями терминологического планирования, несомненно, есть. И этот параллелизм позволяет поставить ряд вопросов. Первый из них касается того, что теории терминологического планирования прескриптивного плана возникли и функционировали хронологически тогда, когда соответствующие теории в рамках аналитической философии стали критиковаться и пересматриваться. Прескриптивный образ теорий значения, предписывающих то, каким должен быть язык, чтобы правильно выражать предполагаемые смыслы, меняется на описание того, как функционирует действительный язык. Но в это же время теории терминологического планирования, явно зависимые от аналитической философии языка, ориентируются на прескриптивный образ семантических исследований, игнорируя тот поворот, который произошел в рамках самой аналитической философии языка. Теории терминологического планирования, учитывающие, прежде всего, не нормативный образ научной терминологии, но практику ее употребления типа теории дверей М.Т. Кабре или теории социокогнитивного терминоведения Р. Тиммерман и К. Кереманса стали появляться значительно позже, только на рубеже XX и XXI вв., что представляется достаточно запоздалой реакцией на те трансформации в области семантических теорий аналитической философии, которые произошли на полвека раньше. В этом случае возникают резонные вопросы: насколько корректно проводить сравнение семантики в рамках аналитической философии и семантики в рамках терминологических теорий? На каком основании и с какой целью? Чем обусловлено данное сопоставление?

Прежде чем приступить к анализу теорий, предварительно наметим основания для возможных ответов на эти вопросы. Семантические параллели между аналитической философией и терминологией уместны, поскольку рассматриваются схожие языковые феномены: слово, понятие, термин, значение, смысл, контекст, предложение и т.д. Все эти языковые феномены используются в указанных сферах, однако их применение имеет определенную специфику. В аналитической философии речь в основном идет о значении и смысле языковых фраз в качестве выражения объективных понятий, формирующих устойчивые типы дискурса, к примеру научных теорий. В терминологических же теориях рассматриваются способы употребления в разных контекстах термина, и это связывается не с фиксацией содержания понятия, но с требованием терминологической однозначности, которое предписывает в различных обстоятельствах закреплять за термином один и тот же смысл, что, с одной стороны, делает вторую область более узкой, но с другой сторо-

ны, актуализирует социальные и коммуникативные контексты применения терминологии. Это не значит, что для аналитической философии такие контексты не актуальны. Терминологические системы в первую очередь ориентированы на выражение особенностей специализированного знания, но и в аналитической философии интерес исследователей не останавливается на искусственном закреплении самотождественного содержания выражаемых понятий, а распространяется и на естественный язык. То есть как для аналитической философии, так и для теорий терминологии актуальны общие тенденции проблематизации взаимодействия искусственных и естественных языков, специализированного и общего знания, чем, собственно, и обусловлен переход от прескриптивного подхода к анализу функционирования семантики к дескриптивному. При прескриптивном подходе социальные причины формирования семантических параметров сводятся к мнению экспертов, задающих определенные нормы употребления языковых выражений, которые должны воплощаться в различного рода дискурсах. При дескриптивном подходе следовать определенным идеалам сложнее, фактически невозможно, поскольку в таком случае семантические параметры не столько задаются, сколько фиксируются в процессе анализа контекстов применения понятий и терминов.

Первой семантической концепцией прескриптивного плана в аналитической философии считается семантическая теория Г. Фреге. Но понять, почему данная концепция обретает прескриптивный характер без обращения к ее основаниям, сложно. Фактически Г. Фреге стремиться переформатировать статус логики, рассматривая ее не как отражение онтологических категорий, что было свойственно для логики традиционной, берущей начало с Аристотеля, но как то, что имеет собственные основания в исследовании условий определения истинности и ложности наших мыслей и, следовательно, способов их языкового выражения. Для чего это нужно и к чему это приводит?

Во второй половине XIX в. начинает активно развиваться такая наука, как психология, которая претендовала на первенство в описании процессов познания и мышления. Психологизм как течение утверждал, что существует связь между человеческим мышлением и логикой, что логические структуры сводимы к психологическим структурам человеческого сознания. Тем самым психологизм порождал проблемы релятивизма в логике, поскольку сводил последнюю к моделям человеческого мышления. Г. Фреге категорически выступал против психологизма, но для этого необходимо было продемонстрировать особенность предмета логики, невозможность свести последний к психологическим структурам и человеческому мышлению. Поэтому он переориентирует предмет логики с субъективных мыслительных процессов на объективное знание и его языковое выражение, поскольку «знание как такое имеет объективный характер, который не связан с индивидуальными психическими процессами, но зависит исключительно от содержания, которое является достоянием всех. Однако доступ к подобному содержанию также связан с тем, что объективно, что не зависит просто от индивидуального переживания. Таким универсальным посредником для Г. Фреге выступает язык. Знание всегда выражено в языке, который является его материальной оболочкой и без которого невозможна никакая коммуникация. Язык как со-

вокупность произнесенных или написанных знаков является универсальным способом передачи объективного знания» [1. С. 120].

Ключевым фактором в антипсихологизме Г. Фреге является то, что он предполагает необходимость установления логических норм в отношении языка, главные из которых касаются истинности выраженной в языке объективной мысли. При этом истинность, хотя и рассматривается по аналогии с социальными феноменами, детерминирована тем, что в большей степени относится к объективным законам природы. В частности, он утверждает: «Эстетика соотносится с прекрасным, этика – с добром, а логика – с истиной. Конечно, истина является целью любой науки; но для логики истина важна и в другом отношении. Логика связана с истиной примерно так же, как физика – с тяготением или с теплотой. Открывать истины – задача любой науки; логика же предназначена для познания законов истинности. Слово „закон“ можно понимать в двух аспектах. Когда мы говорим о законах нравственности или законах определенного государства, мы имеем в виду правила, которым необходимо следовать, но с которыми происходящее в действительности не всегда согласуется. Законы же природы отражают общее в явлениях природы; следовательно, все, что происходит в природе, всегда соответствует этим законам. Именно в этом последнем смысле я и говорю о законах истинности... Чтобы исключить всякое неправильное понимание и воспрепятствовать стиранию границ между психологией и логикой, я буду считать задачей логики обнаружение законов истинности, а не законов мышления. В законах истинности раскрывается значение слова „истинный“» [2. С. 28]. Логика должна выявлять законы истинности знания в его языковом выражении, преодолевая индивидуальные особенности мышления как субъективного, психологического процесса.

Однако для установления истинности необходимы определенность и точность используемого языка, а также демонстрация того, как это возможно. В связи с этим Г. Фреге разрабатывает трехэлементную семантическую концепцию (знак–значение–смысл), в которой учитывается и роль субъективного компонента отношения наименования, а именно представления. Введение такого элемента, как смысл, несет у Г. Фреге идеалистический замысел, связанный с поиском неизменной составляющей значения и оснований для преодоления логических ошибок. Идеалистический окрас, который придает теория смыслов, как объективных образований связан с тем, что естественный язык содержит много неточностей и неопределенностей. Логика у Г. Фреге нацелена на устранение недостатков естественного языка и требует специального языка, соответствующего нормативам логики (идеография). Как пишет, Л.А. Демина, «существенным недостатком естественного языка является то, что он не защищает мышление от логических ошибок. Во-первых, он изобилует неопределенностями. С одним и тем же знаком (именем) могут ассоциироваться совершенно различные смыслы. Одно и то же слово часто используется для обозначения то понятия, то объекта, что ведет к ошибкам эквивокации. Во-вторых, в естественном языке появляются необозначающие („пустые“) имена и определенные дескрипции, что ставит перед нами серьезные вопросы при анализе предложений» [3. С. 32].

Введение элемента смысла приводит к стабилизации значений языковых выражений, поскольку смысл, по Г. Фреге, близок по своей природе к плато-

новским идеям и носит неизменный характер. В то же время в отношении наименования смысл позволяет избегать противоречий, расширяя выражение семантического многообразия различными лингвистическими средствами. Такая возможность в отношении значения появляется благодаря субъективному элементу, имеющему место в отношении наименования, – представлению, который связан с индивидуальными особенностями интерпретации смысла, поскольку «представление, как четвертый компонент, отвечает за включение в отношение наименования всего того, что не оказывает влияния на объективные аспекты референции, а зависит от индивидуальной психической жизни. Можно было бы также сказать, что в отличие от смысла и значения, определяющих необходимые черты выражений, представления суть все то, что для выражения является случайным» [4. С. 460].

Предполагаемая семантическая неизменность смысла не устраняет динамики значения в языке. Г. Фреге вводит принцип контекстуальности, который говорит о том, что единицей определения значения должно выступать не слово (понятие), а предложение. Это означает, что само по себе слово не выражает точное значение, оно обретает его только в контексте предложения. При установлении значения языкового выражения, как утверждает Г. Фреге, необходимо «строго отделять психологическое от логического, субъективное от объективного; о значении слова нужно спрашивать не в его обособленности, а в контексте предложения; не терять из виду различие между понятием и предметом» [5. С. 143].

Подобное нормативное отношение к пониманию значения языкового выражения указывает на то, что семантическая теория Г. Фреге имеет предскриптивный характер, поскольку в установленных нормах и правилах прописываются способы установления значения языковых выражений. Кроме того, благодаря элементу «смысл» в его семантической модели значения языковые выражения получают объективный, независимый от носителя языка статус, который хотя и может посредством сопутствующих представлений приобретать субъективный оттенок, тем не менее сохраняет стабильность. Предскриптивный характер свойствен и авторам других семантических теорий ранней аналитической философии, например Б. Расселу и раннему Л. Витгенштейну. Несмотря на существенные различия этих теорий между собой, а также по отношению к теории Г. Фреге, им свойственна интенция на то, что значение языкового выражения имеет предустановленный характер до всякого возможного их употребления.

Развитие семантических теорий в рамках аналитической философии показало, что предскриптивный характер установления значения языкового выражения в большей степени является исследовательской установкой, пожеланием, нежели работающей нормой. Особенно ясно это проявилось в семантической теории позднего Л. Витгенштейна периода «Философских исследований». В этой работе Л. Витгенштейн, во-первых, приходит к тому, что не стоит ограничивать философский анализ языка построением семантических теорий, ориентированных на искусственные языки с точно определенной структурой. Во-вторых, следует обратиться к более широкому контексту функционирования языка в рамках социальной жизни, поскольку любой искусственный язык есть лишь фрагмент естественного языка и не учитывает многих особенностей способов употребления и функционирования

языковых выражений в естественном потоке социального взаимодействия. Он разрабатывает способ семантического анализа, основанный на понятии языковой игры, которая вписывает значение языкового выражения в рамки социального взаимодействия, когда способ установления языкового значения выражения зависит от социальной практики, от того, как оно употребляется в контексте того или иного социального взаимодействия. Объяснение значения языкового выражения с точки зрения социального взаимодействия приводит к необходимости изменения того, как должно определяться лингвистическое значение. Понятие языковой игры имеет здесь определяющий характер. «Появление данного понятия, – как пишет, например, Д.В. Котелевский, – таким образом, связано с разработкой новой теории значения, в рамках которой значение не может быть однозначно определено в некоей метаязыковой системе. Невозможность дать точное определение значению того или иного предложения в значительной мере задается, с точки зрения Витгенштейна, множественностью типов предложений» [6. С. 36].

В силу такого понимания способов функционирования языка Л. Витгенштейн утверждает, что значение слова (языкового выражения) определяется способом его употребления, где, в свою очередь, само употребление осуществляется согласно какому-либо правилу. Если правило не известно, то определить значение невозможно, правило определяет характер социального взаимодействия в рамках языковой коммуникации. Л. Витгенштейн утверждает: «202. Стало быть, „следование правилу“ – некая практика. Полагать же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу. Выходит, правилу нельзя следовать лишь „приватно“; иначе думать, что следуешь правилу и следовать правилу, было бы одним и тем же. 203. Язык – это лабиринт путей. Ты подходишь с одной стороны и знаешь, где выход; подойдя же к тому самому месту с другой стороны, ты уже не знаешь выхода» [7. С. 163]. Витгенштейн подчеркивает, что значение слова (языкового выражения) не может быть предустановлено заранее, оно может быть определено только в процессе речевого взаимодействия. При этом никогда нельзя быть уверенным, что это значение определено однозначно, поскольку сам процесс коммуникации носит живой, публичный характер. Критерий «следование правилу» определяется не только и не столько объективными лингвистическими характеристиками, сколько социальными, коммуникативными и когнитивными особенностями, сопровождающими акт речевого взаимодействия. Значение языковых выражений при этом не столько предписывается, сколько устанавливается в самом процессе социальной коммуникации. Значение лингвистического выражения не есть нечто такое, что закрепляется за фактами языка заранее, до процесса коммуникации, оно устанавливается в процессе самой коммуникации и может существенно варьироваться в зависимости от сопутствующих обстоятельств. В качестве сопутствующих обстоятельств здесь могут выступать, например, соответствующие особенности психологической установки, когда возникает вопрос о взаимонепонимании. Непонимание в этом случае может свидетельствовать в пользу того, что значение языковых выражений, используемых в коммуникации, не было однозначно установлено коммуникантами заранее. Тогда с позиции прескриптивной установки в отношении значения языкового выражения данный вопрос говорит о невнимательности или недоброжелательной позиции респондентов, поскольку эти

значения им доступны, но они не обратили на них внимания. Однако с точки зрения дескриптивной установки, описывающей данное коммуникативное взаимодействие, это говорит лишь о недостаточном взаимодействии коммуникантов, которые не учитывают согласие в следовании правилу употребления определенных языковых выражений, порождающих его устойчивое значение здесь и сейчас.

Нельзя сказать, что развитие семантических теорий в рамках аналитической философии имеет линейный одновекторный характер от прескриптивизма к дескриптивизму. Развитие многовекторно и многофакторно. Однако можно утверждать, что теории дескриптивного плана, т.е. теории, учитывающие изменчивость языкового значения в рамках контекста употребления лингвистических выражений, занимают ныне столь же почетное место, как и прескриптивистские теории. В этом отношении можно сказать, что семантические теории ранней аналитической философии проделали достаточно существенную эволюцию. И этот тренд интересен как раз в связи с общей тенденцией все более и более учитывать в теориях лингвистического значения социальные, когнитивные и коммуникативные факторы. Важно то, что подобные изменения, пусть и на полвека позже, прослеживаются в теориях терминологического планирования, что как раз позволяет говорить об общих тенденциях в развитии семантических подходов в рамках аналитической философии и теорий терминологии.

Появление теорий терминологического планирования в начале 30-х гг. XX в. было обусловлено активизацией внедрения научно-технического словаря в социальные взаимодействия и связанную с этим существенную трансформацию уклада жизни. Изменение способов экономического развития с акцентом на научно-техническую (научно-технологическую) составляющую радикально сказалось на характере жизнедеятельности и требовало соответствующего языкового (терминологического) сопровождения. Появление новых технологий и связанных с ними явлений предполагало новые слова, понятия, термины с нужными значениями, которые нуждались в определении, либо необходимо было переопределить уже известные слова, понятия и термины. Соответственно, требовалось уточнение того, что такое термин, чем он отличается от обычного языкового выражения, как по существу, так и функционально. Процесс введения новых терминов и понятий, выраженных в языке, как раз и поставил вопрос о том, можно ли управлять подобным процессом. А вопрос об управлении именно связан с проблемой терминологического планирования.

Ситуация здесь, очевидно, схожа с тем, что было проблемой в рамках ранних семантических теорий аналитической философии. Е. Вюстер, основоположник теорий терминологического планирования, например, считал, что вводимый термин, как и в прескриптивных семантических теориях аналитической философии, должен быть заранее определен, а его значение ограничено словарем, составленным в соответствии с предписанными правилами. Разница заключалась лишь в том, что логическая семантика рассматривалась у Г. Фреге в качестве инструмента установления истинности/ложности выражений стандартизированного языка, а теоретическая терминология рассматривалась Е. Вюстером как инструмент, позволяющий сохранить истинность/ложность выражений естественного языка, учитывающего значения

термина в зависимости от предметной области и языкового (культурного) контекста его употребления.

Теории терминологического планирования, прежде всего, возникают как потребность стандартизации терминологии научно-специализированного знания при создании единого международного семантического пространства. И здесь важно подчеркнуть, что социальная потребность установления единых международных форм сосуществования различных государств привела к необходимости формирования единых нормативных международных оснований. А учитывая, что эти единые нормативные основания предполагали согласование общих норм, то это стало следствием решения вопроса о соотношении языковых значений нормативных оснований различных государств друг с другом и необходимости поиска стандартных значений, преодолевающих рамки культурно-языковых особенностей последних. Г. Питч, сравнив концепции основных терминологических школ (Венская, Русская (Советская), Пражская, Канадская, Немецкая и Скандинавская), обратил внимание в 1993 г., что все они имели схожие представления о терминологической теории, а основное их отличие состояло в том, что они реализовывались на разных языках и использовались в разных областях науки» [8]. Е. Вюстер, собственно, занимался формированием унифицированных словарей для международного сообщества, и теория терминологии выступает в качестве инструмента представления о том, как следует данные словари создавать. По мнению Д. Сагедер, Е. Вюстер опирается на идеи четырех человек, синтез которых и позволил ему сформировать сущность теории терминологии как науки: А. Шломанн из Германии, первый, кто рассмотрел систематический характер специальных терминов; швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр, первый, кто обратил внимание на систематичность природы языка; Э. Дрезен, из России, первый, кто подчеркнул важность стандартизации, и Дж.Э. Холмстром, английский исследователь, который сыграл важную роль в распространении терминологии в международном масштабе [9. Р. 124].

Специальный язык, систематичность природы языка, стандартизация и международное применение – ключевые источники терминологии как науки, интегрированные Е. Вюстером в общую концепцию терминологии (General Theory of Terminology). Вопрос, однако, заключается только в том, на основании чего указанные источники интегрировать и что должно послужить определяющим моментом для термина и его значения. Таким фактором выступил прескриптивный принцип формирования значения термина. Особенностью термина является выраженное им значение в специализированной области знания (первоначально – научной области знания). Е. Вюстер, как и Г. Фреге, полагает, что следует формировать терминологию согласно представлениям о том, как это лучше сделать. Унификация и стандартизация – это ключевые критерии терминологической деятельности. Однако здесь подобные параметры носят прескриптивный характер – характер намерения, социального заказа, под который необходимо формировать терминологические системы.

В общей теории терминологии в качестве основания для унификации и стандартизации выступала норма: одно понятие или концепт со строго определенным содержанием соответствует одному термину. Функция такого содержания состоит в том, что оно передает специализированное значение со-

ответствующей предметной научной области знаний посредством термина. По сути, терминология, по Е. Вюстеру, – это наука о понятиях и их содержаниях, а не о терминах, поскольку именно понятия (или концепты) формируют семантическое поле специализированных научных знаний. В определенном отношении функция содержания понятий или концептов в общей теории терминологии аналогична функции смысла в семантической концепции Г. Фреге, так как их общая задача – демонстрировать, что различие языковых выражений связано только с психологической окраской, но остается одной и той же независимо от контекста употребления. Это очень удобно постольку, поскольку один и тот же термин может употребляться в совершенно различных областях деятельности. Возьмем, например, термин «процесс». Значение этого термина не будет меняться. И не важно, имеется в виду мыслительный процесс, процесс течения болезни, финансовый процесс и т.д. Содержание понятия или концепт термина, обозначающего существенные признаки данного явления, должны оставаться самотождественными. Процесс – он и есть процесс, совокупность изменений определенного типа, вне зависимости, где такие изменения происходят. Закрепление общего содержания терминов служат унификации терминологии и ее будущего планирования.

Ключевым здесь является то, что норма закрепляет содержание одного понятия, одного концепта. Именно она служит основанием строгости, точности и однозначности термина, без чего невозможно достигнуть унификации и стандартизации в целом при формировании словарей и справочников. Это также демонстрирует схожесть между прескриптивными семантическими теориями аналитической философии типа трехчленной семантики Г. Фреге и общей теорией терминологии Е. Вюстера. За исключением разве того, что у Г. Фреге самотождественность значения достигается с помощью указания на объективность смысла, его независимого онтологического статуса, тогда как у Е. Вюстера – за счет приоритета концепта над термином, его точности (моносемия), однозначности (отсутствие синонимии), приоритета письменных регистров, приоритета международных форм обозначений над национально-культурными, приоритета ономаσιологического подхода на семасиологическим [10]. Параметры унификации и стандартизации носят прескриптивный характер, под них выстраивается и подводится терминологическая деятельность, а семантическая составляющая терминологии носит ограниченный характер, хотя и задается не онтологическим статусом смысла языковых выражений, но социальными установками его понимания. Другое дело, насколько подобные предписания позволяют выразить семантическое многообразие языковых выражений национальных культур, а также насколько точность и определенность значений терминов как результат унификации и стандартизации действительно позволяют быть точными и определенными. В случае с терминологической деятельности, как в случае с семантическими теориями аналитической философии, такого рода прескрипции выглядят как особый способ «семантического обеднения» слов, понятий и терминов, что и выразилось в трансформации развития теорий терминологического планирования.

Поэтому как и в случае с теорией Г. Фреге, так и связанными с ней теориями Б. Рассела и раннего Л. Витгенштейна, в отношении употребления терминов также предпринимаются попытки коррекции. Такие новшества предпринимал, например, Г. Фельбер совместно с Е. Вюстером, что привело

к созданию расширенной теории терминологии (Extended Traditional Theory of Terminology) [11]. В рамках этой теории пересматривается общая теория, поскольку допускается иерархия содержания понятий (или концептов) в отношении термина, управляемая синонимия, разговорный регистр, фразеология. Но это существенно никак не способствовало развитию терминологии в отношении темпов и масштабов социальных трансформаций под влиянием научно-технологических факторов. Очевидным становится то, что значение термина по схеме «Один „концепт“ – один „термин“» не соответствует характеру и содержанию терминологической деятельности не только в семантическом, но и в социальном, когнитивном и коммуникативном планах. Статус концепта как ключевого и определяющего начала для установления значения термина в терминологии оказался преувеличен. Появляются новые теории терминологии и терминологического планирования, пересматривающие механизм определения значения термина и статуса концепта. Таковыми, например, являются, теория дверей М.Т. Кабре (The Theory of Doors), теория социокогнитивного терминоведения Р. Тиммерман, К. Кереманса (Theory of Sociocognitive Terminology) [12, 13]. Эти теории наиболее показательны в отношении развития предложенной выше схемы развития того, как в семантических теориях изменяется представление об установлении значения языковых выражений или, в данном случае, терминов. Эти теории отказываются от прескриптивной установки в отношении значения, поскольку считается, что этот процесс носит дескриптивный характер. Значение не определяется изначально, а уточняется по ходу применения того или иного термина. Значением языкового выражения невозможно обладать изначально и, соответственно, употреблять его строго и однозначно, поскольку нельзя заранее предусмотреть контекст его применения.

Эту модель демонстрирует, например, терминологическая теория дверей М.Т. Кабре. В рамках данной теории автор уточняет, что существует как минимум три основных фактора, влияющих на установление значения термина: знаниевый, лингвистический, коммуникативный. Собственно, это и есть те «типы дверей», которые могут «открыться» в процессе употребления термина и повлиять на его значение (отсюда и название теории). Поэтому помимо понятия «термин» М.Т. Кабре вводит понятие «терминологические единицы» (Terminological Units), с помощью которого она демонстрирует обозначенное выше множество факторов влияния на установление значения. Терминологические единицы включают в себя единицы знания (концепты), единицы языка (термины), единицы коммуникации (ситуации употребления термина), каждая из которых может существенно повлиять на семантический процесс. Образ дверей предполагает открытость и дополняемость семантического поля термина. Теория дверей М.Т. Кабре не предполагает критерия стандартизации для терминологической деятельности, так как дескриптивный характер последней не допускает планирования способов подобной обработки терминов. Можно лишь получить нужный терминологический результат в момент его употребления, но никак заранее. Это крайне напоминает ситуацию языковой игры в отношении механизма определения значения у слова (понятия) в модели функционирования языка у позднего Л. Витгенштейна.

Подобная модель в отношении установления значения терминов есть в социокогнитивной теории терминологии Р. Тиммерман, К. Кереманса (Theory

of Sociocognitive Terminology). Здесь, правда, в отличие от М.Т. Кабре, обращается внимание не столько на коммуникативный аспект терминологической деятельности, сколько на познавательный, который естественно зависит от социального взаимодействия (отсюда и название теории – социокогнитивная). Социокогнитивный подход основывается на построении онтологий, под которыми авторы понимают информационные базы данных (базы знаний), включающие в себя соответствующее концептуально-категориальное пространство для построения терминов. Поскольку онтологии, по мнению Р. Тиммерман, К. Кереманса, формируются под влиянием социальных факторов, любая когнитивная деятельность реализуется как социально определяемая. Отсюда социальное и когнитивное представляются им наиболее значимыми векторами терминологической деятельности.

Как и М.Т. Кабре, Р. Тиммерман совместно с К. Керемансом согласны с тем, что значение термина не может носить прескриптивный характер, так как может окончательно сформироваться только в соответствующей базе данных (онтологии) при непосредственном к ней обращении и в момент обращения. Поэтому семантический процесс в трактовке Р. Тиммерман, К. Кереманса дескриптивен. Но в отличие от М.Т. Кабре они не согласны с тем, что терминологическая деятельность не допускает стандартизации. Возможности информационных технологий при обработке баз данных и трансформации их к базам знаний (в чем и состоит ключевой аспект терминологической деятельности) позволяет это сделать. Демонстрация такой возможности заключается в том, что они вводят новое понятие «единица понимания» (*Units of Understanding*) как способ освоения онтологий (баз данных и баз знаний). Единицы понимания состоят из категорий и концептов, где категории – это концепты, которые имеют прототипы в различных базах данных и базах знаний, а концепты – это такие смысловые начала, которые таких прототипов не имеют. Поэтому на основании категорий (концептов-прототипов) реализация функции стандартизации вполне возможна. Это не отменяет дескриптивный характер определения значения у термина в базе данных и базе знаний, но облегчает возможность понимания значения одного и того же термина в нескольких базах знаний. В этом смысле категоризация по Р. Тиммерман, К. Керемансу сходна с механизмом следования правилу у позднего Л. Витгенштейна. Только у последнего для уточнения правила надо закончить языковую игру и перейти к другой, а в социокогнитивной теории терминологии надо от одной базы знаний перейти к другой (от одной онтологии к другой).

В развитии семантических теорий аналитической философии и теорий терминологического планирования можно выявить определенный параллелизм:

1. Семантические теории аналитической философии могут служить исходной точкой в отношении трансформации семантических теорий, объясняющих характер значения языковых выражений, где эти теории ориентируются на точность и строгость употребления языка в том числе и для образования строгой терминологии в социально значимых аспектах (теории терминологического планирования).

2. Развитие семантических теорий от прескриптивных к дескриптивным может служить моделью для понимания других теорий, касающихся функционирования языка, например теорий терминологического планирования.

3. Социальный аспект в отношении установления значения обнаруживается в вопросе следования правилу, согласно которому применяется языковое выражение. Особенно это проявляется в теориях терминологического планирования (в частности социокогнитивная теория Р. Тиммерман, К. Кереманса).

Указанный параллелизм семантических теорий аналитической философии и теорий терминологического планирования этим не исчерпывается, но отчасти проясняет их взаимодействие.

Список источников

1. Суровцев В.А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 113–125.
2. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Логико-философские труды. Новосибирск : Сиб. ун-вер. изд-во, 2008. С. 28–54.
3. Демина Л.А. Проблема смысла в аналитической философии // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2011. № 3. С. 31–40.
4. Суровцев В.А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге: вопрос об их онтологическом статусе // ΣΧΟΛΗ (Scholē). 2016. № 10.2. С. 452–470.
5. Фреге Г. Основоположения арифметики // Логико-философские труды. Новосибирск : Сиб. ун-вер. изд-во, 2008. С. 125–238.
6. Котелевский Д.В. Понятие «языковой игры» в философии Л. Витгенштейна // Эпистемы : сб. науч. ст. Екатеринбург : Ажур, 2014. Вып. 9 : Аспекты аналитической традиции. С. 35–42.
7. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 76–319.
8. Picht H. Modern Approaches to Terminological Theories and Applications // Contributions 15th European Symposium on Languages for Special Purposes. Bern : Peter Lang AG, 2006. P. 9–24.
9. Sageder D. Terminology Today: A Science, an Art or a Practice? Some Aspects on Terminology and Its Development // Brno Studies in English. 2010. Vol. 36, № 1. P. 123–134.
10. Wuster E. Introduction to the General Theory of Terminology and Terminological Lexicography. Springer ; Wien, 1979. 176 p.
11. Felber H. Terminology Manual. Paris : UNESCO, 1984, 426 p.
12. Cabré Castellví M.T. Theories of terminology // Their description, prescription and explanation. Terminology. 2003. № 9 (2). P. 163–199.
13. Temmerman R., Kerremans K. Termonotography: Ontology Building and the Sociocognitive Approach to Terminology Description. Proceedings of CIL 17. 2003/7, pp. 1–10. URL: https://www.academia.edu/851013/Termonotography_Ontology_building_and_the_sociocognitive_approach_to_terminology_description (accessed: 10.07.2021).

References

1. Surovtsev, V.A. (2019) To lekton in stoic philosophy and sinn in Gottlob Frege's semantic theory: A logical and grammatical aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 52. pp. 113–125. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/52/12
2. Frege, G. (2008) *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and Philosophical Works]. Translated from German. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo. pp. 28–54.
3. Demina, L.A. (2011) Sense Problem in Analytical Philosophy. *Vestnik RUDN. Seriya Filosofiya – RUDN Journal of Philosophy*. 3. pp. 31–40. (In Russian).
4. Surovtsev, V.A. (2016) To lekton in Stoic Philosophy and Sinn in G. Frege's Semantic Theory: the question of their relationship: the question of their ontological status. *ΣΧΟΛΗ (Scholē) – ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 10(2). pp. 452–470. (In Russian).
5. Frege, G. (2008) *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and Philosophical Works]. Translated from German. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo. pp. 125–238.
6. Kotelevskiy, D.V. (2014) Ponyatie “yazykovoy igrы” v filosofii L. Vitsgenšteyna [The concept of “language game” in the philosophy of L. Wittgenstein]. *Epistemy*. 9. pp. 35–42.

7. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 76–319.
8. Picht, H. (2006) Modern Approaches to Terminological Theories and Applications. *Contributions 15th European Symposium on Languages for Special Purposes*. Bern: Peter Lang AG. pp. 9–24.
9. Sageder, D. (2010) Terminology Today: A Science, an Art or a Practice? Some Aspects on Terminology and Its Development. *Brno Studies in English*. 36(1). pp. 123–134.
10. Wuster, E. (1979) *Introduction to the General Theory of Terminology and Terminological Lexicography*. Wien: Springer.
11. Felber, H. (1984) *Terminology Manual*. Paris: UNESCO.
12. Cabré Castellví, M.T. (2003) Theories of terminology. Their description, prescription and explanation. *Terminology*. 9(2). pp. 163–199.
13. Temmerman, R. & Kerremans, K. (2003) Termontography: Ontology Building and the Sociocognitive Approach to Terminology Description. *Proceedings of CIL 17*. 7. pp. 1–10. [Online] Available from: https://www.academia.edu/851013/Termontography_Ontology_building_and_the_sociocognitive_approach_to_terminology_description (Accessed: 10th July 2021).

Сведения об авторах:

Ардашкин И.Б. – доктор философских наук, доцент; профессор отделения социально-гуманитарных наук школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия); профессор кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ibardashkin@tpu.ru

Суровцев В.А. – доктор философских наук, профессор; ведущий научный сотрудник Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия); зав. кафедрой истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: surovtshev1964@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ardashkin I.B. – Dr. Sci. (Philosophy), Docent; professor, Department of Social Sciences and Humanities, School of Basic Engineering Training, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); professor of the Department of the History of Philosophy and Logic, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ibardashkin@tpu.ru

Surovtsev V.A. – Dr. Sci. (Philosophy), Professor; leading researcher, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); head of the Department of the History of Philosophy and Logic, Faculty of Philosophy, National Research-Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: surovtshev1964@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2022;
одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 20.10.2022;
approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 05.12.2022*

Научная статья

УДК 164.3

doi: 10.17223/1998863X/70/2

КЛАСТЕРНАЯ СЕМАНТИКА ДЛЯ НЕКОТОРЫХ МОДАЛЬНЫХ И ИНТУИЦИОНИСТСКИХ СИСТЕМ

Николай Львович Архиреев

*Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
Москва, Россия, arkhn1@bmstu.ru, arkh-nikolaj@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается стратегия построения естественной семантики для ряда модальных и интуиционистских систем. Смысл модальных операторов, в том числе итерированных, а также смысл интуиционистских связок выражается при помощи кластеров – конечных множеств описаний состояний для формулы. Пересчет кластеров осуществляется посредством линейных арифметических функций. Все используемые понятия являются традиционными для логики.

Ключевые слова: кластер, модельная структура, возможный мир

Для цитирования: Архиреев Н.Л. Кластерная семантика для некоторых модальных и интуиционистских систем // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 20–38. doi: 10.17223/1998863X/70/2

Original article

CLUSTER SEMANTICS FOR SOME MODAL AND INTUITIONISTIC SYSTEMS

Nikolay L. Arkhireev

*Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation,
arkhn1@bmstu.ru, arkh-nikolaj@yandex.ru*

Abstract. In modern logic, one of the main tools for clarification of modal operator's meaning is the so-called possible world's semantics based on the concepts of model structure, possible world, and binary relation of accessibility structuring a set of possible worlds. These concepts are considered to be a natural elaboration of certain methodological principles, which hark back at least to Leibnitz's philosophy and appear to be evident. However, in the author's opinion, their meaningfulness, justifiability and formal correctness can be called into question. For instance, an accessibility relation in the possible world's semantics is implicitly used as an analogue of a certain empirical procedure capable of discovering of some extra connections between possible worlds, which have not been caught initially in logical system axioms. According to the author, such a treatment is utterly incorrect. When constructing the original possible world's semantics, an accessibility relation in different systems was enriched with certain additional restrictions (reflexivity, transitivity, etc.) due to the specificity of modal axioms, not vice versa. That is why an accessibility relation, as well as all other notions of possible world's semantics, virtually remain formal and do not clarify properly the meaning of modal operators. An alternative method of semantic construction for some normal modal systems, which was firstly proposed by Yuri Ivlev, presupposes analyses of certain restrictions of possible truth-values of propositional variables of a formula with modal operators. As a result, some state-descriptions can be excluded from an initial state-descriptions set for the formula. Thus obtained clusters – restricted sets of state-descriptions and their ordered sequences – prove to be equivalent to model structures of possible world's semantics for Lewis's system S5, S46 and basic Heyting's system Int. Possible world is interpreted as a classical state-description.

Cluster semantics rely on purely traditional notions of logical truth, falsity, logical indeterminacy of system statements, etc. Besides that, meaning of modal operators in these semantics is clarified by means of finite sets of clusters, whose effective enumeration can be implemented by linear arithmetic functions.

Keywords: cluster, model structure, possible world

For citation: Arkhiereev, N.L. (2022) Cluster semantics for some modal and intuitionistic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 20–38. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/2

В [1] была опубликована большая обзорная статья известного отечественного ученого-логика Ю.В. Ивлева «Квазифункциональные отношения в логике и других областях знания», в которой, помимо прочего, кратко излагались принципы построения оригинальной теории логических модальностей – семантики так называемых ограниченных множеств описаний состояний для известной модальной системы Льюиса S5. Настоящее исследование посвящено более детальному рассмотрению содержательных оснований семантик данного типа, описанию технических особенностей их построения и изложению ряда актуальных результатов исследований в этой области.

На сегодняшний день наиболее распространенным инструментом содержательной интерпретации систем модальной логики является так называемая семантика возможных миров (реляционная и окрестностная). Предложенная как «техническая» экспликация классических лейбниевских представлений о необходимо истинном как имеющем место во всех возможных мирах и о случайно истинном как имеющем место только в некоторых из них, данная семантика была развита в хорошо известных работах С. Кангера, Я. Хинтикки, А. Прайора. С. Крипке и др. Центральными понятиями (с незначительными терминологическими вариациями) при построении семантик данного типа являются понятия возможного мира, модельной структуры, отношения достижимости между мирами. В современной логико-философской литературе эти понятия стали настолько распространенными, что обычно используются как нечто само собой разумеющееся. Между тем, на наш взгляд, как содержательная оправданность, так и формальная корректность определений указанных терминов вызывает определенные сомнения.

К примеру, в ставшей хрестоматийной работе С. Крипке «Семантический анализ модальной логики 1» отношение достижимости и условия истинности формул с модальными операторами возможности и необходимости определяются следующим образом:

«... „ $H_1 R H_2$ “ читается как „ H_2 возможен относительно H_1 “, „возможен в H_1 “ или „зависит от H_1 “; это значит, что *каждое высказывание, истинное в H_2 , возможно в H_1* . <...> мы оцениваем формулу A как необходимую в мире H_1 , если она является истинной в каждом мире, возможном относительно H_1 <...> A *возможно в мире H_1 т.т.т.*, когда существует мир H_2 , *возможный относительно H_1* , в котором A истинно» (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Н.А.) [2. С. 258].

Итак, «... „ $H_1 R H_2$ “ <...> значит, что *каждое высказывание, истинное в H_2 , возможно в H_1* <...> A *возможно в мире H_1 т.т.т.*, когда существует мир H_2 , *возможный относительно H_1* , в котором A истинно».

Нетрудно увидеть, что в приведенной конструкции истинность высказывания в мире H_2 определяется с использованием понятия возможности этого

высказывания в H_1 , а понятие возможности того же высказывания в мире H_1 , в свою очередь, определяется с использованием понятия истинности высказывания в «достижимом» из H_1 мире H_2 (при условии существования такого мира).

По сути, при построении семантик возможных миров понятие «отношение достижимости» неявно (и, как нам кажется, некорректно) используется в качестве аналога некоторой эмпирической процедуры, позволяющей установить определенные «дополнительные» связи между возможными мирами, не описанные явным образом в аксиомах логической системы. По этому поводу известный отечественный философ-логик Е.А. Сидоренко отмечал: «...надо освободиться от иллюзии, что семантика возможных миров (как и вообще любая семантика) способна сама по себе предоставить нам некоторую новую информацию о связи событий (и говорящих об этих событиях высказываниях) помимо той, которую мы уже вложили заранее при описании и определении возможных миров. Скажем, два события мы считаем связанными между собой на том основании, что во всех возможных (или во всех достижимых) мирах одно невозможно без другого. Но на каком основании миры, в которых дело обстоит иным образом, оказались для нас невозможными, или недостижимыми, или какими-то там еще? Очевидно, только потому, что определенные предпосылки относительно и миров, и высказываний того или иного вида уже приняты» [3. С. 268].

Изначально дополнительные ограничения, налагаемые на отношения достижимости в различных модальных системах (рефлексивность, транзитивность, связность и проч.), подбирались с учетом специфики аксиом данных систем. В дальнейшем «размножение» модальных систем зачастую стало осуществляться за счет обратной процедуры – рассмотрения различных (иногда достаточно экзотических и «произвольных») ограничений на отношение достижимости и подбора соответствующих аксиом. Получаемые в результате формальные системы можно было назвать логическими лишь условно, поскольку смысл используемых в них модальных операторов оказывался совершенно неясным.

Согласно мнению выдающегося отечественного ученого-логика Е.К. Войшвилло, «законы и правила логической системы могут быть оправданы, а сама система может найти обоснованные применения вне логики только в случае, когда выяснен смысл высказываний ее языка» [4. С. 76].

Описывая семантики рассматриваемого типа для модальных систем Льюиса, Е.К. Войшвилло отмечал: «Семантика возможных миров для модальных систем $\langle \dots \rangle$ в какой-то степени проясняет смысл модальных высказываний. Так, становится ясным, что содержащиеся в этих высказываниях утверждения относятся не только к некоторому (действительному, актуальному) миру, но и к множеству достижимых из него миров, составляющих определенную его окрестность. Однако до сих пор остается неясным, почему, например, действительный мир, как и его окрестность, относится всегда к некоторой модельной структуре и что представляет собой последняя в онтологическом плане или с точки зрения гносеологии.

Неясно также и то, что представляют собой возможные миры и отношения достижимости между мирами, чем обусловлено различие достижимости в различных системах...» [4. С. 76].

«Мир β естественно трактовать как множество фактов, относящихся к индивидам некоторого непустого множества с определенными на нем свойствами и отношениями $\langle \dots \rangle$. В языке это множество фактов представляет обычное классическое карнаповское описание состояния (о.с.). $\langle \dots \rangle$ описания мира β можно представить как $\Gamma \cup \alpha$, где α есть классическое о.с., а Γ – множество... законов и, возможно... некоторых их следствий нефактического характера в языках рассматриваемых систем...

Существенно, что Γ ограничивает множество возможных различных фактических состояний мира. Так, при наличии закона $\forall x(A(x) \rightarrow B(x))$ исключаются о.с. α , в которых имеются $A(a_i)$ и одновременно $\neg B(a_i)$ для любых индивидов a_i . Если M есть множество всех возможных классических о.с., то Γ выделяет из него подмножество M_Γ (которое не является пустым в силу непротиворечивости Γ). Это последнее представляет собой модельную структуру $S5$, если учесть, что отношение достижимости R имеет место для любых $a_i, a_j \in M_\Gamma$ » [4. С. 76].

В результате «суждение $\Box A$ истинно в некотором мире β не потому, что A истинно во всех возможных мирах, достижимых из β , а наоборот, *последнее имеет место потому, что необходимость ситуации A детерминирована в самом β* » [4. С. 80].

Традиционно считается, что система Льюиса $S5$ наиболее адекватно выражает смысл логических алетических модальностей, т.е., таких модальных понятий, характеристики которых зависят только от логических форм высказываний, к которым они применяются. (Утверждение о логической истинности некоторого высказывания будет естественным образом истинным, если только логическая форма этого высказывания выражается общезначимой формулой; утверждение о логической возможности некоторой формулы будет истинным, если эта формула не тождественно-ложна и т.д.) Еще Р. Карнап, характеризуя особенности системы $S5$, отмечал, что произвольное высказывание p в этой системе может с «модальной точки зрения» оцениваться как необходимое, невозможное или случайное (логически недетерминированное) [5. С. 260].

Исходя из вышесказанного, в качестве набора законов Γ , выделяющего из исходного множества M описаний состояний (о.с.) для формулы собственное подмножество M_Γ – аналог модельной структуры $S5$ – естественно понимать некоторое ограничение допустимых истинностных значений пропозициональных переменных (предикатных констант) соответствующей формулы (множества формул).

Именно эта идея и была впервые высказана Ю.В. Ивлевым, предложившим общую стратегию построения семантик для модальных систем, не требующую использования понятий «возможный мир», «модельная структура», «отношение достижимости» между мирами.

Для простоты изложения ограничимся далее описанием пропозиционального фрагмента системы $S5$.

При рассматриваемом подходе к построению семантики для системы $S5$ каждая пропозициональная переменная p_i , входящая в некоторую формулу, последовательно интерпретируется в терминах $\{N, I, C\}$ (логически необходимо, невозможно, случайно соответственно), т.е. как обозначающая логически истинное, логически ложное, логически случайное (недетерминирован-

ное) высказывание. В первом случае из исходного множества о.с. W для формулы исключаются все описания состояний, содержащие $\neg p_i$, во втором – все о.с., содержащие p_i , в третьем случае итоговое ограниченное множество описаний состояний W' (далее – кластер) должно содержать последовательность о.с. с числом элементов ≥ 2 , в которой p_i , по крайней мере, однажды меняет значение. Если, далее, в качестве логически недетерминированных рассматриваются две и более переменных, каждая их конъюнкция дополнительно рассматривается как логически случайное или логически невозможное высказывание, поскольку конъюнкция логически недетерминированных высказываний может оказаться логически невозможной («25.09.2036 астероид Апофис столкнется с Землей» и «25.09.2036 астероид Апофис не столкнется с Землей»). Получающиеся в итоге конструкции $\langle \Gamma; W' \rangle$ (в терминологии Ю.В. Ивлева – ОМОСы, ограниченные множества описаний состояний), где Γ – истолкование допустимых значений переменных формулы, а W' – итоговое множество о.с. для нее, оказываются аналогами модельных структур системы S5. В качестве возможного мира рассматривается классическое о.с. $\alpha \in W'$. Все о.с., принадлежащие некоторому кластеру W' (объединенные общим истолкованием Γ), связаны отношением «достижимости».

Опишем данную семантику более строго.

Будем иметь в виду следующую формулировку S5. Пусть язык системы содержит исходные символы \neg, \supset, \Box (отрицание, импликация, оператор логической необходимости соответственно). Понятие формулы и другие логические связки определяются обычным образом. Операторы логической возможности и случайности определяются, соответственно, как $\Diamond A = \neg \Box \neg A$ и $\nabla A = \Diamond A \wedge \Diamond \neg A$.

Набранные жирным шрифтом связки $\Leftrightarrow, \Rightarrow, \neg, \forall, \exists, \in, \wedge, \vee, \subseteq, \supset \{N, I, C\}$ – символы метаязыка, используемые для записи утверждений о выражениях объектного языка системы S5.

Аксиомами и правилами вывода S5 являются все аксиомы и правила вывода классической логики высказываний, а также три дополнительные модальные аксиомы и правило Гёделя:

A1. $\Box(A \supset B) \supset (\Box A \supset \Box B)$;

A2. $\Box A \supset A$;

A3. $\Diamond A \supset \Box \Diamond A$;

RG $\frac{}{\Box A}$;

$\neg \Box A$.

Формулам без модальных операторов стандартным образом приписываются значения в отдельных о.с. Модальные операторы \Box, \Diamond рассматриваются как кванторы \forall, \exists , пробегающие по о.с. – элементам кластеров W' . Соответственно, значения формулам с модальными операторами приписываются в множествах о.с. W' . Истолкования допустимых значений переменных формулы в терминах $\{N, I, C\}$ также осуществляются относительно множеств W' . В результате в семантике рассматриваемого типа различают три вида оценок.

1) двухзначные истинностно-функциональные оценки формул классической логики:

$|p|_\alpha = t \Leftrightarrow p \in \alpha; |p|_\alpha = f \Leftrightarrow p \notin \alpha \Leftrightarrow \neg p \in \alpha \Leftrightarrow \neg |p|_\alpha = t$;

$|A \supset B|_\alpha = t \Leftrightarrow |A|_\alpha = f \vee |B|_\alpha = t; |A \supset B|_\alpha = f \Leftrightarrow |A|_\alpha = t \wedge |B|_\alpha = f$ и т.д.;

2) двухзначные не-истинностно-функциональные оценки формул с операторами \Box, \Diamond :

$$\begin{aligned} |\Box B|_{w'} = t &\Leftrightarrow \forall \alpha (\alpha \in W' \Rightarrow |B|_{\alpha} = t); |\Box B|_{w'} = f \Leftrightarrow \exists \alpha (\alpha \in W' \wedge |B|_{\alpha} = f); \\ |\Diamond B|_{w'} = t &\Leftrightarrow \exists \alpha (\alpha \in W' \wedge |B|_{\alpha} = t); |\Diamond B|_{w'} = f \Leftrightarrow \forall \alpha (\alpha \in W' \Rightarrow |B|_{\alpha} = f) \text{ и т.д.} \end{aligned}$$

3) трехзначные не-истинностно-функциональные оценки пропозициональных переменных в терминах $\{N, I, C\}$:

$$\begin{aligned} |p|_{w'} = N &\Leftrightarrow \forall \alpha (\alpha \in W' \Rightarrow |p|_{\alpha} = t); |p|_{w'} = I \Leftrightarrow \forall \alpha (\alpha \in W' \Rightarrow |p|_{\alpha} = f); \\ |p|_{w'} = C &\Leftrightarrow \exists \alpha (\alpha \in W' \wedge |p|_{\alpha} = t) \wedge \exists \alpha (\alpha \in W' \wedge |p|_{\alpha} = f). \end{aligned}$$

В качестве кластеров W' (аналогов модельных структур) рассматриваются все непустые подмножества множества о.с. $W = 2^n$ для формулы: $W' \in 2^W$.

Формула $\Box B$ логически выполнима, е.т.е. B общезначима в некотором $W' \in 2^W$.

Формула $\Box B$ логически общезначима, е.т.е. B общезначима в каждом $W' \in 2^W$.

Формула $\Diamond B$ логически общезначима, е.т.е. B логически выполнима.

Поскольку «существенными» в $S5$ оказываются только четыре типа модальностей первой степени: $\Box, \Box \neg, \Diamond, \Diamond \neg$, итерированные модальности можно рассматривать как кванторы по переменным, не имеющим вхождения в формулу.

Нетрудно заметить, что между понятиями из групп 2 и 3 имеется следующая связь:

$$\begin{aligned} |\Box p|_{w'} = t &\Leftrightarrow |p|_{w'} = N; |\Box p|_{w'} = f \Leftrightarrow |p|_{w'} = I \vee |p|_{w'} = C; \\ |\Diamond p|_{w'} = t &\Leftrightarrow |p|_{w'} = N \vee |p|_{w'} = C; |\Diamond p|_{w'} = f \Leftrightarrow |p|_{w'} = I. \end{aligned}$$

Учитывая эти соотношения, а также факт отсутствия в $S5$ существенных модальностей неэлементарных степеней, попытаемся выяснить, какую информацию несет «собственная» аксиома системы $S5$ $\Diamond p \supset \Box \Diamond p$ в данной семантике:

1. $(\Diamond p \supset \Box \Diamond p) \Leftrightarrow (\Box \Diamond p \vee \Box \Diamond p)$ – в силу эквивалентности $p \supset r$ и $\Box p \vee \Box r$;
2. $(\Box \Diamond p \vee \Box \Diamond p) \Leftrightarrow (\Box \Diamond p \vee \Diamond p)$ – в силу эквивалентности $\Box \Diamond p$ и $\Diamond p$ в $S5$;
3. $(\Box \Diamond p \vee \Diamond p) \Leftrightarrow Ip \vee Cp \vee Np$ – в силу приведенных выше эквивалентностей между понятиями групп 2 и 3.

Таким образом, в данной семантике аксиома $\Diamond p \supset \Box \Diamond p$ естественным образом выражает приведенную выше мысль Р. Карнапа о том, что произвольное высказывание в $S5$ может оцениваться как логически необходимое, невозможное или недетерминированное.

Рассмотрим несколько примеров.

Для формулы, содержащей единственную пропозициональную переменную p , возможны три кластера $\langle \Gamma; W' \rangle$:

- 1) $\langle \{Np\}; \{\{p\}\} \rangle$;
- 2) $\langle \{Ip\}; \{\{\neg p\}\} \rangle$;
- 3) $\langle \{Cp\}; \{\{p\}, \{\neg p\}\} \rangle$.

(Очевидно, что в общем случае число исходных конструкций вида $\langle \Gamma; W' \rangle$ для формулы с n различными пропозициональными переменными определяется выражением 3^n).

Продемонстрируем истинность аксиом $\Box p \supset p, \Diamond p \supset \Box \Diamond p$ в этих кластерах.

Допустим, формула $\Box p \supset p$ опровержима в некотором $\langle \Gamma; W' \rangle$. Согласно приведенным выше определениям, это означает, что $\Box p$ истинна в этом кластере, т.е. $\forall \alpha (\alpha \in W' \Rightarrow |p|_{\alpha} = t)$, но при этом $|p|_{\alpha} = f$ в некотором $\alpha \in W'$ –

противоречие. Следовательно, истинность $\Box p$ в некотором W' (первый из приведенных кластеров) естественным образом гарантирует истинность p в каждом его о.с. Если же формула $\Box p$ опровержима в некотором W' (кластеры 2, 3), импликация $\Box p \supset p$ истинна независимо от значения p . Таким образом, формула $\Box p \supset p$ общезначима в данной семантике.

Допустим, формула $\Diamond p \supset \Box \Diamond p$ опровержима в некотором W' . Это означает, что $\Diamond p$ истинна в этом W' , т.е. $\exists \alpha (\alpha \in W' \wedge |p|_\alpha = t)$, а формула $\Box \Diamond p$ ложна в этом W' . Ложность $\Box \Diamond p$ означает истинность $\Diamond \Box \neg p$, что, в свою очередь, означает истинность утверждения $\forall \alpha (\alpha \in W' \Rightarrow |p|_\alpha = f)$ – противоречие. Следовательно, истинность $\Diamond p$ в некотором W' гарантирует истинность $\Box \Diamond p$ в этом W' («возможности не исчезают») – кластеры 1, 3. При ложности $\Diamond p$ истинным оказывается утверждение $\forall \alpha (\alpha \in W' \Rightarrow |p|_\alpha = f)$, и импликация $\Diamond p \supset \Box \Diamond p$ также оказывается истинной. Следовательно, формула $\Diamond p \supset \Box \Diamond p$ общезначима в данной семантике.

Рассмотрим все возможные кластеры для произвольной модальной формулы с двумя переменными p, q . Интерпретация p, q в терминах $\{N, I, C\}$ дает 9 исходных кластеров $\langle \Gamma; W' \rangle$:

1. $\langle \{Np, Nq\}; \{\{p, q\}\} \rangle$.
2. $\langle \{Np, Iq\}; \{\{p, \neg q\}\} \rangle$.
3. $\langle \{Ip, Nq\}; \{\{\neg p, q\}\} \rangle$.
4. $\langle \{Ip, Iq\}; \{\{\neg p, \neg q\}\} \rangle$.
5. $\langle \{Np, Cq\}; \{\{p, q\}, \{p, \neg q\}\} \rangle$.
6. $\langle \{Ip, Cq\}; \{\{\neg p, q\}, \{\neg p, \neg q\}\} \rangle$.
7. $\langle \{Cp, Nq\}; \{\{p, q\}, \{\neg p, q\}\} \rangle$.
8. $\langle \{Cp, Iq\}; \{\{p, \neg q\}, \{\neg p, \neg q\}\} \rangle$.

В последнем девятом «кластере» в качестве случайных истолковываются 2 переменные, поэтому он порождает целый набор дополнительных истолкований конъюнкций p и q :

9. $\langle \{Cp, Cq, C\{p \wedge q\}, C\{p \wedge \neg q\}, C\{\neg p \wedge q\}, C\{\neg p \wedge \neg q\}\}; \{\{p, q\}, \{p, \neg q\}, \{\neg p, q\}, \{\neg p, \neg q\}\} \rangle$.
10. $\langle \{Cp, Cq, I\{p \wedge q\}, C\{p \wedge \neg q\}, C\{\neg p \wedge q\}, C\{\neg p \wedge \neg q\}\}; \{\{p, \neg q\}, \{\neg p, q\}, \{\neg p, \neg q\}\} \rangle$.
11. $\langle \{Cp, Cq, C\{p \wedge q\}, I\{p \wedge \neg q\}, C\{\neg p \wedge q\}, C\{\neg p \wedge \neg q\}\}; \{\{p, q\}, \{\neg p, q\}, \{\neg p, \neg q\}\} \rangle$.
12. $\langle \{Cp, Cq, C\{p \wedge q\}, C\{p \wedge \neg q\}, I\{\neg p \wedge q\}, C\{\neg p \wedge \neg q\}\}; \{\{p, q\}, \{p, \neg q\}, \{\neg p, \neg q\}\} \rangle$.
13. $\langle \{Cp, Cq, C\{p \wedge q\}, C\{p \wedge \neg q\}, C\{\neg p \wedge q\}, I\{\neg p \wedge \neg q\}\}; \{\{p, q\}, \{p, \neg q\}, \{\neg p, q\}\} \rangle$.
14. $\langle \{Cp, Cq, I\{p \wedge q\}, C\{p \wedge \neg q\}, C\{\neg p \wedge q\}, I\{\neg p \wedge \neg q\}\}; \{\{p, \neg q\}, \{\neg p, q\}\} \rangle$.
15. $\langle \{Cp, Cq, C\{p \wedge q\}, I\{p \wedge \neg q\}, I\{\neg p \wedge q\}, C\{\neg p \wedge \neg q\}\}; \{\{p, q\}, \{\neg p, \neg q\}\} \rangle$.

(Отметим, что дополнительные истолкования конъюнкций «случайных» переменных не должны противоречить исходной интерпретации этих переменных в качестве логически недетерминированных. Скажем, истолкование $\{Cp, Cq, I\{p \wedge q\}, I\{p \wedge \neg q\}, C\{\neg p \wedge q\}, C\{\neg p \wedge \neg q\}\}$ окажется с этой точки зрения «самопротиворечивым», а поэтому недопустимым, поскольку порождаемый

им кластер $\{\{p, q\}, \{p, \neg q\}\}$ будет в действительности выполнять условия I_p , C_q . Каждая логически недетерминированная переменная в соответствующем кластере должна, по крайней мере, однажды менять значение.)

Допустим, формула $\Box(p \supset q) \supset (\Box p \supset \Box q)$ опровержима в некотором из приведенных кластеров. Следовательно, формула $\Box(p \supset q)$ истинна в соответствующем W' , а формула $\Box p \supset \Box q$ – ложна, т.е. $\forall \alpha(\alpha \in W' \Rightarrow |p \supset q|_\alpha = t)$, $\forall \alpha(\alpha \in W' \Rightarrow |p|_\alpha = t)$, но при этом $\exists \alpha(\alpha \in W' \wedge |q|_\alpha = f)$. Нетрудно показать, что ни один непротиворечивый кластер не может выполнить все эти три условия.

Допустим, $\forall \alpha(\alpha \in W' \Rightarrow |p \supset q|_\alpha = t)$, $\forall \alpha(\alpha \in W' \Rightarrow |p|_\alpha = t)$. Чтобы в этом случае истинность $p \supset q$ выполнялась в каждом $\alpha \in W'$, формула q также должна быть истинной в каждом $\alpha \in W'$, что противоречит условию $\exists \alpha(\alpha \in W' \wedge |q|_\alpha = f)$.

Допустим, $\forall \alpha(\alpha \in W' \Rightarrow |p \supset q|_\alpha = t)$, $\exists \alpha(\alpha \in W' \wedge |q|_\alpha = f)$. Поскольку q опровержима, а $p \supset q$ при этом истинна в каждом $\alpha \in W'$, p также должна быть опровержима (по крайней мере) в некотором $\alpha \in W'$ (формула $\Box p$ должна быть ложной в W'), что противоречит условию $\forall \alpha(\alpha \in W' \Rightarrow |p|_\alpha = t)$.

Пусть, наконец, $\forall \alpha(\alpha \in W' \Rightarrow |p|_\alpha = t)$, $\exists \alpha(\alpha \in W' \wedge |q|_\alpha = f)$. Ложной при этом оказывается как формула $\Box p \supset \Box q$, так и формула $\Box(p \supset q)$. Последнее противоречит условию $\forall \alpha(\alpha \in W' \Rightarrow |p \supset q|_\alpha = t)$.

Следовательно, формула $\Box(p \supset q) \supset (\Box p \supset \Box q)$ истинна в каждом из приведенных кластеров (общезначима в $S5$).

При достаточно большом числе переменных в формуле общее количество кластеров для нее (число 3^n) удобно представлять в виде линейной арифметической функции:

$$C_n^0 \times 2^n + C_n^1 \times 2^{n-1} + C_n^2 \times 2^{n-2} + \dots + C_n^{n-1} \times 2^1 + C_n^n \times 2^0 = 3^n,$$
 где C_n^i ($0 \leq i \leq n$) есть биномиальный коэффициент.

Слагаемое $C_n^0 \times 2^n$ обозначает число кластеров, в которых все переменные формулы интерпретируются как детерминированные (необходимые или невозможные); каждый такой кластер содержит 2^0 , т.е. ровно один элемент (о.с.). Слагаемое $C_n^1 \times 2^{n-1}$ обозначает число кластеров, в которых какая-либо одна переменная формулы интерпретируется как логически случайная; каждый такой кластер содержит 2^1 , т.е. два о.с. Соответственно, слагаемое $C_n^k \times 2^{n-k}$ ($n \geq k \geq 0$) обозначает число кластеров, в каждом из которых k переменных интерпретируются как недетерминированные; каждый такой кластер есть 2^k – элементное множество о.с.

Несколько менее тривиальной задачей является организация отдельного пересчета «индетерминистских» кластеров, содержащих две и более интерпретации переменных в качестве случайных и дополнительные истолкования конъюнкций таких переменных. Поскольку в качестве аналогов модельных структур используются все непустые $W' \in 2^W$ ($W = 2^n$), в случае $n = 2$ число указанных кластеров можно определить элементарным выражением $2^W - 3^n$ (в приведенном выше списке кластеров для формулы с двумя переменными это семь кластеров – с 9-го по 15-й). Однако в случае $n > 2$ необходимо использовать предложенное ранее представление числа 3^n в виде линейной арифметической функции.

В качестве иллюстрации рассмотрим случаи $n = 3$, $n = 4$, $n = 5$.

При $n = 3$ арифметическая функция указанного выше вида для числа 3^n примет вид

$$C_3^0 \times 2^3 + C_3^1 \times 2^2 + C_3^2 \times 2^1 + C_3^3 \times 2^0 = 3^n.$$

Слагаемое $C_3^0 \times 2^3$ обозначает число кластеров, не содержащих истолкований C , слагаемое $C_3^1 \times 2^2$ – число кластеров, содержащих ровно одно истолкование C , слагаемое $C_3^2 \times 2^1$ – число кластеров, содержащих два истолкования C . При этом, как следует из примера для $n = 2$, *каждый* кластер из группы $C_3^2 \times 2^1$ будет порождать по семь «производных» кластеров, содержащих дополнительные истолкования конъюнкций двух «случайных» переменных. В результате при $n = 3$ число различных ограничений на образование конъюнкций трех логически недетерминированных высказываний будет определяться выражением

$$2^8 - [C_3^0 \times 2^3 + C_3^1 \times 2^2 + C_3^2 \times 2^1 \times 7 + C_3^3 \times 2^0] = 256 - 63 = 193.$$

Соответственно, при $n = 4$ число индетерминистских кластеров, содержащих дополнительные истолкования конъюнкций четырех логически недетерминированных высказываний, будет определяться выражением

$$2^{16} - [C_4^0 \times 2^4 + C_4^1 \times 2^3 + C_4^2 \times 2^2 \times 7 + C_4^3 \times 2^1 \times 193 + C_4^4 \times 2^0] = 65536 - 1761 = 63775.$$

Для $n = 5$ нужный нам алгоритм примет вид

$$2^{16} - [C_5^0 \times 2^5 + C_5^1 \times 2^4 + C_5^2 \times 2^3 \times 7 + C_5^3 \times 2^2 \times 193 + C_5^4 \times 2^1 \times 63775 + C_5^5 \times 2^0] = 4.294.967.296 - 646.143 = 4.294.321.153.$$

Если, далее, символом $N(k)$ ($2 \leq k \leq n - 1$) обозначить число допустимых ограничений на образование конъюнкций k случайных переменных, то выражение, описывающее их общее число для формулы с произвольным конечным числом переменных n , примет вид

$$2^W - [C_n^0 \times 2^n + C_n^1 \times 2^{n-1} + C_n^2 \times 2^{n-2} \times N(2) + C_n^3 \times 2^{n-3} \times N(3) + \dots + C_n^k \times 2^{n-k} \times N(k) + \dots + C_n^{n-1} \times 2^1 \times N(n-1) + C_n^n \times 2^0].$$

Описанная семантика непротиворечива и полна относительно исчисления S5 Льюиса [6, 7].

Таким образом, смысл модальных операторов системы S5 выражается при помощи конечных множеств о.с., исчерпывающий пересчет которых обеспечивается приведенными арифметическими функциями.

Особенно интересным, на наш взгляд, оказывается применение описанного подхода к построению семантик нормальных модальных систем, обладающих «собственными» (несводимыми) итерированными модальностями. К примеру, в семантике данного типа для модальной системы Льюиса S4 факт отсутствия в ней несводимых итерированных модальностей степени выше 3 оказывается естественным следствием самого способа построения семантики.

Будем иметь в виду следующую формулировку системы S4.

Исходные логические символы объектного языка: \neg , \supset , \Box – отрицание, импликация, оператор необходимости соответственно (оператор возможности \Diamond обычно определяется как $\neg\Box\neg$).

Символы метаязыка, в котором формулируются условия истинности/ложности формул системы S4: $\bar{\cdot}$, \Rightarrow , \Leftrightarrow , \wedge , \vee , $\underline{\vee}$, \forall , \exists , \in , \notin (понимаются, соответственно, как классическое отрицание, импликация, эквивалентность, конъюнкция, дизъюнкция, строгая дизъюнкция, кванторы общности и существования, знаки принадлежности/непринадлежности множеству некоторого элемента).

Аксиомами и правилами вывода S4 являются все аксиомы и правила вывода классической логики высказываний, а также следующие модальные аксиомы и правило Гёделя:

A1. $\Box(A \supset B) \supset (\Box A \supset \Box B)$;

A2. $\Box A \supset A$;

A3. $\Box A \supset \Box \Box A$;

RG. $\frac{\vdash A}{\vdash \Box A}$.

Одной из «технических» особенностей системы S4, нуждающейся в содержательном истолковании, является наличие в ней двенадцати «собственных» (несводимых) итерированных модальностей ненулевой степени: \Box , $\Box\Box$, \Diamond , $\Diamond\Box$, $\Box\Diamond$, $\Diamond\Diamond$, $\Box\Box\Box$, $\Box\Box\Diamond$, $\Box\Diamond\Box$, $\Diamond\Box\Box$, $\Diamond\Diamond\Box$. При этом в S4 отсутствуют собственные итерированные модальности степени выше 3 (все такие модальности сводимы к модальностям низших степеней).

При построении кластерной семантики для S4 исходной остается идея последовательной интерпретации переменных формулы в терминах $\{N, I, C\}$ и дополнительного истолкования конъюнкций двух и более «случайных» переменных как возможных (случайных) или невозможных. Однако, поскольку в модельной структуре для S4 уже не «каждый мир достижим из каждого» (отношение достижимости рефлексивно и транзитивно, но уже не симметрично), указанные интерпретации осуществляются относительно каждого отдельного о.с. α_i («выделенного мира») для формулы). Кроме того, поскольку значимыми в S4 являются итерированные модальности, допустимы и итерированные истолкования переменных в терминах $\{N, I, C\}$. Получаемые в результате таких истолкований конечные множества о.с. и их множества различной степени $\langle \Gamma_n; \alpha_i; W_n \rangle$ ($n \geq 1$) выполняют в кластерной семантике для S4 роль модельных структур семантик возможных миров.

Как и в семантике для S5, различаются оценки трех типов:

1) оценки формул к.л.в. в отдельных о.с. (двухзначные истинностно-функциональные или «чисто классические» оценки);

2) оценки формул, находящихся в области действия модальных операторов (двухзначные не-истинностно-функциональные оценки, которые приписываются в множествах о.с.); условия истинности/ложности формул с модальностями первой степени совпадают с аналогичными условиями для S5; при этом «собственные» для S4 итерированные модальности вида $\Box\Diamond$, $\Diamond\Box$, $\Diamond\Diamond\Box$, $\Box\Diamond\Box$ рассматриваются как кванторы по множествам и множествам множеств о.с. и значения формулам с данными модальностями приписываются в множествах соответствующей степени:

$$\begin{aligned} |\Box\Diamond B|_{w_2} = t &\Leftrightarrow \forall W_1 (W_1 \in W_2 \Rightarrow |\Diamond B|_{w_1} = t); |\Box\Diamond B|_{w_2} = \\ &= f \Leftrightarrow \exists W_1 (W_1 \in W_2 \wedge |\Diamond B|_{w_1} = f); \\ |\Diamond\Box B|_{w_2} = t &\Leftrightarrow \exists W_1 (W_1 \in W_2 \wedge |\Box B|_{w_1} = t); |\Diamond\Box B|_{w_2} = \\ &= f \Leftrightarrow \forall W_1 (W_1 \in W_2 \Rightarrow |\Box B|_{w_1} = f); \\ |\Box\Diamond\Box B|_{w_3} = t &\Leftrightarrow \forall W_2 (W_2 \in W_3 \Rightarrow |\Diamond\Box B|_{w_2} = t); \\ |\Box\Diamond\Box B|_{w_3} = f &\Leftrightarrow \exists W_2 (W_2 \in W_3 \wedge |\Diamond\Box B|_{w_2} = f); \\ |\Diamond\Box\Diamond B|_{w_3} = t &\Leftrightarrow \exists W_2 (W_2 \in W_3 \wedge |\Box\Diamond B|_{w_2} = t); |\Diamond\Box\Diamond B|_{w_3} = \\ &= f \Leftrightarrow \forall W_2 (W_2 \in W_3 \Rightarrow |\Box\Diamond B|_{w_2} = f) \end{aligned}$$

(для отрицательных модальностей определения аналогичны);

3) истолкования пропозициональных переменных в терминах $\{N, I, C\}$ – трехзначные не-истинностно-функциональные оценки, которые также осуществляются относительно множеств о.с.:

$$\begin{aligned} |p|_{w_1'} = N &\Leftrightarrow \forall \alpha (\alpha \in W_1' \Rightarrow |p|_{\alpha} = t); \quad |p|_{w_1'} = I \Leftrightarrow \forall \alpha (\alpha \in W_1' \Rightarrow |p|_{\alpha} = f); \\ |p|_{w_1'} = C &\Leftrightarrow \exists \alpha (\alpha \in W_1' \wedge |p|_{\alpha} = t) \wedge \exists \alpha (\alpha \in W_1' \wedge |p|_{\alpha} = f). \end{aligned}$$

При этом оценки N, I могут повторно истолковываться только как N («логически детерминированные высказывания не меняют своего статуса»), оценка C может повторно истолковываться как N либо C , т.е. для произвольной элементарной формулы p_i справедливы утверждения $Np_i \vee Ip_i \Rightarrow NNp_i \vee NIp_i$; $Cp_i \Rightarrow NCp_i \vee CCp_i$. При этом если Γ_2 некоторого $\langle \Gamma_2; \alpha_i; W_2' \rangle$ содержит для некоторой переменной p_i истолкование NCp_i , то элементами W_2' будут только такие множества о.с. W_1' , в каждом из которых p_i , по крайней мере однажды, меняет значение. Если же в Γ_2 содержится интерпретация CCp_i , то в W_2' она будет представлена тройкой множеств о.с., соответствующей истолкованию $Cp_i \vee Np_i \vee Ip_i$:

$$\begin{aligned} |p|_{w_2'} = NC &\Leftrightarrow \forall W_1 (W_1 \in W_2 \Rightarrow |p|_{w_1'} = C); \\ |p|_{w_2'} = CC &\Leftrightarrow \exists W_1 (W_1 \in W_2 \wedge |p|_{w_1'} = C) \wedge \exists W_1 (W_1 \in W_2 \wedge |p|_{w_1'} = \\ &= N) \wedge \exists W_1 (W_1 \in W_2 \wedge |p|_{w_1'} = I). \end{aligned}$$

Рассмотрим множество о.с. W для произвольной формулы с двумя переменными:

$$\alpha_1 = \{p, q\}, \alpha_2 = \{p, \neg q\}, \alpha_3 = \{\neg p, q\}, \alpha_4 = \{\neg p, \neg q\}.$$

Каждое такое о.с. в кластерной семантике для $S4$ рассматривается как «действительный» мир некоторой модельной структуры. Для построения кластеров первой степени – множеств о.с. W_1 , в которых приписываются значения формулам с модальностями первой степени – каждая переменная, входящая в некоторое α_i , интерпретируется как логически детерминированное (имеющее свое значение по необходимости) или логически недетерминированное высказывание. В результате переменная p_i , входящая в исходное о.с. без отрицания, может получить истолкования Np_i или Cp_i , переменная $\neg p_i$ – истолкования Ip_i или Cp_i (переменная, входящая в α_i без отрицания, не может интерпретироваться как невозможное высказывание, так как каждый «мир» достижим из самого себя – отношение достижимости рефлексивно в $S4$; соответственно, переменная $\neg p_i$ не может интерпретироваться как логически необходимое высказывание).

В результате, скажем, о.с. $\alpha_1 = \{p, q\}$ порождает четыре конструкции $\langle \Gamma_1; \alpha_1; W_1' \rangle$:

1. $\langle \{Np, Nq\}; \{p, q\}; \{\{p, q\}\} \rangle$.
2. $\langle \{Np, Cq\}; \{p, q\}; \{\{p, q\} \{p, \neg q\}\} \rangle$.
3. $\langle \{Cp, Nq\}; \{p, q\}; \{\{\neg p, q\} \{p, q\}\} \rangle$.
4. $\langle \{Cp, Cq\}; \{p, q\}; \{\{p, q\} \{p, \neg q\} \{\neg p, q\} \{\neg p, \neg q\}\} \rangle$.

(Как и в кластерной семантике для $S5$, если две и более переменных интерпретируются как логически недетерминированные, все их возможные конъюнкции дополнительно рассматриваются как логически случайные (возможные) или логически невозможные высказывания. Общее число подобных «индетерминистских» кластеров, содержащих дополнительные истолкования конъюнкций двух и более логически случайных переменных, определяется так же, как и в системе $S5$.)

Число исходных кластеров $\langle \Gamma_1; \alpha_i; W_1' \rangle$ по отдельному α_i удобно в общем случае представлять в виде арифметической функции $C_n^0 + C_n^1 + C_n^2 + \dots + C_n^k + \dots + C_n^n = 2^n$. Слагаемое C_n^k ($n \geq k \geq 0$) – биномиальный коэффициент – обозначает число кластеров, в каждом из которых какие-либо k переменных толкуются как «случайные»; исходное W_1' каждого такого кластера есть 2^k – элементное множество о.с.

По каждому кластеру первой степени описанным выше образом строится множество кластеров $\langle \Gamma_2; \alpha_i; W_2' \rangle$ второй степени. К примеру, кластер 4 порождает следующие кластеры второй степени:

1. $\langle \{ \mathbf{NCp}, \mathbf{NCq} \}; \{p, q\}; \{ \{ \{p, q\} \{p, \neg q\} \neg p, q \} \neg p, \neg q \} \} \rangle$.
2. $\langle \{ \mathbf{NCp}, \mathbf{CCq} \}; \{p, q\}; \{ \{ \{p, q\} \{p, \neg q\} \neg p, q \} \neg p, \neg q \}; \{ \{p, q\} \neg p, q \}; \{ \{p, \neg q\} \neg p, \neg q \} \} \rangle$.
3. $\langle \{ \mathbf{CCp}, \mathbf{NCq} \}; \{p, q\}; \{ \{ \{p, q\} \{p, \neg q\} \neg p, q \} \neg p, \neg q \}; \{ \{p, q\} \{p, \neg q\} \} \neg p, q \} \} \rangle$.
4. $\langle \{ \mathbf{CCp}, \mathbf{CCq} \}; \{p, q\}; \{ \{ \{p, q\} \{p, \neg q\} \neg p, q \} \neg p, \neg q \}; \{ \{p, q\} \neg p, q \}; \{ \{p, \neg q\} \neg p, \neg q \}; \{ \{p, q\} \{p, \neg q\} \} \neg p, q \}; \{ \{p, q\} \}; \{ \{p, \neg q\} \}; \{ \neg p, q \}; \{ \neg p, \neg q \} \} \rangle$.

Элементами W_2' являются множества W_1' «предыдущего уровня». Так, первый кластер W_2' является одноэлементным. Его единственный элемент – базисное множество W_1' исходного кластера первой степени. Вторым и третьим кластеры содержат по три элемента, четвертый кластер содержит 9 элементов – множеств о.с. W_1' с числом элементов «от» 2^2 «до» 2^0 .

Представим четвертый кластер $\langle \Gamma_2; \alpha_i; W_2' \rangle$ в более «наглядном» графическом виде:

$$\langle \{ \mathbf{CCp}, \mathbf{CCq} \}; \{p, q\}; \left\{ \begin{array}{ll} 1 \left\{ \begin{array}{l} \{p, q\} \{p, \neg q\} \\ \{ \neg p, q \} \{ \neg p, \neg q \} \end{array} \right\} & 2 \quad \{ \{p, q\} \{p, \neg q\} \} \\ & 3 \quad \{ \{ \neg p, q \} \{ \neg p, \neg q \} \} \\ 6 \{ \{p, q\} \} & 7 \{ \{p, \neg q\} \} & 4 \quad \{ \{p, q\} \{ \neg p, q \} \} \\ 8 \{ \{ \neg p, q \} \} & 9 \{ \{ \neg p, \neg q \} \} & 5 \quad \{ \{p, \neg q\} \{ \neg p, \neg q \} \} \end{array} \right\} \rangle.$$

Поскольку, как отмечалось выше, для любой переменной p_i истолкование \mathbf{CCp}_i читается как «триплет» $\mathbf{Cp}_i \vee \mathbf{Np}_i \vee \mathbf{Ip}_i$, каждое множество о.с. W_1' с определенным номером в данном $\langle \Gamma_2; \alpha_i; W_2' \rangle$ соответствует элементу следующей дизъюнкции (истолкованию допустимых значений p и q) с тем же номером:

1. $\mathbf{Cp} \wedge \mathbf{Cq} \vee 2. \mathbf{Np} \wedge \mathbf{Cq} \vee 3. \mathbf{Ip} \wedge \mathbf{Cq} \vee 4. \mathbf{Cp} \wedge \mathbf{Nq} \vee 5. \mathbf{Cp} \wedge \mathbf{Iq} \vee$
6. $\mathbf{Np} \wedge \mathbf{Nq} \vee 7. \mathbf{Np} \wedge \mathbf{Iq} \vee 8. \mathbf{Ip} \wedge \mathbf{Nq} \vee 9. \mathbf{Ip} \wedge \mathbf{Iq}.$

Число кластеров второй степени по отдельному α_i в общем случае определяется выражением $C_n^0 \times 2^0 + C_n^1 \times 2^1 + C_n^2 \times 2^2 + \dots + C_n^k \times 2^k + \dots + C_n^n \times 2^n = 3^n$.

Слагаемое $C_n^k \times 2^k$ ($n \geq k \geq 0$) представляет число конструкций $\langle \Gamma_2; \alpha_i; W_2' \rangle$, порожденных кластерами первой степени с k случайными переменными. Если все k переменных получают истолкование \mathbf{CC} , то W_2' этого

$\langle \Gamma_2; \alpha_i; W_2' \rangle$ будет представлять собой 3^k -элементное множество множеств о.с. с «размерностью» элементов от 2^n до 2^k ; так, W_2' в последнем из вышеприведенных примеров представляет собой 9-элементное множество множеств о.с. При этом «размерность» элементов $W_1' \in W_2'$ варьируется от 2^n до 2^0 .

Приведенных определений достаточно, чтобы продемонстрировать опровержимость формулы $\Diamond p \supset \Box \Diamond p$ в данной семантике и общезначимость формулы $\Box p \supset \Box \Box p$.

Пусть $|\Diamond p|_{W_1'} = t$ в некотором $\langle \Gamma_1; \alpha_i; W_1' \rangle$. Согласно условиям истинности / ложности формул с модальными операторами, это возможно, если Γ_1 содержит истолкования Np или Cp . В первом случае $|p|_\alpha = t$ для любого $\alpha \in W_1'$ и $\Diamond p \supset \Box \Diamond p$ истинна в каждом W_2' , «производном» от такого W_1' . Во втором случае $\langle \Gamma_1; \alpha_i; W_1' \rangle$ примет вид $\langle \{Cp\}; \{p\}; \{\{p\}, \{\neg p\}\} \rangle$. Одним из кластеров второй степени, допустимым относительно данного W_1' , будет конструкция $\langle \{CCp\}; \{p\}; \{\{\{p\}, \{\neg p\}\}; \{\{p\}\}; \{\{\neg p\}\}\} \rangle$. $|\Box \Diamond p|_{W_2} = t \Leftrightarrow \forall W_1 (W_1 \in W_2 \Rightarrow |\Diamond p|_{W_1} = t)$. Очевидно, однако, что в множестве $\{\{p\}\}$ формула $\Diamond p$ ложна, поэтому во включающем его W_2' ложна и $\Box \Diamond p$. Таким образом, истинность $\Diamond p$ в некотором W_1' не гарантирует истинность $\Box \Diamond p$ во всех «производных» от него W_2' («возможности могут исчезать» – допустим переход от $\Diamond p$ к $\Box \neg p$).

Пусть $|\Box p|_{W_1'} = t$ в некотором $\langle \Gamma_1; \alpha_i; W_1' \rangle$. Это возможно только при истолковании Np , которое остается неизменным при построении кластеров более высоких степеней, что гарантирует истинность $\Box p \supset \Box \Box p$. При ложности $\Box p$ в исходном W_1' формула $\Box \Box p$ оказывается ложной, что также сохраняет истинность всей импликации. Таким образом, формула $\Box p \supset \Box \Box p$ оказывается истинной «по построению» в данной семантике.

При построении кластеров более высоких степеней все переменные с интерпретациями N или I сохраняют свои значения. Логически недетерминированные переменные могут интерпретироваться повторно как необходимые или случайные: $Cp_i \Rightarrow NCp_i \vee CCp_i$.

Например, одним из кластеров третьей степени, построенным на основе вышеприведенного кластера с интерпретацией переменных CCp , CCq , будет следующая конструкция $\langle \Gamma_3; \alpha_i; W_3' \rangle$:

$$\langle \{NCCp, CCCq\}; \{p, q\}; \left\{ \begin{array}{l} 1 \left\{ \begin{array}{l} \left\{ \begin{array}{l} \{p, q\} \{p, \neg q\} \\ \{\neg p, q\} \{\neg p, \neg q\} \end{array} \right\} \quad \{\{p, q\} \{p, \neg q\}\}; \\ \{\{\neg p, q\} \{\neg p, \neg q\}\}; \\ \{\{p, q\}\}; \{\{p, \neg q\}\}; \{\{p, q\} \{\neg p, q\}\}; \\ \{\{\neg p, q\}\}; \{\{\neg p, \neg q\}\}; \{\{p, \neg q\}\}; \{\{\neg p, \neg q\}\}; \end{array} \right\} \\ 2 \left\{ \begin{array}{l} \{\{p, q\} \{\neg p, q\}\}; \\ \{\{p, q\}\}; \{\{\neg p, q\}\} \end{array} \right\} \quad 3 \left\{ \begin{array}{l} \{\{p, \neg q\} \{\neg p, \neg q\}\} \\ \{\{p, \neg q\}\}; \{\{\neg p, \neg q\}\} \end{array} \right\} \end{array} \right\} \rangle.$$

Каждое нумерованное множество W_2' в данном W_3' соответствует элементу дизъюнкции с тем же номером: 1. $CCp \wedge CCq \vee$ 2. $CCp \wedge Nq \vee$ 3. $CCp \wedge Iq$.

Нетрудно убедиться, что, к примеру, формула $\Box\Diamond(p \supset q)$ будет истинной в данном W_3 , поскольку

$$\forall W_2'(W_2' \in W_3' \Rightarrow \exists W_1'(W_1' \in W_2' \wedge \forall \alpha(\alpha \in W_1' \Rightarrow |(p \supset q)|_{\alpha} = t))).$$

Общее число $\langle \Gamma_3; \alpha_i; W_3' \rangle$ по отдельному α_i описывается арифметической функцией вида $C_n^0 \times 3^0 + C_n^1 \times 3^1 + C_n^2 \times 3^2 + \dots + C_n^k \times 3^k + \dots + C_n^n \times 3^n = 4^n$, где слагаемое $C_n^k \times 3^k$ представляет число $\langle \Gamma_3; \alpha_i; W_3' \rangle$, порождаемых кластерами первой степени с k «случайными» переменными ($n \geq k \geq 0$). Элементами таких W_3' будут объекты «предыдущего уровня», т.е. 3^k -элементные множества множеств о.с. ($n \geq k \geq 0$).

Сказанное о способе порождения конструкций $\langle \text{OF}_n'; \alpha_i; W_n'' \rangle$, их общем числе, а также числе и типе их элементов (таблица) можно обобщить следующим образом:

$$\begin{aligned} \langle \Gamma_1; \alpha_i; W_1' \rangle: & C_n^0 + C_n^1 + C_n^2 + C_n^3 + \dots + C_n^n = 2^n; \\ \langle \Gamma_2; \alpha_i; W_2' \rangle: & C_n^0 \times 2^0 + C_n^1 \times 2^1 + C_n^2 \times 2^2 + \dots + C_n^k \times 2^k + \dots + \\ & + C_n^n \times 2^n = 3^n; \\ \langle \Gamma_3; \alpha_i; W_3' \rangle: & C_n^0 \times 3^0 + C_n^1 \times 3^1 + C_n^2 \times 3^2 + \dots + C_n^k \times 3^k + \dots + \\ & + C_n^n \times 3^n = 4^n. \end{aligned}$$

Степень кластера	Число «случайных» переменных в Γ	Число элементов в W	Тип элементов W
$\langle \Gamma_1; \alpha_i; W_1' \rangle$	$0 \leq i \leq n$ (n – число переменных в формуле)	2^i	О.с.
$\langle \Gamma_2; \alpha_i; W_2' \rangle$	$0 \leq k \leq i$	3^k	Множества о.с.
$\langle \Gamma_3; \alpha_i; W_3' \rangle$	$0 \leq m \leq k$	3^m	Множества множеств о.с.

Для кластеров произвольной конечной степени $R \geq 1$ соответствующий алгоритм примет вид

$$\langle \Gamma_R; \alpha_i; W_R' \rangle: C_n^0 \times R^0 + C_n^1 \times R^1 + C_n^2 \times R^2 + \dots + C_n^k \times R^k + \dots + C_n^n \times R^n = (R + 1)^n.$$

Однако, как нетрудно убедиться, конструкции степени >3 не несут никакой новой информации о допустимых значениях переменных и их конъюнктивных сочетаниях. Таким образом, факт отсутствия в S_4 собственных итерированных модальностей степени >3 оказывается естественным следствием самого способа построения данной семантики.

Описанная семантика полна и непротиворечива относительно исчисления S_4 [8].

В основу дальнейшего изложения положим известный перевод основной интуиционистской системы А. Гейтинга в систему S_4 , предложенный в 1948 г. Дж. Маккинси и А. Тарским.

Пусть ψ – функция перевода. Тогда, в зависимости от степени сложности интуиционистской формулы, ее перевод в S_4 примет следующий вид:

- 1) $\psi(p) = \Box p$, где p – пропозициональная переменная;
- 2) $\psi(\neg A) = \Box \neg \psi(A)$, где A – произвольная формула;
- 3) $\psi(A \wedge B) = \psi(A) \wedge \psi(B)$;
- 4) $\psi(A \vee B) = \psi(A) \vee \psi(B)$;
- 5) $\psi(A \supset B) = \Box(\psi(A) \supset \psi(B))$.

Произвольная формула A доказуема в системе Гейтинга, если только ее перевод $\psi(A)$ доказуем в системе S_4 .

Очевидно, что при данном переводе *все* формулы системы Int, включая элементарные, рассматриваются как модальные. Отрицание и импликация системы Int рассматриваются как модальные понятия второй степени.

Распространим вышеизложенные принципы построения кластерной семантики для системы S4 на систему Int.

Как и в семантике для S4, в кластерной семантике для Int различаются три типа оценок:

1. Двухзначные истинностно-функциональные оценки $\{t, f\}$ пропозициональных переменных в отдельных о.с. – в кластерной семантике для Int они служат исключительно для выражения смысла интуиционистских связей.

2. Трехзначные не-истинностно-функциональные оценки формул системы Int $\{T, R, F\}$ («достоверно истинно», «опровержимо – refutable», «достоверно ложно» соответственно); выделенным значением является T.

3. Трехзначные не-истинностно-функциональные оценки пропозициональных переменных в терминах $\{N, I, C\}$.

Очевидно, что оценки типов 2, 3 осуществляются в кластерах – ограниченных множествах о.с. W_n' ($n \geq 1$).

Будем иметь в виду следующую формулировку Int: логические символы объектного языка $\sim, \rightarrow, \wedge, \vee$, – сильное отрицание, импликация системы Int, конъюнкция и дизъюнкция системы Int соответственно; символы $\bar{}, \Rightarrow, \Leftrightarrow, \wedge, \vee, \forall, \exists, \in, \notin$ являются символами метаязыка, в котором формулируются условия истинности/ложности формул системы Int.; аксиомами системы будут все аксиомы к.и.в. за исключением $\sim\sim A \rightarrow A$, вместо которой вводится $\sim A \rightarrow (A \rightarrow B)$. Правилами вывода Int являются правила вывода классического исчисления высказываний.

Символ « \sim » обозначает «интуиционистское» отрицание, которое является, по сути, модальным понятием: в семантике возможных миров для Int $\sim A$ трактуется как «ложность A во всех мирах, достижимых из данного». Отрицанию \sim соответствует значение F. Интуиционистские значения T, F обладают свойствами «прямой сохранности» (монотонности): истинное/ложное в «сильном» смысле высказывание сохраняет свое значение в любом мире, достижимом из исходного.

Символ метаязыка « $\bar{}$ » обозначает слабое (в терминологии Гейтинга – «фактическое») отрицание, которое может пониматься как отсутствие доказательства утверждения A на определенном этапе развития некоторой теории. Данному отрицанию соответствует значение R, которое не обладает свойством прямой, но обладает свойством «обратной сохранности»: все, что является недоказанным на нынешнем этапе развития теории, было таковым на всех предыдущих этапах [9].

Как и в семантике для S4, для построения кластеров в Int последовательно рассматриваются все исходные о.с. для формулы и возможные истолкования допустимых значений входящих в них переменных в терминах $\{N, I, C\}$. Если при этом в исходное о.с. переменная p_i входит без отрицания $\bar{}$, ей может приписываться только значение N. Если же в исходное о.с. переменная p_i входит с метаотрицанием, то ей могут приписываться значения I или C. В последнем случае, как и в семантике для S4, кластер W_n' содержит последовательность о.с., в которой p_i , по крайней мере однажды, меняет значение.

Если две или более переменных получают оценку **C**, дополнительно рассматриваются все допустимые ограничения на образование конъюнкций таких переменных. Переменные, получившие истолкование **C**, в дальнейшем могут оцениваться как **NC** или **CC**. В результате кластерами *Int* окажется ровно половина кластеров *S4*.

Пусть k – число переменных с «фактическими» отрицаниями в некотором о.с. α_i . Тогда число кластеров $\langle \Gamma_1; \alpha_i; W_1' \rangle$, возможных относительно этого α_i , описывается выражением $C_k^0 + C_k^1 + \dots + C_k^i + \dots + C_k^k = 2^k$, где i ($k \geq i \geq 0$) – число истолкований **C**. Исходное W_1' в этом случае содержит 2^i о.с.

Соответственно, число кластеров $\langle \Gamma_2; \alpha_i; W_2' \rangle$, возможных относительно такого α_i , определяется выражением $C_k^0 \times 2^0 + C_k^1 \times 2^1 + \dots + C_k^r \times 2^r + \dots + C_k^k \times 2^k = 3^k$, где r ($i \geq r \geq 0$) – число истолкований **CC**. W_2' в этом случае представляют собой упорядоченные 3^r – элементные множества множеств о.с.

Число кластеров третьей степени определяется выражением $C_k^0 \times 3^0 + C_k^1 \times 3^1 + \dots + C_k^m \times 3^m + \dots + C_k^k \times 3^k = 4^k$, где m ($r \geq m \geq 0$) – число истолкований **CCC**. Каждый кластер W_3' содержит 3^m элементов – 3^r – элементных множеств W_2' .

Соответственно, число кластеров произвольной конечной степени R , возможных относительно некоторого о.с. с k слабыми отрицаниями, описывается выражением

$$C_k^0 \times R^0 + C_k^1 \times R^1 + C_k^2 \times R^2 + \dots + C_k^n \times R^n = (R + 1)^n.$$

Формулам системы *Int* следующим образом приписываются значения в данной семантике: переменная обычным образом принимает значение t или f в о.с. в зависимости от того, входит ли в о.с. она сама или ее метаотрицание:

$$|p|_{\alpha} = t \Leftrightarrow p \in \alpha; |p|_{\alpha} = f \Leftrightarrow p \notin \alpha \Leftrightarrow |p|_{\alpha} = t.$$

$$1. |A|_{W_1} = T \Leftrightarrow \forall \alpha (\alpha \in W_1 \Rightarrow |A|_{\alpha} = t).$$

$$2. |A|_{W_1} = R \Leftrightarrow \exists \alpha (\alpha \in W_1 \wedge |A|_{\alpha} = f).$$

$$3. |A|_{W_2} = F \Leftrightarrow |\sim A|_{W_2} = T \Leftrightarrow \forall W_1 (W_1 \in W_2 \Rightarrow |A|_{W_1} = R).$$

Таким образом, значения **T** и **F** в данной семантике «несимметричны»: если истинность некоторой формулы определяется в множестве уровня W_n , то ее (сильная) ложность определяется в множестве следующего уровня W_{n+1} ; в W_n устанавливается только ее слабая ложность (опровержимость).

$$4. |\sim A|_{W_2} = R \Leftrightarrow \exists W_1 (W_1 \in W_2 \wedge |A|_{W_1} = T).$$

$$5. |\sim A|_{W_3} = F \Leftrightarrow |\sim \sim A|_{W_3} = T \Leftrightarrow \forall W_2 (W_2 \in W_3 \Rightarrow |\sim A|_{W_2} = R).$$

Попытаемся продолжить процесс «навешивания» отрицаний:

$$|\sim \sim A|_{W_3} = R \Leftrightarrow \exists W_2 (W_2 \in W_3 \wedge |\sim A|_{W_2} = T)$$

$|\sim \sim A|_{W_4} = F \Leftrightarrow |\sim \sim \sim A|_{W_4} = T \Leftrightarrow \forall W_3 (W_3 \in W_4 \Rightarrow \exists W_2 (W_2 \in W_3 \wedge |\sim A|_{W_2} = T))$ – в силу принятых в классической логике правил удаления кванторов последнее определение эквивалентно определению 3, поэтому «нет надобности рассматривать более двух последовательных отрицаний» [10. С. 125].

$$6. |A \wedge B|_{W_1} = T \Leftrightarrow (|A|_{W_1} = T \wedge |B|_{W_1} = T).$$

$$7. |A \wedge B|_{W_1} = R \Leftrightarrow (|A|_{W_1} = R \vee |B|_{W_1} = R).$$

$$8. |A \wedge B|_{W_2} = F \Leftrightarrow |\sim (A \wedge B)|_{W_2} = T \Leftrightarrow \forall W_1 (W_1 \in W_2 \Rightarrow (|A|_{W_1} = R \vee |B|_{W_1} = R)).$$

$$9. |A \vee B|_{W_1} = T \Leftrightarrow (|A|_{W_1} = T \vee |B|_{W_1} = T).$$

10. $|A \vee B|_{W_1} = R \Leftrightarrow (|A|_{W_1} = R \wedge |B|_{W_1} = R)$
11. $|A \vee B|_{W_2} = F \Leftrightarrow |\sim (A \vee B)|_{W_2} = T \Leftrightarrow (|A|_{W_2} = F \wedge |B|_{W_2} = F) \Leftrightarrow (|\sim A|_{W_2} = T \wedge |\sim B|_{W_2} = T)$
12. $|A \rightarrow B|_{W_2} = T \Leftrightarrow \forall W_1 (W_1 \in W_2 \Rightarrow (|A|_{W_1} = T \Rightarrow |B|_{W_1} = T))$ или, поскольку импликация \Rightarrow рассматривается как материальная:
 12'. $|A \rightarrow B|_{W_2} = T \Leftrightarrow \forall W_1 (W_1 \in W_2 \Rightarrow (|A|_{W_1} = R \vee |B|_{W_1} = T))$.
13. $|A \rightarrow B|_{W_2} = R \Leftrightarrow \exists W_1 (W_1 \in W_2 \wedge (|A|_{W_1} = T \wedge |B|_{W_1} = R))$.
14. $|A \rightarrow B|_{W_3} = F \Leftrightarrow |\sim (A \rightarrow B)|_{W_3} = T \Leftrightarrow \forall W_2 (W_2 \in W_3 \Rightarrow (|A \rightarrow B|_{W_2} = R))$.

Формула B *выполнима* в Int , е.т.е. B принимает значение T в некотором W_n ($n \geq 1$).

Формула B *общезначима* в Int , е.т.е. B принимает значение T в каждом W_n ($n \geq 1$).

Приведенных определений достаточно, чтобы показать необщезначимость в Int ряда законов классической логики.

Формула $\sim A \vee A$ необщезначима в Int . Рассмотрим $\langle \Gamma_1'; \alpha_i; W_1' \rangle$ с характеристиками $\langle CA; \{A\}; \{\{A\}\{A\}\} \rangle$ и один из возможных относительно него $\langle \Gamma_2'; \alpha_i; W_2' \rangle$: $\langle CCA; \{A\}; \{\{A\}\{A\}\}; \{\{A\}\}; \{\{A\}\} \rangle$.

A опровержима в W_1' , $\sim A$ опровержима в W_2' , так как множество $\{\{A\}\}$ не содержит ни одного о.с., в котором A принимала бы значение f .

Формула $\sim (A \wedge B) \rightarrow (\sim A \vee \sim B)$ не общезначима в Int .

Пусть исходным $\langle \Gamma_1'; \alpha_i; W_1' \rangle$ является $\langle \{CA, CB, I(A \wedge B), C(\neg A \wedge B), C(A \wedge \neg B), I(\neg A \wedge \neg B); \{A, \neg B\}; \{\{A, B\}\{A, \neg B\}\} \rangle$.

Рассмотрим следующий $\langle \Gamma_2'; \alpha_i; W_2' \rangle$, построенный на его основе:

$\langle \{CCA, CCB, NI(A \wedge B), CC(\neg A \wedge B), CC(A \wedge \neg B), NI(\neg A \wedge \neg B); \{A, \neg B\}; \{\{A, B\}\{A, \neg B\}\}; \{\{A, B\}\}; \{\{A, \neg B\}\} \rangle$. В каждом элементе данного W_2' формула $A \wedge B$ опровержима, т.е. $|\sim (A \wedge B)|_{W_2'} = T$, но при этом $|\sim A|_{W_2'} = R$, $|\sim B|_{W_2'} = R$.

Формула $(A \rightarrow B) \rightarrow (\sim A \vee B)$ необщезначима в Int (интуиционистская импликация невыразима через суперпозицию сильного отрицания и дизъюнкции).

Рассмотрим $\langle \Gamma_1'; \alpha_i; W_1' \rangle$ с характеристиками $\langle \{CA, CB, C(A \wedge B), I(\neg A \wedge B), I(A \wedge \neg B), C(\neg A \wedge \neg B); \{A, \neg B\}; \{\{A, B\}\{A, \neg B\}\} \rangle$.

Одним из допустимых относительно него W_2' будет $\{\{A, B\}\{A, \neg B\}\}; \{\{A, B\}\}; \{\{A, \neg B\}\}$. Формула $A \rightarrow B$ принимает значение T в W_2' ($A \rightarrow B$ истинна в каждом $W_1' \in W_2'$). Однако в том же W_2' формула $\sim A$ опровержима (опровергающее множество о.с. – $\{\{A, B\}\}$), а в исходном $W_1 = \{\{A, B\}\{A, \neg B\}\}$ опровержима формула B . (Нетрудно убедиться, что обратная импликация $(\sim A \vee B) \rightarrow (A \rightarrow B)$, а также формула $(\sim A \rightarrow (A \rightarrow B))$ общезначимы в кластерной семантике для Int .)

Семантика полна и непротиворечива относительно исчисления Int .

Подведем предварительные итоги. Как следует из вышеизложенного, отличительными особенностями семантик предложенного типа является «конструктивный», конечный характер всех используемых процедур и понятий и их содержательная оправданность: в пропозициональных фрагментах $S5$, $S4$, Int смысл модальных операторов и интуиционистских логических связок выводится при помощи конечных последовательностей кластеров – упорядо-

ченных множеств о.с. для формулы. Для предикатных расширений подобных семантик дополнительным условием конструктивности используемых процедур и понятий оказывается конечность предметной области теории.

Указанные особенности данных семантик делают их эффективным инструментом автоматизации проверки правильности логических выводов в соответствующих логических системах.

Список источников

1. Ивлев Ю.В. Квазифункциональные отношения в логике и других областях знания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 214–235
2. Фейс Р. Модальная логика. М. : ФИЗМАТЛИТ, 1974. 520 с.
3. Сидоренко Е.А. Логика, парадоксы, возможные миры. М. : Едиториал УРСС, 2002. 312 с.
4. Войшвилло Е.К. Содержательный анализ модальностей S4 и S5 // Философские науки. 1983. № 3. С. 76–80.
5. Карнап Р. Значение и необходимость / пер. с англ. Н.В. Воробьева. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. 383 с.
6. Ивлев Ю.В. Модальная логика. М. : Изд-во Мос. ун-та, 1991. 224 с.
7. Архипьев Н.Л. Теория логических модальностей без «возможных миров» // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Эл. № ФС77–51037 от 3 сентября 2012 г. 2016. № 7 (45). doi: 10. 18698/2306–8477–2016–7–373
8. Архипьев Н.Л. Естественные модели для итерированных модальностей в системе Льюиса S4 // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2017. № 2 (52). doi: 10. 18698/2306–8477–2017–2–413
9. Шрамко Я. В. Обобщенные истинностные значения: решетки и мультирешетки // Логические исследования. 2002. Вып. 9. С. 264–291.
10. Гейтинг А. Интуиционизм / пер. с англ. В.А. Янкова. М. : Книжный дом «Либроком», 2010. 160 с.

References

1. Ivlev, Yu.V. (2021) Quasi-functional relations in logic and other fields of knowledge. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 63. pp. 214–235. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/63/21
2. Face, R. (1974) *Modal'naya logika* [Modal logic]. Translated from English. Moscow: FIZMATLIT.
3. Sidorenko, E.A. (2002) *Logika, paradoksy, vozmozhnye miry* [Logic, Paradoxes, Possible Worlds]. Moscow: Editorial URSS.
4. Voyshvillo, E.K. (1983) Soderzhatel'nyy analiz modal'nostey S4 i S5 [A meaningful analysis of modalities S4 and S5]. *Filosofskie nauki*. 3. pp. 76–80.
5. Carnap, R. (1959) *Znachenie i neobkhodimost'* [Meaning and Necessity]. Translated from English by N.V. Vorobiev. Moscow: Izd-vo ino-str. lit.
6. Ivlev, Yu.V. (1991) *Modal'naya logika* [Modal logic]. Moscow: Moscow State University.
7. Arkhiereev, N.L. (2016) Teoriya logicheskikh modal'nostey bez “vozmozhnykh mirov” [Theory of logical modalities without “possible worlds”]. *Gumanitarnyy vestnik MGTU im. N.E. Bauman* – *Humanities Bulletin of BMSTU*. 7(45). DOI: 10. 18698/2306–8477–2016–7–373 [Online] Available from: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/373.html> (Accessed: 3rd September 2022).
8. Arkhiereev, N.L. (2017) Estestvennye modeli dlya iterirovannykh modal'nostey v sisteme L'yuisa S4 [Natural models for iterated modalities in the Lewis system S4]. *Gumanitarnyy vestnik MGTU im. N.E. Bauman* – *Humanities Bulletin of BMSTU*. 2(52). [Online] Available from: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/413.html> (Accessed: 4th September 2022).
9. Shramko, Ya.V. (2002) Obobshchennyye istinnostnyye znacheniya: reshetki i mul'tireshetki [Generalized truth values: lattices and multilattices]. *Logicheskie issledovaniya*. 9. pp. 264–291.
10. Geyting, A. (2010) *Intuitsionizm* [Intuitionism]. Translated from English by V.A. Yankov. Moscow: Librokom.

Сведения об авторе:

Архиереев Н.Л. – доктор философских наук, профессор кафедры СГН-4 («Философия») Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (Москва, Россия). E-mail: arkhn1@bmstu.ru, arkh-nikolaj@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.L. Arkhiereev, Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences-4 (“Philosophy”), Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: arkhn1@bmstu.ru, arkh-nikolaj@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.09.2022;
одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 07.09.2022;
approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 05.12.2022*

Научная статья

УДК 164.3

doi: 10.17223/1998863X/70/3

ПАРАДОКС ФИТЧА В СВЕТЕ ГИБРИДНОЙ ЛОГИКИ

Евгений Васильевич Борисов

Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия;

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
borisov.evgeny@gmail.com*

Аннотация. Предложена логическая репрезентация понятия познаваемости *de re* и принципа познаваемости *de re*, согласно которому любой факт может быть известен *de re*. Также предложена гибридная логика, пригодная для такой репрезентации; показано, что данная репрезентация позволяет принять принцип познаваемости, но это не приводит к парадоксу Фитча.

Ключевые слова: познаваемость, парадокс Фитча, эпистемическая логика, гибридная логика

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057>

Для цитирования: Борисов Е.В. Парадокс Фитча в свете гибридной логики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 39–47. doi: 10.17223/1998863X/70/3

Original article

FITCH'S PARADOX IN LIGHT OF HYBRID LOGIC

Evgeny V. Borisov

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation;*

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
borisov.evgeny@gmail.com*

Abstract. Fitch's paradox shows that the concept of knowability is as problematic as the concept of knowledge. This is so because of the fact that the most natural logical representation of knowability as $\Diamond K$ (in terms of bimodal logic containing alethic and epistemic modalities), taken together with some natural principles and assumptions, leads to contradiction. This paper is aimed at elaborating a formalization of the concept of knowability *de re* that should allow us to accept the principle of knowability *de re* without facing Fitch's paradox. (In my view, the concept of knowability *de re* and the concept of knowability *de dicto* should have different logical representations, and I leave the concept of knowability *de dicto* out of the scope of the paper.) I suggest a system of hybrid logic in terms of which knowability *de re* can be accurately represented; I call it HLK – hybrid logic of knowability *de re*. HLK is a modification of a system suggested by Kocurek in order to represent cross-world predication. Changes made by me affect definitions of term, model, and truth; I also add to Kocurek's logic the epistemic machinery. HLK includes two modalities – the alethic and epistemic ones – and its vocabulary contains hybrid items: possible world variables, two hybrid sentential operators, and a hybrid term operator. Thanks to the hybrid part of vocabulary together with relevant parts of syntax and semantics, HLK has a substantial advantage over standard bimodal systems in terms of expressive power.

This makes it apt to express knowledge and knowability *de re* in a way that allows adopting the principle of knowability *de re* without facing Fitch's paradox. I describe the syntax and semantics of HLK, demonstrate its expressive power, define the HLK representation of epistemic concepts under consideration, and demonstrate on examples that the suggested representation meets their intuitive meaning.

Keywords: knowability, Fitch's paradox, epistemic logic, hybrid logic

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057>

For citation: Borisov E.V. (2022) Fitch's paradox in light of hybrid logic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 39–47. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/

Введение

Парадокс Фитча¹ показывает, что понятие познаваемости столь же проблематично, как понятие знания. Наиболее естественная логическая репрезентация понятия познаваемости – модальность $\Diamond K$ в бимодальной логике, включающей алетическую модальность «возможно» и эпистемическую модальность «известно». При такой репрезентации познаваемости пропозиции p выражается формулой $\Diamond Kp$. Мы сталкиваемся с парадоксом Фитча, если принимаем данную формализацию познаваемости, а также:

1) принцип познаваемости, согласно которому все факты познаваемы: $p \rightarrow \Diamond Kp$ для любого p ;

2) принцип фактивности знания, согласно которому все известное имеет место: $Kp \rightarrow p$;

3) принцип дистрибутивности знания относительно конъюнкции, согласно которому знание конъюнкции влечет знание каждого конъюнкта: $K(p \& q) \rightarrow (Kp \& Kq)$.

Парадокс возникает следующим образом: допустив, что существует неизвестный факт p , мы тем самым получаем комплексный факт $p \& \sim Kp$. Применив к последнему принцип познаваемости, получаем $\Diamond K(p \& \sim Kp)$, из чего по принципу дистрибутивности следует $\Diamond (Kp \& K \sim Kp)$ и далее, по принципу фактивности – $\Diamond (Kp \& \sim Kp)$. Последняя формула утверждает возможность противоречия, но в любой стандартной модальной логике любая формула формы $\sim \Diamond (p \& \sim p)$, выражающая невозможность противоречия, является теоремой. Таким образом, парадокс состоит в том, что интуитивно очевидное допущение существования неизвестных фактов, вместе с принципом познаваемости (в указанной формализации) и рядом интуитивно очевидных принципов, приводит к противоречию.

В литературе представлены весьма разнообразные реакции на парадокс Фитча². В частности, некоторые авторы считают, что он показывает существование непознаваемых фактов, т.е. некорректность принципа познаваемости. Другие принимают принцип познаваемости, но пытаются найти для него альтернативную логическую репрезентацию, которая должна предотвращать

¹ Фитч представил этот парадокс в [1] со ссылкой на анонимного рецензента его статьи. Как установил Салерно [2], рецензентом был А. Черч, поэтому иногда этот парадокс называется парадоксом Черча–Фитча.

² См. обзор подходов к устранению парадокса Фитча в [3].

парадокс Фитча; М. Фара называл данную стратегию реинтерпретативистской [4]. Данное исследование выполнено в рамках реинтерпретативистской стратегии. При этом я считаю, что следует различать два вида познаваемости – познаваемость *de re* и познаваемость *de dicto*, и что это различие логически релевантно, т.е. эти два вида познаваемости должны иметь разные логические репрезентации. Цель статьи – предложить логику, позволяющую репрезентировать познаваемость *de re*, не допуская парадокса Фитча¹. При этом я опираюсь на ряд идей относительно познаваемости *de re*, высказанных Д. Эджингтоном [8, 9], Дженкинсом [10], Кванвигом [11, 12] и Рюккертом [13]². Логика, которую я предлагаю для репрезентации познаваемости *de re*, представляет собой модификацию гибридной логики Кокурека, разработанной для репрезентации кросс-мировой предикации [14]; предлагаемую модификацию этой логики я буду называть HLK (гибридная логика познаваемости). В первом разделе статьи описаны язык и семантика HLK; во втором разделе показаны ее выразительные возможности; в третьем представлена репрезентация познаваемости *de re* в HLK и показано, что данная репрезентация 1) отвечает интуитивному смыслу понятия познаваемости *de re*; 2) предотвращает парадокс Фитча.

Язык и семантика HLK

Вокабуляр HLK содержит вокабуляр стандартной бимодальной логики, включающей алетическую и эпистемическую модальность, а также некоторые символы, специфические для гибридной логики. В вокабуляр стандартной бимодальной логики включим следующие категории символов: бесконечное счетное множество индивидуальных переменных (x, y, \dots), бесконечное счетное множество n -местных предикатов для любого натурального $n > 0$ (P, Q, \dots), логические союзы \sim и $\&$, оператор возможности \Diamond , эпистемический оператор K , квантор \exists , скобки. (Другие операторы могут быть добавлены посредством соответствующих определений.) Символы языка HLK, характерные для гибридной логики, таковы:

– бесконечное счетное множество переменных для возможных миров (s, t, \dots);

– сентенциональные операторы \downarrow_s и $@_s$, где s – переменная для возможных миров;

– оператор, ассоциирующий индивидуальные константы с переменными для возможных миров; будем записывать результат применения данного оператора к индивидуальной константе a и переменной для возможных миров s как a_s ³.

Синтаксис и семантика HLK задаются следующими дефинициями:

Терм. Термы HLK – это индивидуальные переменные, индивидуальные константы и выражения формы « a_s », где a – объектная константа, а s – переменная для возможных миров.

Формула определяется рекурсивно следующим образом:

¹ В [5] я предложил логическую репрезентацию познаваемости *de dicto*; некоторые идеи, лежащие в основе этой репрезентации, представлены в [6] и [7].

² Пункты моего согласия и несогласия с концепцией Эджингтона представлены в [7]; аналогичные пункты относительно концепций Дженкинса, Кванвига и Рюккерта изложены в [5]. Поэтому здесь я не даю детального анализа их концепций.

³ Все перечисленные множества символов попарно не пересекаются.

$P(t_1, \dots, t_n) \mid \sim\varphi \mid \varphi \& \psi \mid \diamond\varphi \mid \Box\varphi \mid \downarrow s.\varphi \mid @_s\varphi \mid (\exists x)\varphi$,
где P – n -местный предикат (n – натуральное число и $n > 0$), t_1, \dots, t_n – термы,
 x – индивидуальная переменная, s – переменная для возможных миров¹.

Модель HLK. Модель HLK – это упорядоченная пятерка $M = \langle G, R, E, D, I \rangle$,
где G – это непустое множество (множество возможных миров); R – отношение
алетической достижимости; E – эпистемическое отношение достижимо-
сти (R и E суть бинарные отношения на G ; E рефлексивно); D – доменная
функция, назначающая каждому возможному миру непустое множество (до-
мен); I – интерпретация констант и предикатов. I определяется следующим
образом: пусть $D(M)$ – это объединение доменов всех возможных миров; то-
гда I отображает индивидуальные константы и возможные миры на элементы
 $D(M)$, а n -местные предикаты и возможные миры – на подмножества $D(M)^n$.

Оценка переменных в модели. Оценка переменных в модели $\langle G, R, E, D, I \rangle$ –
это функция, отображающая множество объектных переменных на $D(M)$, а
множество переменных для возможных миров – на G .

Вариант оценки переменных. Пусть g – оценка переменных в модели
 $\langle G, R, E, D, I \rangle$, x – индивидуальная переменная, s – переменная для возможных
миров, $e \in D$, $w \in G$. Тогда $g[e/x]$ – это x -вариант g , отображающий x на e .
Аналогично для $g[w/s]$.

Денотация в модели. Пусть $M = \langle G, R, E, D, I \rangle$ – модель, w – возможный
мир в M , а g – оценка переменных в M . Тогда денотат термина t в M для w при g
обозначается как $Ig(t, w)$ и определяется следующим образом: 1) если t – ин-
дивидуальная переменная, то $Ig(t, w) = g(t)$; 2) если t – индивидуальная константа, то
 $Ig(t, w) = I(t, w)$; 3) если $t = a_s$, то $Ig(t, w) = I(t, g(s))$.

Истина в модели. Пусть $M = \langle G, R, E, D, I \rangle$ – модель, w – возможный
мир в M , а g – оценка переменных в M . Тогда истинность относительно M , w
и g определяется следующими положениями:

$$\begin{aligned} M, w, g \Vdash P(t_1, \dots, t_n) \text{ е.т.е. (если и только если) } & \langle Ig(t_1, w), \dots, Ig(t_n, w) \rangle \in \\ I(P, w); \\ M, w, g \Vdash \sim\varphi \text{ е.т.е. неверно, что } M, w, g \Vdash \varphi; \\ M, w, g \Vdash \varphi \& \psi \text{ е.т.е. } M, w, g \Vdash \varphi \text{ и } M, w, g \Vdash \psi; \\ M, w, g \Vdash \diamond\varphi \text{ е.т.е. } M, u, g \Vdash \varphi \text{ для некоторого } u, \text{ такого что } wRu; \\ M, w, g \Vdash \Box\varphi \text{ е.т.е. } M, u, g \Vdash \varphi \text{ для каждого } u, \text{ такого что } wEu; \\ M, w, g \Vdash \downarrow s.\varphi \text{ е.т.е. } M, w, g[w/s] \Vdash \varphi; \\ M, w, g \Vdash @_s\varphi \text{ е.т.е. } M, g(s), g \Vdash \varphi; \\ M, w, g \Vdash (\exists x)\varphi \text{ е.т.е. } M, u, g[e/x] \Vdash \varphi \text{ для некоторого } e \in D(w). \end{aligned}$$

Выразительные возможности HLK

Операторы гибридной логики $\downarrow s.$ и $@_s$, а также гибридные термы формы
 a_s вместе с соответствующими пунктами определений денотации и истины
значительно расширяют выразительные возможности HLK (как и любой
иной гибридной логики) в сравнении со стандартной модальной логикой.
Приведу один из наиболее ярких примеров, показывающих выразительные
возможности HLK. Рассмотрим предложение:

¹ Для простоты я определил HLK как логику без равенства, но она может быть естественным
образом расширена до логики с равенством.

(1) Могло бы быть так, что все, кто в действительности богаты, были бы счастливы.

Интуитивные истинностные условия (1) в терминах семантики возможных миров таковы: существует возможный мир u , достижимый из действительного мира w ¹, такой что каждый, кто в w богат, в u счастлив. Эти условия невозможно выразить средствами стандартной модальной логики, т.е. (1) не имеет в такой логике адекватной формализации. В частности, неадекватны варианты формализации (1), которые первыми приходят в голову – формулы (2) и (3):

(2) $\Diamond(\forall x)(\text{богат}(x) \rightarrow \text{счастлив}(x))$.

(3) $(\forall x)(\text{богат}(x) \rightarrow \Diamond \text{счастлив}(x))$.

(2) истинна, е.т.е. в некотором возможном мире u , достижимом из действительного мира w , счастлив каждый, кто богат в u . (3) истинна, е.т.е. для каждого индивида x , богатого в w , существует возможный мир u , в котором x счастлив. Нетрудно видеть, что истинностные условия обеих формул отличаются от указанных выше истинностных условий (1). (1) является одним из наиболее обсуждаемых примеров, показывающих ограниченность выразительных возможностей стандартной модальной логики первого порядка в сравнении с выразительными возможностями естественного языка.

Гибридная логика в значительной мере преодолевает эту ограниченность. В частности, она позволяет репрезентировать (1) формулой (4):

(4) $\downarrow s. \Diamond \downarrow t. @_s(\forall x)(\text{богат}(x) \rightarrow @_t \text{счастлив}(x))$.

В самом деле, оценим (4) относительно M, w и g :

$M, w, g \Vdash \downarrow s. \Diamond \downarrow t. @_s(\forall x)(\text{богат}(x) \rightarrow @_t \text{счастлив}(x))$ е.т.е.;

$M, w, g[w/s] \Vdash \Diamond \downarrow t. @_s(\forall x)(\text{богат}(x) \rightarrow @_t \text{счастлив}(x))$ е.т.е.;

$(\exists u : wRu)^2 M, u, g[w/s] \Vdash \downarrow t. @_s(\forall x)(\text{богат}(x) \rightarrow @_t \text{счастлив}(x))$ е.т.е.;

$(\exists u : wRu) M, u, g[w/s][u/t] \Vdash @_s(\forall x)(\text{богат}(x) \rightarrow @_t \text{счастлив}(x))$ е.т.е.;

$(\exists u : wRu) M, w, g[w/s][u/t] \Vdash (\forall x)(\text{богат}(x) \rightarrow @_t \text{счастлив}(x))$ е.т.е.;

$(\exists u : wRu) (\forall e \in D(w)) M, w, g[w/s][u/t][e/x] \Vdash (\text{богат}(x) \rightarrow @_t \text{счастлив}(x))$ е.т.е.;

$(\exists u : wRu) (\forall e \in D(w))$ если $M, w, g[w/s][u/t][e/x] \Vdash \text{богат}(x)$, то $M, w, g[w/s][u/t][e/x] \Vdash @_t \text{счастлив}(x)$ е.т.е.;

$(\exists u : wRu) (\forall e \in D(w))$ если $M, w, g[w/s][u/t][e/x] \Vdash \text{богат}(x)$, то $M, u, g[w/s][u/t][e/x] \Vdash \text{счастлив}(x)$ е.т.е.;

$(\exists u : wRu) (\forall e \in D(w))$ если e богат в w , то e счастлив в u .

Полученные истинностные условия совпадают с интуитивными истинностными условиями (1), что позволяет считать (4) формальной репрезентацией (1). Этот эффект был получен благодаря использованию гибридных операторов $\downarrow s.$, $\downarrow t.$, $@_s$ и $@_t$. Механизм действия этих операторов в ходе оценки (4) был таким: сначала оператор $\downarrow s.$ «запомнил» исходный возможный мир w , «обозначив» его переменной s , затем оператор возможности перенес нас в некоторый возможный мир u , после чего оператор $\downarrow t.$ «запомнил» этот мир и обозначил его переменной t , после этого оператор $@_s$ «вернул» нас в мир w , относительно которого мы интерпретировали квантор и подформулу «богат(x)», а перед интерпретацией подформулы «счастлив(x)» оператор $@_t$

¹ Здесь и далее под действительным миром я понимаю мир эвалюации.

² Здесь и ниже я использую кванторы объектного языка как символы метаязыка. В контексте семантических рассуждений это не приводит к неясности.

«вернул» нас в мир u . Благодаря этому мы смогли выделить всех богатых в w и приписать им всем свойство быть счастливыми в u .

В стандартной модальной логике мир, относительно которого оценивается подформула ϕ , определяется модальным оператором, в область действия которого ϕ входит непосредственным образом. Но операторы вида « \downarrow_s » и « $@_s$ » позволяют назначать подформуле ϕ мир, относительно которого ее следует оценивать, вне зависимости от расположения ϕ относительно других модальных операторов. Например, подформула «богат(x)» в (4) находится в области действия \Diamond , однако оценивается так, как если бы она находилась вне этой области.

Специфические выразительные возможности, обеспечиваемые гибридными операторами, могут быть использованы в формализации понятия познаваемости *de re*.

Репрезентация познаваемости *de re* в HLK

Интуитивный смысл знания *de re* состоит в том, что это знание о релевантных объектах, существующих в действительном мире. Соответственно, познаваемость *de re* – это возможность знания о релевантных объектах. Объекты, о которых мы можем иметь знание *de re*, в формулах HLK репрезентируются переменными и константами. Этим обусловлены следующие два семантических требования к репрезентации познаваемости.

(T1) Пусть формула $\phi(a)$, содержащая константу a , выражает факт, имеющий место в возможном мире w (некоторой модели M при некоторой оценке переменных g^1), т.е. $\phi(a)$ истинна в w . Тогда познаваемость данного факта *de re* в w означает, что существует возможный мир w' , достижимый из w , такой что в w' о денотате a в w известно, что он выполняет формулу $\phi(x)$. Рассмотрим, например, тот факт, что самая высокая гора покрыта снегом². Познаваемость этого факта *de re* в w означает, что в некотором мире w' , достижимом из w , об объекте, который в w является самой высокой горой, известно, что он покрыт снегом. Заметим, что этот объект может не быть самой высокой горой в w' , поэтому в w' агенты могут не использовать константу «самая высокая гора» для референции к этому объекту.

(T2) Пусть формула $(\exists x)\phi$ выражает факт, имеющий место в w . Тогда познаваемость этого факта *de re* в w означает, что существует возможный мир w' , достижимый из w , такой что в w' известно, что среди объектов, существующих в w , существует как минимум один объект, выполняющий формулу $\phi(x)$. Опять же отметим, что агенты в w' могут не знать, что соответствующее множество объектов существует в w (более того, они могут не иметь о w никакого представления).

Эти требования выполняет следующая репрезентация познаваемости *de re* для факта, выражаемого формулой ϕ :

$$(5) \downarrow_s \Diamond K\phi,$$

где s – переменная для возможных миров, не встречающаяся в ϕ , а ϕ' – результат серии замен в ϕ : 1) замены каждой индивидуальной константы a , находящейся вне области действия модальных операторов, термом a_s ; 2) замены

¹ В дальнейшем я опускаю упоминания о моделях и оценках переменных.

² Я допускаю логическую репрезентацию определенных дескрипцией индивидуальными константами. Соответственно, данный факт может быть репрезентирован формулой «покрыта_снегом(a)».

каждого квантора $(\exists x)$, не входящего в область действия модальных операторов, выражением $\downarrow t. @_s(\exists x) @_t$, где t – переменная для возможных миров, не встречающаяся в ϕ . Например, если ϕ – это $P(a, b)$, то ϕ' – это $P(a_s, b_s)$; если ϕ – это $(\exists x)P(a, x)$, то ϕ' – это $\downarrow t. @_s(\exists x) @_t P(a_s, x, a_s)$.

Соответственно, принцип познаваемости *de re* репрезентируется как (6):

$$(6) \phi \rightarrow \downarrow s. \Diamond K \phi'.$$

Покажем, как этот принцип работает, на примере фактов, описываемых с использованием индивидуальных констант, и фактов, описываемых с помощью кванторов вне области действия модальных операторов.

1. Подставив в (5) $P(a)$ вместо ϕ , мы получим следующий тезис о познаваемости *de re*:

$$(7) \downarrow s. \Diamond K P(a_s)$$

Пусть a репрезентирует определенную дескрипцию «самая высокая гора», P – свойство быть покрытым снегом; пусть w – действительный мир, и пусть в w самая высокая гора покрыта снегом. Оценка (7) относительно w по дефиниции истины, данной в первом разделе статьи, показывает, что (7) истинно в w , е.т.е. в некотором возможном мире w' , достижимом из w , об объекте, который является самой высокой горой в w , известно, что он покрыт снегом¹. Эти условия соответствуют требованию (T1).

2. Подставив в (5) формулу $(\exists x)P(x)$ вместо ϕ , получим

$$(8) \downarrow s. \Diamond K \downarrow t. @_s(\exists x) @_t P(x).$$

Данная формула истинна в w , е.т.е. в некотором мире w' , достижимом из w , известно, что среди объектов, существующих в w , есть как минимум один покрытый снегом: использование гибридных операторов позволяет нам интерпретировать квантор $(\exists x)$ относительно действительного мира, хотя он находится в области действия модальных операторов \Diamond и K . Таким образом, квантор $(\exists x)$ в (8) пробегает по домену w , что обеспечивает выполнение (T2).

Итак, предложенная репрезентация познаваемости *de re* в HLK соответствует требованиям (T1) и (T2), а значит, и интуитивному смыслу этого понятия. Нам остается показать, что репрезентация принципа познаваемости схемой (6) устойчива к аргументу Фитча. Прежде всего следует заметить, что известность *de re* факта ϕ выражается не формулой $K\phi$, но формулой $\downarrow s. K\phi'$. Например, если ϕ – это $P(a)$, то формула $KP(a)$ выражает известность $P(a)$ *de dicto*, поскольку при оценке $KP(a)$ относительно w мы будем принимать в расчет денотат a в эпистемических альтернативах w , а не в самом w . Но при оценке $\downarrow s. KP(a_s)$ относительно w мы будем принимать в расчет денотат a относительно w , что и требуется, когда речь идет о знании *de re*. Аналогичный тезис верен относительно кванторов. Теперь проверим, приводит ли аргумент Фитча к парадоксу, если мы допустим, что некий факт не известен *de re*. Пусть этот факт выражается формулой $P(a)$. Тогда наше комплексное допущение, что факт имеет место, но не известен, выражается как $P(a) \& \sim \downarrow s. KP(a_s)$. Применив к этой формуле принцип познаваемости *de re*, т.е. схему (6), мы получаем $\downarrow t. \Diamond K[P(a_t) \& \sim \downarrow s. KP(a_s)]$. Затем, применив принцип дистрибутивности знания относительно конъюнкции и принцип фактивности, мы получаем $\downarrow t. \Diamond [KP(a_t) \& \sim \downarrow s. KP(a_s)]$. В синтаксическом аспекте эта формула не со-

¹ Более детально: (7) истинно в w , если и только если существует мир w' , алетически достижимый из w , такой что в любом мире w'' , эпистемически достижимом из w' , объект, являющийся самой высокой горой в w , покрыт снегом.

держит противоречия; в семантическом же аспекте она выражает интуитивно понятные истинностные условия: она истинна в w , е.т.е. в некотором w' , достижимом из w , 1) известно, что денотат a в w имеет свойство P , 2) не известно, что денотат a в w' имеет свойство P . Таким образом, предложенная репрезентация познаваемости *de re* в HLK блокирует парадоксальный аргумент Фитча.

Заключение

Благодаря гибридным элементам вокабуляра и соответствующим частям синтаксиса и семантики логика HLK значительно превосходит стандартные эпистемические логики по выразительной силе. Это позволяет использовать ее для логической репрезентации понятия познаваемости *de re*, соответствующей интуитивному смыслу этого понятия. Предложенная репрезентация познаваемости *de re* позволяет принять принцип познаваемости *de re*, что не приводит к парадоксу Фитча. Таким образом, HLK устраняет данный парадокс применительно к познаваемости *de re*.

Список источников

1. Fitch F. A Logical Analysis of Some Value Concepts // *Journal of Symbolic Logic*. 1963. Vol. 28. P. 113–118.
2. Salerno J. Knowability Noir: 1945–1963 // *New Essays on the Knowability Paradox* / ed. J. Salerno. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 29–48.
3. Brogaard B., Salerno J. Fitch's Paradox of Knowability // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/fitch-paradox>. 2019
4. Fara M. Knowability and the Capacity to Know // *Synthese*. 2010. № 173. С. 53–73.
5. Borisov E.V. Knowability without rigidity // *Filosofija. Sociologija*. 2021. Vol. 32, № 3. P. 194–202.
6. Борисов Е.В. Знание о незнании в эпистемических апориях // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019. № 52. С. 15–22.
7. Борисов Е.В. Парадокс Фитча и фактивность познаваемости // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 58. С. 16–23.
8. Edgington D. The Paradox of Knowability // *Mind*. 1985. Vol. 94. P. 557–568.
9. Edgington D. Possible Knowledge of Unknown Truth // *Synthese*. 2010. Vol. 173. P. 41–52.
10. Jenkins C.S. Anti-realism and Epistemic Accessibility // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 2007. Vol. 132. P. 525–551.
11. Kvanvig J. *The Knowability Paradox*. Oxford : Clarendon Press, 2006.
12. Kvanvig J. The Incarnation and the Knowability Paradox // *Synthese*. 2010. Vol. 173. P. 89–105.
13. Rückert H. A Solution to Fitch's Paradox of Knowability // Rahman S., Symons J., Gabbay D.M., Bendegem J.P. van (eds.). *Logic, Epistemology and the Unity of Science*. Dordrecht : Springer Science+Business Media B.V., 2004. P. 351–380.
14. Kocurek A.W. The problem of cross-world predication // *Journal of Philosophical Logic*. 2016. Vol. 45, №. 6. P. 697–742.

References

1. Fitch, F. (1963) A Logical Analysis of Some Value Concepts. *Journal of Symbolic Logic*. 28. pp. 113–118. DOI: 10.2307/2271594
2. Salerno, J. (2009) Knowability Noir: 1945–1963. In: Salerno, J. (ed.) *New Essays on the Knowability Paradox*. Oxford: Oxford University Press. pp. 29–48.
3. Brogaard, B. & Salerno, J. (2019) Fitch's Paradox of Knowability. In: Zalta, E.N. & Nodelman, U. (eds) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/fitch-paradox>
4. Fara, M. (2010) Knowability and the Capacity to Know. *Synthese*. 173. pp. 53–73. DOI: 10.1007/s11229-009-9676-8

5. Borisov, E.V. (2021) Knowability without rigidity. *Filosofija. Sociologija*. 32(3). pp. 194–202. DOI: 10.6001/fil-soc.v32i3.4491
6. Borisov, E.V. (2019) Knowledge of Ignorance in Epistemic Aporias. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 52. pp. 15–22. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/52/2
7. Borisov, E.V. (2020) The Fitch Paradox and the Factivity of Knowability. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 58. pp. 16–23. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/58/2
8. Edgington, D. (1985) The Paradox of Knowability. *Mind*. 94. pp. 557–568.
9. Edgington, D. (2010) Possible Knowledge of Unknown Truth. *Synthese*. 173. pp. 41–52. DOI: 10.1007/s11229-009-9675-9.
10. Jenkins, C.S. (2007) Anti-realism and Epistemic Accessibility. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 132. pp. 525–551.
11. Kvanvig, J. (2006) *The Knowability Paradox*. Oxford: Clarendon Press.
12. Kvanvig, J. (2010) The Incarnation and the Knowability Paradox. *Synthese*. 173. pp. 89–105. DOI: 10.1007/s11229-009-9678-6
13. Rückert, H. (2004) A Solution to Fitch's Paradox of Knowability. In: Rahman, S., Symons, J., Gabbay, D.M. & Bendegem, J.P. van (eds) *Logic, Epistemology and the Unity of Science*. Dordrecht: Springer Science+Business Media B.V. pp. 351–380.
14. Kocurek, A.W. (2016) The problem of cross-world predication. *Journal of Philosophical Logic*. 45(6). pp. 697–742. DOI: 10.1007/s10992-015-9389-z

Сведения об авторе:

Борисов Е.В. – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН; профессор Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Borisov E.V. – Dr. Sci. (Philosophy), Docent; leading researcher of the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); professor of the National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2022;
одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 20.10.2022;
approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 05.12.2022

Научная статья

УДК 162.2

doi: 10.17223/1998863X/70/4

ОБ ИНТЕРЕСНОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ТРАДИЦИОННОЙ СИЛЛОГИСТИКОЙ И ВООБРАЖАЕМОЙ ЛОГИКОЙ¹

Мария Михайловна Легейдо¹, Антонина Викторовна Конькова²

^{1, 2} *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,*

¹ *legeydo.mm@philos.msu.ru*

² *konkova@philos.msu.ru*

Аннотация. Рассматривается новый подход к построению семантик для силлогистических высказываний – интенциональный, и представлены две семантики такого типа: для традиционной силлогистики – **С4** (силлогистики Лукасевича) и воображаемой логики – **ИЛ2** Н.А. Васильева. Показано, что вторая система является консервативным расширением первой: формулируются и доказываются соответствующие теоремы.

Ключевые слова: силлогистика, интенциональная семантика, консервативное расширение, Лейбниц, Васильев

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

Для цитирования: Легейдо М.М., Конькова А.В. Об интересной связи между традиционной силлогистикой и воображаемой логикой // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 48–58. doi: 10.17223/1998863X/70/4

Original article

ON AN INTERESTING CONNECTION BETWEEN TRADITIONAL SYLLOGISTICS AND IMAGINARY LOGIC

Maria M. Legeydo¹, Antonina V. Konkova²

^{1, 2} *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

¹ *legeydo.mm@philos.msu.ru*, ² *konkova@philos.msu.ru*

Abstract. The article considers a new approach to the construction of semantics for syllogistic statements – an intensional one, in which general terms are compared not with the extensions of concepts (as it has been since the time of Aristotle), but with sets of attributes (that is, the content of concepts), and syllogistic constants are considered not as relations of inclusion of classes of extensions of concepts, but as signs of relations between concepts according to their content. This approach to the interpretation of syllogistics goes back to the logical works of Leibniz, which are analyzed in the article. The semantics formalizing the Leibniz approach proposed by Vladimir Markin is presented. Special attention is paid to the description of a special type of construction of Nikolay Vasiliev's imaginary logic, the interpretation of imaginary logic based on the intensional interpretation of attributive statements with two types of negations (strict or absolute and weak) is considered. The

¹ Статья представляет собой существенно расширенную версию доклада [1], сделанного на Двенадцатых Смирновских чтениях по логике (Москва, 24–26 июня 2021 г.).

formalization of this variant of imaginary logic proposed by Dmitry Zaitsev and Vladimir Markin is given. The article presents calculus corresponding to two intensional semantics: for traditional syllogistics C4 (Łukasiewicz syllogistics) and for imaginary logic-2 by Vasiliev (IL2). The main result of the article is the conclusion that the IL2 system with two types of negations is a conservative extension of the C4 system. To demonstrate this, a sublanguage (containing only those syllogistic constants contained in C4) is allocated in the richer IL2 system, with the help of which the axioms of traditional syllogistics are set, the identity of the construction of the semantics of the two systems is shown. The corresponding theorems are formulated and proved: the theorem that the IL2 calculus is an extension of the C4* calculus (this is the C4 calculus given through a sublanguage); a theorem on the semantic equivalence of two systems; a theorem on conservative extension (Vladimir Smirnov's definitions are used for proofs).

Keywords: syllogistics, intensional semantics, conservative extension, Leibniz, Vasiliev

Acknowledgments: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence".

For citation: Legeydo, M.M. & Konkova, A.V. (2022) On an interesting connection between traditional syllogistics and imaginary logic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 48–58. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/4

Лейбниц и интенциональная семантика силлогистики Лукасевича

Силлогистика со времен ее основателя – Аристотеля, интерпретировалась, как правило, в экстенциональном ключе. Категорические высказывания при данном подходе рассматриваются как выражающие отношения между объемами общих терминов (т.е. между объемами соответствующих понятий). Напомним, что понятие – это мысль, которая путем указания на некоторый признак выделяет и обобщает в класс предметы, этим признаком обладающие. Объем понятия – класс предметов, выделяемых (из универсума) и обобщаемых в этом понятии. В современной символической логике экстенциональный подход к интерпретации атрибутивных суждений, а соответственно, и силлогистических теорий является наиболее развитым: экстенциональные семантики построены для многих систем силлогистики, сформулированы адекватные переводы этих систем в язык логики предикатов (теории, которая в последнее время активно используется для формализации и изучения силлогистических теорий).

В истории логики имеется альтернативный подход к интерпретации категорических суждений. Он заключается в трактовке субъекта и предиката высказывания как понятийных конструкций, но уже с точки зрения содержательных характеристик. В современном учении о понятии содержанием понятия называют признак, посредством которого выделяются и обобщаются предметы в понятии (данный признак может быть простым или сложным). В традиционной логике под содержанием понятия обычно понималась совокупность признаков – положительных (указывающих на наличие свойств) и отрицательных (указывающих на их отсутствие). Напомним, что между объемами и содержаниями понятий (если у них один универсум) действует закон обратного отношения: если одно понятие шире другого по объему, то оно беднее по содержанию и наоборот.

При интенциональном подходе силлогистические константы рассматриваются как знаки отношений между понятиями по содержанию. Идея такой интерпретации категорических высказываний принадлежит Г. Лейбницу, который прямо противопоставил свою «содержательную» трактовку «объемной».

Рассмотрим две работы Лейбница, где он развивает свой подход. Первая из них – «Элементы исчисления» [2. Т. 3. С. 514–523]. В ней он пишет: «Схоластики говорят иначе, имея в виду не понятия, а примеры, являющиеся объектами общих понятий. Поэтому они говорят, что [понятие] металла шире [понятия] золота, ибо оно содержит больше видов, чем золото; и, если бы мы захотели перечислить все золотые предметы, с одной стороны, и металлические предметы – с другой, последних, конечно же, оказалось бы больше, к тому же первые содержались бы во вторых, как часть в целом. <...> Но я предпочитаю ориентироваться на общие понятия, т.е. идеи и их комбинации, потому что они не зависят от существования индивидуальных предметов. Поэтому я утверждаю, что [понятие] золота больше [понятия] металла, ибо для понятия золота необходимо большее число компонентов, чем для [понятия] металла, и сложнее произвести золото, чем какой-нибудь другой металл» [2. Т. 3. С. 518].

Вторая работа, к которой мы обратимся, – «Новые опыты о человеческом разумении» [2. Т. 2. С. 47–546]. Здесь Лейбниц предлагает программу трактовки силлогистики как интенциональной теории: «Действительно, говоря: „Всякий человек есть животное“, я хочу этим сказать, что все люди находятся в числе всех животных, но одновременно я имею в виду, что идея животного включена в идею человека. Животное содержит больше индивидов, чем человек, но человек содержит больше идей или больше формальных определений. Животное содержит больше экземпляров, человек – больше степеней реальности; у первого – больший объем, у второго – большее содержание. Поэтому мы вправе сказать, что все учение о силлогизме можно доказать на основании учения *de continente et contento* (о содержащем и содержимом), которое отлично от учения о целом и части, так как целое всегда больше части...» [2. Т. 2. С. 501–502].

Существует несколько способов адекватной формальной экспликации идей Лейбница, например представленная далее семантика, построенная В.И. Маркиным [3].

Системой, для которой адекватен лейбницеvский подход к трактовке категорических высказываний, является **C4** (силлогистика Лукасевича). Напомним ее постулаты. Схемами аксиом являются:

A0: Схемы аксиом классического исчисления высказываний (КИВ);

A1: $(MaP \wedge SaM) \supset SaP$;

A2: $(MaP \wedge MiS) \supset SiP$;

A3: SaP ;

A4: MiS .

Единственное правило вывода – *modus ponens*.

Интенциональная семантика для этой системы задается следующим образом (см.: [8]):

Рассматривается множество литералов \mathcal{L} , которые репрезентируют признаки:

$\mathcal{L} = \{p_1, \sim p_1, p_2, \sim p_2, \dots\}$. Признаки могут быть положительные (p_i) и отрицательные ($\sim p_i$).

Лейбниц трактует понятие интенционально, т.е. как совокупность признаков. Он не упоминает, что эта совокупность является непустой, так как этот факт кажется ему очевидным. Понятие – это произвольное непустое подмножество \mathcal{L} . Для построения семантики для **C4** используются лишь непротиворечивые понятия. Непустое непротиворечивое понятие – такое понятие $\alpha \subseteq \mathcal{L}$, которое удовлетворяет следующим условиям:

1) $\alpha \neq \emptyset$;

2) не существует такого p_i , что $p_i \in \alpha$ и $\sim p_i \in \alpha$.

Пусть \mathcal{H} есть множество всех непротиворечивых понятий. На этом множестве задается операция $\#$, которая сопоставляет каждому понятию α противоположное ему понятие $\alpha^\#$:

$(p_i \in \alpha^\# \Leftrightarrow \sim p_i \in \alpha)$ и $(\sim p_i \in \alpha^\# \Leftrightarrow p_i \in \alpha)$.

Вводится интерпретационная функция π , которая сопоставляет каждому общему термину некоторое непустое непротиворечивое понятие (тракуемое интенционально).

Условия истинности элементарных формул языка позитивной силлогистики при интерпретации π задаются следующим образом:

Определение 1.

$|SaP|_\pi = 1 \Leftrightarrow \pi(P) \subseteq \pi(S)$;

$|SiP|_\pi = 1 \Leftrightarrow \pi(P)^\# \cap \pi(S) = \emptyset$.

Условия истинности сложных формул обычные.

Данная семантика адекватно эксплицирует подход, предложенный Г. Лейбницем. Трактовка Лейбницем высказываний типа *a* полностью соответствует сформулированной семантике. Он пишет: «Таким образом, отсюда мы можем знать, является ли истинным некое общеутвердительное предложение. Ведь в нем понятие субъекта, взятое абсолютно и неопределенно и вообще рассматриваемое само по себе в целом, всегда содержит понятие предиката. Например, „Всякое золото есть металл“, т.е. понятие металла содержится в понятии золота, рассматриваемом само по себе, так что все, что принимается за золото, тем самым принимается за металл» [2. Т. 3. С. 520].

Относительно интерпретации частноутвердительных высказываний Лейбниц пишет: «Однако в частноутвердительном предложении нет необходимости, чтобы предикат присутствовал в субъекте, рассматриваемом сам по себе и абсолютно, т.е. чтобы понятие субъекта само по себе содержало понятие предиката, но достаточно предикату содержаться в каком-то виде субъекта, т.е. чтобы понятие какого-то вида субъекта содержало понятие предиката, хотя бы и не было выражено, каков именно этот вид» [2. Т. 3. С. 521]. Вид, по Лейбницу, – более широкое по содержанию понятие: «Что касается понятий, или составляющих терминов, то они различаются как часть и целое, так что понятие рода является частью, а понятие вида – целым» [2. Т. 3. С. 517]. «Таким образом, поскольку для частноутвердительного предложения не требуется ничего другого, кроме того, чтобы вид субъекта содержал предикат, отсюда [следует, что] субъект относится к предикату либо как вид к роду, либо как вид к чему-то совпадающему... либо как род к виду, т.е. понятие субъекта

может выступать по отношению к понятию предиката либо как целое к части, либо как целое к совпадающему с ним целому» [2. Т. 3. С. 520–521].

Что же касается требования непротиворечивости понятий, то в работе «Элементы исчисления» [2. Т. 3. С. 514–522], где сформулирована интенциональная семантика, не упоминаются отрицательные признаки. Однако в другой работе – «Исследование универсального исчисления» [2. Т. 3. С. 533–537], Лейбниц рассматривает понятия, которые содержат отрицательные признаки, и даже предлагает некоторый аналог операции [#]. Он пишет: «Если же в свою очередь будет отрицаться этот термин – „ученый не-умный, не-справедливый“, очевидно получится „справедливый, умный не-ученый“» [2. Т. 3. С. 537]. Видим, что, как и в случае с операцией [#], положительные признаки заменяются на отрицательные, а отрицательные – на положительные.

Помимо представленного выше способа формализации интенциональных идей Лейбница, существуют и другие, например, работа немецкого математика К. Гласхофа (р. 1947) «Интенциональная семантика Лейбница для аристотелевской логики» [4] и работа голландского философа Роберта Ван Руйи 2014 г. «Лейбницянская интенциональная семантика для силлогистических рассуждений» [5].

Н.А. Васильев: воображаемая логика и интенциональная семантика для силлогистики

В свете рассмотрения развития идей интенционального подхода в логике будет несправедливо обойти стороной выдающегося русского логика Николая Александровича Васильева. Он был известен не только в отечественных научных кругах, но и за рубежом. В 1924 г. доклад Васильева «Воображаемая логика» был зачитан на пятом международном философском конгрессе в Италии и опубликован в его материалах. Будучи специалистом высочайшего класса, Васильев смог не просто проанализировать состояние развития философии и логики того времени, но и создал собственную логическую теорию, заложившую идейный фундамент для развития неклассических логик.

В то время в логике происходила научная революция: на смену традиционной пришла математическая, символическая логика. Но параллельно с этим в рамках «новой» логики осуществлялась ревизия фундаментальных логических принципов (двузначности, экстенциональности и др.), и возникали разные неклассические логические теории. Одной из них была воображаемая неаристотелева логика Н.А. Васильева. Русский логик не только изучил сложившиеся течения в логике, но и подверг критической оценке многие работы современников. Ученый обращает свой взор на диалектическую логику Гегеля, индуктивную логику Дж. Милля, критику аристотелевской логики Х. Зигвартом. Кроме того, время создания Васильевым собственной теории совпадает с периодом разработки математической логики такими известными учеными, как Дж. Буль, П.С. Порецкий, Г. Фреге, Б. Рассел [7. С. 79, 107]. Воображаемая логика также возникла благодаря использованию идей современной математики, в особенности неевклидовых геометрий. В своей работе Васильев шел по стопам Н.И. Лобачевского и его воображаемой геометрии. Идейное сходство в построении этих двух научных теорий отмечал не только сам логик, но и видные ученые того времени В.Н. Ивановский, Д.Н. Зейлигер [7. С. 177].

Васильев видел возможность построения не одной-единственной системы, а множества воображаемых логик, отличных от аристотелевской. Воображаемая логика – это принцип построения новой логики, и этот принцип следует рассматривать как инструмент в изучении оснований логики. Тут стоит сделать акцент на разделении ученым логики на два типа: наша «земная» (эмпирическая) логика и металогика. Логические законы нашего мира зависят непосредственно от опыта, и мы вполне можем себе представить другие миры, с другой реальностью, а следовательно, и с другими эмпирическими законами логики. Так мы можем, добавляя или отбрасывая некоторые из таких законов, конструировать множество логик: «Логика в таком виде, в каком мы привыкли ее употреблять, полна эмпирических элементов; это есть логика в условиях опыта; она приспособлена к эмпирии» [7. С. 89]. Но есть особые принципы и операции, имеющие абсолютную значимость для любой логики и для любого логического мышления – это те принципы, которые остаются после устранения всего, что эмпирично, и которые Васильев называет металогики. Металогика возможна лишь одна, она является чисто теоретической наукой, в нее входит только форма без содержания, и поэтому она беднее эмпирических логик по содержанию: «Металогика, пригодная для познания всякого мира, одна не может познать ни одного... металогика – для соприкосновения с реальностью, с тварностью, нуждается в посреднике, в Логосе, в материальной логике» [7. С. 116]

Принципы, на которых базируется воображаемая логика, следует рассматривать как инструмент для более глубокого изучения оснований логики: «Для решения вопросов о законах мышления следует использовать метод построения воображаемой логики. Этот метод позволяет разобрать сложную и запутанную ткань „логического“, где все нити связаны, переплетаются, перекрещиваются и запутывают друг друга. Этот метод позволяет разобрать разные слои „логического“ и проследить наиболее важные пути – основу ткани – и их взаимоотношения» [7. С. 92]. Васильев понимал, что эта идея вызовет множество возражений, но не сомневался, и оказался прав, что неаристотелева логика имеет огромное логическое, гносеологическое, а значит, философское значение: «Главное преимущество метода воображаемой логики заключается в том, что таким путем законы и формулы нашей логики обобщаются, и мы можем получить логические законы в самом общем виде. *Last not least* (последнее, но не менее важное) и гносеологическое, а значит, вообще и философское значение самого факта воображаемой логики, самого различия рационального и эмпирического в логике...» [7. С. 93].

Предложенная Васильевым логика представляет собой силлогистику особого типа, где помимо утвердительных и отрицательных высказываний появляются высказывания третьего типа – противоречивые (индифферентные), которые содержат связку «есть и не есть». Васильев подробно формулирует в виде дедуктивной системы основной вариант предлагаемой им логики, выделяет новые законы и новые корректные модусы силлогизмов.

Наконец, Васильев высказывает идею интенциональной интерпретации суждений воображаемой логики всех трех качеств. Именно данная альтернативная версия воображаемой логики интересует нас в этой работе. Здесь субъекты и предикаты атрибутивных суждений рассматриваются, как и в упомянутых выше работах Лейбница, не как знаки множеств (объемов поня-

тий), а как знаки содержаний понятий, при этом сами суждения фиксируют информацию об отношении между содержаниями двух понятий. Васильев, как и Лейбниц, трактует содержание понятия традиционно – как множество признаков, причем признаки могут быть и положительными и отрицательными. Он предлагает следующую интенциональную интерпретацию общих суждений трех различных качеств: в утвердительном суждении все признаки предиката утверждаются в субъекте; в отрицательном суждении каждый признак предиката отрицается в субъекте (эти суждения, по Васильеву, содержат абсолютное, сильное отрицание). Третий тип общих суждений – суждения со слабым отрицанием, им как раз соответствуют суждения со связкой «есть и не есть». В них некоторые признаки предиката утверждаются в субъекте, а некоторые отрицаются: «Так, отрицая, что Колумб был первым европейцем, приплывшим в Америку, мы не отрицаем, что он был европейцем и что он приплыл в Америку» [7. С. 87]. В данном варианте воображаемой логики оказываются корректными очень необычные и нетривиальные силлогизмы, когда из двух отрицательных (абсолютно) посылок следует утвердительное заключение, а также силлогизмы первой фигуры с меньшей отрицательной посылкой. Васильев приводит пример подобного силлогизма:

$$\begin{array}{l} A \text{ есть } P \\ S \text{ есть non-}A \\ \hline S \text{ есть non-}P \end{array}.$$

При этом формула « S есть non- A », например, должна читаться так: A абсолютно отрицается относительно S [6. С. 88], и, действительно, в большей посылке говорится, что все признаки в составе P содержатся и в A , а меньшая посылка сообщает, что каждый признак в составе A отрицается в S . Отсюда вытекает, что каждый признак в составе P отрицается в S .

В.И. Маркиным и Д.В. Зайцевым [8] была предложена адекватная формализация идей Васильева для данного варианта «воображаемой логики» на базе классической логики высказываний. Язык содержит три силлогистические константы для общих высказываний: A_1 для утвердительных, A_2 для (абсолютно) отрицательных и A_3 для слабо отрицательных (т.е. индифферентных). Кроме того, дополнительно вводятся три константы – I_1 , I_2 и I_3 – для частных высказываний трех соответствующих качеств (сам Васильев при формулировке альтернативной версии воображаемой логики, в отличие от основной ее версии, частные суждения не рассматривает).

Далее в этом языке строится аксиоматическое исчисление **IL2**. Схемы аксиомы данной системы представлены в [8] и [9], здесь же приведем лишь необходимые для нашей работы:

IL2.0: Аксиомы КИБ;

IL2.1: $(A_1MP \wedge A_1SM) \supset A_1SP$;

IL2.2: $(A_1MP \wedge A_2SM) \supset A_2SP$;

IL2.3: $(A_2MP \wedge A_1SM) \supset A_2SP$;

IL2.4: $(A_2MP \wedge A_2SM) \supset A_1SP$;

IL2.5: $(A_1MP \wedge I_1SM) \supset I_1SP$;

IL2.9: A_1SS ;

IL2.12: $I_1SP \supset I_1PS$;

IL2.14: $A_1SP \supset I_1SP$.

Единственным правилом вывода является *modus ponens*.

Интенциональная семантика для этой системы использует те же самые конструкции, что и описанная выше семантика для силлогистики **C4**. Интерпретирующая функция π сопоставляет каждому общему термину понятие, трактуемое интенционально. Под понятием понимается подмножество множества $\{p_1, \sim p_1, p_2, \sim p_2, \dots\}$. Каждое понятие удовлетворяет двум условиям: (1) оно не является пустым; (2) оно не может содержать в себе двух противоречащих признаков. Вводится операция $\#$, обладающая всеми указанными выше свойствами, она сопоставляет каждому понятию противоположное ему.

В [8] и [9] задаются следующие условия истинности атомарных формул шести типов при интерпретации π :

Определение 2.

$$\begin{aligned} |A_1SP|_{\pi} &= 1 \Leftrightarrow \pi(P) \subseteq \pi(S); \\ |A_2SP|_{\pi} &= 1 \Leftrightarrow \pi(P)^{\#} \subseteq \pi(S); \\ |A_2SP|_{\pi} &= 1 \Leftrightarrow \pi(P) \cap \pi(S) = \emptyset \text{ и } \pi(P)^{\#} \cap \pi(S) = \emptyset; \\ |I_1SP|_{\pi} &= 1 \Leftrightarrow \pi(P)^{\#} \cap \pi(S); \\ |I_2SP|_{\pi} &= 1 \Leftrightarrow \pi(P) \cap \pi(S); \\ |I_2SP|_{\pi} &= 1 \Leftrightarrow \pi(P) \setminus \pi(S) = \emptyset \text{ и } \pi(P)^{\#} \setminus \pi(S) = \emptyset. \end{aligned}$$

Условия истинности сложных формул и понятие общезначимой формулы обычные.

Доказана непротиворечивость и полнота исчисления **IL2** относительно данной семантики [8].

Формальная связь между **C4** и **IL2**

Можно заметить, что для некоторых типов суждений условия истинности в интенциональных семантиках систем **C4** и **IL2** совпадают. Было выдвинуто предположение, что более богатая система **IL2** является консервативным расширением системы **C4**. В данном разделе статьи попытаемся обосновать этот тезис.

Изменим способ записи (алфавит) для исчисления **C4**: будем использовать вместо константы a константу A_1 , а вместо константы i – константу I_1 . При новой форме записи исчисление **C4** будет выглядеть следующим образом (обозначим его **C4***):

- A*0:** Аксиомы КИБ;
- A*1:** $(A_1MP \wedge A_1SM) \supset A_1SP$;
- A*2:** $(A_1MP \wedge I_1MS) \supset I_1SP$;
- A*3:** A_1SS ;
- A*4:** I_1SS .

Единственное правило вывода – *modus ponens*.

Отметим, что новое исчисление **C4*** обладает всеми теми же метатеоретическими свойствами, которыми обладает и исчисление **C4**.

В таком случае изменится и форма записи условий значимости атомарных формул (из определения 1):

Определение 3.

$$|A_1SP|_{\pi} = 1 \Leftrightarrow \pi(P) \subseteq \pi(S);$$

$$|I_1SP|_{\pi} = 1 \Leftrightarrow \pi(P)^{\#} \cap \pi(S).$$

Теорема 1. Любая теорема исчисления **C4*** доказуема в исчислении **IL2**.

Для доказательства метатеоремы достаточно будет показать, что все аксиомы исчисления **C4*** доказуемы в **IL2**. Доказательство ведется индукцией по построению формулы.

A*0: аксиомы классического исчисления высказываний являются аксиомами исчисления **IL2**, а потому доказуемы в нем;

A*1: $(A_1MP \wedge A_1SM) \supset A_1SP$

аксиома **IL2.1** исчисления **IL2**;

A*2: $((A_1MP \wedge I_2MS) \supset I_1SP)$

1. $(A_1MP \wedge I_1SM) \supset I_1SP$ **IL2.5**

2. $I_1SM \supset I_1MS$ **IL2.12**

3. $(A_1MP \wedge I_1MS) \supset I_1SP$ 1,2; по законам логики высказываний (**ЛВ**)

A3: A_1SS ;

аксиома **IL2.9** исчисления **IL2**;

A4: I_1SS

1. $A_1SS \supset I_1SS$ **IL2.14**

2. A_1SS **IL2.9**

3. I_1SS **1,2; ЛВ**

Правило *modus ponens* имеется в обоих исчислениях.

Теорема 1 доказана.

Эта теорема эквивалентна утверждению о том, что исчисление **IL2** является расширением исчисления **C4*** согласно следующему определению В.А. Смирнова [10. С. 57]:

«Теория **T₂** является *расширением* теории **T₁**, если и только если всякое предложение, доказуемое в **T₁**, доказуемо и в **T₂**».

Выделим в языке исчисления **IL2** подязык с двумя силлогистическими константами: A_1 и I_1 .

Теорема 2. Для любой формулы подязыка верно, что она общезначима в **IL2** тогда и только тогда, когда она общезначима в **C4***.

Для доказательства этой теоремы будем использовать следующую лемму:

Лемма. Для всякой формулы **A** и для всякой модели верно, что $|A|_{\pi}^{IL2} = 1$ тогда и только тогда, когда $|A|_{\pi}^{C4*} = 1$.

Доказательство ведется возвратной индукцией по числу пропозициональных связок в составе **A**:

1. **A** имеет вид A_1SP :

$$|A_1SP|_{\pi}^{IL2} = 1 \text{ (по опр. 2)} \Leftrightarrow \pi(P) \subseteq \pi(S) \Leftrightarrow |A_1SP|_{\pi}^{C4*} = 1 \text{ (по опр. 3)}.$$

2. Случай, когда формула **A** имеет вид I_1SP , доказывается аналогично.

Далее рассматриваем случаи, когда **A** – сложная формула. Используем индуктивное допущение: для любой формулы **B** с меньшим, чем у **A**, числом пропозициональных связок верно, что $|B|_{\pi}^{IL2} = 1 \Leftrightarrow |B|_{\pi}^{C4*} = 1$. Условия истинности пропозициональных связок у **IL2** и **C4*** совпадают, а значит, доказательство данного пункта тривиально.

Теорема 2 доказана.

Теорема 3. Исчисление **IL2** является консервативным расширением исчисления **C4***.

Для доказательства данной метатеоремы воспользуемся определением, сформулированным В.А. Смирновым [10. С. 57]:

T₂ есть *консервативное расширение* **T₁** тогда и только тогда, когда **T₂** есть расширение **T₁**, и для всякого предложения **A**, сформулированного в терминах теории **T₁**, если **A** доказуемо в **T₂**, то оно доказуемо в **T₁**.

Доказательство: первое утверждение в определяющей части – тот факт, что система **IL2** является расширением системы **C4*** – уже доказано (Теорема 1).

Второе утверждение, а именно тот факт, что для всякого предложения **A**, сформулированного в терминах теории **C4***, если **A** доказуемо в **IL2**, то оно доказуемо в **C4***, вытекает из следующих утверждений:

1. Результат В.И. Маркина и Д.В. Зайцева [8] о семантической непротиворечивости исчисления **IL2**.

2. Теорема 2, которая говорит о том, что любая формула языка **C4*** общезначима в **IL2** тогда и только тогда, когда она общезначима в **C4***.

3. Результат [11. С. 90] о семантической полноте исчисления **C4***.

Теорема 3 доказана.

Полученный результат позволяет рассматривать идеи Васильева как развитие и расширение интенционального подхода через построение более богатой теории с оцениванием не только стандартных силлогистических высказываний, но и высказываний особого типа – с двумя видами отрицаний. Прослеживается преемственность от Лейбница к Васильеву, хотя точных свидетельств о том, что Васильев был знаком с указанными работами Лейбница, нет. Ни в одной из увидевших свет работ Васильева и опубликованных работ о нем нет никаких упоминаний интенционального подхода Лейбница. Исходя из этого факта и учитывая, что данные работы Лейбница были переведены на английский и русский языки только во второй половине XX в., Васильев, скорее всего, не был знаком с ними. Появление идей такого рода интерпретации силлогистических высказываний в столь разное время независимо друг от друга, несомненно, говорит в пользу интенционального подхода как одного из перспективных направлений в силлогистических исследованиях.

Список источников

1. Конькова А.В., Легейдо М.М. Об интересной связи между традиционной силлогистикой и воображаемой логикой // Двенадцатые Смирновские чтения: материалы Международной научной конференции, Москва, 24–26 июня 2021 г. Русское общество истории и философии науки. М., 2021. С. 188–192.
2. Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1984.
3. Маркин В.И. Интенциональная семантика традиционной силлогистики // Логические исследования. М.: Наука, 2001. Вып. 8. С. 82–91.
4. Glashoff K. An Intensional Leibniz Semantics for Aristotelian Logic. *The Review of Symbolic Logic*, 3(2), 2010. P. 262–272.
5. Van Rooij R. Leibnizian Intensional Semantics for Syllogistic Reasoning // *Recent Trends in Philosophical Logic*, 2014. P. 179–194.
6. Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. М., Мысль, 1978. Т. 2.
7. Васильев Н.А. Воображаемая логика: избр. труды. М., 1989.
8. Зайцев Д.В., Маркин В.И. Воображаемая логика-2: реконструкция одного из вариантов знаменитой логической системы Н.А. Васильева // Труды научно-исследовательского семинара Логического центра Института философии РАН. 1999. Вып. 13. С. 134–142.

9. Конькова А.В. Воображаемая логика-2 Н.А. Васильева как силлогистическая теория // Логические исследования. 2019. Т. 25, № 2. С. 94–113.
10. Смирнов В. А. Логические методы анализа научного знания. М. : ЛЕНАНД, 2021.
11. Бочаров В.А., Маркин В.И. Силлогистические теории. М. : Прогресс-Традиция, 2010.

References

1. Konkova, A.V. & Legeydo, M.M. (2021) Ob interesnoy svyazi mezhdru traditsionnoy sillogistikoy i voobrazhaemoy logikoy [On an interesting connection between traditional syllogistics and imaginary logic]. *Dvenadtsatye Smirnovskie chteniya* [Twelfth Smirnov Readings]. Proc. of the International Conference. Moscow, June 24–26, 2021. Moscow. pp. 188–192.
2. Leibniz, G.W. (1984) *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in four volumes]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
3. Markin, V.I. (2001) Intensional'naya semantika traditsionnoy sillogistiki [Intensional semantics of traditional syllogistics]. *Logicheskie issledovaniya*. 8. pp. 82–91.
4. Glashoff, K. (2010) An Intensional Leibniz Semantics for Aristotelian Logic. *The Review of Symbolic Logic*. 3(2). pp. 262–272. DOI: 10.1017/S1755020309990396
5. Van Rooij, R. (2014) Leibnizian Intensional Semantics for Syllogistic Reasoning. In: Ciuni, R., Wansing, H. & Willkommen, C. (eds) *Recent Trends in Philosophical Logic*. Springer Cham. pp. 179–194.
6. Aristotle. (1978) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: In 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
7. Vasiliev, N.A. (1989) *Voobrazhaemaya logika* [Imaginary Logic]. Moscow: [s.n.]
8. Zaytsev, D.V. & Markin, V.I. (1999) Voobrazhaemaya logika-2: rekonstruktsiya odnogo iz variantov znamenitoy logicheskoy sistemy N.A. Vasil'eva [Imaginary logic-2: The reconstruction of a variant of N.A. Vasilyev's famous logical system]. *Trudy nauchno-issledovatel'skogo seminaru Logicheskogo tsentra Instituta filosofii RAN*. 13. pp. 134–142.
9. Konkova, A.V. (2019) Voobrazhaemaya logika-2 N.A. Vasil'eva kak sillogisticheskaya teoriya [Imaginary logic-2 of N.A. Vasiliev as a syllogistic theory]. *Logicheskie issledovaniya*. 25(2). pp. 94–113.
10. Smirnov, V.A. (2021) *Logicheskie metody analiza nauchnogo znaniya* [Logical methods of analysis of scientific knowledge]. Moscow: LENAND.
11. Bocharov, V.A. & Markin, V.I. (2010) *Sillogisticheskie teorii* [Syllogistic theories]. Moscow: Progress-Traditsiya.

Сведения об авторах:

Легейдо М.М. – аспирантка 3-го года обучения кафедры логики философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: legeydo.mm@philos.msu.ru

Конькова А.В. – аспирант 2-го года обучения кафедры логики философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: konkova@philos.msu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Legeydo M.M. – postgraduate student, Department of Logic, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: legeydo.mm@philos.msu.ru

Konkova A.V. – postgraduate student, Department of Logic, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: konkova@philos.msu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.06.2022;

одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 05.12.2022

The article was submitted 28.06.2022;

approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 05.12.2022

Научная статья

УДК 111

doi: 10.17223/1998863X/70/5

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИВАТНЫХ ФИЗИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Виктория Алексеевна Сухарева

*Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия, Siberian-pegas@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается вопрос о возможности существования частных физических объектов. Исследуется возможность корректного применения ограничения «быть частным» к физическим объектам. Демонстрируется, что частные физические объекты могут обладать всеми стандартными универсальными свойствами физических объектов, а также что для частных физических объектов можно сформулировать приемлемый критерий тождества. Делается вывод о том, что частные физические объекты можно непротиворечиво мыслить в качестве возможных сущностей.

Ключевые слова: частные объекты, частные физические объекты, критерий тождества, метафизика

Для цитирования: Сухарева В.А. К проблеме возможности частных физических объектов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 59–70. doi: 10.17223/1998863X/70/5

Original article

ON THE POSSIBLE EXISTENCE OF PRIVATE PHYSICAL OBJECTS

Victoria A. Sukhareva

*Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation, Siberian-pegas@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the possible existence of private physical objects. The term “private physical object” refers to a hypothetical physical object, which is directly observable for just one (and only) agent (and I regard this constraint as being of purely metaphysical nature). At the beginning of the article, I investigate the issue of the correct application of the “privacy constraint” to physical objects, and the issue of compatibility of this constraint with all standard universal characteristics of physical objects, including the following: to exist independently of subjects (independently of language, thought, apprehension, knowledge, etc.), to be at least indirectly observable, to possess properties, to stand in relations to one another, to be concrete (to be non-abstract, to exist in space and time, to have causes and to have effects). I show that publicity is not a constitutive property of physical objects. In the second part of the article, I aim to provide a satisfactory criterion of identity for private physical objects. I show that being private and having an identity criterion are not incompatible conditions. I consider two main models of the identity criterion – a one-level criterion of identity and a two-level criterion of identity – and several examples of universal diachronic identity criteria for physical objects. Using these models of identity criterion along with the examples of universal diachronic identity criteria for physical objects, I formulate an exemplary identity criterion for private physical objects. I also consider some features of the comparison procedure for private physical objects. I demonstrate that for any private physical objects only indirect intersubjective comparison

procedures are allowed. I conclude that private physical objects can have all standard universal characteristics of physical objects, and that it is possible to provide a satisfactory criterion of identity for private physical objects, which, in turn, proves the fallacy of the thesis that being private and having an identity criterion are incompatible conditions. Therefore, one can consistently consider private physical objects as possible entities.

Keywords: private objects, private physical objects, criterion of identity, metaphysics

For citation: Sukhareva, V.A. (2022) On the possible existence of private physical objects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 59–00. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/5

Термин «частный объект» не является широко распространенным в рамках современной аналитической философии. Данный термин используется только локально в рамках аналитической философии сознания в контексте анализа философии Л. Витгенштейна и преимущественно для обозначения частных *ментальных состояний* (причем не ментальных состояний как таковых, а ментальных состояний, понимаемых в соответствии с дуалистическим взглядом на соотношение ментального и физического, несостоятельность которого Витгенштейн стремится продемонстрировать). Термин «частный объект», используется самим Витгенштейном, например, во второй части «Философских исследований» [1. С. 293]. Термин «частный объект» также используют исследователи Витгенштейна, например, Деннис Сенчук (D.M. Senchuk) в статье «Private Objects: A Study of Wittgenstein's Method» [2], Джон Кук (J.W. Cook) в книге «Wittgenstein's Metaphysics» [3] и др.

Вопрос о существовании обозначаемых термином «частный объект» сущностей также традиционно получает решение в соответствии с позицией Витгенштейна. Витгенштейн отрицает частные объекты, рассматривая их как «грамматическую фикцию» [3. Р. 76] и как результат «объективации» (objectivation) чувственных данных [4. Р. 25–26]. Однако представляется, что вопрос о возможности существования частных объектов может быть поставлен вполне самостоятельно в терминах позиции реализма. Постановка подобного вопроса может быть интересна, в частности, с точки зрения задачи уточнения линии (или линий) демаркации между реальным и нереальным, объектами и не-объектами, ментальным и физическим, наблюдаемым и ненаблюдаемым.

Безусловно, указанная задача сама по себе слишком глобальна, комплексна и трудна, поэтому целесообразно максимально ее конкретизировать. Мы ограничимся здесь ее наиболее интересным, на наш взгляд, аспектом – вопросом о возможности существования частных физических объектов. Отметим, что рассмотрение этого аспекта требует замены концептуальной рамки философии сознания на концептуальную рамку метафизики, поскольку вопрос о природе и существовании объектов является в первую очередь метафизическим вопросом. Также обозначим исходные пункты нашего исследования. Так, в качестве проблематизируемого (только в рамках данной статьи) основания мы принимаем тезис Витгенштейна о том, что ментальные состояния не являются частными объектами, или что противоречиво мыслить ментальные состояния в качестве частных объектов. А в качестве отправной точки исследования мы будем использовать одно из возможных гипотетических следствий указанного тезиса, кото-

рое можно сформулировать следующим образом: *физические объекты могут быть приватными*.

Попробуем в первом приближении оценить состоятельность данной гипотезы, т.е. ответить на вопрос, можно ли непротиворечиво мыслить приватные физические объекты.

В качестве образной иллюстрации того, что мы подразумеваем под приватными физическими объектами, рассмотрим вариант буквальной интерпретации витгенштейновского мыслительного эксперимента «Жук в коробке» (или, корректнее было бы сказать, модифицированный вариант мыслительного эксперимента «Жук в коробке»). Исходная формулировка этого мыслительного эксперимента представлена в § 293 «Философских исследований»:

«293. Коли я говорю о себе самом: я знаю только по собственному опыту, что означает слово „боль“, то разве не следует сказать это и о других? А тогда как можно столь безответственным образом обобщать один случай?

Ну, а пусть каждый говорит мне о себе, что он знает, чем является боль, только на основании собственного опыта! Предположим, что у каждого была бы коробка, в которой находилось бы что-то, что мы называем „жуком“. Никто не мог бы заглянуть в коробку другого; и каждый говорил бы, что он только по внешнему виду своего жука знает, что такое жук. При этом, конечно, могло бы оказаться, что в коробке у каждого находилось бы что-то другое. Можно даже представить себе, что эта вещь непрерывно изменялась бы. Ну, а если при всем том слово „жук“ употреблялось бы этими людьми? В таком случае оно не было бы обозначением вещи. Вещь в коробке вообще не принадлежала бы к языковой игре даже в качестве некоего нечто: ведь коробка могла бы быть и пустой. Верно, тем самым вещь в этой коробке могла бы быть „сокращена“, снята независимо от того, чем бы она ни оказалась.

Это значит: если грамматику выражения ощущения трактовать по образцу „объект и его обозначение“, то объект выпадает из сферы рассмотрения как не относящийся к делу» [1. С. 182–183].

Согласно стандартным интерпретациям (например, интерпретациям П. Стросона, Н. Малкольма, Дж. Питчера, Дж. Кука, А. Донагана и др. [5]), данный мыслительный эксперимент используется Витгенштейном в качестве иллюстрации абсурдности описания ментальных состояний в терминах приватных объектов, а понятие «жук» рассматривается в качестве метафоры приватных ощущений.

Однако мы полагаем возможным представить *буквальную* интерпретацию данного мыслительного эксперимента. Под буквальной интерпретацией мы подразумеваем такую интерпретацию, в рамках которой понятие «жук» предлагается рассматривать не в качестве метафоры приватных ментальных состояний, а буквально – в качестве *конкретного физического объекта* (вещи), на который накладывается ограничение «быть приватным» (далее – ограничение приватности). Для конкретного физического объекта быть приватным означает быть непосредственно доступным наблюдению только для одного (и единственного) агента, причем мы исходим из того, что данное ограничение носит метафизический (а не, скажем, нормативный или эпистемический) характер (т.е. предполагается, что природа самого приватного объекта такова, что он является приватным).

В этой связи важно подчеркнуть, что такая буквальная интерпретация *не является и не должна рассматриваться* в качестве интерпретации, адекватной позиции самого Витгенштейна. Иными словами, такая интерпретация, безусловно, вдохновлена размышлениями Витгенштейна, но при этом не является интерпретацией точки зрения Витгенштейна, а скорее является модифицированной версией Витгенштейновского мыслительного эксперимента, цель которой – представить иллюстрацию и задать отправную точку разговора о гипотетических частных физических объектах.

Здесь требуется сделать еще ряд оговорок. Во-первых, необходимо ответить на вопрос о том, насколько корректно принимать ограничение приватности и применять подобное ограничение к физическим объектам. Подобный вопрос может возникнуть в связи с представлением о том, что одним из конститутивных признаков физических объектов является *публичность*. Однако это не так. Действительно, понятие публичности может быть редуцировано к двум более базовым понятиям – к понятию объективности и понятию наблюдаемости. Безусловно, частные объекты могут обладать объективным существованием, т.е. существовать независимо от языка, мышления, восприятия, теоретических допущений и т.д. Ограничение приватности трактуется нами исключительно как ограничение на наблюдаемость объекта. Однако наблюдаемость не является необходимым свойством объектов. Так, ближайшим аналогом частных в указанном смысле объектов являются так называемые *ненаблюдаемые объекты*, онтологический и эпистемологический статус которых исследуется, в частности, в рамках современной философии науки. С точки зрения представителей философии науки, наличие ограничений на наблюдаемость физических объектов (в том числе признание физических объектов определенного типа принципиально ненаблюдаемыми) не является препятствием для построения корректных и непротиворечивых физических теорий о таких объектах или для установления факта реального существования таких объектов при условии, что ненаблюдаемые физические объекты доступны так называемому косвенному, или опосредованному, наблюдению. В качестве критериев косвенной наблюдаемости выделяются, например, следующие: а) фиксируемость инструментами, в основе работы которых лежат различные физические принципы; б) наличие способности оказывать или претерпевать воздействие; в) измеримость [6]. Таким образом, представляется, что если частные объекты могут удовлетворять указанным критериям (т.е. могут быть доступны косвенному или опосредованному наблюдению), то их можно считать физическими объектами.

Теперь рассмотрим подробнее, что еще подразумевает ограничение «быть частным» (что именно запрещает это ограничение, а что разрешает), а также является ли косвенная наблюдаемость частных объектов противоречивым допущением.

Рассмотрим некоторый произвольный частный физический объект. Такой объект (в соответствии с принятым выше определением) может быть доступен непосредственному наблюдению только для одного-единственного агента. Тогда агент, имеющий непосредственный доступ к частному объекту (далее – владелец), имеет возможность наблюдать и воспринимать свой частный объект, а также исследовать частный объект посредством любых доступных процедур, например: измерять размеры частного объекта,

взвешивать его, определять его химический состав и т.д., а также описывать приватный объект и даже делать его изображения. Что касается агентов, не имеющих непосредственного доступа к рассматриваемому приватному объекту (агентов, которым непосредственный доступ к такому объекту метафизически запрещен), то они должны иметь возможность исследовать этот приватный объект любыми допустимыми косвенными средствами (опосредованно), например: взвешивать приватный объект в «коробке»¹, определять приблизительные размеры приватного объекта по размеру «коробки», узнавать информацию о приватном объекте из описаний и изображений, полученных от агента-владельца, имеющего непосредственный доступ к этому объекту, а также анализировать и сравнивать полученные данные косвенных наблюдений, оценивать их релевантность, строить на основании релевантных данных теории, выдвигать гипотезы и проверять эти гипотезы с использованием других средств косвенного наблюдения.

Для того чтобы описанные манипуляции с приватными физическими объектами могли рассматриваться как возможные, необходимо, чтобы приватные физические объекты обладали всеми стандартными универсальными свойствами физических объектов.

Так, приватные физические объекты должны иметь свойства и быть способными вступать в отношения. Также приватные физические объекты должны быть конкретными объектами. В рамках аналитической метафизики конкретные объекты обычно определяются как неабстрактные объекты, которые существуют в пространстве и времени и могут вступать в причинно-следственные отношения [7. Р. 6–7; 8. Р. 34; 9. Р. 51]. Представляется, что все эти характеристики можно непротиворечиво отнести к приватным физическим объектам.

Действительно, приватный физический объект может иметь свойства и эти свойства могут быть зафиксированы наблюдателем – владельцем приватного объекта. Более того, некоторые из этих свойств (рискнем даже сказать: «включая свойство приватности»), могут быть косвенными способами зафиксированы любыми наблюдателями.

Приватный физический объект также может вступать в ограниченный набор отношений с другими объектами и с самим наблюдателем (владельцем). Причем в этот набор отношений также могут быть включены пространственно-временные отношения, поскольку приватный физический объект может быть локализован в пространстве и времени, обладать протяженностью, иметь форму, претерпевать изменения, и все это может быть зафиксировано агентом-владельцем. Также следует признать, что приватные физические объекты могут вступать в причинно-следственные отношения с ограниченным набором объектов, т.е. могут рассматриваться в качестве конституент-событий, фактов или положений дел², что также может быть зафиксировано агентом-владельцем. Кроме того, можно непротиворечиво допустить, что приватные физические объекты, в принципе, могут вступать в отношения друг с другом, однако прямое (непосредственное) взаимодействие

¹ Позволим себе использовать терминологию мыслительного эксперимента Витгенштейна, чтобы не вдаваться в излишние детали.

² Данный тезис можно считать слабо обоснованным, поскольку соотношение между объектами, событиями, фактами, положениями дел и ситуациями является предметом открытой дискуссии [10].

частных объектов между собой должно быть признано ненаблюдаемым непосредственно, если речь идет о таких частных объектах, непосредственный доступ к каждому из которых имеется у разных агентов.

Итак, в первом приближении кажется, что в принципе возможно непротиворечиво мыслить частные физические объекты. Однако все перечисленные выше требования в совокупности хоть и являются необходимыми, но не являются достаточными для того, чтобы обосновать непротиворечивость понятия частного физического объекта и, следовательно, возможность существования таких объектов. До сих пор за пределами нашего рассмотрения оставалось еще одно – фактически ключевое – требование, которое в свое время стало главным камнем преткновения в вопросе о возможности частных ментальных состояний. Речь идет о требовании, согласно которому любой объект (для того, чтобы быть и считаться объектом) должен обладать определенным критерием тождества, а также о вытекающей из этого требования *проблеме критерия тождества для частных объектов*.

Требование критерия тождества формулировалось разными авторами. Считается, что понятие критерия тождества было введено в философскую терминологию Г. Фреге. Обычно имеют в виду следующий тезис Фреге, где он связывает с критерием тождества значение единичного термина: «Если знак должен обозначать для нас предмет, то мы должны обладать критерием, который всюду решал бы, является ли b тем же самым, что и a , даже если не всегда в наших силах установить, применим ли этот критерий» [11. С. 198]. Один из используемых Фреге в той же работе принципов абстракции можно (с некоторыми оговорками) рассматривать в качестве примера такого критерия¹ (пример о параллельности и направлении прямых): «Суждение: „Прямая a параллельна прямой b “ $\langle \dots \rangle$ также может пониматься как равенство. Если мы так поступаем, то получаем понятие направления и говорим: „Направление прямой a равно направлению прямой b “» [11. С. 199]. В этой связи также можно вспомнить знаменитое изречение У. Куайна: «Нет сущности без тождества» [12. Р. 23]. Более развернутую формулировку данного требования можно найти в работах британского метафизика Эдварда Лоу (E. J. Lowe): «...ключевой чертой вещиности в узком смысле является обладание определенными условиями тождества» [13. Р. 990], а также в другом месте: «...быть объектом значит быть сущностью, обладающей определенными условиями тождества» [14. Р. 511]. П. Бенацераф, основываясь на невозможности указать условия индивидуации и критерий тождества для чисел и их теоретико-множественных представлений, предлагал отказаться от рассмотрения чисел в качестве объектов [15]. К требованию критерия тождества обращается и Витгенштейн в контексте критики индивидуального языка как языка, референтами выражений которого являются частные ментальные состояния.

Так, согласно Витгенштейну, установить критерий тождества для некоторого объекта – значит знать, как сравнивать [1. С. 188] этот объект с другими объектами (т.е. уметь идентифицировать или распознавать этот объект, отличать его от других объектов и узнавать одинаковые объекты как одинаковые), а также уметь верифицировать значение слова, обозначающего этот объект, т.е. определять корректность использования этого слова в каждой

¹ Рассматривать этот принцип абстракции в качестве примера критерия тождества предлагает Э. Лоу, позицию которого мы подробнее представим далее.

конкретной ситуации употребления. В контексте критики индивидуального языка Витгенштейн показывает, что в отношении частных ментальных состояний указать критерий тождества невозможно, поскольку отсутствует процедура верификации, а именно процедура интерсубъективной сверки – связи между определенным ментальным состоянием и словом, которое является обозначением этого ментального состояния. Таким образом, создается впечатление, что прямым следствием аргументации Витгенштейна оказывается тезис о том, что *приватность и наличие критерия тождества являются несовместимыми условиями*. Такой позиции, в частности, придерживается Дж. Кук, который отмечает, что «поскольку точка зрения, согласно которой ощущения приватны, не позволяет ощущениям „иметь место в языковой игре“ и, таким образом, делает невозможным объяснение реального (то есть „публичного“) употребления выражений ощущения, мы должны, если мы хотим объяснить эту языковую игру, отвергнуть мнение, будто ощущения являются приватными» [16. Р. 312]. Однако представляется, что такая позиция не является единственно возможной и что тезис о том, что приватность и наличие критерия тождества являются несовместимыми условиями, можно ослабить или опровергнуть.

Действительно, существует альтернативная стратегия рассуждения и альтернативное следствие витгенштейновского тезиса о невозможности указать критерий тождества для частных ментальных состояний, которое заключается не в отрицании приватности ментальных состояний, на чем настаивал Кук, а в *отрицании объектности ментальных состояний* (т.е. в отрицании того, что ментальные состояния являются объектами). В конечном счете, из представленных выше формулировок требования критерия тождества ясно видно, что обладание критерием тождества является необходимым условием того, чтобы нечто считалось объектом. Проще говоря, наличие критерия тождества является критерием объектности. Следовательно, невозможность указать критерий тождества для некоторой сущности является основанием отказать рассматриваемой сущности в статусе объекта. Таким образом, тезис о несовместимости приватности и наличия критерия тождества значительно ослабляется, и появляется возможность его опровергнуть, если удастся показать, что, по крайней мере, для некоторых частных сущностей возможно указать критерий тождества.

Поскольку предметом нашего рассмотрения в рамках данной статьи являются частные физические объекты, попробуем выяснить, возможно ли определить критерий тождества для частных физических объектов.

Прежде всего имеет смысл представить краткий обзор существующих работающих моделей критерия тождества. В литературе выделяются две основные такие модели: так называемый одноуровневый критерий тождества и двухуровневый критерий тождества¹.

Так, фрегеанский пример критерия тождества о параллельности и направлении прямых строится в соответствии с двухуровневой моделью:

$$(A) \quad (\forall x) (\forall y) (f(x) = f(y) \leftrightarrow Rxy),$$

где $f()$ – функциональное выражение, x и y – индивидуальные переменные, а R выражает некоторое отношение эквивалентности, определенное на области возможных значений переменных.

¹ Здесь мы преимущественно опираемся на работы Э. Лоу и Т. Уильямсона. Сами модели критерия тождества и их формальное представление предлагает Э. Лоу [17. Р. 3, 6]. Термины «одноуровневый» и «двухуровневый» для классификации моделей критерия тождества вводит Т. Уильямсон [18. Р. 145–146].

Данная модель обладает как достоинствами, так и недостатками. Достоинством этой модели является то, что она предотвращает возникновение порочного круга. Главный недостаток двухуровневой модели заключается в том, что она имеет ограниченное применение: ее можно использовать только для особого класса единичных терминов, а именно для таких единичных терминов, которые формулируются посредством так называемых функциональных выражений, имеющих вид существительного с прямым дополнением (например, «направление *чего-то*», «форма *чего-то*» или «цвет *чего-то*»).

В этом смысле более универсальный критерий тождества (критерий, который можно использовать для любых единичных терминов) может быть построен в соответствии с одноуровневой моделью:

$$(B) \quad (\forall x) (\forall y) ((\Phi x \ \& \ \Phi y) \rightarrow (x = y \leftrightarrow Rxy)),$$

где Φ – общий так называемый сортальный термин (т.е. общее понятие, под которое подпадают конкретные вещи определенного вида, которые можно сосчитать, или, проще говоря, *исчисляемое существительное*), и R выражает некоторое отношение эквивалентности.

Типичным примером критерия тождества, удовлетворяющего одноуровневой схеме, является аксиома экстенциональности теории множеств, которая имеет следующую формулировку: если x и y являются множествами, то x и y равны тогда и только тогда, когда x и y содержат одни и те же элементы.

Главный недостаток одноуровневой модели и главная опасность, которая возникает в связи с ее применением, заключаются в том, что любой критерий тождества, сформулированный в соответствии с этой моделью, обязательно будет импредикабельным. Под импредикабельным критерием тождества здесь подразумевается такой критерий, который содержит ссылку на совокупность, включающую в себя те объекты (или зависимость от тех объектов), тождество которых утверждается. Импредикабельность является нежелательной, поскольку она связана с риском того, что при формулировании критерия тождества формулирующий попадет в порочный круг. Здесь, однако, важно подчеркнуть, что импредикабельность не всегда приводит к порочному кругу (что хорошо видно на примере приведенной выше формулировки аксиомы экстенциональности).

Легко увидеть, что оба рассмотренных выше примера критериев тождества сформулированы для *абстрактных* математических объектов (в частности для прямых и множеств). Что касается конкретных физических объектов, то для них сформулировать критерий тождества, удовлетворяющий таким же строгим стандартам, что предъявляются к критериям тождества для абстрактных объектов, очень трудно.

В основе главного затруднения, которое усложняет задачу формулирования критерия тождества для конкретных физических объектов, лежит *проблема тождества во времени* (проблема *диахронического* тождества), фундаментом которой является «противоречие между убеждениями относительно тождества и изменчивости вещей» [19. С. 89]. Затруднение, о котором идет речь, связано с тем, что не всегда очевидно, как должно задаваться отношение эквивалентности (R) для тех или иных конкретных физических объектов, чтобы это отношение было, с одной стороны, строго транзитивным¹ [20. С. 54], а с

¹ Транзитивность является свойством отношения эквивалентности наряду с рефлексивностью и симметричностью.

другой – толерантным к изменениям, которые с течением времени претерпевают конкретные физические объекты. Различные аспекты проблемы тождества конкретных физических объектов во времени получают наглядное отражение в так называемых парадоксах тождества, среди которых наиболее известными являются «парадокс статуи и куска глины», «корабль Тесея» и др. Парадоксы тождества играют роль, аналогичную роли мыслительных экспериментов, и позволяют в максимально конкретной форме поставить вопрос о необходимых свойствах объектов и, таким образом, глубже понять природу и сущность объектности. В контексте обсуждения парадоксов тождества разные исследователи предлагают различные концепции необходимых свойств объектов, на основании которых можно задать универсальное отношение эквивалентности (и, следовательно, универсальный критерий диахронического тождества) для *любых* конкретных физических объектов.

Так, например, Лоу в качестве универсального критерия диахронического тождества для конкретных физических объектов предлагает нерекурсивное условие «иметь те же составные части» [9. Р. 118]. Эндрю Бреннан (A. Brennan) выделяет три достаточных условия: (1) структурное условие (иметь ту же структуру), (2) каузальное условие (при прочих равных сохранять на последующих стадиях существования те изменения, которые произошли на предшествующих стадиях) и (3) материальное условие (быть сделанным из аналогичного материала) [8. Р. 26–27], из которых необходимыми являются только первые два.

Итак, представляется, что, в принципе, нет серьезных препятствий для того, чтобы сформулировать критерий тождества для частных физических объектов в соответствии с одноуровневой моделью (по схеме В), используя любой из предложенных критериев диахронического тождества для конкретных физических объектов. Например, пусть наш частный объект идентифицируется нами как кубик Рубика, тогда мы можем сформулировать для него следующий критерий тождества: если x и y являются кубиками Рубика, то x и y тождественны тогда и только тогда, когда x и y имеют одни и те же составные части (аналогично для критерия, предложенного Бреннаном).

В этой связи также важно прояснить некоторые спорные моменты в отношении особенностей процедуры сравнения для частных физических объектов (процедуры, позволяющей обнаруживать и определять степень сходства и различия между частными физическими объектами и другими объектами), а именно, необходимо ответить на вопрос: с чем именно можно сравнивать частные объекты, и какие ограничения должны накладываться на соответствующую процедуру сравнения?

На этот вопрос возможны два ответа:

1. Частные объекты можно сравнивать только с другими частными объектами.
2. Частные объекты можно сравнивать с любыми объектами (как частными, так и нечастными).

В отношении первого ответа уточним, что непосредственное сравнение частных объектов между собой возможно только в том случае, когда речь идет о таких частных объектах, непосредственный доступ к каждому из которых имеется у одного и того же агента. Что касается таких частных физических объектов, непосредственный доступ к каждому из которых име-

ется у разных агентов, то сравнивать эти частные объекты между собой непосредственно невозможно. Для таких объектов доступны только косвенные процедуры сравнения (например, сравнение по словесным описаниям, сравнение по изображениям, сравнение по весу «коробок» и т.п.).

Второй ответ в этом отношении накладывает на процедуру сравнения меньше ограничений, поскольку непосредственное сравнение частных физических объектов с нечастными физическими объектами допустимо и возможно (осуществимо) в любом случае.

Вместе с тем важно отметить, что оба ответа влекут за собой невозможность *интерсубъективной* процедуры *непосредственного* сравнения любых частных физических объектов с любыми другими объектами (как частными, так и нечастными). Иными словами, в обоих случаях доступны только косвенные интерсубъективные процедуры сравнения (например, сравнение по словесным описаниям, сравнение по изображениям, сравнение по весу «коробок» и т.п.).

Однако остаются доступными любые интерсубъективные процедуры проверки и оценки когнитивных и иных способностей и навыков агента-владельца частного физического объекта с целью получения интрсубъективного согласия в отношении корректности осуществляемых агентом-владельцем манипуляций с его частным объектом, а также правильности сделанных на основании этих манипуляций описаний и выводов. Такое интерсубъективное согласие может быть получено на основании результатов различных тестов с использованием нечастных физических объектов, которые позволят определить степень владения испытуемым агентом тем или иным навыком взаимодействия с физическими объектами. Для сравнения: не существует аналогичных процедур для оценки корректности описаний агентом своих частных ментальных состояний.

Итак, мы показали, что частные физические объекты могут обладать всеми стандартными универсальными свойствами физических объектов, а также что для частных физических объектов можно сформулировать приемлемый критерий тождества, что, в свою очередь, доказывает ошибочность тезиса о несовместимости частности и наличия критерия тождества. Следовательно, можно непротиворечиво мыслить частные физические объекты в качестве возможных сущностей. Однако частные физические объекты все же нельзя считать абсолютно безобидными гипотетическими сущностями, поскольку, как было показано, для любых частных физических объектов допустимы только косвенные интерсубъективные процедуры сравнения, что при дальнейшем и более глубоком анализе может оказаться серьезным и существенным ограничением.

Список источников

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.
2. Senchuk D.M. Private Objects: A Study of Wittgenstein's Method // *Metaphilosophy*. 1976. Vol. 7, № 3, 4. P. 217–240.
3. Cook J.W. Wittgenstein's Metaphysics. New York : Cambridge University Press, 1994. 380 p.
4. Wittgenstein L., Rhees R. The Language of Sense Data and Private Experience – I // *Philosophical Investigations*. 1984. Vol. 7, № 1. P. 1–45.

5. Stern D.G. The Uses of Wittgenstein's Beetle: Philosophical Investigations §293 and Its Interpreters // Wittgenstein and His Interpreters / ed. by G. Kahane, E. Kanterian, O. Kuusela. Blackwell Publishing, 2007. P. 248–268.
6. Чернакова М.С. Критерии косвенной наблюдаемости и существования ненаблюдаемых объектов физической теории // Vox. Философский журнал. 2014. № 16. С. 132–135.
7. Williamson T. Modal Logic as Metaphysics. Oxford : Oxford University Press, 2013. 480 p.
8. Brennan A. Conditions of Identity: A Study in Identity and Survival. Oxford : Clarendon Press, 1988. 402 p.
9. Lowe E.J. The Possibility of Metaphysics: Substance, Identity, and Time. Oxford : Clarendon Press, 1998. 288 p.
10. Schaffer J. The Metaphysics of Causation [Electronic resource] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2016 Edition). 2016. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2016/entries/causation-metaphysics> (access date: 12.04.2021).
11. Фреге Г. Основоположения арифметики. Логико-математическое исследование о понятии числа // Логико-философские труды / пер. В.А. Суровцев. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 125–237.
12. Quine W.V. Speaking of Objects // Ontological Relativity and Other Essays. New York : Columbia University Press, 1969. P. 1–25.
13. Lowe E.J. Objects and Criteria of Identity // A Companion to the Philosophy of Language / ed. by B. Hale, C. Wright, A. Miller. Oxford : Wiley-Blackwell, 1999. P. 990–1012.
14. Lowe E.J. The Metaphysics of Abstract Objects // The Journal of Philosophy. 1995. Vol. 92, № 10. P. 509–524.
15. Benacerraf P. What numbers could not be // Philosophy of mathematics: Selected Readings / ed. by P. Benacerraf, H. Putnam. Cambridge ; London ; New York ; New Rochelle ; Melbourne ; Sydney : Cambridge University Press, 1983. P. 272–294.
16. Cook J.W. Wittgenstein on Privacy // The Philosophical Review. 1965. Vol. 74, № 3. P. 281–314.
17. Lowe E.J. What is a Criterion of Identity? // The Philosophical Quarterly. 1989. Vol. 39, № 154. P. 1–21.
18. Williamson T. Identity and Discrimination. Oxford : Basil Blackwell, 1990. 181 p.
19. Гаспаров И.Г. «Парадоксы тождества»: существует ли альтернатива стандартной концепции тождества? // Эпистемология и философия науки. 2011. № 4. С. 84–98.
20. Шрейдер Ю. А. Равенство, сходство, порядок. М. : Наука, 1971. 256 с.

References

1. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. I. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 75–319.
2. Senchuk, D.M. (1976) Private Objects: A Study of Wittgenstein's Method. *Metaphilosophy*. 7(3, 4). pp. 217–240.
3. Cook, J.W. (1994) *Wittgenstein's Metaphysics*. New York: Cambridge University Press.
4. Wittgenstein, L. & Rhees, R. (1984) The Language of Sense Data and Private Experience – I. *Philosophical Investigations*. 7(1). pp. 1–45.
5. Stern, D.G. (2007) The Uses of Wittgenstein's Beetle: Philosophical Investigations §293 and Its Interpreters. In: Kahane, G., Kanterian, E. & Kuusela, O. (eds) *Wittgenstein and His Interpreters*. Blackwell Publishing. pp. 248–268.
6. Chernakova, M.S. (2014) Kriterii kosvennoy nablyudaemosti i sushchestvovaniya nenablyudaemykh ob'ektov fizicheskoy teorii [Criteria for indirect observability and existence of unobservable objects of physical theory]. *Vox. Filosofskiy zhurnal*. 16. pp. 132–135.
7. Williamson, T. (2013) *Modal Logic as Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press.
8. Brennan, A. (1988) *Conditions of Identity: A Study in Identity and Survival*. Oxford: Clarendon Press.
9. Lowe, E.J. (1998) *The Possibility of Metaphysics: Substance, Identity, and Time*. Oxford: Clarendon Press.
10. Schaffer, J. (2016) The Metaphysics of Causation. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Fall 2016 Ed. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2016/entries/causation-metaphysics> (Accessed: 12th April 2021).
11. Frege, G. (2008) *Logiko-filosofskie trudy* [Logical-Philosophical Works]. Translated from German by V.A. Surovtsev. Novosibirsk: Sib. universitetskoe izd-vo. pp. 125–237.

12. Quine, W.V. (1969) *Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press. pp. 1–25.
13. Lowe, E.J. (1999) Objects and Criteria of Identity. In: Hale, B., Wright, C. & Miller, A. (eds) *A Companion to the Philosophy of Language*. Oxford: Wiley-Blackwell. pp. 990–1012.
14. Lowe, E.J. (1995) The Metaphysics of Abstract Objects. *The Journal of Philosophy*. 92(10). pp. 509–524.
15. Benacerraf, P. (1983) What numbers could not be. In: Benacerraf, P. & Putnam, H. (ed.) *Philosophy of mathematics: Selected Readings*. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press. pp. 272–294.
16. Cook, J.W. (1965) Wittgenstein on Privacy. *The Philosophical Review*. 74(3). pp. 281–314.
17. Lowe, E.J. (1989) What is a Criterion of Identity? *The Philosophical Quarterly*. 39(154). pp. 1–21.
18. Williamson, T. (1990) *Identity and Discrimination*. Oxford: Basil Blackwell.
19. Gasparov, I.G. (2011) “Paradoksy tozhdestva”: sushchestvuet li al'ternativa standartnoy konseptsii tozhdestva? [“Identity paradoxes”: is there an alternative to the standard concept of identity?]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 4. pp. 84–98.
20. Schreider, Yu.A. (1971) *Ravenstvo, skhodstvo, poryadok* [Equality, Similarity, Order]. Moscow: Nauka.

Сведения об авторе:

Сухарева В.А. – младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: Siberian-pegas@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sukhareva V.A. – junior research fellow, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Siberian-pegas@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.04.2021;
одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 27.04.2021;
approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 05.12.2022

Научная статья

УДК: 141.12

doi: 10.17223/1998863X/70/6

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СОЗНАНИЯ В НАТУРАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

Екатерина Викторовна Ускова

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, uskova80@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются натуралистические теории сознания и доказываемся, что избежать возможного логического противоречия при рассмотрении сознания можно, если мы лишим его отдельного от мозга онтологического статуса, но при этом будем рассматривать как имеющее разнообразные гносеологические статусы, т.е. способы его трактовки в зависимости от научного или обыденного способов рассмотрения (когнитивный или гносеологический плюрализм).

Ключевые слова: натуралистические теории сознания, онтологический статус сознания, гносеологический плюрализм, «нередуктивный натурализм»

Для цитирования: Ускова Е.В. Онтологический и гносеологический статус сознания в натуралистических теориях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 71–79. doi: 10.17223/1998863X/70/6

Original article

ONTOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL STATUS OF CONSCIOUSNESS IN NATURALISTIC THEORIES

Ekaterina V. Uskova

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, uskova80@mail.ru

Abstract. When studying the phenomenon of consciousness, we are always forced to proceed from certain prerequisites that have an inevitable impact on the theory of consciousness itself. Obviously, the key disagreement is monism (in its materialistic version), or dualism in relation to consciousness. I believe that in order to resolve the issue of consciousness, it is also necessary to determine its ontological and epistemological status. If we take the position of materialism or naturalism in relation to consciousness, then further we need to recognize consciousness as a separate entity (which leads to dualism), or deny it. I think that consciousness without a brain is devoid of an independent ontological status and can rather be considered within the whole “brain-consciousness.” Consciousness is a property of living beings (or other information systems), which in some way manifests itself in their behavior. At the same time, the epistemological status of consciousness cannot be unambiguous, and an approach called epistemological or cognitive pluralism (Sven-Ove Horst’s term) is applicable here: the scientific study of consciousness from the point of view of the third person does not deny the view from the first person – direct access to consciousness, which each of us has. These are different ways of describing the same complex of phenomena, and they should complement each other, incorporating both scientific and everyday ideas about consciousness, taking into account its subjective, phenomenal status, its irreducible “qualitative” nature. It is important to reckon the fact that the very language we use when we speak about consciousness, and the whole range of problems associated with it, was once invented, but now scientific reality itself has changed and, perhaps, other, more adequate

concepts are needed to describe it. Daniel Dennett wrote a lot about this; his views on consciousness are considered by many to be eliminativist. Another interesting approach to consciousness is “non-reductive naturalism,” which considers consciousness as a natural phenomenon, but does not reduce it to a material basis. Among the representatives of this trend is Lynne Rudder Baker. I adhere to the position of biological naturalism: consciousness acts as a natural result of the development of the brain, which appeared in the course of evolution. Consciousness itself does not have independence, but this phenomenon is so complex and multifaceted that we cannot give the only correct description of it.

Keywords: naturalistic theories of consciousness, ontological status of consciousness, epistemological pluralism, “non-reductive naturalism”

For citation: Uskova, E.V. (2022) Ontological and epistemological status of consciousness in naturalistic theories. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 71–79. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/6

Рассмотрение вопроса о сознании всегда требует от нас, с одной стороны, определиться с координатами, т.е. общими предпосылками теории, а с другой стороны, с основными категориями, которыми мы оперируем. Для начала рассмотрим те установки, которые двигают любым ученым или философом, исследующим сознание. Это монизм или дуализм, т.е. достаточно строгое разделение на тех, кто полагает, что общим основанием для всего известного нам мира является материя (либо идея), а также на тех, кто отдает предпочтение различению природы «мыслящего» и «протяженного».

Втечении последних десятилетий в аналитической философии внутри этих двух групп идут дебаты и спектр точек зрения очень широк: от эпифеноменализма до панпсихизма, хотя в целом большинство философов склоняются к материализму в разных его вариантах [1. С. 13]. Как позиция дуализма, так и позиция монизма по отношению к сознанию оказываются одинаково подвержены критике. В частности, в случае дуализма сознание–тело мы сталкиваемся с проблемой существования нефизической субстанции, которая оказывает влияние на физическое, т.е. с так называемой проблемой каузальности. Суть такого рода взаимодействия выходит за рамки принципа каузальной замкнутости физического, говорящего о том, что все физические события имеют своими причинами другого рода физические события. Если же мы, наоборот, выбираем материализм в различных его вариантах, то нам приходится что-то противопоставлять таким мысленным экспериментам, призванным опровергнуть материализм, как «аргумент знания», «аргумент мыслимости» или «аргумент разрыва в объяснении».

Однако если мы, несмотря на данные аргументы, склоняемся к монизму по отношению к сознанию в его материалистическом варианте (к физикализму или натурализму), то мы вынуждены трактовать сознание как такой же материальный объект, как тело. Однако проблема с пониманием этого самого объекта остается, поскольку очевидно, что мозг, будучи истинной причиной существования сознания, не является этим самым сознанием.

И все-таки, пытаясь занять определенную исследовательскую позицию по отношению к сознанию, избегая крайностей дуализма и неизбежных противоречий монизма, можно рассмотреть следующий вариант. Его предлагает В.В. Васильев в своей работе «Трудная проблема сознания» при рассмотрении идей Дж. Сёрля [2. С. 55]. Он полагает, что один из возможных взглядов на сознание при соотношении его с телом состоит в том, чтобы рассматри-

вать сознание и тело (мозг) как онтологически единую сущность, но при этом обладающие разными гносеологическими, т.е. познавательными, характеристиками. Мозг и сознание – это одно целое, но увиденное разными способами. И здесь необходимо подчеркнуть, что такого рода взгляды на сознание ни в коей мере не могут быть однозначными или универсальными не в смысле получения единой картины всего этого сложного комплекса «мозг-сознание», а в смысле невозможности описания под одним углом зрения.

Точно так же если мы будем исходить из научного взгляда на мозг, то окажется, что один и тот же объект изучается разными науками, что и приводит к дифференциации их предметных областей. Мы знаем, что в современной науке этот сложный комплекс называется «когнитивные науки», куда входят и информатика, и лингвистика, и физиология, и психология, и множество других наук.

Точно также неоднородным будет и взгляд на «мозг-сознание» изнутри его носителя, т.е. каждого из нас. Та точка, из которой каждый смотрит на мир, совершенно уникальна, но универсальна сама возможность этого взгляда. Сколько людей, столько и субъективных миров, непохожих друг на друга, но тем не менее являющихся отражением одной реальности, одного мира, в котором все мы живем. И все это приводит нас к неизбежному гносеологическому плюрализму относительно сознания.

Однако нельзя не отметить, что сложность самого феномена сознания была по-новому осознана именно во второй половине XX в. в рамках аналитической философии. До этого дуалистическая картина мира, нарисованная Р. Декартом, считалась сама собой разумеющейся. Именно тогда началось настоящее сражение между дуалистами и монистами (материалистами) относительно сознания. В результате этих многочисленных философских битв появилось множество вариантов теорий сознания, каждая из которых, вместе с тем, не была идеальной. Однако в философии сознания постепенно появляется и другой подход. Он вырастает на почве философского релятивизма, и суть его состоит в отрицании единственного взгляда на мир, единственной истинной картины мира и отрицании всяческой возможности таковую нарисовать или представить. У этого подхода, возможно, не так много последователей, но среди его ярких представителей в русле аналитической философии можно отметить Р. Рорти, конечно же Д. Дэннета, Стивена Хорста и др.

Р. Рорти ставит под вопрос картину мира, созданную европейскими учеными и философами, вскрывая ее рукотворный характер. Д. Деннет продолжает эту работу уже в русле философии сознания, ставя под вопрос те концептуальные каркасы (термин Р. Карнапа), которые казались незыблемыми на протяжении столетий. Философская картина мира о сознании, а затем и психологическая были кем-то созданы, этот философский словарь имеет своих конкретных авторов в лице Р. Декарта, Г. Лейбница, И. Канта и многих других. Все они когда-то предложили то описание психического мира, которое сейчас, с одной стороны, считается само собой разумеющимся, а с другой – уже перестало отвечать тому, что известно ученым об устройстве мозга и сознания.

Именно поэтому Д. Дэннет ратует за переописание психической реальности, за отказ от метафоры «картезианского театра», как он его называет. Вместо этого он предлагает модель «множественных набросков», описыва-

ющую механизм работы мозга и сознания. Говоря о самом сознании, Д. Деннет предлагает нам отказаться от этого понятия, используя его как метафору, которая, безусловно, удобна и привычна, но, по сути, сбивает нас с толку.

Одна из проблем, с которой мы сталкиваемся, – это качественная окраска ментальных состояний, полагает он. Здесь, как считает М.А. Секацкая, Д. Деннет не отказывается от признания феноменальной природы сознания, но целью его критики становится доказательство невозможности ухватить и выразить на языке общепринятых понятий эти «квалиа», что и послужило причиной причисления Д. Деннета к «элиминативистам» относительно сознания. «Иными словами, мне кажется, что теория сознания Деннета не требует элиминативизма и не подразумевает его: Деннет не отрицает факта существования сознания. То, что он отрицает – это принципиальное отличие сознания от его „нейрофизиологических коррелятов“, его иную, субъективную, научно не объяснимую природу» [3. С. 153]. Он полагает, что все психологические, а особенно философские термины, применяемые для описания нашей душевной жизни, должны быть беспощадно искоренены, именно поэтому он выступает против «сознания».

Итак, очевидно, что усилия Р. Рорти и Д. Деннета, а также их последователей, направлены на то, чтобы дать иные названия, в частности, психическим явлениям, предложить иной словарь для описания этой части реальности. Д. Деннет полагает, что слова, описывающие ментальные явления (такие как боль, желание или само сознание), можно обозначить как нереференциальные термины, что позволит нам избежать необходимости их объяснения в рамках существующих теорий сознания. Если эти понятия, по сути, ни на что не указывают, тогда отпадает необходимость в истолковании их онтологического статуса. Если сознания «нет» как некоторой вещи, тогда мы можем отказаться как от дуализма, так и от монизма. Мы избегаем дуализма, поскольку отказываем сознанию в особом онтологическом статусе и монизма, поскольку отказываемся отождествлять с нашими «мыслями о» или «болевыми ощущениями» их нейрофизиологические корреляты или состояния мозга, поскольку термины нашего ментального словаря предназначены для описания того круга явлений, который не может стать предметом исследования науки [4. С. 127].

И суть их работы – это не просто лингвистические преобразования, это гораздо большее. Наши понятия структурируют реальность, и если мы будем использовать другие понятия, то между ними возникнут иные причинно-следственные связи, а вместе с ними и другая логика восприятия и понимания этого мира, а значит, и сам мир. Собственно, здесь нельзя не вспомнить и И. Канта, четко указывающего на человеческий характер наших познавательных способностей: мы можем видеть и познавать мир только в пределах тех способностей, которыми наделила нас природа. Не углубляясь в тему феноменов и ноуменов и возможности познания мира как он есть сам по себе, укажем тем не менее на важность этой идеи И. Канта. На наш взгляд, она также неизбежно ложится в основу рассуждений современных последователей релятивизма, который они называют плюрализмом.

Еще один вариант, выходя из крайностей монизма и дуализма, по отношению к сознанию предлагает Стивен Хорст. В своей статье «По ту сторону

натурализма: от натурализма к когнитивному плюрализму» он высказывается в пользу того, что одна из современных идей, введенная в научный оборот, провозглашающая единство науки, не находит достаточных подтверждений [5. Р. 197]. И среди множества чисто логических аргументов он говорит и о том, что наука – это результат деятельности людей, познавательные способности которых всегда ограничены, а результаты их изысканий отнюдь не застрахованы от ошибок. И даже само устройство головного мозга, без которого мы бы не могли осуществлять познание окружающего нас мира, не представляет из себя то самое упорядоченное *единство* нейронов или простую нейронную сеть. Существует специализация в работе отделов головного мозга, а процесс упорядочения поступающей извне и изнутри информации всегда в некотором смысле творческий, чьи алгоритмы не являются универсальными и вряд ли поддаются обработке с точки зрения математики и теории вероятности.

В названии статьи С. Хорста появляется еще один важный для нас термин – «натурализм». Натурализм – это общее название для всех теорий сознания, которые полагают сознание естественным, материальным феноменом, который может и должен быть описан научным языком, не предполагающим никаких сверхъестественных причин для своего появления и существования. Мы, в свою очередь, высказываемся за более сильную версию натурализма, а именно за биологический натурализм, подчеркивающий естественную природу сознания и его появление в ходе эволюции. Но далее возникает очень важный вопрос о способах описания и объяснения сознания в рамках этой теории. О некоторых трудностях натуралистических теорий сознания мы писали раньше [6]. Это так называемый онтологический натурализм [7]. Но натурализм также может быть и методологическим, т.е. выступать за возможность познания как этого мира в целом, так и сознания как его части исключительно научными методами.

Что касается С. Хорста, то в рамках развития своих идей о когнитивном плюрализме он указывает на проблематичность как дуализма, так и монизма в отношении сознания. Он полагает, что такого рода чисто логических сложностей можно было бы избежать в том случае, если мы откажемся от этих ограничений и примем более компромиссный вариант когнитивного плюрализма, который предполагает как идею отказа от единства науки, так и идею отказа от возможности сведения всех теорий к одной, в качестве эталона которой выступает обычно физика. Эта позитивистская модель науки более не поддерживается современными учеными, полагает автор статьи, а идея редукции или сведения высшего к низшему также проблематична и не может быть подтверждена достаточным количеством реальных примеров из науки.

С. Хорст полагает, что прямым следствием редукционизма в философии становятся две ключевые идеи: «провал в объяснении», т.е. невозможность перекинуть мостик от мозга к сознанию, выявление лишь корреляций, но не прямых причинно-следственных связей, объясняющих нам сознание и его зависимость от работы мозга, и идея «трудной проблемы сознания», сформулированная Д. Чалмерсом, заключающаяся в том, что мы не просто не можем еще понять принцип работы сознания, но более того, нам пока совершенно не ясно, почему познавательные процессы определенного рода стали осознаваться самим субъектом.

Доказательства С. Хорста сводятся к нескольким аргументам. В частности, он пытается привести доводы в пользу идеи о том, что «провалы в объяснении» при состыковке теорий разного уровня не такая уж и редкость, он приводит в пример физику, и такого рода провалы становятся еще больше очевидны, когда мы пытаемся представить «единое» здание науки в позитивистском ключе; подобное единство оказывается скорее номинальным, нежели реальным. А если это так, то наши проблемы в соединении объяснений мозга и сознания не являются уникальными, с этим просто нужно работать, это именно та исследовательская проблема, которая нуждается в решении и стоит в сегодняшней повестке для ученых и философов, и не более того.

Что касается «трудной проблемы сознания», то она тоже вырастает из идеи редукции, поскольку является следствием натурализма, или вернее физикализма в отношении сознания. Если мы полагаем, что все химическое, биологическое, социальное, психическое и другое должно быть сведено к физическому, то если мы этого не делаем – возникают проблемы с каузальностью, принципом замкнутости физического и т.д., о чем мы уже писали. Способом выхода из описанных логических трудностей С. Хорст считает не их дальнейшую проработку и углубление противоречий, а уход в сторону когнитивного плюрализма, как он его называет, – это позиция принятия как дуализма, так и монизма в отношении сознания, допускающая их некоторый синтез и появление взаимовыгодных и взаимодополнительных теорий относительно сознания.

Итак, получается, что в некотором смысле краеугольным камнем разногласий современных философов сознания оказывается эта самая установка на редукцию, т.е. сведение высшего к низшему или сознания к мозгу. Собственно, необходимо упомянуть и еще об одной современной идеи философов сознания, хорошо осознавших проблему редукции, с одной стороны, и желающих избежать крайностей физикализма и возможную элиминацию сознания как такового – с другой. Это так называемый нередуктивный материализм. Представители этого направления полагают, что можно оставаться материалистами, но в то же время отказаться от принципа редукции по отношению к сознанию. То есть мы по-прежнему разделяем стандарты науки, и объясняем все явления исключительно с помощью известных нам законов, принцип замкнутости физического остается незыблемым, но мы не можем просто так пройти мимо феномена сознания и «списать» его или редуцировать к чему-то иному.

Как полагает Д. Папино – автор статьи о нередуктивном материализме в «Стенфордской энциклопедии философии», суть этого направления философии сводится к тому, что все «ментальные свойства», которые мы наблюдаем у сознательных существ, производны от «физических свойств» (головного мозга), но отличаются от них в некотором отношении. Одним из представителей такого подхода является Л.Р. Бейкер. Она, например, утверждает следующее: «...нередуктивный реализм доказывает, что есть свойства, которые невозможно устранить из подлинной теории квалиа (в том числе с точки зрения 1-го лица), он признает существование различных концептуальных рамок, каждая из которых может иметь отношение к объяснению рассматриваемых явлений и подразумевает плюрализм в отношении возможных теорий, которые полезны в их понимании» (цит. по: [8. С. 47]). Л.Р. Бейкер называет

свой подход «перспектива от первого лица» и справедливо подчеркивает, что он представляет собой вызов для натурализма, особенно для самых крайних форм редуктивного натурализма, который стремится объяснить все феномены в терминах, принятых в естественных науках. «Перспектива от первого лица» – это концептуальная способность приписывать референции от первого лица себе» [9. Р. 204].

Л.Р. Бейкер считает, что необходимо говорить не просто о гносеологическом реализме по отношению к сознанию и о плодотворности различного рода плюралистических подходов к описанию его работы, но именно об онтологическом реализме в отношении сознания, о реализме в отношении «Я», об особых свойствах этого «Я» и невозможности его устранения из картины мира. Сознание, которое осознает себя, дает своему обладателю совершенно уникальный онтологический статус, полагает философ. Гуманистический посыл позиции Л.Р. Бейкер очевиден, но идею нередуктивного натурализма в отношении сознания достаточно трудно защищать как от физикалистов, так и от разного рода дуалистов. На логическую трудность данной теории указывает также Д.Э. Гаспарян в своей статье «Ошибка описания перспективы от первого лица в натурализме» [10].

Итак, при рассмотрении натуралистических теорий сознания мы можем по-разному трактовать сам статус сознания. Элиминативисты полагают, что самым логичным вариантом будет отказ от сознания как такового, нет сущности – нет проблемы, это – крайний натурализм. Такого рода теории отказывают сознанию в онтологическом качестве и также отрицают необходимость его познания.

Промежуточной теорией, пытающейся учесть как натуралистические установки по отношению к сознанию, так и наши обыденные установки, подкрепленные научными данными, является биологический натурализм Дж. Сёрла, который полагает, что сознание каузально зависимо от мозга, но является отдельной онтологической сущностью. По мнению многих критиков Дж. Сёрла, данная позиция – это разновидность дуализма свойств, т.е. она не может быть в строгом смысле истолкована как натурализм, хотя сам Сёрл постоянно это подчеркивает.

Теория тождества была достаточно популярна в середине XX в. в аналитической философии, но в дальнейшем от прямого отождествления мозга и сознания практически отказались, поскольку при всей элегантности решения вопроса о сознании оно так же, по сути, исчезает из рассмотрения, как и в элиминативистских теориях.

В рамках данной статьи мы не ставим своей задачей рассмотрение всех возможных вариантов натуралистических теорий, а обращаем внимание на статус сознания в них. И, на наш взгляд, при рассмотрении натуралистических теорий сознания с этой стороны более отчетливо выступают как их противоречия и недостатки, так и достоинства.

Полагаем, что сложность возникает именно тогда, когда мы хотим выделить сознание в ряду других феноменов, приписываемых живым существам, пытаясь «указать» на сознание. В этом случае сознание не ведет себя как одна из «вещей» в мире. Сознание – это, скорее, свойство живых существ (или иных информационных систем), которое некоторым образом проявляется в их поведении. Но истинные мотивы такого рода поведения всегда остаются

скрыты от нас, доступ к ним имеет только сам носитель сознания. И тут мы, конечно, говорим о феноменальном или субъективном характере сознания, о доступе к нему от 1-го лица – «изнутри», и от 3-го лица – «извне», со стороны науки. Наука может либо увидеть результат разумного поведения человека, либо показать нам различные картины происходящего внутри его мозга в зависимости от используемого метода исследования. Но всегда остается то, что между этими очевидными и доступными для исследования событиями – сам процесс мыследеятельности и принятия решений, всегда эмоционально окрашенный и неоднозначный даже для своего носителя. Вот это «между» и есть то самое неуловимое сознание, разгадкой которого заняты ученые и философы.

Считаем, что вариант биологического натурализма, трактующий сознание как естественный феномен, появившийся в результате развития мозга и описывающий его как особого рода свойство, вполне жизнеспособен как теория сознания. Мы исходим из того, что только мозг обладает онтологической самостоятельностью, чего нельзя сказать о его свойствах. Но при этом если мы говорим о возможности познания, то на первый план выходит плюрализм как подход: мы изучаем мозг силами самых разных наук, каждая из которых вносит свой вклад, но это ни в коей мере не умаляет наших попыток познания сознания «изнутри» и не может перечеркнуть феноменальный характер сознания. Такого рода гносеологический плюрализм дает право голоса самым разным представлениям о сознании, учитывая также, что сам познаваемый предмет (сознание) может накладывать естественные ограничения на процесс познания.

Список источников

1. Нагуманова С. Ф. Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. Казань : Казан. ун-т, 2011. 221 с.
2. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 269 с.
3. Секацкая М.А. Что мы знаем о сознании? Комментарий к полемике Д. Чалмерса и Д. Деннета // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 147–157.
4. Деннет Д. Онтологическая проблема сознания / пер. с англ. А.Л. Блинова // Аналитическая философия: Становление и развитие (онтология) / сост. А.Ф. Грязнов. М. : Прогресс-Традиция, 1998. С. 361–375.
5. Horst Steven, Beyond Reduction: From Naturalism to Cognitive Pluralism // Mind & Matter. 2014. Vol. 12 (2). P. 197–244.
6. Ускова Е.В. Статус «квалиа» в натуралистических теориях сознания // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. 2020. № 2. С. 192–202.
7. Papineau D. “Naturalism”, The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2021 Edition) / Edward N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/naturalism/> (accessed: 15 июня 2021).
8. Вергаувен Р., Иценко Е.Н. Проблема квалиа: онтологические и эпистемологические следствия // Вестник Воронежского университета. Серия: Философия. 2018. № 4. С. 38–49.
9. Baker L.R. Naturalism and the First-Person Perspective // How Successful is Naturalism? Publications of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society / Georg Gasser (ed.). Frankfurt: Ontos-Verlag, 2007. P. 203–226.
10. Гаспарян Д.Э. The first-person perspective description error in naturalism // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. № 3.

References

1. Nagumanova, S.F. (2011) *Materializm i soznanie: analiz diskussii o prirode soznaniya v sovremennoy analiticheskoy filosofii* [Materialism and consciousness: An analysis of the debate about the nature of consciousness in modern analytical philosophy]. Kazan: Kazan State University.

2. Vasiliev, V.V. (2009) *Trudnaya problema soznaniya* [Difficult Problem of Consciousness]. Moscow: Progress-Tradition.
3. Sekatskaya, M.A. (2012) Chto my znaem o soznanii? Kommentariy k polemike D. Chalmersa i D. Denneta [What do we know about consciousness? Commentary on the polemics of D. Chalmers and D. Dennett]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 147–157.
4. Dennett, D. (1998) Ontologicheskaya problema soznaniya [Ontological problem of consciousness]. Translated from English by A.L. Blinov. In: Gryaznov, A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitiye (ontologiya)* [Analytical philosophy: Formation and development (ontology)]. Moscow: DIK “Progress-Tradition.” pp. 361–375.
5. Horst, S. (2014) Beyond Reduction: From Naturalism to Cognitive Pluralism. *Mind & Matter*. 12(2). pp. 197–244.
6. Uskova, E.V. (2020) Status “kvalia” v naturalisticheskikh teoriyakh soznaniya [The status of “qualia” in naturalistic theories of consciousness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Series: Philosophy. Psychology. Sociology*. 2. pp. 192–202.
7. Papineau, D. (2021) Naturalism. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Summer 2021 Ed. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/naturalism/> (Accessed: 15th June 2021).
8. Vergauwen, R. & Ishchenko, E.N. (2018) The qualia-problem: ontological and epistemological consequences. *Vestnik Voronezhskogo universiteta. Seriya: Filosofiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*. 4. pp. 38–49. (In Russian).
9. Baker, L.R. (2007) Naturalism and the First-Person Perspective. In: Gasser, G. (eds) *How Successful is Naturalism? Publications of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society*. Frankfurt: Ontos-Verlag. pp. 203–226.
10. Gasparyan, D.E. (2021) The first-person perspective description error in naturalism. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 3. pp. 403–415. DOI: 10.21638/spbu17.2021.303

Сведения об авторе:

Ускова Е.В. – кандидат философских наук, кафедра Управления персоналом и психологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: uskova80@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Uskova E.V. – Cand. Sci. (Philosophy), Department of Human Resources Management and Psychology, Ural Institute for the Humanities, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: uskova80@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.10.2021;
одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 25.10.2021;
approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 05.12.2022

Научная статья

УДК 165.6/8

doi: 10.17223/1998863X/70/7

НАУЧНЫЙ ПЕРСПЕКТИВИЗМ: РЕАЛИЗМ, АНТИРЕАЛИЗМ ИЛИ НОВАЯ ПАРАДИГМА?

Вадим Александрович Чалый

*Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия,
vadim.chaly@gmail.com*

Аннотация. На примере концепций Р. Гира, М. Массими и Ф. Реканати обсуждается претензия актуальной программы научного перспективизма на преодоление противостояния реализма и антиреализма. Утверждается, что противостояние не преодолено и что, несмотря на верный выбор стратегии поиска компромисса и некоторые концептуальные новации, научный перспективизм пока опирается на перцептивную метафору и не делает ясным, как перспективность проявляет себя в теоретическом знании.

Ключевые слова: научный перспективизм, реализм, антиреализм, Р. Гир, М. Массими, Ф. Реканати

Благодарности: исследование поддержано Российским научным фондом, проект «Перспективизм как эпистемологическая программа», гранта № 22-28-02041, <https://rscf.ru/project/22-28-02041/>

Для цитирования: Чалый В.А. Научный перспективизм: реализм, антиреализм или новая парадигма? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 80–90. doi: 10.17223/1998863X/70/7

Original article

SCIENTIFIC PERSPECTIVISM: REALISM, ANTIREALISM, OR A NEW PARADIGM?

Vadim A. Chaly

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation,
vadim.chaly@gmail.com*

Abstract. The current state of philosophy of science is characterized by stasis in the struggle between realism and antirealism. In recent years, a number of authors have come out with a program of scientific perspectivism that claims to sublimate this great collision and gain the status of a new epistemological paradigm: “perspectivism, or, better, *perspectival realism*, is one of the newest attempts to find a middle ground between scientific realism and antirealism” [1. P. 2]. Important milestones of the perspective movement were the works of Ronald Giere, Francois Recanati, Bas van Fraassen, Michela Massimi, and others. The thesis of the article is that perspectivism has not yet realized its claims to autonomy, although it has become an important new arena for discussions between realists and antirealists who try to appropriate perspectivist concepts and arguments. The “middle ground,” when thought out consistently and thoroughly, turns out to lie not “between,” but either in the territory of realism or in the territory of antirealism, depending on the presumptions of the author of a particular perspectivist conception. This is demonstrated by the analysis of the conceptions of Giere, Massimi, and Recanati. Giere’s perspectivism is based on the metaphor of color vision, and for him only some (secondary) qualities of real objects turn out to be

perspectival, i.e., subject-dependent. Massimi's perspectivism attempts, on the basis of a visual arts metaphor, to combine the phenomenon of the plurality of scientific theories ("perspectival disagreement" about *what* an object is) with the general realist attitude of science (agreement about *that there is* an object). Recanati's perspectivism syncretizes realism about ordinary objects and relativism about other things. The first two versions of perspectivism rely on a perceptual metaphor: perspective is conditioned by the perceptual constitution of the observer, that is, it arises at the *mental* or *cognitive* level. Recanati's version attempts to derive perspective from contextuality, that is, it is *semantic*. However, it does not show exactly how perceptual categories are superimposed on theories or how scientific concepts reveal their perspectival character. The isomorphism of perception and theoretical thinking, sensibility and understanding, remains undemonstrated. On the one hand, perspectivist efforts are motivated by an important concern to account for antirealist critique (lack of access to the "view from nowhere," factual and semantic underdetermination, difficulties with the idea of approaching the truth, the historicity of knowledge, the activeness of the constructing subject, etc.) while preserving the scientific commitment to universality, validity, and truthfulness. On the other hand, the ontological question remains fundamental and unavoidable, and perspectivism (yet?) fails to circumvent it. As we see, all three versions of perspectivism considered in this article turn out to be varieties of realism: Giere and Massimi recognize this explicitly, while Recanati de facto assumes a quite respectable and conservative position of selective realism with respect to ordinary objects.

Keywords: scientific perspectivism, realism, antirealism, Ronald Giere, Michela Massimi, Francois Recanati

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-02041, <https://rscf.ru/project/22-28-02041/>

For citation: Chaly, V.A. (2022) Scientific perspectivism: realism, antirealism, or a new paradigm?. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 80–90. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/7

Введение

Актуальное состояние философии науки характеризуется стагизмом в борьбе реализма и антиреализма. В последние годы ряд авторов выступили с программой научного перспективизма, претендующей на снятие этой большой коллизии и получение статуса новой эпистемологической парадигмы: «Перспективизм, или, лучше, *перспективный реализм* – это одна из новейших попыток найти золотую середину между научным реализмом и антиреализмом» [1. Р. 2]. Важными вехами перспективистского движения стали работы Р. Гира [2], Ф. Реканати [3], Б ван Фраасена [4], М. Массими и др. [5–8]. Философские основы перспективизма заложены в работах классиков (Лейбница, Канта, Ницше) и современников (Ф. Каульбаха, В. Штегмайера и др.)¹, однако научный перспективизм практически не обращается к их работам (исключение – внимание к Массими к Канту), вместо этого ориентируясь на и отталкиваясь от актуальной полемики научного реализма и антиреализма.

Тезис статьи заключается в том, что перспективизм пока не реализовал заявленные претензии на самостоятельность, хотя и стал новой важной ареной для дискуссий реалистов и антиреалистов, пытающихся присвоить перспективистские понятия и аргументы. Золотая середина, будучи продуманной

¹ См.: Левин М.Р., Чалый В.А., Луговой С.В., Корнилаев Л.Ю. История перспективизма и статус перспективистских понятий (в печати).

последовательно и до конца, оказывается лежащей не между, а либо на территории реализма, либо на территории антиреализма в зависимости от исходных установок автора конкретной перспективистской концепции. Чтобы продемонстрировать это, я изложу и проанализирую версии перспективизма Гира и Массими, являющиеся реалистскими, и перспективизм Реканати, представляющий собой синкретическую комбинацию реализма и антиреализма.

Научный перспективизм Р. Гира

Американский философ науки Рональд Гир (1938–2020) в книге «Научный перспективизм» (2006) первым попытался прибегнуть к систематической разработке перспективистской интуиции, согласно которой знание определяется «позицией», «точкой зрения» или «перспективой» исследователя. Его разработка отталкивается от феномена цветового зрения. Люди обладают трихроматическим зрением, дающим определенную «цветовую перспективу» мира, которая отличается от перспективы ди- и тетрахроматов. Гир утверждает, что это же положение вещей распространяется на наблюдение при помощи научных приборов. Этот тезис хорошо известен как основа инструментализма, но Гир считает, что более точной является его перспективная интерпретация. Перспективой, конституирующей наблюдение и измерение с помощью прибора, Гир называет совокупность пресуппозиций о характере функционирования прибора и о теории, используемой при интерпретации результатов [2. Р. 14]. Результат измерения теоретически осмыслен и практически надежен только в той мере, в какой эти неявные допущения выполняются. Для Гира это означает, что результаты измерения не могут быть отделены от перспективы, в рамках которой они были получены. Ни одна перспектива измерения не является привилегированной, поскольку каждая из них включает в себя несовершенные идеализации. Далее Гир расширяет метафору: научные теории вообще «создают перспективы, в рамках которых можно представить себе аспекты мира» [2. Р. 59]. Как и в случае наблюдения с помощью инструментов, теоретическая перспектива определяется пресуппозициями теории, и все утверждения, сделанные в рамках теории, неотделимы от перспективы, которую конституирует теория.

У концепции Гира есть как минимум две трудности. Первая связана с его слишком огрубленным представлением позиций, альтернативой которым должен стать научный перспективизм. Гир помещает научный перспективизм между «объективистским реализмом» и «социальным конструктивизмом» [2. С. 14]. Объективистский реализм в понимании Гира, которое он подкрепляет радикальными высказываниями известных физиков, не слишком искушенных в вопросах методологии и метафизики, сводится к тезисам: а) о перманентности научного знания (знание накапливается; можно точнее назвать это тезисом о кумулятивности знания); б) о статусе научных законов как дескрипций реальности и в) о науке как о приближении к истине. «Полный объективистский реализм («абсолютный объективизм») остается недостижимым даже в качестве идеала. Неизбежным, хотя и банальным фактом является то, что научные инструменты и теории являются творениями человека. Мы просто не можем выйти за пре-

дела нашей человеческой перспективы, как бы ни стремились некоторые к взгляду на Вселенную с божественной высоты» [2. Р. 6]. Гир признает совпадение объективизма с «метафизическим реализмом», описанным и подвергнутому критике Патнемом: «существует только одно истинное и полное описание того, „как устроен мир“» [9. Р. 49].

На это можно возразить, что существуют более изощренные версии реализма, в том числе «внутренний реализм» самого Патнема. Не учитывая их, научный перспективизм Гира сражается с «соломенным человеком» радикального объективизма, тогда как среди версий реализма есть и такие, которые выражают интуицию его перспективизма (в целом не новую) о зависимости вторичных качеств от наблюдателя столь же успешно или, возможно, даже точнее, не прибегая к перспективным понятиям. Некоторые критики уже квалифицировали перспективизм Гира как лишь еще одну разновидность «референциального реализма» – позиции, в целом принимающей онтологию объектов и возможность успешной референции к ним [10. Р. 51]. Сама базовая метафора цветности, окрашенности уже содержит пресуппозицию о существовании того, чему приписывается цвет, т.е. объекта. В таком случае научный перспективизм Гира займет место среди разновидностей избирательного реализма.

Вторая трудность связана с перспективистскими понятиями. Гир использует слова «перспектива», «аспект», «точка зрения», «взгляд» в обыденном смысле, не предлагая их системную экспликацию и не демонстрируя их особый познавательный статус, который позволил бы говорить о перспективизме как самостоятельной концептуальной рамке или программе. Если выделить в перспективизме Гира ментальный, семантический и объектный уровни, то перспективные понятия, очевидно, имеют происхождение на уровне ментальном и связаны с визуальной перцепцией. На каких основаниях и по каким правилам они переносятся на семантический уровень и начинают характеризовать теории, в каком смысле они это делают, остается неясным. Хорошо известна широкая метафора Куна о том, что парадигма – это способ видения мира. Мысль Гира о перспективности теорий сходна, но не добавляет конкретики и новизны пониманию формы, содержания и динамики «теоретического видения». Приходится признать, что без концептуальной экспликации перспективистской схемы и без демонстрации ее эвристического потенциала в понимании и развитии теорий научный перспективизм Гира не движется дальше удачной метафоры.

Перспективный реализм

М. Массими

Уже в самом названии «перспективный реализм» Микела Массими заявляет о принадлежности своей концепции к множеству реалистских программ. При этом именно Массими принадлежит громкое заявление о перспективистской золотой середине между научным реализмом и антиреализмом. Как соотносятся эти два обстоятельства? Свою версию перспективизма Массими строит на сходстве представления (репрезентации) объектов в изобразительном искусстве и представления их в научной теории. Она использует анализ двух знаменитых картин, чтобы ввести по-

нения «перспективность-1» и «перспективность-2», соответствующие антиреализму и перспективному реализму:

Перспективность-1: «Менины» Диего Веласкеса; «представление (representation), нарисованное от некоторой точки обзора (vantage point)» [6. Р. 32]	Перспективность-2: «Портрет четы Арнольфини» Яна ван Эйка; «представление, нарисованное к одной (или нескольким) точке(ам) схода (vanishing point)» [6. Р. 32]
1) «Представление ситуационно положено (situated) в конкретной точке обзора (занимаемой наблюдателем)» [6. Р. 34]	1) «Представление имеет явную направленность к точке схода (в данном случае к зеркалу как точке фокуса, где расположено мета-представление представления первого порядка)» [6. Р. 36]
2) «Представленная сцена изображена так, как она является из этой точки (а не с точки зрения Веласкеса или с точки зрения одной из фрейлин)» [6. Р. 34]	2) «Точка обзора наблюдателя не является ни точкой обзора Джованни Арнольфини и его жены (в отличие от Филиппа IV и Марианны в «Менинах»), ни художника. Выглядит так, как если бы точка обзора, из которой изображена сцена, стала пустой, чтобы ее могла заполнить я, вы, или любой другой» [6. Р. 36]
3) «Перспективное представление – это представление о той самой точке обзора, откуда происходит представление» [6. Р. 34]	3) «Перспективное представление не является (самореферентным) представлением о точке обзора, откуда происходит представление. Точка зрения, с которой нарисована картина, не влияет на содержание перспективного представления второго порядка. Потому что в зеркале есть целый мир, а не отражение четы Арнольфини» [6. Р. 37]
«Ситуационная положенность (situatedness) представления влияет на содержание представления» [6. Р. 34]	Ситуационная положенность представления не влияет на содержание представления

Эта трактовка вызывает сомнения. Противопоставление в 1) точки обзора и точки схода далее разъясняется автором через порядок *построения* картины, в котором возникают и складываются ее замысел и ее компоненты. Можно согласиться, что нарратив о порядке возникновения – как была задумана перспективная композиция, какие линии были проведены первыми – помогает лучше понять картину, как и история возникновения научной теории позволяет лучше понять ее схему. Однако история открытия не способна заменить или объяснить логику его обоснования, как и рассказ об авторском замысле (неизбежно лишь одна из его возможных интерпретаций) и порядке работы не объясняет воздействия произведения на зрителя. Различие в пункте 2) и вовсе представляется надуманным: каждая из представленных сцен доступна зрителю – «мне, вам, или любому другому», – прежде всего из точки обзора работавшего над ней художника, даже если он, как, предположительно, Веласкес, решил представить себя среди участников сцены и уступить привилегированную позицию автора королевской чете. Самореферентность 3), или рефлексия, размышление о точке обзора, одинаково уместна в обоих случаях и одинаково не является обязательной. Наблюдатель в обоих случаях может быть поглощен как обозреваемым содержанием картины, так и особенностями своей позиции и замыслом художника в ее отношении. Наконец, зеркало «Портрета ...», в котором, возможно, и отражается «целый мир», но в действительности только угадывается фрагмент кроны дерева и небо, размыкает «самореферентность» картины не больше и не меньше, чем открытая дверь или угадывающийся справа проем «Менина». Различие двух перспективностей, таким образом, не имеет принципиального характера.

Однако оно оказывается центральным для последующей экспозиции перспективного реализма. Массими утверждает, что перспективность-1 ведет к антиреализму, в то время как перспективность-2 оказывается открывающей «окно в реальность», которое позволяет умозаключать от представленного в перспективе к непредставленному [6. Р. 40]. Поскольку введенное на примере двух картин различие не работает, обе предложенные версии перспективизма можно интерпретировать и как реалистские, и как антиреалистские, и эта интерпретация будет определяться внешними по отношению к самой концепции факторами. В случае Массими это изначальный выбор репрезентационистского языка, предполагающего референцию репрезентации к репрезентируемому, то, что «наука относится (*relates*) к природе, а научные модели – к положениям вещей в мире» [6. Р. 32]. Конечно, такому языку «репрезентаций» и «положений вещей в мире» подлежит реалистская онтология, а идея перспективности оказывается лишь одним из способов напомнить о субъективных эпистемических особенностях и ограничениях в познании мира. «Перспективные репрезентации... представляют свой объект *таким, каким он виден с определенной точки зрения*, только в той степени, в какой изображение нарисовано *относительно одной или нескольких точек схода*. Художник искусно расположил линии композиции для создания перспективных эффектов, которых не хватило бы плоскому двухмерному холсту или панели. По аналогии философские дискуссии о перспективных репрезентациях должны начинаться с признания роли человеческого агента не только как зрителя, но, прежде всего, как *архитектора*, организующего линии композиции и создающего в кропотливых деталях перспективные эффекты „окна в реальность“» [6. Р. 32].

«Организация линий» далее находит аналогию в создании «экспериментальных техник» и «теоретических моделей», позволяющих проделать «окно в реальность» [6. Р. 42]. Агент-архитектор конструирует репрезентации, но не конструирует представленный в них мир. Репрезентации зависят от субъектов, выбранных ими инструментов, целей, позиций, от их историй и т.д. и потому множественны и часто кажутся несовместимыми (хотя далеко не всегда таковыми оказываются), в то время как объект, мир, реальность остается одним и общим для всех субъектов [6. Р. 43–48]. «Научные перспективы... это исторически и культурно обусловленные научные практики реальных научных сообществ в любое данное историческое время» [6. Р. 183]. Все это убедительно, но не ново (и Массими цитирует сходные пассажи у Гудмена, Патнема, Китчера, Канта) и не обретает новизны в свете перспективистской аналогии с изобразительным искусством. Предложенная во второй части книги разработка дуализма явлений (опытных данных) и феноменов (реальных событий) представляется вариацией на кантовскую тему, в которой феномены онтологизируются. Новой оказывается трактовка реальности как множества событий и демонстрация особенностей реализма событий в сравнении с реализмами обыденных вещей, структур и ненаблюдаемых сущностей (но и здесь можно указать на Лумана с его теорией систем и конституирующих их событий, чего автор не делает). Однако и в этом разделе концепции перспективистская аналогия ограничивается мотивом построения перспективы от «точки схода», т.е. от данных, а не от «точки обзора», т.е. установок наблюдателя.

Таким образом, перспективный реализм Массими – это детально проработанная реалистская концепция, опирающаяся на предшествующие достижения и предлагающая способ учесть антиреалистскую критику, – однако перспективность остается и в здесь лишь визуальной метафорой, вдохновляющим образом и удачным «брэндом», но не расширяющей понимание познавательных процессов, и их результатов. Вряд ли реализм событий станет золотой серединой, способной умиротворить антиреалистских критиков более, чем другие версии реализма.

Перспективный антиреализм Ф. Реканати

Французский аналитик Франсуа Реканати в книге «Перспективное мышление: призыв к (умеренному) релятивизму» (2007) разрабатывает релятивистскую версию перспективизма, основанную на конвенционалистской семантике. Реканати утверждает, что реализм имеет в своей основе неправдоподобную «литералистскую» философию языка [3. Р. 4]. Литерализм Реканати трактует как рудимент позитивистского методологического проекта построения «точного» языка науки, исключающего семантическую и синтаксическую не(до)определенность выражений и сводящего значение к объектной референции. Реканати утверждает, что общая неудача позитивистской программы не привела к отказу от литералистской установки и, соответственно, от реализма. Модификацией литерализма, позволившей ему уклоняться от критики и выживать, стала концепция индексных выражений. Ее назначение, по Реканати, состоит в том, чтобы, выделив узкую группу выражений, значение которых зависит от контекста, и тривиализировав эту их особенность, сохранить контекстуальную независимость для остальных выражений. Реканати утверждает, что эта операция невозможна и что всепроникающая контекстуальность затрагивает не только внешний, объективированный язык, но и ментальные состояния, с которыми он связан. Языку посвящена первая часть книги, в то время как две следующие части погружают читателя в проблемы сознания и субъективности. Такой выбор семантического и менталистского материала с самого начала задает концепции релятивистский «уклон».

Понятие перспективности, которым пользуется Реканати, по сути, сводится к понятию контекста. Всякий случай высказывания соединяет высказываемое семантическое содержание, в терминологии автора «лектон», и контекст, или перспективу, в которой лектон «рассматривается». «‘Идет дождь’ выражает разные пропозиции в разных контекстах не потому, что оно двусмысленно или включает скрытые индексикалы, а потому, что (явное) содержание, выражаемое этим предложением – *лектон*, как я его называю, – оценивается в зависимости от различных обстоятельств. В этом случае контекстуально изменяемым является обстоятельство, а не содержание, которое мы оцениваем; но полное истинностно-условное содержание высказывания (utterance) включает в себя обстоятельства, а также эксплицитное содержание: высказывание истинно, если его (эксплицитное) содержание истинно в отношении соответствующих обстоятельств. Если мы изменим обстоятельства оценки, мы изменим общие истинностные условия (overall truth-conditions)» [3. Р. 27]. Контекст включает не только внешние обстоятельства, но и внутренние, а именно явное либо неявное приписывание высказываемой

мысли себе (обычно) либо другому. Внутренним контекстом лектона становятся другие мысли (обыденным словом «мысли» Реканати пользуется намеренно). Лектон и его обстоятельства оцениваются из эгоцентрической либо экзцентрической позиции; в последней говорящий пытается представить себя на месте другого. Позиция всегда чья-то, что исключает возможность «взгляда отовсюду», и ее параметры, внешние и внутренние, изменчивы. Собственно понятие перспективы вводится Реканати в связи с темпоральностью языка: время является фундаментальным фактором подвижности внутреннего переживания самости, чем-то вроде кантовской формы внутреннего чувства, и благодаря темпоральности возникает «внутренняя перспектива на время, характеризующая наше мышление и речь» [3. Р. 64]. *Актуальная* позиция и состояние говорящего, а не некое внешнее абсолютное событие, становится точкой отсчета (здесь Реканати отсылает к временной логике Прайора).

Перспективность характеризует все производимые агентом высказывания – такова релятивистская сторона концепции Реканати. Ее умеренность же заключается в том, что в некоторых простых случаях мы можем разрешить разногласия апелляцией к внешнему контексту («солонка слева от перечницы», одновременно произнесенное двумя сидящими напротив друг друга контрапезниками, будет истинным у одного благодаря фактическому положению солонки), хотя в других («эта картина прекрасна», «это плохой поступок», «это справедливая война» и т.п.) никакой внешней, объективной, общезначимой точки зрения и порождаемой ею перспективы быть не может, и разногласия если и разрешаются, то конвенцией.

Как квалифицировать умеренный релятивизм Реканати? Это несомненный реализм в отношении солонки, соли, столов и других наблюдаемых обыденных вещей. Разногласия здесь решаются успехом референции. Реканати не касается реальности ненаблюдаемых сущностей (электронов и др.), и из его концепции неясно, как будет решаться эта важная для науки проблема. Все остальное, выходящее за пределы обыденной прямой референции, в частности абстрактные понятия, эмоциональные состояния, воспоминания, продукты воображения, представления себя, которым Реканати уделяет большую часть своего исследования, оказывается нередуцируемым к объектам и зависит от индивидуальных ментальных состояний и конвенций, т.е. достается релятивизму. Никаких промежуточных территорий данная концепция не предлагает.

Перспективизм на пути к автономии?

Анализ трех программ научного перспективизма показывает, что связанные с ними надежды на золотую середину между реализмом и антиреализмом пока не оправдались. Перспективизм Гира основан на метафоре цветового зрения, и для него перспективными, субъектозависимыми, оказываются лишь некоторые (вторичные) качества реальных объектов. Перспективизм Массими пытается, опираясь на изобразительную метафору и сомнительное различие перспективности-1 и перспективности-2, соединить феномен множественности научных теорий («перспективные разногласия» о том, чем является объект) с общей реалистической установкой науки (согласие в том, что объект *есть*). Перспективизм Реканати синкретически соединяет реализм в отношении обыденных объектов и релятивизм в

отношении прочего. Первые две версии перспективизма опираются на перцептивную метафору: перспективность обусловлена устройством восприятия наблюдателя¹, т.е. возникает на *ментальном* или *когнитивном* уровнях. Версия Реканати пытается вывести перспективность из контекстуальности, т.е. является *семантической*. Однако ни в одной версии не показано, как именно перцептивные категории транслируются в теоретические, или как научные понятия раскрывают свою перспективность, или что означает перспективность применительно к семантическому контексту конкретных высказываний. Изоморфность восприятия и теоретического мышления, чувственности и рассудка остается непродемонстрированной. Можно предположить, что этот ход имеет перспективы в рамках энактивизма посредством выдвижения эмпирических гипотез о перспективности мышления как результате когнитивного онто- и филогенеза, но в литературе не встречается таких попыток. Можно допустить, что экспозиция семейства перспективистских понятий способна обнаружить их семантическую связанность и представить как систему или схему: мы действительно говорим и в быденном, и в научном режимах о «горизонте», «фокусе», «аспекте», «точке зрения», «преломлении», «отражении» и т.п. Можно далее предположить и нечто вроде трансцендентальной дедукции, демонстрирующей необходимость этого семейства понятий или этой системы категорий для всякого опыта, который мы можем себе помыслить. «Когнитивная биография» человека или сообщества ученых тогда будет выглядеть как траектория, прерываемый парадигмальными сменами континуум точек зрения, где взгляд, направленный из которых, пытается проникнуть или пронзить (*perspicere*) объект, конструируемый или перспективируемый сочетанием этого усилия и чего-то внешнего по отношению к нему. Но такую работу еще только предстоит совершить, и она совсем не обязательно увенчается успехом.

В актуальном состоянии, с одной стороны, усилия перспективистов мотивированы важным стремлением учесть антиреалистскую критику (отсутствие доступа к «взгляду из ниоткуда», фактуальную и семантическую недоопределенность, затруднения с идеей приближения к истине, историчность знания, активность конструирующего субъекта и др. – см., например, [12]) при сохранении научной установки на универсальность, общезначимость, истинность. Работа в рамках фундаментальной интуиции дуализма *перспективируемого* и *перспективирующего*, их неразрывности и взаимоопределения открывает интересные аспекты (перспективистское слово) и позволяет лучше понять нашу эпистемическую ситуацию с ее пределами. С другой стороны, как убедительно утверждает, анализируя отношения реализма и антиреализма, В.А. Ладов, онтологический вопрос является принципиальным и неизбежным [13. С. 7], и перспективизму тоже не удастся его обойти.

Заключение

Как видим, все три рассмотренные версии перспективизма если не являются видами реализма, то как минимум содержат реалистский компонент: Гир и Массими признают это явно, Реканати же де факто занимает вполне respectable и консервативную позицию избирательного реализма в от-

¹ Визуального, но есть и осязательный перспективизм [11].

ношении обыденных объектов – подпадающую под весь набор сопровождающих ее трудностей [14].

Список источников

1. Massimi M. "Perspectivism" // *The Routledge Handbook of Scientific Realism* / ed. by J. Saatsi. 1st ed. New York : Routledge, 2017. Series: Routledge handbooks in philosophy: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203712498>
2. Giere R.N. *Scientific Perspectivism*. University of Chicago Press, 2006.
3. Recanati François. *Perspectival Thought: A Plea for (Moderate) Relativism*. Clarendon Press, 2007.
4. Fraassen Bas C. van. *Scientific Representation: Paradoxes of Perspective*. OUP Oxford, 2008.
5. Massimi M. Realism, Perspectivism, and Disagreement in Science // *Synthese*. 2021. № 198 (25). P. 6115–6141. <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02500-6>
6. Massimi M. *Perspectival Realism*. Oxford University Press, 2022.
7. Crețu A.-M., Massimi M. *Knowledge from a Human Point of View*. Springer Nature, 2020.
8. *Understanding Perspectivism: Scientific Challenges and Methodological Prospects* / M. Massimi, C.D. McCoy (eds.). Routledge, 2019.
9. Putnam H. *Reason, Truth and History*. Cambridge : Cambridge University Press, 1981. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511625398>
10. Teller P. What Is Perspectivism, and Does It Count as Realism? // *Understanding Perspectivism: Scientific Challenges and Methodological Prospects* / ed. by M. Massimi and C.D. McCoy. Routledge, 2019.
11. Chirimuuta M. Vision, Perspectivism, and Haptic Realism // *Philosophy of Science*. 2016. № 83 (5). P. 746–756. <https://doi.org/10.1086/687860>
12. Chakravartty A. Scientific Realism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E.N. Zalta. Summer 2017. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/scientific-realism/>
13. Ладов В.А. Формальный реализм. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011.
14. Korman D.Z. Ordinary Objects // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E.N. Zalta. Fall 2020. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/ordinary-objects/>

References

1. Massimi, M. (2017) Perspectivism. In: Saatsi, J. (ed.) *The Routledge Handbook of Scientific Realism*. 1st ed. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203712498
2. Giere, R.N. (2006) *Scientific Perspectivism*. University of Chicago Press.
3. Recanati, F. (2007) *Perspectival Thought: A Plea for (Moderate) Relativism*. Clarendon Press.
4. Fraassen Bas, C. van. (2008) *Scientific Representation: Paradoxes of Perspective*. Oxford: OUP.
5. Massimi, M. (2021) Realism, Perspectivism, and Disagreement in Science. *Synthese*. 198(25). pp. 6115–6141. DOI: 10.1007/s11229-019-02500-6
6. Massimi, M. (2022) *Perspectival Realism*. Oxford University Press.
7. Crețu, A.-M. & Massimi, M. (2020) *Knowledge from a Human Point of View*. Springer Nature.
8. Massimi, M. & McCoy, C.D. (eds) (2019) *Understanding Perspectivism: Scientific Challenges and Methodological Prospects*. Routledge.
9. Putnam, H. (1981) *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511625398
10. Teller, P. (2019) What Is Perspectivism, and Does It Count as Realism? In: Massimi, M. & McCoy, C.D. (eds) *Understanding Perspectivism: Scientific Challenges and Methodological Prospects*. Routledge.
11. Chirimuuta, M. (2016) Vision, Perspectivism, and Haptic Realism. *Philosophy of Science*. 83(5). pp. 746–756. DOI: 10.1086/687860
12. Chakravartty, A. (2017) Scientific Realism. In: Zalta, Ed.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Summer 2017. Stanford University. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/scientific-realism/>
13. Ladov, V.A. (2011) *Formal'nyy realizm* [Formal realism]. Tomsk: Tomsk State University.

14. Korman, D.Z. (2020) Ordinary Objects. In: Zalta, Ed.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Fall 2020. Stanford University. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/ordinary-objects/>

Сведения об авторе:

Чалый В.А. – доктор философских наук, профессор Института образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград, Россия).
E-mail: vadim.chaly@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Chaly V.A. – Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Institute of Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation).
E-mail: vadim.chaly@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.09.2022;
одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 20.09.2022;
approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 05.12.2022*

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 141.5:124.5:304.2
doi: 10.17223/1998863X/70/8

ПРОБЛЕМА НАЦИИ В ФИЛОСОФИИ С.И. ГЕССЕНА

Михаил Юрьевич Загирняк

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия,
mikhail.zagirnyak@gmail.com*

Аннотация. Сергей Иосифович Гессен на основе аксиологии Генриха Риккерта предложил трактовку нации как коллективного социального субъекта, воплощающего культурные ценности в форме определенной национальной культуры. Все национальные культуры являются уникальными, но равнозначными вариантами воплощения культурных ценностей. Человечество существует и развивается в форме плюрализма национальных культур.

Ключевые слова: нация, народ, культура, неокантианство

Благодарности: исследование выполнено в рамках реализации проекта РНФ № 22-28-20165 «Модели социальности в неокантианстве русского зарубежья: синтез социологического номинализма и универсализма».

Для цитирования: Загирняк М.Ю. Проблема нации в философии С.И. Гессена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 91–99. doi: 10.17223/1998863X/70/8

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

THE PROBLEM OF THE NATION IN THE PHILOSOPHY OF SERGEI HESSEN

Mikhail Yu. Zagirnyak

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, mi-
khail.zagirnyak@gmail.com*

Abstract. Sergei (Sergius) Hessen (1887–1950) views the nation within a framework as a stage in the development of a collective social subject that shapes culture. This interpretation of the nation implies a corresponding justification of individual freedom and social good. Hessen's use of the axiology of Southwest German neo-Kantianism allows him to correlate individual and social goals of development. Hessen links freedom and socialization, viewing personal creativity as a contribution to the public good. Using the Kantian ethics of duty to justify freedom, Hessen associates it with adherence to duty, a rejection of natural arbitrariness. Duty implies socialization: the individual recognizes oneself as a member of society along with other individuals. The individual recognizes the supra-individual goals of

development – the goals of society – and considers oneself a participant in the realization of these goals. Individuals develop identities if they recognize freedom – submit to duty and participate in the realization of supra-individual goals. Any culture, according to Hessen, is possible in the form of the national realization of cultural values. The nation is a stage in the development of social cohesion that has the capacity to shape culture. Hessen views the nation and the people as stages in the development of the social subject. Just as individuals develop identities and join others in the realization of the super-individual goals of development, so a people is transformed into a nation if they discover for themselves the super-national goals of development and join with other nations in their realization. According to Hessen, national education helps to correlate individual freedom with the public good, to achieve the conjunction of individual and societal goals of development. Through education, Hessen affirms the connection between individual freedom and universal values through the nation and justifies human development in the form of a pluralism of national cultures.

Keywords: nation, people, culture, neo-Kantianism

Acknowledgments: This research was done as an implementation of Russian Science Foundation Project No. 22-28-20165: Models of Sociability in the Neo-Kantianism of the Russian Diaspora: A Synthesis of Sociological Nominalism and Universalism.

For citation: Zagirnyak, M.Yu. (2022) The problem of the nation in the philosophy of Sergei Hessen. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 91–99. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/8

Введение

Сергей Иосифович Гессен (1887–1950) – известный философ русского зарубежья, ученик Риккерта, на основе его аксиологии сформировавший собственные взгляды. Понятие нации он представил также в рамках аксиологического толкования исторического процесса, непосредственно связав ее формирование с развитием культуры. Нация для Гессена – форма существования коллективного социального субъекта, объектом активности которого является культура, понятая в широком смысле – в качестве всего созданного человеком.

Начиная с вводной статьи первого номера «Логоса» Гессен рассматривает нацию как исторический феномен, представляющий стадию развития общества. Выявить гессеновские особенности понимания нации можно, проанализировав ее черты как стадии развития социума. Забегая вперед, скажу, что Гессен рассматривает нацию с точки зрения аксиологической трактовки исторического процесса – в качестве социального субъекта, создающего культуру. В этой работе я хотел бы проанализировать важнейшие аспекты понятия нации Гессена и определить специфику толкования этого феномена.

Принципы трактовки социума

Гессен рассматривает нацию как феномен, возникающий в процессе развития культуры и представляющий собой состояние социума. Следует рассмотреть гессеновские принципы трактовки общества – установить, каким образом Гессен трактует свободу индивида и общество. Для определения социума Гессен использует неокантианскую транскрипцию кантовского антинатуралистического обоснования социума, происходящего из его этики долга. Кант противопоставляет естественный детерминизм (Царство природы) находящемуся в процессе становления свободному социуму, идеалом разви-

тия которого является Царство целей [1. С. 185]. На основе этого противопоставления Кант прочно связывает возможность свободы с *долгом*, преодолением приоритета природных потребностей в действиях человека [2. С. 21]. Как представитель баденского неокантианства и опосредованно – последователь философии Канта Гессен формирует представление о развитии социума, отмечая конститутивную роль долга в возникновении и развитии социума [3. С. 70–71].

Но каким образом множество людей могут создать общество, которое качественно превосходит простую сумму составляющих его индивидов? Гессен формирует свою точку зрения на общество на основе теории ценности Риккерта¹. Риккерт обосновал историю культуры как процесс воплощения вневременных содержательно бесконечных *ценностей* в исторической действительности в виде *благ*, материальных временных осуществлений ценностей [7. С. 21–23]. По справедливому замечанию Л.Ю. Корнилаева, Риккерт обосновал точку зрения, согласно которой «науки о культуре не должны заниматься поиском абсолютной значимости, анализируя значения культуры, а должны анализировать проявления значений культуры в эмпирической и временной фактичности» [8. С. 99]. В процессе развития культуры каждый человек может *оценивать* блага – и видеть в них воплощение ценностей, и таким образом понимать культуру как историю их реализации, и осознавать себя элементом общества, реализующего ценности. Гессен существенно переосмыслил риккертовские понятия ценности, блага и акта оценки, представив свои понятия *цели-задания*, *предания*, связанные друг с другом *творчеством* индивида. Вневременные неисчерпаемые содержательно цели-задания – это цели развития культуры, которые осуществляются в виде предания (совокупности благ, если использовать терминологию Риккерта) посредством *творчества* индивидов. Каждый индивид имеет возможность стать личностью – актуализировать свою свободу и стать участником формирования предания. Для этого необходимо осознать *долг* – цели, выходящие за рамки индивидуальных потребностей и интересов. Воплощение этих целей происходило до появления на свет этого индивида и продолжится после его смерти. Благодаря *сверхиндивидуальным* целям человек получает возможность выйти за пределы индивидуальных, ограниченных интересов и стать элементом свободного социокультурного процесса. Долг выражается в творчестве, которое возможно только при осмыслении целей-заданий. В понятии сверхиндивидуальности Гессен выражает корреляцию свободы индивида с его социальной: индивид может стать личностью только в рамках общества. Занимаясь творчеством, каждый индивид осознает свою причастность к культуре, идентифицирует себя *наряду с другими индивидами* в качестве участника формирования предания [3. С. 73–74]. Формирование и развитие всех социальных образований связано с воплощением целей-заданий в предании – созидании содержания культуры как таковой. Социокультурный процесс, по Гессену, – это процесс постепенного развития социума к свободному состоянию. Нация

¹ Генрих Риккерт для Гессена не только учитель, под руководством которого и на основе идей которого он написал диссертацию «Индивидуальная причинность», но и важнейший в его жизни философ, о чем Гессен сообщает в своей автобиографии [4. С. 783]. Уже в ранних произведениях С.И. Гессен указывает, что использует идеи аксиологии Риккерта [5. С. 51]. Трактовку истории и в частности – эволюцию социально-политических учений, Гессен сформировал на основе аксиологии Риккерта (см. об этом подробнее в [6. С. 70–73]).

в этом процессе является формой социума, благодаря которой и возможно дальнейшее продвижение к социальной свободе.

Специфика генезиса нации

Проблемой нации Гессен заинтересовался в конце первого десятилетия прошлого века. Еще в 1910 г. во вступительной статье «От редакции» первого выпуска «Логос» он рассматривает становление отечественной национальной философской традиции как задачу приобщения к мировой философской мысли [9. С. 711], создание наряду с другими одного из путей осмысления универсальных задач формирования культуры [9. С. 718]. Философия, с точки зрения Гессена, — одно из направлений развития культуры, которое подчиняется универсальным принципам социокультурного развития: является одним из продуктов общества, достигшего высокой стадии развития¹. Русская философия предлагает уникальный вариант ответов на универсальные философские вопросы, но при этом возможна только с сохранением связи с мировой философией. Гессен однозначно утверждает, что мировая философия, понимаемая как множество национальных традиций, «...сверх-национализм, требующий многообразия национального творчества, одинаково отличается как от космополитизма, уничтожающего индивидуальные особенности развития наций, так и от узкого национализма, игнорирующего превышающее значение единого и цельного культурного человечества» [9. С. 718]. Гессен использует противопоставление всеобщего и особенного для трактовки национальной философской традиции: он противопоставляет универсальные проблемы философии и особенный исторический вариант поиска ответов на них, сформированный в рамках национальной культуры. Это противопоставление становится важнейшим инструментом для обоснования социального развития, в том числе формирования нации.

Гессен впервые намечает соотношение народа и нации как качественно отличных состояний социума: рассматривает национальное в качестве потенциала развития народа [9. С. 717]. Нация выступает в роли индикатора общественного развития: ее состояние показывает, насколько эффективно народ, воплощая цели-задания, формирует уникальное предание. В статье «Идея нации» (1915) [11]² Гессен усложнил трактовку соотношения народ–нация.

Гессен специально оговаривает, что развитие культуры всегда связано с синтезом уникального социально-природного образования (народа) с универсальными идеями развития культуры (целями-заданиями). Эффективность реализации целей-заданий в виде предания зависит от соблюдения принципа соотношения естественно сформированных особенностей народности с универсальными целями-заданиями. Нация — это форма существования коллек-

¹ О специфике трактовки статуса и назначения философии см. подробнее [10. С. 139–142].

² Гессен представил свою трактовку нации в докладе 5 февраля 1915 г. в Санкт-Петербургском философском обществе. Доклад был раскритикован за чрезмерный схематизм и рационализм, но существенных возражений никто не представил (см. об этом подробнее: [12. Р. 13–14]). В дальнейшем творчестве Гессен углубляет понятие нации, но не в критике большевистской России. А. Валицкий справедливо отметил, что «он не позволял себе быть настолько подавленным трагедией России, чтобы оказаться равнодушным к проблемам всего остального мира» [13. С. 10]. Хотя Гессен отмечал тупиковость большевизма как этапа эволюции политических учений [14. С. 295–297, 309–312], тем не менее критика большевизма не стала важнейшим, системообразующим мотивом его творчества.

В дальнейшем повествовании я буду ссылаться на современное переиздание статьи С.И. Гессена «Идея нации» [15].

тивного социального субъекта, создающего предание. Статья «Идея нации» примечательна также тем, что Гессен наряду с понятиями «народ» и «нация» использует термин «народность», обозначая с помощью него общность в качестве коллективного субъекта [15. С. 84]¹.

Попытки отказаться от гармонии этой формулы и акцентировать значение либо целей-заданий, либо предания приводят к двум негативным последствиям: космополитизму и национализму.

Космополитизм произрастает из отрицания необходимости народа и нации для формирования культуры и предполагает установление прямой связи целей-заданий с индивидами без посредства народа [15. С. 81]. Но нивелирование значения народа приводит к уничтожению коллективного социального субъекта, а значит и его продукта – предания. Утрачивая связь с народом, человек лишается идентификации в качестве участника социокультурного процесса. Национализм – это идеализация и догматизация предания, предполагающая отказ от целей-заданий, т.е. от взаимодействия индивидов с общечеловеческими ценностями [15. С. 86]. С точки зрения национализма незачем воплощать новые аспекты целей-заданий, если культура уже выражает идеал. Национализм позволяет укрепить единство коллективного социального субъекта, но ценой утраты перспектив развития культуры. Индивиды не занимаются свободным творчеством, осуществляя цели-задания в виде новых аспектов предания, но актуализируют и возвеличивают уже сформированное предание до такого его заострения, которое лишает целесообразности саму возможность свободного действия – превращает индивидов в элементы коллективного субъекта. Гессен использует противоположность космополитизма и национализма, чтобы обосновать необходимость индивида, народа/нации и человечества в качестве взаимодействующих сторон в процессе формирования культуры. Каждый человек может участвовать в осуществлении целей-заданий только в качестве участника определенного народа и нации.

Процесс формирования нации

В «Основах педагогики» Гессен углубил противопоставление народа и нации. *Народ* – это естественное социальное образование, сформировавшееся для совместного выживания людей в определенных географических условиях [3. С. 77]. Естественная общность людей служит материальной основой для возникновения нации, представляя из себя только, по выражению Гессена, этнографический материал [15. С. 96]. У народа есть потенциал развития до уровня нации – формирования культурно-исторического коллективного субъекта [3. С. 346], объектом деятельности которого является культура. *Нация* – это свободное образование, формирующееся из естественной общности, народа [3. С. 346]. Подобно личности, формирующейся из индивида, нация, по мнению Гессена, создается народом, который осознает себя одним из направлений реализации целей-заданий: «...как личность создается через

¹ Контекст употребления этого понятия в «Основах педагогики» дает возможность однозначно признать его синонимичность понятию народа: Гессен считает, что народ/народность – это естественное социальное образование, представляющее собой ступень в иерархии человеческих взаимоотношений [3. С. 3]; у народа/народности есть шанс развития до уровня нации [3. С. 357]. О соотношении народа и нации см. далее по тексту статьи.

работу над сверхличными целями, так и племя становится нацией лишь через работу над сверхнациональными заданиями» [3. С. 77].

Рассматривая народ как естественное образование, а нацию – как субъекта, создающего культуру, он не противопоставляет, соответственно, естественное и свободное, но, подобно Виндельбанду, считает, что сфера свободы формируется в условиях, заданных природой. Природные особенности, включая географическую и этническую специфику осуществления целей-заданий, задают уникальность культуры – формируют материальные условия осуществления целей-заданий. Нация – это коллективный субъект, воплощающий цели-задания и тем самым формирующий предание [3. С. 345–346]¹.

Однако главное достижение «Основ педагогики» в рамках проблемы нации заключается в том, что посредством нее Гессен нашел способ корреляции развития личности и общества как устремленности к обретению свободы [3. С. 35]. Антинатуралистический подход, основанный на противопоставлении естественного и свободного, позволил Гессену противопоставить 1) индивида и личность в качестве стадий развития личной свободы и, соответственно, 2) народ и нацию – как естественную и свободную общность людей [3. С. 343–344]. Он замечает, что становление и развитие нации зависит от того, вырастают ли в обществе личности [3. С. 85, 353–354]. Именно индивид как участник нации воплощает цель-задания – вносит вклад в формирование предания (национальной культуры).

Как замечает Ю.Б. Мелих, именно проблема индивида и общества является центральной для Гессена [17. С. 35]. Понятие нации позволяет ему обобщать их взаимообусловленность. Используя взаимосвязь трех понятий «индивид – нация – человечество», Гессен рассматривает социокультурный процесс как воплощение универсальных целей-заданий в виде преданий – национальных культур, сформированных благодаря усилиям каждого индивида, представителя нации.

Нация, как и личность отдельного человека, не является константой, но, по мнению Гессена представляет собой *задание* – обретение свободы, для народа [3. С. 345]. Если индивид, чтобы стать личностью, должен устремиться к сверхиндивидуальному, то народ, чтоб стать нацией, должен устремиться к сверхнациональному [3. С. 77]. Нация, как и личность, занимается творчеством. Объектом творчества и нации и личности является культура. Гессен считает, что чтобы обеспечить формирование нации и, следовательно, культуры, необходимо обеспечить формирование личностей.

Эта задача возлагается на образование – инструмент корреляции целей развития личности с целями социума. Гессен пишет по этому поводу: «Образовательный интерес отдельной личности совпадает, таким образом, с развитой и интенсивной общественностью. А это значит, что общественность не только не противоречит личной свободе, но служит ее необходимым условием и дополнением» [3. С. 230]. Благодаря образованию отдельный индивид не

¹ В польский период творчества (с 1936 г.) Гессен вместо народа и нации использует понятия национальности и нации. Национальность (*narodowość*) содержит в себе потенциал развития до состояния нации (*naród*), если участвует в осуществлении сверхнациональных культурных ценностей (*ponarodowy wartości kulturowe*); в случае отказа от связи с ними нация не образуется, национальность идентифицируется в социуме потенциально как этнографический материал (*masa etnograficzne*) [16. S. 237–238].

только учиться осознавать долг и подчиняться ему, но и взаимодействовать с другими людьми, рассматривать себя в качестве участника социума.

Национальное образование – это способ формирования личностей в качестве участников нации. Унифицированная система национального образования позволяет приобщить все слои народа к культуре [3. С. 359] и создать его коллективную личность – нацию [3. С. 198]. Гессен соблюдает баланс – не принимает точку зрения социологического номинализма и универсализма, утверждая значимость как индивида, так и общества в форме нации для развития культуры человечества. Образование открывает для индивида возможность обретения личности через актуализацию сверхиндивидуальных интересов и участия в созидании предания. Для народа же образование открывает возможность стать нацией посредством воплощения в предание целей-заданий – формирование национальной культуры как воплощения сверхнациональных ценностей.

Указанное стремление народа к нации позволяет Гессену обосновать точку зрения на развитие нации, преодолев противопоставление национализма и космополитизма: «Но это и значит: нация, как наследие предков, возможна через человечество как объединяющее все нации культурное задание. Понятые как предметы нашего действия, как восставленный пред нами долг нашего существования, человечество и нация не только не исключают, но взаимно проникают друг друга. Истинный космополитизм и истинный национализм совпадают» [3. С. 344]. Личности в творчестве участвуют в качестве элементов нации в созидании предания, которое, таким образом, является одним из вариантов осуществления целей-заданий. Культура человечества представляет собой плюрализм национальных культур.

Выводы

Гессен предложил аксиологический подход к пониманию социокультурного процесса, в рамках которого рассмотрел нацию в качестве формы социума. Нация – это коллективный социальный субъект, который, воплощая цели-задания, формирует культуру. Гессену удалось связать в понятии нации свободу индивида с благом общества – предложить способ корреляции индивидуальных интересов с целями социокультурного процесса. Он уподобил нацию личности, рассмотрев как коллективного социального субъекта, но отметил, что ее формирование зависит от того, смогут ли индивиды стать личностями – актуализировать свою свободу как участие в формировании предания.

Каждый индивид может стать личностью – осознать свою свободу в качестве участия в формировании культуры. Личности, формируемые из индивидов, обеспечивают возникновение и развитие нации из народа. Таким образом, Гессен избежал социологического номинализма и универсализма в трактовке нации. Развитие культуры человечества организовано в виде взаимодействия отдельного человека и универсальных целей-заданий через нацию.

Гессен обосновал уникальность и незаменимость любой национальной культуры в качестве равноценных составляющих в жизни человечества: каждая нация наряду с другими участвует в осуществлении целей-заданий. Рассматривая все нации в качестве равноправных коллективных социальных

субъектов, Гессен избежал выстраивания иерархий среди них. Аксиологическое толкование нации позволило Гессену избежать взглядов о национальном превосходстве, дало возможность рассмотреть человеческую культуру как множество взаимодополняющих национальных культур, вносящих свой вклад в воплощение универсальных целей-заданий.

Список источников

1. Кант И. Основоположения к метафизике нравов // Сочинения на немецком и русском языках / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой : в 4 т. М. : ЗАО Ками, 1997. Т. 3. С. 39–275.
2. Кант И. Метафизика нравов: Ч. 2: Метафизические основные начала учения о добродетели // Сочинения на немецком и русском языках / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой : в 5 т. М. : Изд-во Канон+ : РООИ Реабилитация, 2019. Т. 5. Ч. 2. 488 с.
3. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М. : Школа-Пресс, 1995. 448 с.
4. Гессен С.И. Мое жизнеописание // Избранные сочинения. М. : РОССПЭН, 1999. С. 723–783.
5. Гессен С.И. Мистика и метафизика // Избранные сочинения. М. : РОССПЭН, 1999. С. 31–70.
6. Загирняк М.Ю. Понятие свободы воли в концепции культуры С.И. Гессена // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 4. С. 67–82.
7. Риккерт Г. О понятии философии // Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика, 1998. С. 13–42.
8. Корнилаев Л.Ю. Философия права Эмиля Ласка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 61. С. 97–104.
9. Гессен С.И., Степун Ф.А. От редакции // Гессен С.И. Избранные сочинения. М. : РОССПЭН, 1999. С. 707–722.
10. Дмитриева Н.А. Философия как наука и мировоззрение: к вопросу о пацифизме в немецком и русском неокантианстве // Логос. 2013. № 2 (92). С. 138–154.
11. Гессен С.И. Идея нации // Вопросы мировой войны. Сборник комитета по устройству этапного лазарета имени высших учебных заведений Петрограда / под ред. проф. М.И. Туган-Барановского. Пг. : Право, 1915. С. 562–605.
12. Belov V., Karagod J. The War and the Nature of National Education in the Works of Russian Neokantians // Proceedings of 4th International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication (ICELAIC 2017). 2017. P. 12–15.
13. Валицкий А. Сергей Гессен: философ в изгнании // Избранные сочинения. М. : РОССПЭН, 1999. С. 3–28.
14. Гессен С.И. Правовое государство и социализм // Избранные сочинения. М. : РОССПЭН, 1999. С. 147–445.
15. Гессен С.И. Идея нации // Избранные сочинения. М. : РОССПЭН, 1999. С. 78–105.
16. Hessen S. O sprzeczności i jedności wychowania: zagadnienia pedagogiki personalistycznej. Lwów, Książnica – Atlas, 1939. 375 s.
17. Мелих Ю.Б. Построение понятия личности на основе трансцендентализма. Философия С.И. Гессена // Сергей Иосифович Гессен / под ред. В.В. Сапова и Т.Г. Щедриной. М. : Полит. энцикл., 2020. С. 33–88.

References

1. Kant, I. (1997) *Sochineniya na nem. i rus. yazykakh* [Works in German and Russian]. Vol. 3. Moscow: ZAO Kami. pp. 39–275.
2. Kant, I. (2019) *Sochineniya na nem. i rus. yazykakh* [Works in German and Russian]. Vol. 5(2). Moscow: Kanon+ : ROOI Reabilitatsiya.
3. Gessen, S.I. (1995) *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu* [Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]. Moscow: Shkola-Press.
4. Gessen, S.I. (1999a) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 723–783.
5. Gessen, S.I. (1999b) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 31–70.

6. Zagirnyak, M.Yu. (2018) Ponyatie svobody voli v kontseptsii kul'tury S.I. Gessena [The concept of free will in S.I. Gessen's concept of culture]. *Kantovskiy sbornik*. 37(4). pp. 67–82.
7. Rickert, H. (1998) *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Science of Nature and Science of Culture]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 13–42.
8. Kornilaev, L.Yu. (2021) Emil Lask's philosophy of right. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 61. pp. 97–104. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/61/11
9. Gessen, S.I. & Stepun, F.A. (1999) Ot redaktsii [Editorial]. In: Gessen, S.I. (eds) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 707–722.
10. Dmitrieva, N.A. (2013) Filosofiya kak nauka i mirovozzrenie: k voprosu o patsifizme v nemetskom i ruskom neokantianstve [Philosophy as a science and worldview: on pacifism in German and Russian neo-Kantianism]. *Logos*. 2(92). pp. 138–154.
11. Gessen, S.I. (1915) Ideya natsii [The idea of the nation]. In: Tugan-Baranovsky, M.I. (ed.) *Voprosy mirovoy voyny. Sbornik komiteta po ustroystvu etapnogo lazareta imeni vysshikh uchebnykh zavedeniy Petrograda* [World War Issues. Collection of the Committee for the Arrangement of a Stage Infirmary named after Petrograd Higher Educational Institutions]. Petrograd: Pravo. pp. 562–605.
12. Belov, V. & Karagod, J. (2017) The War and the Nature of National Education in the Works of Russian Neokantians. *Proceedings of 4th International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication (ICELAIC 2017)*. pp. 12–15.
13. Valitskiy, A. (1999) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 3–28.
14. Gessen, S.I. (1999a) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 147–445.
15. Gessen, S.I. (1999b) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 78–105.
16. Hessen, S. (1939) *O sprzeczności i jedności wychowania: zagadnienia pedagogiki personalistycznej*. Lwów, Książnica: Atlas.
17. Melikh, Yu.B. (2020) Postroenie ponyatiya lichnosti na osnove transtsendentalizma. *Filosofiya S.I. Gessena* [Construction of the personality concept on the basis of transcendentalism. S.I. Gessen's Philosophy]. In: Sapov, V.V. & Shchedrina, T.G. (eds) *Sergey Iosifovich Gessen*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 33–88.

Сведения об авторе:

Загирняк М.Ю. – кандидат философских наук, научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград, Россия). E-mail: mikhail.zagirnyak@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zagirnyak M.Yu. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: mikhail.zagirnyak@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.04.2022;
одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 27.04.2022;
approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 05.12.2022

Научная статья

УДК 1(13)

doi: 10.17223/1998863X/70/9

«АМЕРИКАНСКИЙ ДИСКУРС» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Светлана Мушаиловна Климова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия, sklimova@hse.ru*

Аннотация. Рассматривается «американский дискурс» Достоевского в его художественных произведениях и публицистике. Достоевский известен не только как один из основателей концепта «русской идеи», писатель-почвенник, выступивший за сохранение национальных ценностей в условиях возможных западных интервенций. Наряду с Западом он видел в качестве важнейшего оппонента русской самобытности Америку. Америка становится метафорой для проявления страдающего сознания, феноменологический анализ которого наиболее связан в дискурсе Достоевского с образом беспочвенной интеллигенции, сознанием-болезнью подпольного человека.

Ключевые слова: Америка, бегство, беспочвенная интеллигенция, страдающее сознание

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>).

Для цитирования: Климова С.М. «Американский дискурс» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 100–109. doi: 10.17223/1998863X/70/9

Original article

THE “AMERICAN DISCOURSE” OF DOSTOEVSKY

Svetlana M. Klimova

HSE University, Moscow, Russian Federation, sklimova@hse.ru

Abstract. The article examines the “American discourse” in Dostoevsky’s fiction and journalism. Dostoevsky is known as one of the founders of the “Russian idea” concept, a writer who advocated the preservation of national values in the face of possible Western interventions. Alongside the West, he saw America as the most important opponent of Russian identity. If Dostoevsky’s development of the idea of “native soil” functioned as a third node beyond the Slavophile–Westernizer binary, so too did America complicate the narrative of Russia vs the West. If Russia and Europe shared a common past–Dostoevsky’s contemporaries had all been raised on the culture and philosophy of Europe, and many had even been educated there–Russia and America had no such shared past. Russian intellectuals and writers of the period all agreed that America was not Europe, and it was not the West. America was a new concept coming into philosophical being, a concept which would capture the literary and philosophical imagination of Dostoevsky and his contemporaries, like Nikolai Chernyshevsky. The American discourse begins with references to the name of Columbus, vividly described in the idea of fleeing or threatening flight (*begstvo* meaning both escape and the act of flight); it becomes synonymous with death and the mythologem of hell in Dostoevsky’s literary texts. At the same time, America becomes a metaphor for the manifestation of a suffering consciousness, whose phenomenological analysis is connected in Dostoevsky’s discourse with the image of the “rootless intelligentsia,” the consciousness-disease of the underground man. Leaving such a person in a state of submerged

consciousness, “bracketing” all the external circumstances of his life, Dostoevsky shows his doom in the search for the universal meaning of life. The room of America, where he places some of his sufferers, makes this hopelessness evident (figurative) and obvious, from the writer’s point of view.

Keywords: America, threatening flight, suffering consciousness, “rootless intelligentsia”

Acknowledgments: This article was supported by a grant from the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

For citation: Klimova, S.M. (2022) The “American discourse” of Dostoevsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 100–109. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/9

Образ современной России во многом сформирован ее литературоведческой и философской репрезентацией в мировой славистке. 50 лет назад (1971 г.) было официально учреждено Международное общество Достоевского (International Dostoevsky Society) с огромным количеством представительств в разных странах, в том числе в США (The North American Dostoevsky Society) и России. «Годом основания Общества считается 1971: именно в этом году с 1 по 5 сентября 60 ученых из 14 стран съехались в Бад-Эмс (Германия) на первый учредительный симпозиум» [1. С. 176].

Само по себе знаменательное явление. Вот уже 50 лет, как мировая интеллектуальная мысль организованно исследует наследие Ф.М. Достоевского, и с каждым годом все яснее, что этот ресурс – фактически неисчерпаем. Редкий случай, когда практически все самое современное в изучении наследия великого русского писателя отражено в разных сериях, бюллетенях, монографических сборниках данного общества [2].

Рецепция наследия Достоевского в мире чрезвычайно важна не только как удачный пример межкультурного диалога и международной научной коммуникации, но и как способ самоидентичности – посмотреть на свою культуру, литературу, самих себя сквозь призму оценок и восприятия со стороны других. Достоевский – один из немногих наших великих символов; русский писатель, политический мыслитель и искренне верующий человек, он напоминает всем нам о значимости русского языка в мире, о нашем духовном, а не только идеолого-политическом присутствии в мировом культурном пространстве. Безусловно, важно понять, как же мы выглядим в чужих «зеркалах»: с точки зрения *Другого* – мира, культуры, сознания, менталитета. Достоевский – это особые «очки», которые мир надевает, чтобы разглядеть современных русских людей и русскую душу. Но не менее значимо и другое: Достоевский оказывается нашими «очками», благодаря которым мы также пытаемся посмотреть на мир в себе и вокруг себя, преодолевая стереотипизацию самовосприятия и оценочных суждений со стороны других. В этом отношении очень любопытен образ «Америки» в художественном творчестве и публицистике Достоевского.

Американская тема широко обсуждается в русской литературе. Исторически интерес к США в русской литературе начался еще со времен А.Н. Радищева, был продолжен в политических проектах декабристов, имел огромный резонанс в кружке М.В. Петрашевского, к которому принадлежал Достоевский. Есть сведения о том, что в кружке читалась книга А. Токвиля «Демократия в Америке» (1831), имевшая огромный резонанс в России.

Во второй половине XIX в. этот интерес возрос с развитием важных политических событий, связанных с гражданской войной между Севером и Югом. В 1861–1865 гг. в США шла война за освобождение чернокожего населения. Это событие коррелировало с темой отмены крепостного права в России в 1861 г. Вместе с тем в России образ Америки не был однозначно позитивным. В учебнике уголовного права В.Д. Спасовича (1863) говорилось, что в Англии, например, отправкой в Америку «государство избавлялось разом от всех мазуриков, бродяг, отъявленных злодеев и людей подозрительных» (см.: [3. С. 196]). Для консервативной интеллигенции Америка и представляла собой такое негативное место для «отбросов» общества.

«Американский дискурс» Достоевского существует как в его художественных текстах, так и в «Дневнике писателя» [4. С. 245]. Т.В. Коротченко дает классификацию восприятия образа Америки у Достоевского: 1) Америка в его художественных произведениях описана как место, «куда все бегут» в желании найти лучшее; 2) Америка – это негативный образец нарастающего финансового (капиталистического) государства, с претензией на мировое лидерство; 3) открытие Америки – это важнейшее событие для Европы (добавим, что и для России, безусловно, тоже); 4) Америка – родина «новой религии» (скорее, ее извращенной формы) – спиритизма, особенно ненавистного Достоевскому.

Для полноты картины необходимо, конечно, диалектически соединить образ Америки в его «Дневнике» и в художественном наследии; мы ограничимся лишь конкретным философско-феноменологическим срезом анализа. Безусловно, «американская тема» не столь важна для Достоевского / его мировоззрения как извечная оппозиция Россия–Запад и ее осмысление в русском интеллектуальном пространстве. Если Запад – это всегда метафорическое обращение к *своему иному основанию* в русском менталитете, связано ли это со славянофильскими нападками на «западное» разрушение чистоты славянского мира или, напротив, с западничеством поиском в нем исконного источника для русского развития и преображения, то Америка чаще всего – объект мифологизации; она, как правило, оказывалась маркером какого-то неведомого (заповедного), притягательного, но и опасного мира. Ее архетипическими метками становилась дорога, перепутье, бегство, уход, «тот свет», «край земли» (парафраз «нового света» или «инобытия»), в итоге – *потусторонний мир*, где можно найти лишь смерть.

Начало такой архетипизации Америки было положено еще «дорожной темой» Печорина, который, объясняя Максиму Максимовичу специфику своего несчастного скучающего сознания, указал на путешествие как на единственный способ развлечения, а Америку (наряду с Аравией и Индией) – как на то место, куда он, возможно, поедет... умирать.

Не Запад, но Америка и Восток обретают статус особого локуса – загадочного, мифически страшного, как смерть – в литературе 40-х гг. Чуть позже Н.В. Гоголь недвусмысленно в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1846–1847) напишет известную фразу о «мертвой земле»: «А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит» [5. С. 219].

Итак, Америка – зачастую лишь мифосимволическое название нездешней реальности. Русская литературная традиция связывает образ Америки с

образом внеисторической и внекультурной (практически мифологической) инстанции, куда стремятся герои-изгои из собственного отечества. Выражение «уехать/убежать в Америку» кодирует мысль о смерти, умирании или самоубийстве. Смерть/Америка и оказывается трагически-иронической инверсией понятия лучшей доли в литературном нарративе.

Беспочвенные герои Достоевского также все время убегают от себя, от обстоятельств, от других, в том числе и в Америку. Несмотря на всю утопичность места, они не хотят там разбогатеть или сделать карьеру, они даже не ищут в Америке лучшего политического строя, демократии или самой свободы. Зачастую это бегство от обстоятельств, но это лишь внешняя мотивация. Главное, что они бегут от самих себя, потерянных и обесцененных, в поисках возвращения себя и себе настоящего мира. В итоге они *бегут в никуда*, чтобы, закрывшись от жизни-деятельности, оказаться в герметичном пространстве своего внутреннего мира для выработки новых идей («Бесы» Достоевского). В экзистенциальном прочтении Америка становится локусом ничто – квинтэссенцией абсурдистского сознания.

В русской литературе, безусловно, есть и положительные образы Америки. Например, в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?», который использовал это пространство для вполне позитивных решений в жизни его героев. Однако и он развивает в какой-то мере «русскую» линию Америки как «того света». Событие реального отъезда одного из главных персонажей романа Лопухова «туда» автор маскирует под его фиктивное самоубийство. Как известно, Лопухов вернулся «оттуда» новым человеком, и это событие в романе приравнивается к Христовому Воскресению – Пасхе. Вера Павловна, узнав Лопухова в американском предпринимателе Чарлзе Бьюмонте, произносит: «Ныне Пасха, Саша; говори же Катеньке: воистину воскресе» [6. С. 104]. Это воскресение у Чернышевского переплетается с утопической конструкцией счастливого мира Америки – райского локуса спасения и будущей социальной гармонии.

А. Эткинд, однако, не только подмечает нетрадиционный для русских оптимизм Чернышевского, нарисовавшего картину счастливого возвращения героя, обогащенного американской деловитостью, сноровкой и знанием разумного смысла жизни, домой. Он выдвигает версию о том, что знаменитый четвертый сон Веры Павловны, в котором описана совершенная земля для счастливой жизни и мировой гармонии, также символизирует пространство Америки как «землю обетованную». «Чернышевский перенес обетованную землю из старого ее места, Ближнего Востока, в новое место, Америку. Так, вероятно, он понимал свое расставание с христианской архаикой во имя современности» [7. С. 57]. Более того, он выдвигает идею своеобразного двойничества героев «Бесов» и «Что делать?», сопоставляя Шатова с Лопуховым, а Кириллова – с Рахметовым [7. С. 82–83].

Достоевский был известным оппонентом теории разумного эгоизма и утилитаристского оптимизма Чернышевского. На каждый его позитивный образ или символ он создавал противоположный, опрокидывая оптимистические прогнозы русского бунтаря аргументами, почерпнутыми не столько из плоскости рациональных конструкций, сколько из религиозно-экзистенциальных переживаний. Подобно Чернышевскому, который, наряду с Лопуховым, отправил и другого своего «особенного человека» – революционера

Рахметова, в Америку, известно для чего, Достоевский также отправляет Кириллова и Шатова туда же. Только интересно, зачем?

Сюжет пребывания героев «Бесов» в Америке проанализирован многими известными филологами: А.С. Долининым, Н.Э. Фаликовой, А.Л. Ренанским и др. В статье Л.И. Сараскиной, которая, обобщила различные мотивы-порывы поведения бегущих в Америку «революционеров», сюжет связан с бегством за «либеральным мифом, распространяющимся в русской среде, как пожар» [3. С. 200]. В критическом ключе в ее статье рассматриваются не только темы либерализма, но и связанные с ней индивидуализм, эгоизм, а также многообразие субъективных представлений о свободе и воле личности.

Рассмотрим американский дискурс подробнее. Очевидно, что для Достоевского Америка – не географическое понятие и не военный (читай – либеральный) полигон для подготовки «захватчиков русской земли». Образ Америки методологически вписывается в его почвенническую концепцию дифференциации России и Европы. Несмотря на то что образ Америки для него в большей мере был лишь вариацией критического восприятия Запада в целом, он вряд ли бы (гипотетически) согласился с утверждением М. Хайдеггера о том, что «большевизм – это всего лишь вариант американизма» [8. Р. 30]. Эта мысль скорее была бы ближе Чернышевскому – ведь именно в Америке его Рахметов должен научиться практике революционной борьбы. Правда, не ясно, чему же он научился в итоге, так как его явление в романе обрывается лишь на начальной точке знакомства и события отъезда.

Достоевский же, как и Н.А. Бердяев, истоки грядущих катастроф, связанных с появлением групп революционеров-бесов, зараженных «нигилятиной» этического релятивизма, видит в искажении христианского мирозерцания, европейского, по сути, которое и провоцирует гибель мира и само гибнет под гнетом подобного утопизма. Истоки возможной русской катастрофы Достоевский находит, конечно, в Европе с ее либерализмом, нигилизмом и откровенной секуляризацией. Об истоках большевизма, описанного в традиционных терминах нигилизма, революционерства, бесовщины Достоевский написал достаточно много, и американского следа в его логике обличения не наблюдается.

Опасность Америки в разы меньше; при этом мифологизация и архетипизация ее образа достаточно серьезно закреплена в писательском мировоззрении. Отправляя своих героев – Кириллова и Шатова в Америку, Достоевский, как мне кажется, не только следует за русской мифологической традицией, но и занимается особой философской рефлексией.

Остановимся на этом срезе анализа подробнее: поговорим о философской проблеме разрыва сознания и бытия человека на примере «Бесов». Внешняя цель поездки названных героев абсолютно надумана: «личным опытом проверить на себе состояние человека в самом тяжелом его общественном положении» (курсив Ф. Достоевского. – С.К.) [9. Т. 10. С. 111]. Надумана эта мысль, скорее всего, под влиянием увлечения героев марксистскими идеями, так как не жизнь русского крестьянина, но жизнь рабочего класса их неожиданно взволновала. Этот *личный опыт*, однако, на практике ничего не дает нашим героям. В Америку они ехали, как антропологи в поле: с помощью включенного наблюдения изучать жизнь американцев, которые «ходят вниз головой» (как выразился один из героев «Записок из Мертвого дома»).

Однако они не были учеными-антропологами, не умели ни работать, ни размышлять в логике реальных событий; не имели ни классового, ни революционного чувства. Они априори приняли тип американской эксплуатации и поведения за нечто превосходное в экономической сфере, по сравнению с русским типом крестьянской деятельности и коллективистского отношения людей друг к другу. В этом приятии чужого Достоевский высмеивает ненавистную ему идею западного проекта развития капиталистической цивилизации. Он неоднократно категорически высказывался против страны Ротшильдов, насаждающей чуждые России ценности.

В этом аспекте его герои выбрали чужой мир в качестве эталонного, *до всякого опыта* и знания, а любого американца назначали человеком, во много раз превосходящим русских. Достоевский не проговаривает, но подразумевает, что данное бегство в Америку было бегством за условиями возможности «мысль думать». Это Шатов и Кирилов и называют свободой. Безусловно, этот выбор Америки как синонима свободы был умственным, абстрактным, а мир, в который они погрузились, – вымышленным. В него они и вписали практику жизни на манер героя из Подполья, готовые унижаться и принять все, что им предложат свободные американцы: обман, оскорбление, насмешки, даже колотушки и т.д. «Мы, русские, пред американцами маленькие ребятишки, и нужно родиться в Америке или по крайней мере сжиться долгими годами с американцами, чтобы стать с ними в уровень. ...Раз мы едем, а человек полез в мой карман, вынул мою головную щетку и стал причесываться; мы только переглянулись с Кирилловым и решили, что это хорошо и что это нам очень нравится...» [9. Т. 10. С. 111–112].

Эта логика не нова в творчестве Достоевского. Точно так же воспринимает мир вне себя герой «Записок из Подполья». Разница лишь в том, что герои «Бесов» в Америке видят пример полноты бытия для восполнения собственного мыслящего Я, а Подпольный видит мир вне себя лишь как негативное бытие, которое своим фактом существования отрицает его собственное Я. При этом формула *бытия вне субъекта* и *головной жизни мыслящего Я* вне бытия сохраняет свой универсальный схематизм и там и здесь.

Мне кажется, что, несмотря на свои заявления, Кириллов и Шатов вовсе не собирались испытывать себя трудом в Америке. Достоевский, описывая их бесконечное лежание на полу (в маленьком американском городе)¹, несколько раз повторяет это идейное собирание в одной горизонтальной точке лежащих в бездействии тел-субъектов («в Америке себе належал» [9. Т. 10. С. 111]). Невольно глагол *лежать* ассоциируется с пограничным пространством пола/подполья, в котором пребывает его другой, «бумажный» (головной, выдуманный) герой. Этот штрих подчеркивает внепространственность и вневременность локуса, в котором они находятся и той «деятельности», которой они «занимались в Америке».

Америка Достоевского – это метафора абстрактного мышления человека, поглощающего самого себя в бесконечной, все разъедающей рефлексии. Эту мысль прекрасно иллюстрирует цитата из «Подростка»: «Прощайте, Крафт! Зачем лезть к людям, которые вас не хотят? Не лучше ли все порвать, – а? – А потом куда?... – К себе, к себе! Все порвать и уйти к себе! – В Америку? –

¹ Этот мотив лежать на полу – налегать себе мысль – повторяется в романе не менее пяти раз.

В Америку! К себе, к одному себе! Вот в чем вся „моя идея“, Крафт! – сказал я восторженно. Он как-то любопытно посмотрел на меня. – А у вас есть это место: „к себе“? – Есть. До свиданья, Крафт; благодарю вас и жалею, что вас затрудил!» [9. Т. 13. С. 60]. В данном контексте американское бытие Шатова и Кириллова – это и было «место к себе» «бумажных людей», и оно ничем не отличалась от мыслительного бытия Подпольного, который называл себя «усиленно сознающей мышью», а не человеком, обладающим полноценным бытием. Все герои головного типа свое сознание воспринимают как страдающее в силу его автономности от бытия и одновременно погружение в особое мысленное бытие, заключающее остальной мир «за скобки».

Наблюдаются, однако, и различия: если Подпольный занимается автокреацией (само-творением) за счет уничтожения внешнего мира, то для героев «Бесов» отсутствие внешнего мира является обязательным априорным условием, без которого подобной автокреации и выдумывания «будущего рая на земле» не может быть. Физически они находятся в Америке. Но при этом «Америка» для них (да и для Достоевского) – не большая реальность, чем ветхозаветные гора Арарат или мифический Эдем. Живя в вымышленном головном мире своих идей и фантазий, они сами представляют из себя фантом человека, лишь его идеологическую или схематическую оболочку. Недаром мы так и не знаем, в каком штате и городе они пребывали. Америка – это другое название состояние страдающего сознания беспочвенной интеллигенции.

На этом примере Достоевский еще раз подчеркивает страшную силу головного страдания и идеологических утопий, которые не соотносятся ни с какой реальностью, не вытекают ни из каких противоречий жизни. Сознание Шатова и Кириллова, как и сознание Подпольного или Ивана Карамазова, «не определяется существованием или несуществованием реальных предметов, сознание содержит в себе предметно-смысловой образ, смысловой слепок предмета, но сам предмет может не существовать, может быть иллюзорным» [10. С. 12].

Таким слепком (смысловым образом в головах) и была для героев Достоевского Америка (как, впрочем, и Россия, и Запад), в описании которой ни они, ни он не находят ни географического, ни культурного содержания. Америка – образ с «нулевым денотатом», иллюзорное место для автономно мыслящего – и такого же иллюзорного – субъекта¹. В этом контексте выражение «уехать в Америку» – синоним абсурдного существования мира в абсурдистском сознании человека. Фактически эта фраза в русском почвенническом восприятии Достоевского, почти по Камю, означает либо осуществление логического убийства мира, либо физическое самоуничтожение (пример Свидригайлова, «уехавшего в Америку», т.е. застрелившегося). Здесь нет ничего, кроме рефлексии ни о чем. Мир сужен (схлопнут) до точки мышления не силу его непонятности, а в силу его бессмысленности. А отсутствие смысла связано с тем, что герои не присутствуют в этом мире, они ему посторонние. Это делает их абсолютно свободными, позволяет брать на себя как функции судьбы мира, так и функции его подсудимого. Все происходит в голове, идейно, а то, что результатом становится нарушение границ чуждого им мира –

¹ Отсюда неудивительно, что для Достоевского русский интеллигент – это тоже образ с «нулевым денотатом».

убийства или самоубийства, это не имеет значение для «жителей Америки» – «жителей других планет», как сказал бы Н.Н. Страхов.

Возвращение героев в Россию («Бесы»), по Достоевскому, пусть и подлой ценой (получение денег от Ставрогина), – это реальный шанс на восстановление смыслов, не головных, не фактических, но ценностных, имманентно связанных не только с пространством, но и онтологией русского мира, событием с другими людьми, которые появляются не в воспаленном воображении, но во внешней реальности, о которой герои *не могли даже помыслить*. Встреча с другими и возвращение себе смысла жизни как ценности, а не головной прагматической цели с необходимостью требует *изменения сознания* – не рациональной, но духовной метанойи (религиозной по своему напряжению), которая и случилась с Иваном Шатовым. Расплатой за обретение полноты бытия (восстановление с семьей) стало его ритуальное убийство. Сакральность и жертвенность его смерти позволяют Достоевскому сохранить *нового человека Шатова* во всей полноте духовного перерождения той жалкой копии, каковой он был в Америке. Смерть на русских просторах для писателя – не синоним гибели – того света, которая ждет человека в Америке. Его смерть – подтверждение величия целостного человека, который восстанавливает себя в живой реальной любви и сочувствии к другим людям. Это делает его богоподобным, схожим с Христом.

Кириллов остается до последней минуты существом, схематизированным собственным сознанием и жертвой вымысла («съела идея» [9. Т. 10. С. 427]). Однако за минуту до смерти (вынужденного самоубийства, фактически – убийства) в нем, так же как и в Шатове, происходит духовное восстановление человека с миром, обретение экзистенциальных смыслов; он открывает свое истинное присутствие в мире. Становится очевидным, что «убеждения и человек – это, кажется, две вещи во многом различные» [9. Т. 10. С. 446]. Здесь и их общее с Шатовым живое дело помощи физического рождения нового человека (сына Марии Шатовой), и одновременно мистическое прозрение о вечной гармонии, о духовном перерождении людей, которое не требует больше земного рождения-развития, так как человек, постигнув Бога до конца, т.е. прозрев смысл евангельского Воскресения, не нуждается в земной жизни с ее конченными благами¹. Это-то открывается не его уму, но его сверхрациональному прорыву к высшим основаниям жизни – к ее религиозному смыслу. Пусть и на мгновение, но Кириллов также побеждает Америку в себе, возвращаясь к полноте своего осмысленного бытия. Трагизм Кириллова, ровно как и Ивана Карамазова, в том, что, обрета Бога как высшую ценность, они отказались от «дьявольского водевиля» – мира. Они оба не понимают, *что* это за мир, который дьявольски обессмыслил себя, рационально уничтожая своего Творца, став совокупностью рациональных фактов. Кириллов счастливее Ивана: ему было дано чувство экстаза как прорыва к Богу – абсолютной ценности не через логику мысли, но через ее преодоление. Но этот прорыв не стал основой для реконструкции его связи с миром, и *смерть* оказалась декларируемым способом стать Богом, а по сути – единственным способом его возвращением к *смыслу жизни*.

¹ Поразительное сходство открытия бессмертия со смертью Ивана Ильича.

Завершая размышление вокруг американской темы, хочется вновь сравнить Америку Чернышевского и Достоевского как двух художественно исследуемых образов. Для Чернышевского, социально ориентированного политика-публициста, Америка символизирует все самое привлекательное для разумного человека. Она – и географическое, и политическое, и гуманистическое пространство свободы и прогресса. Это реальная точка мира, где можно жить и чувствовать себя не так, как в России: перестать быть безликой частью коллектива (собора), узнать, в чем суть правового государства, начать свободно трудиться, понять, наконец, «кто виноват» и «что делать», или узнать на практике, как стать счастливым. Для Чернышевского это страна с ярко выраженными демократическими и утилитаристскими тенденциями, борющаяся за равноправие народов, мужчин и женщин, за усредненное, но тотальное счастье, построенное на логике разумного эгоизма. Он уверен, что она существует не в воображении, а в реальности. Поэтому поездки Лопухова реально, а Рахметова – потенциально – *туда* так удачны. Америка Чернышевского оказывается лучшим местом для решения русских проблем.

У Достоевского все, наоборот. Америка – это не географическая точка на карте мира, не политическая система, не мир культуры, не пример для видения *другого* (может быть, даже лучшего) образа жизни и поведения. Такой Америки он не знает. Америка – это мифообраз, сказочная страна о том свете; выдуманная головная идея о «свободном труде в свободном государстве» и о коммуне и об общеевропейском человеке» [9. Т. 21. С. 135], в которую погружаются и интеллигенты, и глупые мальчишки-гимназисты, «бегущие в Америку», и бесконечно фантазирующие подпольные герои нарождающейся революционной России.

Несмотря на свою предвзятость, Достоевский весьма точно показывает, что будущие бесы-революционеры и оппозиционеры всех мастей возникают в России не из любви к людям труда, не из чувства протеста против экономического или политического неравенства и несправедливости, не из сострадания к детям (великолепный пример – циничные слова Петра Верховенского о его жалости к ребенку, ведущему домой пьяную мать, и готовности сделать из него революционера), не потому, что верят в Бога. Нет, они рождаются в глубине их подпольного воспаленного ума, в «Америке», самом вымышленном головном мире, который причудливым образом стал символом постороннего – мира инобытия – для русского человека славянофильского типа и в дальнейшем. В этом ракурсе Америка становится неожиданным двойником и зеркалом такой же вымышленной России Достоевского.

Список источников

1. Андрианова И.С. Достоевский в Бостоне: XVII Симпозиум International Dostoevsky Society // Неизвестный Достоевский. 2019. № 4. С. 173–189.
2. International Dostoevsky Society & The North American Dostoevsky Society. URL: <https://dostoevsky.org/resources/>
3. Сараскина Л.И. Америка как миф и утопия в творчестве Достоевского // Теория художественной культуры : сб. ст. Вып. 13 / отв. ред. Н.А. Хренов. М. : ГИИ, 2011. С. 195–211.
4. Коротченко Т.В. Образ Америки в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 243–259.
5. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Собр. соч. : в 8 т. М. : Правда, 1984. Т. 7. С. 181–383.
6. Чернышевский Н.Г. Что делать? М. : Худ. лит., 1969. 109 с.

7. Эткин Д. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. : НЛЮ, 2001. 484 с.
8. Heidegger M. Introduction in Metaphysics. New York, 1961.
9. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
10. Молчанов В.И. Введение в феноменологическую философию (Опыт и сознание, объект и бытие). М. : РУДН, 1998. 22с.

References

1. Andrianova, I.S. (2019) Dostoevskiy v Bostone: XVII Simpozium International Dostoevsky Society [Dostoevsky in Boston: 17th Symposium of the International Dostoevsky Society]. *Neizvestnyy Dostoevskiy*. 4. pp. 173–189.
2. *International Dostoevsky Society & The North American Dostoevsky Society*. [Online] Available from: <https://dostoevsky.org/resources/>
3. Saraskina, L.I. (2011) Amerika kak mif i utopiya v tvorchestve Dostoevskogo [America as a myth and utopia in the work of Dostoevsky]. In: Khrenov, N.A. (ed.) *Teoriya khudozhestvennoy kul'tury* [Theory of Artistic Culture]. Vol. 13. Moscow: GII. pp. 195–211.
4. Korotchenko, T.V. (2020) The image of America in A Writer's Diary by Fyodor Dostoevsky. *Vestnik Tomskogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp. 243–259. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/65/15
5. Gogol, N.V. (1984) *Sobranie sochineniy v 8-mi t.* [Complete Works: In 8 Vols]. Vol. 7. Moscow: Pravda. pp. 181–383.
6. Chernyshevskiy, N.G. (1969) *Chto delat'?* [What Is To Be Done?] Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
7. Etkind, A. (2001) *Tolkovanie puteshestviy. Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh* [Interpretation of Journeys. Russia and America in travelogues and intertexts]. Moscow: NLO.
8. Heidegger, M. (1961) *Introduction in Metaphysics*. New York: [s.n.].
9. Dostoevskiy, F.M. (1990) *Polnoe sobranie sochinenoy: v 30 t.* [Complete Works: In 30 vols]. Leningrad: Nauka.
10. Molchanov, V.I. (1998) *Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu (Opyt i soznanie, ob"ekt i bytie)* [Introduction to Phenomenological Philosophy (Experience and Consciousness, Object and Being)]. Moscow: RUDN University.

Сведения об авторе:

Климова С.М. – доктор философских наук, профессор Школы философии НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: sklimova@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Klimova S.M. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: sklimova@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.06.2022;
одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 20.06.2022;
approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 05.12.2022*

Научная статья

УДК

091+165.0

doi: 10.17223/1998863X/70/10

МЕТАФОРА И СООТНОШЕНИЕ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ У АРИСТОТЕЛЯ

Ольга Александровна Козырева¹, Илья Андреевич Гушин²

^{1, 2} *Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина,*

Екатеринбург, Россия

¹ *olgakozyreva@mail.ru*

² *gushchin.ilya.66@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются историко-философские истоки анализа метафоры у Аристотеля в аспекте проблемы соотношения семантики и прагматики. Утверждается, что для успешной интерпретации метафоры у Аристотеля требуется знание объектов внешнего мира. Предлагаются два варианта семантической теории метафоры Дж. Штерна и Э. Борг, делается вывод, что наиболее близким Аристотелю является вариант Э. Борг.

Ключевые слова: метафора, семантика, прагматика, значение, Аристотель

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Для цитирования: Козырева О.А., Гушин И.А. Метафора и соотношение семантики и прагматики у Аристотеля // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 110–118. doi: 10.17223/1998863X/70/10

Original article

METAPHOR AND THE SEMANTICS–PRAGMATICS INTERFACE IN ARISTOTLE

Olga A. Kozyreva¹, Ilya A. Gushchin²

^{1, 2} *Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg,
Russian Federation*

¹ *olgakozyreva@mail.ru*

² *gushchin.ilya.66@gmail.com*

Abstract. The article explores the semantics–pragmatics relations concerning metaphor interpretation in natural languages. We deal with the historical roots of metaphor founded in Aristotle, who emphasized that metaphor interpretation requires the knowledge of the external world. We present two formal semantics approaches to metaphor developed by Joseph Stern and Emma Borg. They both claim that successful metaphor interpretation needs the knowledge of extra-linguistic factors to supplement semantic knowledge. In conclusion, we define which of these two approaches is more consistent with Aristotle's view. The first part of the article is concerned with Stern's approach. He suggests a theory of metaphor

developed in accordance with Kaplan's semantics, where we distinguish two levels of meaning, i. e. the character of the expression and the presupposing of the character – content distinction. The formal semantic theory of metaphor aims to define the rules for meaning assignment for metaphoric utterances. However, these formal rules only provide a universal form of interpretation for metaphoric utterances and do not explain the actual process of interpretation. In order to explain this process, we need to supplement semantics with pragmatic knowledge. The second part of the article deals with Borg's approach, which also presupposes that semantics is not enough to understand metaphor. In addition to semantic knowledge, one requires psychological knowledge, i. e. the knowledge of the structural relationships between concepts that reflect the structural relationships in the external world. Having psychological knowledge is what allows us to interpret metaphorical utterances. We argue that the main similarity between the two presented approaches lies in the fact that they both admit that having semantic knowledge is not enough for a successful interpretation of metaphor. The difference between the approaches is that Stern states that we need to add pragmatic knowledge, while Borg argues that we need the psychological one. We agree that Aristotle accepts isomorphism between language, thought, and the external world. Based on the fact that Borg implicitly accepts the weaker version of isomorphism, i. e. between thought and the external world, and Stern does not, we conclude that Borg's approach is more consistent with Aristotle's view.

Keywords: metaphor, semantics, pragmatics, meaning, Aristotle

Acknowledgments: The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

For citation: Kozyreva, O.A. & Guschchin, I.A. (2022) Metaphor and the semantics-pragmatics interface in Aristotle. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 110–000. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/10

Одним из феноменов, демонстрирующих контекстную зависимость выражений естественного языка, является метафора. Предложения, у которых помимо буквальной интерпретации есть еще и метафорическая, выражают как минимум две различные пропозиции и могут иметь разные условия истинности в зависимости от контекста употребления. Первым относительно развернутое изложение того, что такое метафора, представил Аристотель.

Метафора для него – один из видов имен, которые являются составными элементами речи [1. 1457b20]. Этот вид имен Аристотель называет переносным, т.е. имя используется в речи в результате переноса значения с какого-либо другого имени. Он отмечает, что подобный перенос может осуществляться одним из четырех способов: с рода на вид, с вида на род, с вида на вид и по аналогии [1. 1457b6–9]. Однако наиболее близким к современному представлению о метафоре является только последний тип, который Аристотель описывает следующим образом: «А „по аналогии“ – здесь я имею в виду [тот случай], когда второе так относится к первому, как четвертое к третьему, и поэтому [писатель] может сказать вместо второго четвертое и вместо четвертого второе. Иногда к этому прибавляется и то [слово], к которому относится подмененное: например, чаша так относится к Дионису, как щит к Аресу, поэтому можно назвать чашу „щитом Диониса“, а щит – „чашей Ареса“; или, [например], старость так [относится] к жизни, как вечер к дню, поэтому можно назвать вечер „старостью дня“ <...> а старость – „вечером жизни“ или „закатом жизни“» [1. 1457b17–24].

Подобные метафоры по аналогии позволяют в речи «представлять вещь наглядно» [2. 1411b25] с целью помочь слушающему приобрести более ясное

представление об этой вещи [2. 1405a9]. Такое представление сродни новому знанию о вещи, которое появляется у услышавшего метафору [2. 1412a19–25]. Для того чтобы метафора успешно выполняла свою так называемую когнитивную функцию [3. Р. 40–41], тот, кто осуществляет высказывание с ней, должен «[уметь] подмечать сходное [в предметах]» [1. 1459a7–8; 2. 1412a10–11]. Так, для того чтобы назвать чашу щитом Диониса, а щит – чашей Ареса, следует обнаружить сходство свойств данных объектов (построить своего рода пропорцию: Дионис так относится к чаше, как Арес – к щиту) и провести аналогию между ними.

В современных теориях метафоры в рамках аналитической философии языка, так же как и у Аристотеля, отмечается необходимость обращения к неязыковому миру объектов для интерпретации предложений с метафорами. Подобное обращение сразу ставит вопрос о соотношении семантического и прагматического видов знания, которыми должны обладать говорящий и слушающий, чтобы их коммуникация с использованием метафоры оказалась успешной. Несмотря на многообразие подходов к объяснению метафоры¹, мы придерживаемся идеи того, что это объяснение должно даваться в рамках формальной семантической теории естественного языка, поскольку метафора сама является феноменом последнего. Соответственно, наиболее продуктивными нам представляются подход Дж. Штерна и подход Э. Борг, изложенные в статье. В заключение мы определим, какой из этих подходов сохраняет наибольшую преемственность с концепцией метафоры Аристотеля.

Семантико-прагматический подход Дж. Штерна

Для объяснения интерпретации высказывания с метафорой Дж. Штерн предлагает теорию в духе семантики Д. Каплана для индексикалов и демонстративов, поскольку их формальные структуры совпадают с формальной структурой метафоры. Так, значение метафоры имеет два уровня – содержание и характер, который представляет собой функцию от контекста высказывания к содержанию. Контекст – это ситуация, в которой происходит высказывание, он задается четырьмя параметрами: агентом, делающим высказывание, временем, местом и возможным миром, где происходит высказывание. Пропозициональное содержание зависит от контекста, поэтому для высказываний с метафорами его нельзя зафиксировать, а вот характер, представляющий правило приписывания значения выражению в любом из контекстов, у высказываний с метафорами есть. Задача семантической теории метафоры, согласно Дж. Штерну, состоит в том, чтобы дать формальное определение таким правилам.

По аналогии с оператором Д. Каплана *Dthat* Дж. Штерн предлагает оператор *Mthat* для некоторого выражения *Ф*, представляющий собой функцию от множества контекстуальных пресуппозиций, принимаемых участниками

¹ Одна из наиболее традиционных классификаций предполагает разделение на семантический и прагматический подходы, яркими представителями которых выступают Дж. Штерн [4] и Дж. Сёрл [5] соответственно. Однако нельзя не упомянуть выделяющуюся на фоне этих и некоторых других подходов (например, интеракционизма М. Блэка [6], тематического контекстуализма уже упомянутого М. Леженбера) позицию Д. Дэвидсона, согласно которой у метафоры в принципе отсутствует значение, а предложения типа «чаша есть щит Диониса» имеют только буквальное прочтение [7].

коммуникации, к множеству свойств, которые *m*-связаны (т.е. имеют связь с метафорически интерпретированным выражением) с Φ в данном контексте:

(Mthat) Для любого контекста *c* и для любого выражения Φ (прямое) вхождение «Mthat[Φ]» в предложение *S* (=...Mthat[Φ]...) в *c* выражает множество пропозиций *P*, которые являются *m*-связанными с Φ пресуппозициями в *c* так, что пропозиция <...*P*...> либо истинна, либо ложна в условиях *c* [4. Р. 115].

Формальная интерпретация предложения «чаша есть щит Диониса» выглядит так: «чаша есть Mthat[щит Диониса]». В результате действия Mthat на Φ («щит Диониса») мы получаем не пропозицию «чаша есть средство индивидуальной защиты от оружия, принадлежащее Дионису», которую получили бы в отсутствии Mthat, а множество пропозиций типа «чаша есть символ Диониса», «Диониса часто изображают с чашей» и т.д. Свойства, которые приписываются чаше в каждой из пропозиций, *m*-связаны с Φ и встречаются в определенном контексте *c* – например, при обсуждении пантеона древнегреческих богов. Участники коммуникации разделяют между собой пресуппозиции о том, кто такой Дионис, у кого из богов имеется щит и т.д., и поэтому способны *m*-связать свойства, приписываемые чаше, с Φ .

Однако этого семантического правила недостаточно для того, чтобы понять конкретную метафору в конкретном контексте употребления. Семантическая теория дает не алгоритм интерпретации для каждого возможного контекста, а только представление об универсальной форме этой интерпретации. Mthat дает общую форму метафорической интерпретации любых высказываний, а *m*-связанность свойств с метафорически интерпретируемым выражением выходит за пределы правил языка и относится к прагматике (особенно это касается пресуппозиций участников коммуникации). Соответственно, из-за контекстной зависимости метафор зафиксировать их значение можно только в смысле характера, но не содержания.

В связи с этим Дж. Штерн утверждает, что для метафорической интерпретации конкретного высказывания семантическое знание должно быть дополнено прагматическим. Если на долю семантики выпадает прояснение правил языка (характеров выражений), которые помогают дать «характеристику истинности предложения относительно контекста» [4. Р. 15], а семантическое знание – это знание о том, какие правила позволяют правильно проинтерпретировать бесконечное число языковых выражений, то на долю прагматики остается объяснение того, как применять семантическое знание в различных контекстах [8. Р. 690]. Таким образом, прагматическое знание – это знание экстралингвистического контекста, в котором осуществляется высказывание с метафорой. И только одновременное наличие обоих видов знания – семантического и прагматического – позволяет определять пропозициональное содержание высказывания с метафорой.

Многообразие типов метафор объясняется для Дж. Штерна не семантическими факторами, а прагматическими. Это обусловлено тем, что Mthat дает общую форму метафорической интерпретации любых высказываний, а *m*-связанность каких-либо свойств с метафорически интерпретируемым выражением выходит за пределы правил языка и носит прагматический характер. Таким образом, контекстно-зависимая природа любых метафор позволяет теоретически зафиксировать их значение только в смысле характера, но не

содержания, и поэтому задача семантики не может заключаться в определении выраженной в высказанном предложении пропозиции.

Семанτικο-психологический подход Э. Борг

Тот факт, что одного семантического знания, излагаемого в формальной теории, недостаточно для понимания метафоры, признает также и Э. Борг. Для того чтобы представить метафорическую интерпретацию предложения, следует знать что-то еще, кроме правил языка. Однако она не стремится утверждать, что помимо семантического знания необходимо обладать именно прагматическим знанием экстралингвистических факторов.

Для нее процесс интерпретации метафоры включает в себя психологическую составляющую, а именно знание структурных отношений между понятиями, приобретаемое во взаимодействии с внешним миром и отражающее его структурные отношения. Это знание существует в концептуальной системе как конкретного индивида, так и языкового сообщества в целом, будучи идеализацией от индивидуальных концептуальных систем. Именно благодаря наличию этой концептуальной системы возможно конструирование и понимание метафоры, ибо оба процесса основываются на умении связывать с одним предложением множество пропозиций, тем самым давая ему метафорическое прочтение.

Множество связанных с предложением пропозиций определяется выполнением трехместной фигуративной функции f^C [9. Р. 240], аргументами которой выступают буквально выраженная в предложении s пропозиция p , сама концептуальная рамка α и контекст высказывания c , относительно которого релятивизируется выполнение f^C :

$$f^C < p, \alpha, c > = \{p^c_1 \dots p^c_n\}.$$

Полученное в результате выполнения f^C множество пропозиций (MI) представляет собой множество всех возможных метафорических интерпретаций s в рамках языкового сообщества, чья концептуальная система была «загружена» в f^C . Если аргументом f^C будет выступать концептуальная система конкретного индивида A , то множество полученных пропозиций (PI) будет ограничено его знанием понятийных связей, которое не всегда совпадает со знанием сообщества:

$$f^C < p, A, c > = \{p^c_1, p^c_3, p^c_7, p^c_9\}^1.$$

Если множество пропозиций PI находится в отношении пересечения с множеством пропозиций MI , то элементы множества, полученного в результате их пересечения, будут являться метафорическими интерпретациями s . Конкретная p из пересечения обоих множеств будет тогда считаться правильной метафорической интерпретацией s , когда между s и p имеется очевидная связь в концептуальной системе участников коммуникации: прийти к правильной интерпретации невозможно, если не иметь общих убеждений о мире.

Пропозиции, являющиеся членами множества MI , но не множества PI , будут представлять собой не понятые индивидом метафорические интерпретации s . Так, если кто-то не знает, что Диониса изображают с чашей так же,

¹ Индексы «1», «3», «7» и «9» выбраны Э. Борг произвольно – для демонстрации того, что агенту доступны не все элементы множества пропозиций, которые могут выражаться одним предложением. В этом случае ему доступны только указанные четыре.

как со щитом изображают Ареса, то он не сможет «схватить» выражаемую пропозицию и понять предложение с метафорой. Пропозиции, входящие в множество *PI*, но не в множество *MI*, не являются метафорическими интерпретациями *s* в принципе. Например, мы можем считать, что предложение «чаша есть щит Диониса» выражает пропозицию «Дионис защищался от врагов с помощью чаши», но из-за низкой частотности связи этой пропозиции с изначальным предложением в сообществе мы не сможем его использовать, опасаясь быть непонятыми. Иными словами, конструирование и понимание метафоры осуществляется только в пространстве публичной коммуникации, где общепринятые значения слов не зависят от того, кто их использует.

Индивидуальный процесс интерпретации метафоры, т.е. переход от обнаруженной буквальной пропозиции к множеству связанных с ней иных пропозиций и выбор из этого множества подходящей, носит психологический характер, а не семантический. Само семантическое знание Э. Борг определяет классически, т.е. как знание условий, при которых предложение является истинным [9. Р. 241]. Но для интерпретации метафоры этого знания недостаточно, так как без представления о том, каковы свойства объектов внешнего мира и их отношения, определить выражаемую пропозицию не удастся. Свойства объектов выражены для индивида в понятиях, а отношения между ними – в концептуальной системе. Соответственно, знание об этих отношениях не является семантическим, однако оно дополняет семантику, чтобы можно было определить пропозицию, выражаемую в высказанном предложении.

Таким образом, для Э. Борг конструирование и понимание метафоры возможно при наличии семантического знания и выраженного в понятиях несемантического знания о мире. Почему бы не назвать последнее прагматическим знанием и не утверждать, что она, как и Дж. Штерн, выступает в пользу комбинации семантического и прагматического знания для интерпретации метафор? Такой ход возможен, однако он не кажется нам оправданным в силу того, что Э. Борг понимает прагматику в стиле П. Грайса, где от выраженной в высказанном предложении пропозиции осуществляется переход к интенциям говорящего («значению говорящего»). При таком представлении о прагматике, как у Э. Борг, определение отношений между понятиями на основании отношений между объектами во внешнем мире просто не попадает в область прагматических исследований. Именно по этой причине мы именуем подход Э. Борг к объяснению метафоры не семантико-прагматическим, а семантико-психологическим.

Подход Аристотеля и разграничение семантики и прагматики

Рассмотренные подходы Дж. Штерна и Э. Борг, несомненно, имеют между собой много общего. Основным сближающим моментом является признание недостаточности семантического знания – знания условий истинности некоторого предложения в некотором контексте – для интерпретации предложения с метафорой. Для определения условий истинности, т.е. определения пропозиции, высказанного в конкретном контексте предложения с метафорой необходимо что-то еще. И если Дж. Штерн именуется это «что-то еще» прагматическим знанием, то Э. Борг, как мы указали ранее, считает недостающей частью для интерпретации психологическое знание: знание связей между понятиями, отражающее связи между объектами во внешнем мире.

Возвращаясь к аристотелевской концепции метафоры, мы обнаруживаем, что вопрос о том, есть ли у самого Аристотеля зачатки того, что в современной философии известно как вопрос о соотношении семантики и прагматики, мы оставили непроясненным. Постановка такого вопроса обусловлена тем, что концепцию метафоры Аристотеля следует рассматривать в рамках семиотической модели [10], так как для него элементы языка являются требующими расшифровки знаками ментальных репрезентаций [11. 16a3; 12. 165a5–12].

На первый взгляд, кажется, что ответ на поставленный вопрос положительный: для создания и понимания метафоры по аналогии требуется знание о фактах мира, которое не тождественно знанию о фактах языка, и такое знание можно назвать прагматическим. Схожий ответ дает, например, С.Р. Левин, говоря о необходимости найти сходства между объектами для понимания метафоры: «Семантические (или логические) отношения, наличествующие среди категорий, не помогут воспринять эти сходства. Их необходимо знать на основании опыта в мире. Метафоры четвертого типа заставляют нас собирать определенные эмпирические факты и ведут нас через процессы аналогии к осознанию общего отношения между этими фактами» [13. Р. 37–38]. Такая интерпретация Аристотеля оказывается близка подходу Дж. Штерна, который отождествляет знание обо всех экстралингвистических факторах, влияющих на интерпретацию предложения с метафорой, с прагматическим знанием. И в таком случае можно утверждать, что у Аристотеля имплицитно содержалась идея разграничения семантики и прагматики на основании разграничения языковых и неязыковых фактов.

Однако подобная трактовка, предполагающая, что Аристотель проводил различие между знанием о фактах языка и знанием о фактах мира, несовместима с широко распространенным представлением о том, что Аристотель признавал изоморфизм между языком, мышлением и внешним миром [3. Р. 43; 14]. Элементы языка, как уже было указано, являются знаками ментальных репрезентаций (понятий), которые подобны объектам внешнего мира [11. 16a6–9; 15. 429a13–16]. Понятия универсальны для всех людей точно так же, как и объекты, а различия в терминах языков объясняются случайными факторами, ибо значения имен конвенциональны [11. 16a27–29]. Д. Модрак отмечает, что, согласно Аристотелю, «приобретая язык, мы приобретаем схему классификации, которая встроена в эти внутренние состояния и изоморфна имеющимся объектам» [16. Р. 6]. Такой изоморфизм, по всей видимости, требует отказа от разграничения знания о мире и знания о языке, и значит, проведение разграничения между семантикой и прагматикой имеет мало смысла¹.

Мы склоняемся к тому, что более близким взглядам Аристотеля оказывается подход Э. Борг. Причиной этого является то, что можно обозначить как тезис изоморфизма между мышлением и внешним миром, имплицитно принимаемый ею и частично совпадающий с тезисом изоморфизма у Аристотеля. Концептуальная система, согласно Э. Борг, формируется во взаимодействии с внешним миром – если в мире нет кошек с семью лапами, то и отно-

¹ М. Леженбер вообще не решается однозначно определить, к какому из современных подходов к объяснению метафоры близок Аристотель – к семантическому или прагматическому – и, соответственно, не решается дать ответ на вопрос о соотношении семантики и прагматики для него [3. Р. 38].

шение между понятиями «кошка» и «иметь семь лап» не формируется. Однако когнитивные способности людей ограничены и схватывают только доступные им отношения между объектами. Внимание на когнитивных аспектах интерпретации метафоры характерно и для Аристотеля [17], когда он говорит, что с помощью метафоры приобретается знание. Подход Дж. Штерна, в свою очередь, не предполагает подобного изоморфизма, поскольку в нем знание о правилах языка и знание обо всем, что этими правилами не является, приобретаются отдельно.

Таким образом, мы не обнаруживаем в аристотелевской концепции метафоры зачатков разграничения семантического и прагматического видов знания, что сблизило бы ее с подходом Дж. Штерна. Напротив, мы полагаем, что допускать подобное разграничение нехарактерно для Аристотеля из-за признания им тезиса об изоморфизме между языком, мышлением и внешним миром. Поэтому подход Э. Борг, в котором признается ослабленная версия этого тезиса, а именно изоморфизм между мышлением и внешним миром, более предпочтителен.

Список источников

1. *Аристотель*. Поэтика / пер. М.Л. Гаспарова // Аристотель. Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 645–680.
2. *Аристотель*. Риторика / пер. Н. Платоновой // Античные риторика. М. : Изд-во Мос. ун-та, 1978. С. 15–164.
3. *Leezenberg M.* Contexts of Metaphors. Amsterdam : Elsevier, 2001.
4. *Stern J.* Metaphor in Context. Cambridge, MA : MIT Press, 2000.
5. *Searle J.* Metaphor // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 83–111.
6. *Black M.* Metaphor // Proceedings of the Aristotelian Society. 1954–1955. Vol. 55. P. 273–294.
7. *Davidson D.* What Metaphors Mean // Critical Inquiry. 1975. Vol. 5, № 1. P. 31–47.
8. *Stern J.* Metaphor as Demonstrative // The Journal of Philosophy. 1985. Vol. 82, № 12. P. 677–710.
9. *Borg E.* An Expedition Abroad: Metaphor, Thought, and Reporting // Midwest Studies in Philosophy. 2001. Vol. XXV. P. 227–248.
10. *Kirby J.T.* Aristotle on Metaphor // The American Journal of Philology. 1997. Vol. 118, № 4. P. 517–554.
11. *Аристотель*. Об истолковании / пер. Э.Л. Радлова // Аристотель. Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2. С. 91–116.
12. *Аристотель*. О софистических опровержениях / пер. М.И. Иткина // Аристотель. Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2. С. 533–593.
13. *Levin S.R.* Aristotle's Theory of Metaphor // Philosophy & Rhetoric. 1982. Vol. 15, № 1. P. 24–46.
14. *Shields C.* Intentionality and Isomorphism in Aristotle // Proceedings of the Boston Area Colloquium in Ancient Philosophy. 1995. Vol. 11. P. 307–330.
15. *Аристотель*. О душе / пер. П.С. Попова // Аристотель. Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1976. Т. 1. С. 368–450.
16. *Modrak D.K.W.* Aristotle's Theory of Language and Meaning. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
17. *Swiggers P.* Cognitive Aspects of Aristotle's Theory of Metaphor // Glotta. 1984. Vol. 62, № 1/2. P. 40–45.

References

1. Aristotle. (1983) *Sochineniya v 4-kh t.* [Works in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'. pp. 645–680.
2. Aristotle. (1978) *Ritorika* [Rhetoric]. Translated from Ancient Greek by N. Platonova. In: Takhogodi, A.A. (ed.) *Antichnye ritoriki* [Antique Rhetoric]. Moscow: Moscow State University. pp. 15–164.

3. Leezenberg, M. (2001) *Contexts of Metaphors*. Amsterdam: Elsevier.
4. Stern, J. (2000) *Metaphor in Context*. Cambridge, MA: MIT Press.
5. Searle, J. (1993) Metaphor. In: Ortony, A. (ed.) *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 83–111.
6. Black, M. (1954–1955) Metaphor. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 55. pp. 273–294.
7. Davidson, D. (1975) What Metaphors Mean. *Critical Inquiry*. 5(1). pp. 31–47.
8. Stern, J. (1985) Metaphor as Demonstrative. *The Journal of Philosophy*. 82(12). pp. 677–710.
9. Borg, E. (2001) An Expedition Abroad: Metaphor, Thought, and Reporting. *Midwest Studies in Philosophy*. 25. pp. 227–248.
10. Kirby, J.T. (1997) Aristotle on Metaphor. *The American Journal of Philology*. 118(4). pp. 517–554.
11. Aristotle. (1978a) *Sochineniya v 4-kh t.* [Works in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 91–116.
12. Aristotle. (1978b) *Sochineniya v 4-kh t.* [Works in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 533–593.
13. Levin, S.R. (1982) Aristotle's Theory of Metaphor. *Philosophy & Rhetoric*. 15(1). pp. 24–46.
14. Shields, C. (1995) Intentionality and Isomorphism in Aristotle. *Proceedings of the Boston Area Colloquium in Ancient Philosophy*. 11. pp. 307–330.
15. Aristotle. (1976) *Sochineniya v 4-kh t.* [Works in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 368–450.
16. Modrak, D.K.W. (2001) *Aristotle's Theory of Language and Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Swiggers, P. (1984) Cognitive Aspects of Aristotle's Theory of Metaphor. *Glotta*. 62(1/2). pp. 40–45.

Сведения об авторах:

Козырева О.А. – кандидат философских наук, ассистент кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: olgakozyreva@mail.ru

Гушин И.А. – ассистент кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: gushchin.ilya.66@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kozyreva O.A. – Cand. Sci. (Philosophy), teaching assistant of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: olgakozyreva@mail.ru

Gushchin I.A. – teaching assistant of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: gushchin.ilya.66@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2022;
одобрена после рецензирования 25.11.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 15.11.2022;
approved after reviewing 25.11.2022; accepted for publication 05.12.2022*

Научная статья
УДК 1(091)
doi: 10.17223/1998863X/70/11

ПОНЯТИЕ В СУБЪЕКТИВНОЙ ЛОГИКЕ ГЕГЕЛЯ

Денис Константинович Маслов

*Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия,
denn.maslov@gmail.com*

Аннотация. Анализируется раздел «Понятие» в Субъективной логике Гегеля в рамках Науки логики. Понятие обозначается как «относящееся к себе отрицание» или негативная автореферентная свободная идентичность. Всеобщее понятие обозначает способность мышления вообще (Я) и абстрактный логический универсум рассуждения. Особенное понятие – это способность подведения под общие правила (то, что Кант называл рассудком) и содержательная конкретизация универсума рассуждения как концептуальной схемы. Единичное понятие – это способность к рефлексии и мышлению разумом самого себя и вещей в их единичности.

Ключевые слова: понятие, Гегель, наука логики, метафизика субъективности, разум, рассудок

Для цитирования: Маслов Д.К. Понятие в субъективной логике Гегеля // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 119–136. doi: 10.17223/1998863X/70/11

Original article

THE NOTION IN HEGEL'S SUBJECTIVE LOGIC

Denis K. Maslov

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation,
denn.maslov@gmail.com*

Abstract. The article considers the Notion within subjective logic in Hegel's *Science of Logic*. Hegel defines the Notion as “self-relating negation” or negative self-referential free identity. The usual meaning of ‘notion’, that is as a rule of thinking an object (which Hegel calls ‘finite determinations of conceiving’), is distinguished from the Notion in the specific Hegelian use. “The Notion” is the chapter that scrutinizes metaphysical categories of subjectivity and personhood from pragmatic, epistemological, and practical perspectives. Subjectivity is analyzed through its functions and operations that constitute the essence of (collective) subjectivity and are implemented by it in forms of judgement, inference, etc. Thus, the Notion is a “logical” (i.e. metaphysical) analysis of collective epistemic and practical agency or the system of science considered in its strictly abstract metaphysical structure. The universal Notion (*der allgemeine Begriff*) signifies the general ability of thinking (which Kant calls the I, Self) and the abstract (empty) universe of discourse. This minimal subjectivity and space of reasoning can perceive (in thought) and accommodate broad content, turning it into narrow content by placing it “ideally”, in our minds or as content of collective practices (science, etc.). The particular Notion (*der besondere Begriff*) is the ability to subsume under given rules or concepts or the ability to follow the already given rules (Kant called it conceiving, *Verstand*). The content of conceiving fills the abstract universe of reasoning, and we can interpret it as conceptual scheme. The particular Notion is adequate for thinking of content from the perspective of its seriality and regularity, general

functions or rules. That is adequate for the cognition of physical processes in nature, rigid and pre-determined laws and regularities that captures things in their repeatability. The singular Notion (*der einzelne Begriff*) is the ability to reflect and think of the mind and reason themselves as the only unique thing and individual things in their singularity. All stages of the Notion are free and spontaneous, but the highest stage of freedom turns out to be the singular Notion.

Keywords: notion, Hegel, science of logic, metaphysics of subjectivity, reason, speculative philosophy

For citation: Maslov, D.K. (2022) The notion in Hegel's subjective logic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 119–136. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/11

Наука логики, Понятие (*der Begriff*) и Идея

Гегель является посткантовским и критическим по духу философом. Наука логики (далее – НЛ¹) открывается отсылкой к радикальным изменениям метафизике, которую совершил Кант в своей трансцендентальной логике в КЧР². Цель проекта НЛ Гегеля состоит в радикализации и завершении кантовского проекта критики метафизики. Логика Гегеля не представляет собой формально-логической системы и не занимается построением формальной логики, но претендует на статус подлинной критической метафизики под именем спекулятивной логики (науки о логосе). Он выражает это следующим образом: логика – это «формальная наука, но наука абсолютной формы, которая есть целокупность (*Totalität*) в себе и содержит саму чистую идею истины» (мой пер.; TWA 6, 265, НЛ III, 26). В его терминологии это именуется также «спекулятивная философия» (ЭФН § 24, также см.: TWA 5, 16, НЛ I, 78, см.: [4]). Логика Гегеля – это метафизика как теория категорий, или «логическая география» используемых нами категорий (по выражению П. Штекелера-Вайтхофера³). Она включает в себя то, что сегодня подпадает под рубрики метафизики, семантики, онтологии, эпистемологии и теории субъективности в широком смысле.

НЛ представляет собой новый, посткантовский критический проект метафизики, критической первой философии. Объективная логика тематически наследует философии Аристотеля и Канта (НЛ III 118), она должна заступить на место старой метафизики. Ее задача состоит в анализе и реконструкции основополагающих категорий, конститутивных для существования и познания предметов⁴. Кардинальное отличие и инновация Гегеля по сравнению с прошлой философией состоит в расширении предмета метафизики. Он дополняет традиционную метафизику объекта⁵ метафизикой субъективности, т.е. систематически включает в нее теорию основополагающих категорий субъек-

¹ Ссылки на издания оригинальных текстов даются по изданию «*Theoretische Werkausgabe*» [1] как TWA с указанием тома и страницы. Переводы на русский даются как НЛ по изданию [2], а Энциклопедия – как ЭФН по изданию [3].

² Трансцендентальная логика у Канта – это, в сущности, метафизика или критика возможной метафизики, тогда как формальная логика обозначается как общая логика. Соответственно, Наука логики следует трансцендентальной логике, а не общей.

³ См. его массивный комментарий к Логике: [5].

⁴ ЭФН § 19, TWA 4, 11–12, 6, 560. См.: [6. S. 225; 7; 8. P. 15; 9. P. 428–431].

⁵ Причем именно метафизика объекта сегодня часто понимается как метафизика вообще. См.: [10, 11].

екта познания и действия¹. Тематическое обозначение для этого раздела в словоупотреблении Гегеля – это Понятие². Поскольку полное рассмотрение этой темы превышает рамки статьи, настоящее исследование дает анализ важного, но не исчерпывающего все Понятие раздела «субъективное Понятие». Согласно П. Штекелеру-Вайтхоферу, темой логики Понятия являются «мышление, понимание (Verstehen) и постижение (Begreifen) вообще» [15. S. 419]. Разумность (Intelligenz) субъекта рассматривается как «способность принимать участие в определенных совместных формах деятельности (Tätigkeit), жизни и речи (суждения)» [15. S. 14]. Гегель использует особую тематическую форму речи, когда результаты анализа конкретных форм науки и практики он «упаковывает» в свои особые категории и тематически, «спекулятивно» рассуждает о движении Понятия, переходе от «по себе» к «для себя» и т.д. Однако эта речь может быть расшифрована и пониматься как абстрактное категориальное рассмотрение реальных человеческих институтов и практик в их метафизической, абстрактной форме. Тем самым, Гегель последовательно может быть прочитан в критическом и прагматическом ключе. Таким образом, НЛ представляет собой систематическую рефлекссию о категориально-метафизических условиях существования вещей, их осмысленности и способа и условий их познания естественным человеческим мышлением, т.е. с точки зрения философии Нового времени³. Гегель не является мистагогом и летописцем трансцендентного духа⁴.

Следует различать понятие и Понятие (der Begriff). В традиционном смысле понятие (со строчной буквы) означает правило мышления соответствующего ему (или подпадающего под него) предмета, например «стол», «число», «красный», «философия» и т.д. Кант понимал понятия как виды представления (Vorstellung), и сегодня в аналитической традиции распространено понимание понятия как ментальной, психологической сущности, например, см.: [17]. Такого рода понятие Гегель именуется «рассудочным определением мышления», которое представляет собой «изолированный, несовершенный момент Понятия и не имеет (в себе) истины» (TWA 6, 278, 285–288, НЛ III, 38, 48f.). Понятие в привычном значении – это минимальная единица смысла, которая, однако, проявляется и возможна только в рамках суждения (пропозиции) и умозаключения. Гегель рассматривает понятие и мысль (Gedanke) в смысле близком к Фреге, как доступное для мышления, но не зависящее от ментальных, психологических актов конкретных людей.

¹ К. Дюзинг отмечает по этому поводу: «Спекулятивная логика Гегеля – это метафизика, точнее: онтология и онтология абсолютной субъективности» ([12. S. 179]; ср.: [13. P. 19]). Однако следует понимать это так, что «абсолютный» обозначает и отсылает не к некоему онтическому существованию «абсолюта», но означает деятельность субъекта как направленную на себя, рефлексивную. Дюзинг, судя по всему, понимает Гегеля догматическим образом (говоря об онтологии), и, вероятно, это противоречит критическому прочтению НЛ. Термин «метафизика» используется в настоящей статье (против прочтения Гегеля Хабермасом и Шнедельбахом) не в смысле докантовской догматической метафизики, но в смысле теории категорий и первой философии.

² О сравнении понятия Понятия в немецкой философии см. [14].

³ Против прочтения Шнедельбахом Гегеля как догматического метафизика. См.: [16].

⁴ Р. Пиппин критикует такое прочтение: «Гегелеведы часто допускают, что Гегель перенимает „философию тождества“ у Шеллинга, и это означает „тождество субъекта и объекта“. Затем они формулируют различные философски неубедительные версии такого единства, так что подлинная реальность есть божественная мысль, мыслящая себя, что объекты – это моменты „интеллектуального созерцания себя“, принадлежащие этой мысли. Но *Логика* не принимает ничего даже близко подобного этому» [8. P. 109].

Скажем, понятие «атом» выражает и содержит в себе правило, выражающее и определяющее атомы, оно может быть познано и помыслено, но для его существования не требуется, чтобы кто-то мыслил его. Понятие с прописной буквы (то, что является темой логики Понятия) указывает на субъективность (Я, лицо, самосознание, см. НЛ III, 12) как способность мышления и то, что с ней связано: логический универсум рассуждения, концептуальную схему и реальные формы и содержание науки вообще, актуально действующего и познающего (в том числе самого себя) коллективного субъекта науки в его развитии и становлении. Дух в таком случае – это обозначение для реальных и действительных форм проявления Понятия в его внешнем, материальном виде (индивид, сообщество и его институты, государство как политическая форма организации, наука и философия как социально-эпистемологические практики). Таким образом, субъективная логика в целом рассматривает метафизические, абстрактные характеристики и формы устройства Понятия. По сравнению с Понятием понятие «не имеет истины» в том смысле, что любое понятие является частью холистической системы понятий (Понятие) и всегда зависит и имеет смысл только в рамках такой системы. Достигшее своего полного развития Понятие – это (абсолютная) Идея. Формы его осуществления и существования в мире, их конкретные проявления рассмотрены в реальной философии: философии природы (органическая материя, жизнь) и духа (действительное самосознание). Изложение этой триады составляет задачу *Энциклопедии*, после которой Гегель перешел к более подробному анализу составляющих «дух» частей, таких как философия права (субъективность в ее объективном, т.е. правовом, общественном и государственном явлении и устройстве), философия искусства, религии, история философии, философия истории как способов осознания себя Понятием. Понятие в его полноте (логического и реального осуществления) может быть рассмотрено в его конкретных проявлениях, т.е. в духе (TWA 6, 295, НЛ III, 54)¹. Формы проявления (Гегель называет это манифестацией) духа – это существующее, действительное Понятие. Это обозначение для антропологии, телесных характеристик мыслящих существ, философии сознания и когнитивных функций, учения о государстве, формах выражения и познания духом самого себя – искусство, религия и философия. Таким образом раздел НЛ «Понятие» рассматривает логические, метафизические основания жизни, духа и его форм, т.е. структурные и сущностные моменты его развертывания и развития (TWA 6, 253, 256–257, 259, НЛ III, 17f.).

Сознание, «Я» (das Ich), личность – это осуществленное Понятие, т.е. мышление и его материальное явление, тело. В § 43 «Философии права» [26] личность обозначается как «непосредственное понятие», т.е. реальное сознание в живом теле². Тем самым, в первом приближении Понятие в рамках смыслового анализа есть сознание, Я, личность. Полное развертывание Понятия есть совокупность реальных институтов и практик, их форм и содержания. Понятие – это человечество в его истории развития и основополагающей

¹ «Понятие как таковое может быть в сущности понято (aufgefasst) только вместе с духом, [по-скольку] он есть не только его собственность, но и его чистая самость (reines Selbst)».

² Разумеется, сознание не может существовать без тела или носителя сознания, это верно для людей, а также для любой возможной формы разумности, например, если когда-нибудь будет создан ИИ, он не может не иметь hardware.

структуре, метафизических основаниях, рассмотренное в философском отношении как ум и познающая деятельность, а не только лишь животные, телесные стороны.

В этом смысле философия, философский понятийный анализ (концептуальной схемы как совокупности, системы понятийных истин) является условием для исследования духа в его конкретных проявлениях (*case studies*), в его разных эмпирических аспектах – культурологии, социологии, антропологии и т.д. Такой статус рассуждения о Понятии в НЛ означает, что данное понимание не может быть оспорено или оказаться полностью ложным без того, чтобы это – при рассмотрении всей системы наук как целого – не оказалось нелепым. В частности, это делает любую сильную форму философского детерминизма ложной или как минимум превратно понятой (*ill-conceived*), поскольку теоретическая деятельность уже и есть проявление свободы разумных существ, а свобода, тем самым, – это основное свойство Понятия. Однако это не отменяет возможности изменения и уточнения, переинтерпретации такой концептуальной схемы.

Понятие Понятия

Понятие автореферентно и производит само себя (т.е. бесконечно и абсолютно, в терминологии Гегеля), негативно и свободно (т.е. развивается и изменяется, поскольку оно не детерминировано внешними событиями). В совокупности оно обозначает мыслящую личность, т.е. (в том числе коллективную) субъективность и связанные с этим способности познания и действия.

«Чистое понятие абсолютно бесконечно, необусловлено и свободно» (TWA 6, 274, НЛ III, 35).

«Я как соотносящаяся с самой собой отрицательность (*die sich auf sich selbst beziehende Negativität*) есть столь же непосредственно *единичность, абсолютная определенность* (*Bestimmtheit*), противопоставляющая себя иному и исключаяющая это иное, – *индивидуальная личность* (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Д.М.)» (TWA 6, 253, НЛ III, 17).

«Поэтому понятие есть прежде всего такое *абсолютное тождество* (*Identität*) с собой, что это тождество таково лишь как отрицание отрицания или как бесконечное единство отрицательности с самой собой. Это *чистое соотношение* (*reine Beziehung*) понятия с собой – чистое благодаря тому, что оно полагает себя (*sich setzend*) через отрицательность, – есть *всеобщность* понятия» (TWA 6, 274–275, НЛ III, 36).

Рассмотрим эти свойства по порядку.

Каждая вещь тождественна самой себе. С логико-метафизической точки зрения, тождество – это свойство, без которого ни одна вещь, ни одна сущность не может быть мыслима (*no entity without identity*). Тождество составляет формальную сущность любой вещи, поскольку только при наличии такого свойства можно что-то высказывать о вещах¹. Тождество подразумевает устойчивость. Теряя тождество, вещь перестает существовать и быть мыслимой, она теряет минимальный и наиболее абстрактный статус сущности как

¹ Ср. с аристотелевской первой категорией *to ti einai*, обозначаемой с помощью демонстратива «это», что делает возможным высказывания об этой первой сущности через другие категории: времени, места и т.д.

(существующего) предмета или предмета возможной речи. Тожество это логическое свойство, которое необходимо присуще всем *возможным* предметам, даже несуществующим (см. соответствующую главу в [18])¹.

Тожество (Identität) – это рефлексивное свойство, выражающее отношение предмета к самому себе. Это базовое, с формальной точки зрения далее не анализируемое свойство. Тем не менее вопрос о тождестве не так прост, как это может показаться. Гегель осознает, что тождество на первом шаге должно быть рассмотрено формальным образом в виде суждения $x = x$. Но он критикует такой подход за бессодержательность и неинформативность, тавтологичность. Он намного более заинтересован в раскрытии способа бытия и мышления тождества сущностей в смысле раскрытия их содержательного тождества, их *Что*. С такой точки зрения тождество уже не является простым. С одной стороны, оно предполагает хотя бы формальное различие предмета: 1) внутри себя в суждении $x = x$ и 2) различие предмета и способа его репрезентации в явлении, языке и артикуляции в понятии. Кроме того, имеется еще и 3) содержательное различие в суждениях $x = y$ (вспомним пример Фреге с утренней и вечерней звездой и вытекающие из этого проблемы аскрипции в семантике). Наконец, мы не можем удовольствоваться тавтологией и нам требуется 4) содержательное познание предмета x , выявление его основополагающих, конституирующих свойств, их отличие от акцидентальных, случайных и привходящих свойств (что уже поднимает проблемы модальности, причинности и т.д.). Этот аспект можно выразить так: для всякого x , x есть A и B и C и D ... и т.д. Любой реальный, содержательный предмет (содержание его понятия) конституирован через ряд дескрипций или свойств, отношений с другими предметами и т.д.² Суть реального предмета (не с точки зрения формально-логических дефиниций) должна быть содержательно и информативно представлена через ряд предикатов, всякая идентичность существует и представлена через отличные от нее свойства (отношение принадлежности предмета к классам или предмет как экземпляр такого-то класса). В этом состоит смысл гегелевского тезиса «тождество есть различие», и в этом особенном смысле нужно понимать его речь про «противоречие» (причем значения его использования термина «противоречие» этим далеко не исчерпываются). Гегель нисколько не нарушает ни принцип Куайна, ни принцип непротиворечия, однако он смещает акценты. Гегель не утверждает онтологическое существование противоречия в строгом формально-логическом смысле, поскольку для него противоречие каждый раз «снимается», т.е. разрешается³.

Тожество Понятия – особый род тождества (коллективной) субъективности, личности. У Гегеля речь о тождестве заходит в логике сущности, логике рефлексии, хотя тождество уже имплицитно присутствует и ранее, например при рассмотрении категорий «бытие» или «нечто». Выражение «die sich auf sich beziehende Negativität» в этом смысле пронизывает весь текст НЛ

¹ Оставим в стороне вопрос о невозможных предметах, хотя они тоже в некотором смысле существуют и тем самым, вероятно, могут быть тождественны себе.

² Имя – это жесткий десигнатор для любой вещи, однако перед процессом «крещения» нужно идентифицировать предмет, указать на «это» до момента именования. Тем самым, с точки зрения метафизики, предмет раскрывается через установление его свойств, выражаемых в описании.

³ Эти категории Гегель рассматривает в соответствующих разделах НЛ. О противоречии см. [19. S. 322–327].

и применяется для обозначения каждого момента¹. Очевидно, что способ рассмотрения тождества в трех частях логики различен ввиду разного наполнения тождества предмета и способа его отсылки к самому себе. Способ тождества материального предмета и его репрезентаций (в логике бытия и сущности) существенно отличается от тождества Понятия. Понятие – это конкретная сущность, поскольку в смысле Гегеля оно наиболее богато содержанием и различиями. Тождество или единство понятия касается идентичности в смысле тождества личности и мышления; при этом Понятие не нарушает правил тождества с точки зрения формальной логики, оставаясь тождественным себе при всех изменениях.

Понятие, Я, субъективность нельзя рассматривать как (более или менее) статичную вещь или положение дел, это не мертвое и пустое тождество («tote und leere Identität», TWA 6, 265, НЛ III, 26), но спонтанный, активный процесс и деятельность. Многие авторы в рамках аналитической философии (как минимум Райл, Энском, Стросон) при логическом и концептуальном анализе личности отмечают трудности при попытке формального подхода к личности, ее овеществления наряду с материальными предметами и выделяют личности в особую онтологическую область (см.: [20. S. 191–204]). Понятие – это активное и спонтанное отношение к себе, операция по положению (setzen) самого себя тождественным себе, сознательная и бессознательная самоидентификация, рефлексивное, автореферентное определение идентичности, произведение самого себя. Каждая вещь тождественна самой себе, однако только Понятие осуществляет активный и (в некоторых случаях) осознанный акт отождествления себя с собой, самоидентификацию через деятельность по отношению к себе (это в широком смысле относится ко всем живым существам, например в продолжении рода и поиске корма питания для себя, самосохранении). А. Кох выражает это следующим образом: Понятие (der Begriff) – это «в конечном счете по себе и для себя то, чем оно себя полагает (setzt), и оно полагает себя тем, что оно есть: а именно как отношение между собой и единичной операцией, которая тождественна с работой (Operandum) и с результатом» ([21. S. 17], также TWA 6, 255–256, НЛ III, 17–19). Чуть далее он пишет: «Субъективность это знающее отношение к себе без эксплицитной референции к себе, инференциальное, а не референциальное отношение к себе» [21. S. 27]. Операция, о которой говорилось выше, выражается в суждении (положении) Ich = Ich, Я = Я, которое было использовано Фихте как отправной пункт и главный принцип своей теории.

Понятие не есть самоданность и самоочевидность сознания для себя и оно не является исходным пунктом построения философской системы, несмотря на попытки построения философии исходя из самоочевидности Я. Гегель развивает и изменяет эту идею Фихте, который вслед за Кантом развивал положение об активности субъекта, так что осознание себя есть опосредованное и доступное внешнему наблюдению обстоятельство. Проясним это следующим образом. В своей полемике против Д. Хенриха, предложившего интерпретацию основной идеи Фихте, Э. Тугендхат убедительно аргументирует против самой идеи интеллектуального созерцания (intellektuelle Anschauung) и непосредственной самоочевидности, прямого доступа к фак-

¹ В тексте НЛ при поиске слова «beziehend» (во фразе «sich auf sich beziehend») выдается множество мест: TWA 5, 134, 136, 151, 153f.

там о самих себе [12. S. 111–140; 22. Лекции 2 и 3]¹. Он указывает на неконсистентность и круг в рассуждении у Фихте и Хенриха. Тугендхат выдвинул формулу «Я знаю, что я ф» в качестве логической структуры высказываний для описания личности, притом что такая перспектива от первого лица принципиально переводима в перспективу третьего лица в выражении «Он (например, Тугендхат) есть ф» и наоборот. Любой факт сознания и факт о личности принципиально может быть выражен в перспективе от третьего лица в рамках межличностного взаимодействия и речи, более того, такое выражение и возможно только при усвоении правил и практик речи из межличностной коммуникации и социализации. Поэтому перспектива от первого лица производна от перспектив второго и третьего лица, а не является исходным и наиболее глубоким началом философии. Гегель отмечает в «Феноменологии духа»: Я есть Мы, а Мы есть Я [23. С. 97]. Наше внутреннее созерцание, которое, несомненно, имеет место, производно от социальной практики извне и может быть доступно внешнему наблюдателю косвенно, через наблюдение за поведением. Чистое Понятие не существует само по себе в идеальном мире, и его тождество должно реализоваться в наблюдаемых и интересубъективных и трансубъективных актах (взаимодействие с другими и с миром), в частности в суждении и рассуждении, жизни и духе в целом, потому что Понятие проявляется в них. Исходя из сказанного, Я не может быть началом, но должно быть завершением и наиболее богатым по содержанию и наиболее ценным элементом системы (ее «истиной»). Тем самым, тезис о непосредственном доступе и интеллектуальном созерцании оказывается неверным пониманием способа высказывания о личности, равно как и способ рассмотрения субъекта как неодушевленной вещи. Все это помещает идеи Гегеля в соседство с концепциями Витгенштейна, Хайдеггера и Дж. Мида.

В двух последних лекциях Тугендхат выдвигает такой же упрек против Гегеля. Однако это неверная интерпретация. Штекелер-Вайтхофер отводит этот аргумент, комментируя это таким образом: Гегелевские «аргументы скорее радикально разрушают представление об отношении непосредственного Я, души или сознания как к самому себе, так и к своему телу» [24. S. 413]. Гегель противостоит попыткам познания Я через прямую интроспекцию, но методологически проводит познание Понятия через его внешние акты, конкретные, наблюдаемые в мире формы и действия. Это означает, что в актах суждения и умозаключения, а также во всех прочих действиях, как практических, так и теоретических (например, в научной деятельности), всегда есть действующий субъект, совершающий высказывание, и понимание всей субъективной деятельности невозможно без осознания наличия такого актора высказывания и инференциальной системы различений, в рамках которой такие высказывания имеют место и вообще могут существовать и быть осмысленными. Гегель выражает это так: «...*все есть умозаключение*. Все есть *понятие* [...]» (ЭФН § 181, см.: [25. S. 343–345]). Сам Тугендхат повторяет ход рассуждений Гегеля в своей попытке решения этой проблемы, предлагая перевод от первого лица к третьему.

¹ Хотя Тугендхат опровергает аргументы Хенриха о непосредственном доступе, он дает собственное объяснение непосредственности самосознания с эмпирической и индуктивной, а не трансцендентальной точки зрения [22. S. 130–136]. Нельзя отрицать пред-нахождение себя от первого лица, однако не следует толковать это как изначальный и далее – не анализируемый сам из себя факт.

Понятие обладает способностью к осуществлению логической операции отрицания, и само мышление (Понятие) есть процесс отрицания в определенном смысле («абсолютная негативность» как активный направленный на себя процесс создания и изменения себя Понятием и его структуры, концептуальной схемы)¹. Осознанную автореферентность, отсылку к самому себе можно назвать операцией различения, т.е. отрицанием, различием среди внешних вещей и самого себя от всего прочего. Гегель делает это, поскольку уже в формуле $x = x$ первый символ «отрицается» вторым, отличается уже по положению в формуле от второго. Мышление – это негативное действие различения, в том числе способность активного суждения, отличающего себя от окружающего мира и других мыслящих существ. Субъект как активная негативность абсолютно тождествен самому себе, поскольку отличает себя от всех других вещей и косвенно отсылает к себе в осуществлении актов высказывания, вывода и т.д. (в этом заключается особенное гегелевское понимание термина «абсолют»). Субъект, как уже было показано выше, понимает и обозначает себя как тождественный, активно и деятельно отличая себя от всех других вещей. С помощью слова «я» или утверждения «я такой-то и такой-то» (я есть ϕ) я совершаю акт самоотличения от других вещей. Оно осуществляется в мышлении, а мышление есть не что иное, как суждение и рассуждение, умозаключение, потому что мышление (и познание) состоит только в суждении. Более того, следует обратить внимание на то обстоятельство, что личность как предмет речи, высказывания отличается от личности как субъекта, осуществляющего высказывание, как деятельное Я (Vollzugs-subjekt), процесс, а не просто предмет высказывания. В гегелевском понимании это может именоваться как отрицание. Это указывает на спонтанность и свободу Понятия. Само спонтанное мышление как деятельность, недетерминированная извне, и есть отрицание, или отрицание отрицания. Особенно это верно для Понятия в его деятельности по отношению к самому себе, поскольку его определения «отрицают» или изменяют, дополняют его уже в самом акте высказывания о себе. Сказанное означает, что такая операция выполняется самим Понятием с той или иной степенью осознанности, а не совершается чем-то другим в отношении Понятия, что в терминологии Гегеля это значит, что Понятие полагает само себя. Это осуществляется в деятельности суждения (Urteilen) и умозаключения (Schließen), так что субъективность прямо или косвенно отсылает к себе в таких речевых актах [24. S. 182–183, 423–424]. Таким образом, понятие – способность к операции отрицания, а значит, субъект есть то, что осуществляет операцию отрицания в мышлении и действии. И мышление, и действие обозначают способность процесса отрицания и тем самым являются сами «отрицанием».

Мышление (Понятие) негативно, поскольку отлично от позитивных, заданных вещей и положений дел. Мысль, субъективность, Я – это процесс, находящийся в движении и изменении через введение концептуальных различий в актах суждения и умозаключения. В этом отношении негативность мышления противопоставляется позитивности, данности вещей. Такая данность определена не сама через себя и не сама собой, но чем-то другим. Вещи

¹ В этом смысле крайне интересным представляется гегельянское прочтение проекта концептуальной инженерии как нацеленного изменения концептуальной схемы или ее частей для достижения определенного результата. Это прямо отсылает нас к политике языка и употребления понятий.

и положения дел в этом смысле (в первом приближении, «по себе») «заданы» и позитивны – они есть и могут быть установлены и определяются другими вещами или в актах мышления и познания определяются познающим субъектом. Мышление в таком смысле никогда не является просто фактом, который можно установить (хотя это возможно со стороны для другого *мыслящего* существа в высказывании «Он мыслит» и подобных, однако тем самым мы тем не менее остаемся в области мышления), – оно производит само себя, отрицает само себя. Р. Пиппин заключает: «*Само мышление* должно пониматься как „отрицающая“ деятельность» [8. Р. 139]; «...отрицание не может быть отрицанием чего-то внешнего для мысли, операция по отношению к внепонятийному содержанию. Это должно быть самоотрицание мысли, и далее отрицание этого отрицания» [8. Р. 142, 171]. По его словам, негативность – это «мотор» логики и всякого мышления вообще [8. Р. 137]. Гегель выражает это так: понятие – это «диалектическая душа», «наивнутреннейший исток всякой деятельности, живого и духовного самодвижения» (ТВА 6, 563, НЛ III, 301). В этом отношении мышление есть отрицание себя в смысле изменения и преодоления, т.е. концептуального и содержательного прогресса (одно и то же содержания получает выражение в более адекватных и точных понятиях, с другой стороны, имеется прирост содержания).

Понятие – это абсолютная негативность, негативная деятельность. В идиолекте Гегеля так обозначается свобода¹.

«В мышлении непосредственно содержится *свобода*, потому что оно есть деятельность всеобщего, следовательно, некоторое абстрактное отношение к себе, некоторое у-себя-бытие...» (ЭФН § 23А).

Метафизическое определение свободы Понятия содержится в его специальном термине «у себя» (*bei sich*). Процесс рефлексивного познания направлен на само мышление, а не внешние ему материальные объекты. При познании внешнего мира оно воспринимает правила и содержание внешнего мира, но также направлено на себя и тем самым находится само «у себя», «дома». Это обозначает прозрачность мышления для самого себя и прозрачность внешних вещей для Понятия (ТВА 6, 251, «für sich selbst durchsichtige Klarheit», НЛ III, 14, тут же говорится про непрозрачность, «темноту» субстанций друг для друга, которая в Понятии исчезает). Речь про принципиальную понятность актов мышления и действия для всех разумных существ, людей и способность познания вещей, их принципиальную познаваемость и выразимость в речи².

В своей относящейся к себе негативности Понятие бесконечно, абсолютно, и тем самым свободно, поскольку оно определяет и развивает само себя. Понятие, «Я» рассматривается в Логике абстрактным образом, в его метафи-

¹ П. Штекелер формулирует тезис о свободе Понятия так: «В отличие от скорее пассивного „схватывания“ (*Auffassen*) или простого понимания, ко всякому полному постижению принадлежит то, что применение понятийного изображения к единичным и особенным случаям постигается как *свободное действие*, для которого существуют или, по меньшей мере, могут существовать *возможные альтернативы*» [15. S. 338]. См. также: [24. S. 13]: «Постигание (*Begreifen*) – всегда поэтому автономный акт суждения [*autonomes Urteilen*], т.е. свободный, действующий по своим собственным законам. Также см.: [8. Р. 142].

² НЛ III, 15: «В понятии открылось поэтому царство свободы. Понятие есть свободное (*ist das freie*), потому что в себе и для себя сущее тождество, которое составляет необходимость субстанции, дано в то же время как снятое или как положенность, а эта положенность, как соотносящаяся с самой собой, и есть указанное тождество» (пер. изм.).

зических характеристиках (ЭФН § 20). Свобода – это сущностное определение Понятия и личности. Понятие есть «...*сокровеннейший* [innerste], *объективнейший момент* жизни и духа, благодаря которому имеет бытие *субъект, лицо* [Person], *свободное* [Freies]» (TWA 6, 563, НЛ III, 301). Проблема многих интерпретаций Гегеля заключается в том, что нередко превратно понимается смысл выражений «бесконечный» и «абсолютный». Предикаты «Абсолютность» и «бесконечность» выражают, тем самым, автореферентность, в некотором смысле самодостаточность и само-создание (ауто-пойесис) Понятием самого себя. Абсолютность – это отсутствие определения извне (TWA 6, 251–252), обусловленность не чем-то иным по отношению к понятию, но им самим. Разумеется, с точки зрения телесности разумные существа не свободны в смысле всесия, поскольку тела существуют в природе и подвержены физическим законам и т.д. Речь идет о том, что определяющий поведение фактор уже должен быть перенесен в пространство рассуждения, т.е. быть представлен разумным образом в виде аргумента, основания и т.д., т.е. «внешнее» так или иначе должно стать содержанием, частью мышления, тогда как конечные предметы имеют свою причину и основание чем-то иным и необходимо управляются законами природы (из чего не вытекает детерминизм в отношении свободы воли). Поэтому свобода Понятия негативна (автореферентна и самопроизводяща) и позитивна, так что ее можно наблюдать во внешнем мире и выносить о ней истинностные суждения.

Свобода Понятия проявляется в трех его абстрактных, метафизических формах, обозначающих разные операции мышления и функции разума.

Всеобщее, особенное и единичное понятия

Понятие, субъективное мышление у Гегеля приобретают конкретные формы и проявления в действиях мышления, а не остаются «абстрактными». Он выделяет всеобщее, особенное и единичное понятия, которые отсылают к конкретным базовым функциям или способностям мышления. В дальнейшем Понятие рассматривается в суждении и умозаключении, где анализируются логико-семантические правила, суждения и способы проведения умозаключения как деятельность Понятия¹. Затем Понятие рассматривается в его применении к миру (объективное Понятие), что предстает в виде анализа способов содержательного мышления о мире в модусе механической, химической (реакция, взаимодействие и преобразование, в том числе речь про электромагнетизм) и телеологической модели научного объяснения. Наконец, Понятие в разделе «Идея» рассматривается в своих собственных и имеющих отражение в реальном мире характеристиках, таких как жизнь (метафизическая категория телесного существования), эпистемология (правила проведения доказательства) и деятельность (область действия и блага). Завершается раздел рефлексией о стратегии проведения исследования с точки зрения выявления и создания нового содержания, которое очень грубо можно сопоставить с сегодняшним пониманием абдуктивной логики или логики исследования. Речь идет о диалектике.

Способность мышления или Понятие должны получать свою конкретную реализацию, поскольку это не пустая форма Абсолюта или онтически

¹ Если в объективной логике речь шла об устройстве предметов, т.е. метафизике как устройстве мира, то в субъективной логике речь идет о формах речи об этих предметах, т.е. строго говоря о семантике и эпистемологии.

понимаемая фигура бога. Гегель остро критикует философию, которая довольствуется отсылкой к изначальному единству, в частности Шеллинга (ср.: [8. Р. 146–147]). Однако это не исключает того, что Гегель размышляет о боге, который понимается недогматическим образом. Такой бог в его конкретном проявлении и мышлении есть идеальная форма рефлексии человечества над своей деятельностью, т.е. над институтами организации общества и институтами (практиками) осмысления себя, таких как искусство, религия и философия (включающая в себя все науки как деятельность Понятия, направленную на мир и себя). Полная реализация такого бога, живой бог для Гегеля – это, по-видимому (поскольку решение этого вопроса требует самостоятельного исследования), пантеистическое понимание всего мира как мыслящего себя в людях и через людей существа. Таким образом, Понятие – это не интеллектуальное созерцание, не онтическое мыслящее себя божество, но деятельность, являющая себя в конкретных, коллективно осуществляемых актах мышления, речи, деятельности, познания Духа как человечества не в его телесности, но в его разумности.

Осмысление Понятия открывается всеобщим Понятием (*der allgemeine Begriff*), под которым Гегель понимает абстрактное тождество Я (*Ich = Ich*) самосознания, мышления, которое является необходимым условием для актов суждения и умозаключения и более сложных и производных форм и операций мышления. Кант говорит, что представление о Я сопровождает все акты мышления¹. Иными словами, всеобщее Понятие – это указание на субъективность как таковую, которая проявляется во всех актах мышления. Всеобщее Понятие есть «творческая сила» (*Macht*) (TWA 6, 279, НЛ III, 40), это субстанция определений понятия, субъект актов мышления вообще (TWA 6, 276, НЛ III, 37). В этом отношении можно провести параллель с «Философией права», в которой воля представляет собой основу для всех последующих характеристик, т.е. воля и есть все последующие ее характеристики. Изначально воля берется как абстрактная и неопределенная возможность действия [26. § 5–6]. Тем самым, по аналогии субъективность составляет основу Понятия.

Ко всеобщему Понятию относится логическое пространство рассуждения как область возможной осмысленной речи (т.е. мышления), которая, однако, еще не наполнена содержанием. Всякое содержание, находящееся в мире (*broad content*), переходя во Всеобщее Понятие, становится содержанием Понятия (*narrow content*), т.е. содержанием мышления, или содержанием в его идеальной форме. Логическое пространство рассуждения – это пустая форма, в которой может помещаться такое содержание, как продукт деятельности Понятия. В этом смысле Гегель говорит о «возвращении» внешнего содержания назад и превращении его во внутреннее²; Понятие пронизывает свой предмет, так что предмет познания оказывается доступен мышлению и

¹ Гегель согласен с этим. Он выражает это так, что абстрактное самосознание Я, всеобщего понятия, присуще рассудку и разуму, такое Я – это минимальное необходимое условие для того, чтобы что-то вообще считалось Понятием (TWA 6, 299).

² «Всеобщее есть поэтому свободная сила; оно есть оно же само и охватывает собой свое иное, но не как нечто насильственное, а как то, что в этом ином, скорее, покоится и находится при самом себе. Так же как всеобщее было названо свободной силой, так можно было бы назвать его и свободной любовью и безграничным блаженством, ибо оно отношение к различенному лишь как отношение к самому себе; в различенном оно возвратилось к самому себе» (НЛ III, 38).

открыт для познания. В ЭФН § 423 Гегель обозначает это с помощью фразы «*der Unterschied, der keiner ist*», т.е. различие, которое не есть различие, поскольку понятийное содержание внешнего мира было интернализировано и помещено в (в прямом смысле идеальное) пространство рассуждения.

Итак, всеобщее Понятие есть абстрактная свобода как возможность мышления и проявление спонтанной, активной разумности, которая не может быть предопределена согласно представлению о детерминистических законах. Теоретическая деятельность – это вид осуществления свободы. Однако являясь первой логической и необходимой формой (рассмотрения), всеобщее Понятие и логическое пространство рассуждения не являются законченным и окончательным образом субъективности.

Понятие – это способность абстрактного или конкретного мышления, которая принимает формы, отражающие природу их предмета. Более конкретной формой Понятия является особенное Понятие (*der besondere Begriff*). Оно обозначает рассудочные функции разума и может быть проинтерпретировано как рассудок в смысле Канта. Это способность подводить явление или предмет под уже заранее данное понятие или правило (закон). Абстрактная область рассудка есть определенная предметная область или способ мышления законосообразной предметности. Например, собственный предмет рассудка – законы внешней природы (в естествознании). Природа в таком контексте предстает как «беспонятийно всеобщая» (*begrifflos allgemeine*), т.е. предметная область и законы управляющие неодушевленными вещами, объектами природы в их всеобщности (что верно не только для естествознания, но и для всякой предметной области или способа рассмотрения ее с точки зрения их пред-заданной правилосообразной функции, например в статистике и проч.). Рассудочные категории (причина, явление, часть–целое и т.д.), тем самым, являются конкретными способами артикуляции содержания, заключающегося в мире (TWA 6, 281–282, 284). «Бесконечная сила рассудка» заключается в различении и разграничении вещей, положений дел, свойств и т.д.: «Далее, однако, следует признать бесконечной способностью (*die unendliche Kraft*) рассудка то, что он разделяет конкретное на абстрактные определенности и постигает ту глубину различия, которая при этом одна только и есть сила...» (TWA 6, 286, НЛ III, 46). Иными словами, это содержательное наполнение формы логического пространства, которое позволяет познавать события внешнего мира, которые могут быть подведены под функции категорий рассудка или законы природы. Они сериальны и воспроизводимы, но уже содержательно нагружены и тем самым образуют содержательный каркас реального мира. Содержательно такая способность представляет собой способность различения, операций с множествами и подмножествами в смысле нисхождения и восхождения, обобщения и конкретизации определений в смысле Платона, добавление и отрицание определений (TWA 6, 297, НЛ III, 55–56)¹. Предметной стороной особенного Понятия является концептуальная схема как наполненное содержанием логическое пространство рассуждения. Хотя особенное Понятие, которое продолжает и определяет далее способность мышления, представленную всеобщим Понятием, имеет дело с

¹ В классической логике определение (*Bestimmung*) понятия называется признаком понятия (*Merkmal*); Гегель критикует такое обозначение как психологическое, поскольку немецкое слово используется для обозначения признака для запоминания.

фиксированными и изолированными, абстрактными определениями (TWA 6, 279–280, НЛ III, 39–40), оно является свободным, поскольку активно оперирует с родами и видами, классификацией вещей.

Рассудок и его предметная область (или же его способ рассмотрения этой области) остается на поверхностном уровне рассмотрения, т.е. такой способ не позволяет проникнуть в суть вещей, но позволяет описывать процессы согласно правилам. «Жизнь, дух, бога, равно как и чистое понятие абстракция потому не может постичь, что она не допускает к своим творениям единичность, принцип индивидуальности и личности и таким образом приходит лишь к безжизненным и бездуховным, бесцветным и бессодержательным всеобщностям» (НЛ III, 56). Поэтому форма рассудка не полностью адекватна Понятию и его свободе, она не полностью разумна, так как имеет дело с внешним миром и не может быть полностью свободна, так как принимает внешние определения. Взятый как абсолют, рассудок оказывается «бессиливостью разума» (*Ohnmacht der Vernunft*), поэтому разум выступает в виде единичного Понятия (TWA 6, 287, 288, НЛ III, 47, 48). Даже определенные формы мышления, несмотря на определенность их специфических функций, остаются свободными (TWA 6, 278, НЛ III, 39). Особенное составляет сферу особенного конечного (вещей, зависящих причинно от их причин), необходимого (TWA 6, 284).

Полное и адекватное Понятие раскрывается в единичном Понятии, или в способе мышления и познания самого мышления и Понятия. Единичное Понятие – это сфера познания единичных, индивидуальных вещей, что подразумевает, прежде всего, познание разумом самого себя, т.е. системы науки и совокупности разумных практик и также отдельных мыслящих личностей¹. Разум углубляется в единичное и конкретное, в субъекта, Понятие, т.е. сам в себя – как единичный предмет, который присутствует в единственном числе. В одном из писем Гегель пишет, что есть только один разум [27. С. 270] и тем самым подлинно есть только одна единичная вещь – разумная деятельность, и индивидуальные акты мышления индивидуальных познающих агентов являются частью такой интер- и транссубъективной деятельности, совокупность которой можно обозначить как разум или Понятие (субъективный разум). Единичное Понятие – это такой способ мышления, который является полностью свободным и спонтанным, продуктивным, а не только лишь репродуктивным обращением с правилами³. Кроме того, это мышление вещей

¹ Позже сфера такой науки, т.е. предметная область и способ рассмотрения, получит имя наук о духе, *Geisteswissenschaften*.

² Ср. со следующей оценкой П. Штекелера: «Заблуждение чисто конечного разума, т.е. голой рациональности, состоит в рассмотрении следования формальным законам мышления как непосредственно гаранта разумности». Разум это напротив «способность к свободной, и поэтому самосознательной критике и оценки общепринятых мнений, целых теорий или систем правил мышления или аргументации, вместе с осознанием постоянно возникающих проблем (противоречий) просто рационального понимания или чисто схематического применения правил. Дело диалектически-критического разума это определенным образом снятие (синтез) проблем, представленных в аналитической критике смысла» [24. S. 179, подробнее с. 176–180].

³ Штекелер так описывает различие особенного и единичного Понятия так: то, что Понятие свободно, значит, что «каждый акт постижения есть больше, чем воспроизведение твердых правил, поскольку эти акты вовлекают свободное суждение. В то же время понятие есть одна из или способность вообще (*eine bzw. die „Macht“*), поскольку понятийно оформленные суждения фактически направляют нашу деятельность» [24. S. 180].

не как типичных или генерических в их законосообразности, но неповторимых индивидов, единичных вещей.

Единичное Понятие есть сфера рефлексивной прозрачности разума и его содержания для самого себя, т.е. конкретной концептуальной схемы в ее содержательном наполнении и формальных характеристиках. Такая воплощенная и познающая актуальный мир схема и есть Понятие как развитая наука синтетического познания а priori, т.е. (спекулятивная) философия. Именно в философии разум познает сам себя через рефлекссию о своих собственных действительных формах существования.

Разумеется, Гегель отличает единичное Понятие как субъективность, Я, мыслящее само себя от мышления единичного предмета, поскольку последний не осознает себя и поэтому не является абсолютным в гегелевском смысле: «Но различие между этой единичностью ее продуктов и единичностью понятия состоит в том, что в продуктах отличаются друг от друга единичное как содержание и всеобщее как форма – именно потому, что *содержание* не дано как абсолютная *форма*, как само понятие, иначе говоря, форма не дана как целокупность формы» (TWA 6, 298, НЛ III, 56). Единичное Понятие, т.е. Понятие как (коллективный) индивид и конкретная индивидуальная личность, может мыслить внешние вещи. При рассмотрении единичного Понятия появляются семантические категории Это (Dieses) и Одно (Eins), которые отсылают к операции монстрации (дейксиса), буквально представляют собой способность выделить единичный предмет как Это.

Понятие имеет и внешнее, телесное проявление, и тем самым такое внешнее проявление (Scheinen nach außen) Понятия вовне подчиняется законам природы (TWA 6 296, НЛ III 54). Тем самым, разум имеет место в реальности, и сам поэтому *действителен*, а не остается лишь идеальным, оторванным от мира мышлением. Слова Гегеля о том, что единичность особенна и особенность единична (TWA 6, 298, НЛ III, 56), нужно понимать так, что индивидуальность личности как единичность и индивидуальность как особенное состоят в диалектическом отношении, поскольку конкретный живой субъект, человек и коллективный субъект должны так или иначе существовать в телесном виде, однако такая телесность отличается от телесности неодушевленной природы по своему статусу. Это разум, воплощенный в мире. Единичность и свобода субъекта разворачиваются в нисхождении разума к предметной единичности. Конкретное единичное также всеобщее (так как получает, наследует определения абстрактного Я) и при этом образует и сохраняет индивидуальность и личность в себе, то, что принципиально недоступно для предметов в их рассмотрении рассудком (TWA 6, 297, НЛ III, 55).

Наконец, в разделе о единичном Понятии упоминаются категории социальности и коллективность любой практики, в том числе познания. Единичность Понятия предполагает другие Единичности и открывает тем самым пространство интерсубъективной (или транссубъективной) свободы, так что единичные Я соотносятся друг с другом и отличаются друг от друга, индивидуируются. Единичные личности опосредованы друг другом (TWA 6, 300–301, НЛ III, 58–59). Они составляют и коллективную единичность, и субъективность. П. Штекелер-Вайтхофер так комментирует этот момент: «Это личное самоотнесение есть по Гегелю отношение для себя бытия, т.е. это отношение между тем, что объединяется внутри себя через использование слова

«я». Слово «я» в его конкретном выражении – это не просто имя какой-то вещи (например, моего тела), но имя некой (абстрактной) персоны, лица в смысле роли (театральной маски) в латинском языке, которую говорящий прямо сейчас играет как субъект. Слово „Я“ с большой буквы тогда обозначает определенным образом совокупность ролей, которую каждый из нас может взять на себя. Я есть, тем самым, некое Мы (ein Wir)» [24. S. 183].

Таким образом, мы приходим к понятийному единству самосознающих и отличных друг от друга индивидов-личностей, образующих общность, групповую идентичность и коллективную субъективность. «Все единичное, поскольку оно определено, скорее, завязано на иное, отлично от него и есть в его идентичности, в его „внутренних различиях“ нечто всеобщее» [15. S. 356].

После такого абстрагированного рассмотрения разумных функций мышления и субъективности Гегель переходит к рассмотрению Понятия в акте суждения и умозаключения, тем самым развиваются прагматическая направленность его философии и инференциалистская с точки зрения семантики и содержания терминов в системе языка и действия. Понятие переходит к своему вовне, к процессу суждений, в сферу существования и действительности. В этом проявляется конкретная свобода Понятия, так что оно не только может быть свободным, но реализует свою свободу, выстраивая систему науки¹.

Список источников

1. Hegel G.W.F. Werke: In 20 Bänden Und 1 Registerband. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2003.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики : в 3 т. М. : Мысль, 1970–1972.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1974. Т. 1.
4. Pippin R. Hegel on Logic as Metaphysics // The Oxford Handbook of Hegel / ed. by D. Mor-
yar. OUP, 2017. P. 199–219.
5. Stekeler-Weithofer P. Hegels Wissenschaft der Logik: ein dialogischer Kommentar. Bd. 3. Logik des Begriffs. Hamburg : Meiner Verlag, 2022.
6. Henrich D. Hegels Grundoperation // W. Marx, U. Guzzoni u.a. (Hrsg.) Der Idealismus Und Seine Gegenwart: Festschrift Für Werner Marx Zum 65. Geburtstag. 1. Aufl. Hamburg : Meiner, 1976. S. 208–230.
7. Pippin R. Die Logik der Negation bei Hegel // A.F. Koch, F. Schick u.a. (Hrsg.) Hegel-200 Jahre Wissenschaft der Logik: Beiträge zur internationalen Tagung “200 Jahre Hegels Wissenschaft der Logik” vom 26. bis 29. September 2012 in Weimar. Hamburg : Meiner, 2014. S. 87–107.
8. Pippin R. Hegel’s Realm of Shadows. Logic as Metaphysics in The Science of Logic. Chicago : Chicago University Press, 2018.
9. Pinkard T. The Logic of Hegel’s Logic // Journal of the History of Philosophy. 1979. Vol. 17, № 4. October. P. 417–435.
10. Devitt M. Putting Metaphysics First: Essays on Metaphysics and Epistemology. OUP, 2010.
11. Peacocke C. The Primacy of Metaphysics. OUP, 2019.
12. Düsing K. Subjektivität und Freiheit: Untersuchungen zum Idealismus von Kant bis Hegel. Stuttgart-Bad Cannstatt : Frommann-Holzboog, 2013.
13. Houlgate S. Hegels Concept // Hegel’s Theory of the Subject / ed. by D. Carlson. New York : Palgrave Macmillan, 2005. P. 19–29.

¹ Г. Занс [28] подчеркивает переход к суждению (Urteil) не с точки зрения понятийного содержания представленных категорий, в отличие от Штекелера, но с точки зрения логики развития или драматургии системы. Развитие Понятия проходит через суждение, или раз-деление (Ur-teilen) и вос-соединение в умозаключении, Zusammen-schluss. Тем самым, совершается процесс отрицания и отри-цания отрицания, примирение понятия с собой. Для полной интерпретации нужно, по-видимому, учитывать оба этих аспекта.

14. Asmuth C. Der Begriff des Begriffs. Begriffsoptimismus und Begriffsskepsis in der klassischen deutschen Philosophie // Archiv für Begriffsgeschichte. Schlüsselbegriffe der Philosophie. Sonderhefte 11 (2014) / Hg. A. Hand, Ch. Bermes, U. Dierse. Hamburg, 2015. S. 7–38.
15. Stekeler-Weithofer P. Hegels Analytische Philosophie: Die Wissenschaft Der Logik Als Kritische Theorie Der Bedeutung. Paderborn : F. Schöningh, 1992.
16. Schnädelbach H. Kant als Philosoph der Moderne // Philosophie in der modernen Kultur. Vorträge und Abhandlungen 3. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2000. S. 28–42.
17. Carey S. The Origin of Concepts. OUP, 2009.
18. McGinn C. Logical Properties: Identity, Existence, Predication, Necessity, Truth. Oxford ; New York : Clarendon Press, 2000.
19. Kreis G. Negative Dialektik des Unendlichen: Kant, Hegel, Cantor. Berlin : Suhrkamp, 2015.
20. Falk H.-P. Wahrheit und Subjektivität. Originalausgabe. Alber Philosophie. Freiburg : Verlag Karl Alber, 2010. 285 S.
21. Koch A. Sein-Wesen-Begriff // Der Begriff als die Wahrheit: zum Anspruch der Hegelschen "subjektiven Logik" / Hg. A.F. Koch, A. Oberauer, K. Utz. Paderborn : F. Schöningh, 2003. S. 17–30.
22. Tugendhat E. Selbstbewußtsein und Selbstbestimmung: sprachanalytische Interpretationen. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1979.
23. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / под ред. М. Быковой. М. : Наука, 2000.
24. Stekeler-Weithofer P. Philosophie des Selbstbewußtseins. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2005.
25. Stekeler-Weithofer P. Hegels Logik als materialbegriffliche Strukturtheorie der Bedeutung // Hegel-200 Jahre Wissenschaft der Logik: Beiträge zur internationalen Tagung "200 Jahre Hegels Wissenschaft der Logik" vom 26. bis 29. September 2012 in Weimar / Hrsg. von A. Koch, F. Schick u.a. Hamburg : Meiner, 2014. S. 339–357.
26. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990.
27. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. М. : Мысль, 1970. Т. 1.
28. Sans G. Hegels Schlusslehre als Theorie des Begriffs // Hegels Lehre vom Begriff, Urteil und Schluss / Hg. A. Arndt, C. Iber, G. Kruck. Berlin : Akademie Verlag, 2006. S. 216–232.

References

1. Hegel, G.W.F. (2003) *Werke: In 20 Bänden Und 1 Registerband*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
2. Hegel, G.W.F. (1970–1972) *Nauka logiki: v 3 t.* [Science of Logic: in 3 vols]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
3. Hegel, G.W.F. (1974) *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
4. Pippin, R. (2017) Hegel on Logic as Metaphysics. In: Moyar, D. (ed.) *The Oxford Handbook of Hegel*. Oxford: OUP. pp. 199–219.
5. Stekeler-Weithofer, P. (2022) *Hegels Wissenschaft der Logik: ein dialogischer Kommentar*. Vol. 3. Hamburg: Meiner Verlag.
6. Henrich, D. (1976) Hegels Grundoperation. In: Guzzoni, U., Rang, B., & Siep, L. (Hrsg.) *Der Idealismus Und Seine Gegenwart: Festschrift Für Werner Marx Zum 65. Geburtstag*. Hamburg: Meiner. pp. 208–230.
7. Pippin, R. (2014) Die Logik der Negation bei Hegel. In: Koch, A.F., Schick F. et al. (Hrsg.) *Hegel-200 Jahre Wissenschaft der Logik: Beiträge zur internationalen Tagung "200 Jahre Hegels Wissenschaft der Logik" vom 26. bis 29. September 2012 in Weimar*. Hamburg: Meiner. pp. 87–107.
8. Pippin, R. (2018) *Hegel's Realm of Shadows. Logic as Metaphysics in The Science of Logic*. Chicago: Chicago University Press.
9. Pinkard, T. (1979) The Logic of Hegel's Logic. *Journal of the History of Philosophy*. 17(4). pp. 417–435.
10. Devitt, M. (2010) *Putting Metaphysics First: Essays on Metaphysics and Epistemology*. OUP.
11. Peacocke, C. (2019) *The Primacy of Metaphysics*. OUP.
12. Düsing, K. (2013) *Subjektivität und Freiheit: Untersuchungen zum Idealismus von Kant bis Hegel*. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog.
13. Houlgate, S. (2005) Hegels Concept. In: Carlson, D. (ed.) *Hegel's Theory of the Subject*. New York: Palgrave Macmillan. pp. 19–29.
14. Asmuth, C. (2015) Der Begriff des Begriffs. Begriffsoptimismus und Begriffsskepsis in der klassischen deutschen Philosophie. In: Hand, A., Bermes, Ch. & Dierse, U. (eds) *Archiv für Begriffsgeschichte. Schlüsselbegriffe der Philosophie*. Sonderhefte 11 (2014). Hamburg. pp. 7–38.

15. Stekeler-Weithofer, P. (1992) *Hegels Analytische Philosophie: Die Wissenschaft Der Logik Als Kritische Theorie Der Bedeutung*. Paderborn: F. Schöningh.
16. Schnädelbach, H. (2000) *Philosophie in der modernen Kultur*. Vorträge und Abhandlungen 3. Frankfurt am Main: Suhrkamp. pp. 28–42.
17. Carey, S. (2009) *The Origin of Concepts*. OUP.
18. McGinn, C. (2000) *Logical Properties: Identity, Existence, Predication, Necessity, Truth*. Oxford; New York: Clarendon Press.
19. Kreis, G. (2015) *Negative Dialektik des Unendlichen: Kant, Hegel, Cantor*. Berlin: Suhrkamp.
20. Falk, H.-P. (2010) *Wahrheit und Subjektivität. Originalausgabe. Alber Philosophie*. Freiburg: Verlag Karl Alber.
21. Koch, A. (2003) Sein-Wesen-Begriff. In: Koch, A.F. Oberauer, A. & Utz, K. (eds) *Der Begriff als die Wahrheit: zum Anspruch der Hegelschen "subjektiven Logik."* Paderborn: F. Schöning. pp. 17–30.
22. Tugendhat, E. (1979) *Selbstbewußtsein und Selbstbestimmung: sprachanalytische Interpretationen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
23. Hegel, G.W.F. (2000) *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of Spirit]. Translated from German. Moscow: Nauka.
24. Stekeler-Weithofer, P. (2005) *Philosophie des Selbstbewußtseins*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
25. Stekeler-Weithofer, P. (2014) Hegels Logik als materialbegriffliche Strukturtheorie der Bedeutung. In: von Koch, A., Schick, F. et al. (eds) *Hegel-200 Jahre Wissenschaft der Logik: Beiträge zur internationalen Tagung "200 Jahre Hegels Wissenschaft der Logik" vom 26. bis 29. September 2012 in Weimar*. Hamburg: Meiner. pp. 339–357.
26. Hegel, G.W.F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
27. Hegel, G.W.F. (1970) *Raboty raznykh let* [Works of Different Years]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
28. Sans, G. (2006) Hegels Schlusslehre als Theorie des Begriffs. In: Arndt, A. Iber, C. & Kruck, G. (eds) *Hegels Lehre vom Begriff, Urteil und Schluss*. Berlin: Akademie Verlag. pp. 216–232.

Сведения об авторе:

Маслов Д.К. – младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия). ORCID: 0000-0001-5399-5732. E-mail: denn.maslov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maslov D.K. – junior research fellow, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-5399-5732. E-mail: denn.maslov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.11.2022;
одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 17.11.2022;
approved after reviewing 28.11.2022; accepted for publication 05.12.2022

Научная статья

УДК 1(091)

doi: 10.17223/1998863X/70/12

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ГУССЕРЛЯ В КОНТЕКСТЕ МЕТАФИЗИКИ, АНТИМЕТАФИЗИКИ И ПОСТМЕТАФИЗИКИ

Семен Андреевич Московец¹, Всеволод Адольфович Ладов²

² *Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия*

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *terawarss@gmail.com*

² *ladov@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются понятия метафизики, антиметафизики и постметафизики, на основании чего авторы проводят сопоставление выделенных стратегий философствования с феноменологией Гуссерля. Результатом исследования, во-первых, является вывод, согласно которому Гуссерль, несмотря на наличие постметафизических элементов, признается в целом метафизическим философом, а во-вторых, доказательство неантиметафизичности феноменологии Гуссерля.

Ключевые слова: постметафизика, антиметафизика, метафизика, феноменология, Гуссерль

Для цитирования: Московец С.А., Ладов В.А. Феноменология Гуссерля в контексте метафизики, антиметафизики и постметафизики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 137–146. doi: 10.17223/1998863X/70/12

Original article

HUSSERL'S PHENOMENOLOGY IN THE CONTEXT OF METAPHYSICS, ANTIMETAPHYSICS AND POSTMETAPHYSICS

Semyon A. Moskovets¹, Vsevolod A. Ladov²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation*

¹ *terawarss@gmail.com*

² *ladov@yandex.ru*

Abstract. The article aims to establish the relationship of Husserl's phenomenology to three philosophizing strategies: metaphysics, antimetaphysics and postmetaphysics. The article is divided into three thematic blocks. In the first, the authors analyze the concept of metaphysics in opposition to antimetaphysics. The consideration of metaphysics takes place by referring to Aristotle's *Metaphysics*, in which the metaphysical way of philosophizing is concentrated and designated. Auguste Comte's positivism was chosen to consider antimetaphysics. The result of this analysis is the definition of metaphysics as a philosophical discipline engaged in the search for intelligible principles of the world. Antimetaphysics, on the contrary, does not have a clear definition, but its essence is

expressed in the rejection of the metaphysical way of philosophizing. The speculative way of philosophizing is recognized as erroneous by antimetaphysics. In the second block, the authors analyze postmetaphysics based on the program essays of Jurgen Habermas, who is the author of this concept. Habermas identifies four metaphysical (identity thinking, idealism, philosophy of consciousness, a strong concept of theory) and postmetaphysical (procedural rationality, situational reason, the linguistic turn, deflating the extra-ordinary) characteristics that are in opposition to each other. The authors highlight the problem of the lack of postmetaphysical consensus and give a general description of postmetaphysics contrasting it with both metaphysics and antimetaphysics. In the third block, the authors reveal the relationship of Husserl's phenomenology to the previously established strategies of philosophical thinking. The authors begin by allocating Husserl's own opinion about metaphysics. This allocation turns out to be difficult, due to Husserl's rare use of this term. However, in *Cartesian Meditations* Husserl directly declares the metaphysical nature of phenomenology as the First Philosophy which is a reference to Aristotle. Through an appeal to Husserl's legacy, the authors prove Husserl's non-antimetaphysicity. Finally, the authors match Husserl's phenomenology with four postmetaphysical characteristics. The overall result of the research is the indication of phenomenology as a metaphysical project that includes elements of postmetaphysics.

Keywords: postmetaphysics, antimetaphysics, metaphysics, phenomenology, Husserl

For citation: Moskovets, S.A. & Ladov, V.A. (2022) Husserl's phenomenology in the context of metaphysics, antimetaphysics and postmetaphysics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 137–146. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/12

Метафизика и антиметафизика

Метафизика, возникнув как термин для систематизации определенных аристотелевских текстов, концептуализируется и на долгое время становится синонимом самой философии [1]. Конечно, на протяжении истории философии, появлялись мыслители, критикующие «метафизические» догмы, однако только в Новое время возникает полноценное недоверие к метафизическим системам, выливающееся в серьезную борьбу против метафизики. Например, в философии Юма и Канта, которые обращались к рассмотрению притязаний метафизической философии в онтологии и эпистемологии и преодолевали такую философию. Однако и Юм, и Кант не отказываются от метафизики вообще, отказываясь лишь от определенной, «прежней» метафизики, ставя на ее место моральные науки или трансцендентальную философию. С тех пор тема преодоления метафизики серьезно актуализировалась, ее так или иначе касались все крупные философы или философские школы девятнадцатого и двадцатого столетий, от Гегеля до Конта, от Венского кружка до Деррида. Попробуем определить, что мы можем понимать под метафизикой, и выявим ее специфику. Простейшим способом будет обращение к Аристотелю как одному из самых систематических философов Античности.

Хотя Аристотель и не использует слово «метафизика», его принято относить к традиции метафизической философии. Именно он определяет основные черты метафизики; так, он пишет о мудрости следующее: «Итак, ясно, что мудрость [или философия] есть наука о некоторых причинах и началах» [2. С. 33]. Поясняя, что он имеет в виду, Аристотель далее обсуждает досократиков, которые искали некие первоначала. Эти первоначала Аристотель характеризует как «начало всего сущего одновременно и причину благоустройства мира, и причину, откуда во всем существующем происходит движение» [2. С. 43]. Иными словами, досократики, как и сам Аристотель

занимаются поиском причины всех причин, которая приводит все сущее в движение. Таким образом, мы можем охарактеризовать метафизику как дисциплину, которая занимается поиском интеллигибельной первопричины мира. В Античности таковой выступали разнообразные элементы, у самого Аристотеля первопричиной являлся перводвигатель, в средневековой теологии – Бог.

Против такой метафизики, рассуждающей об исключительно интеллигибельном сверхсущем, восстанут новоевропейские философы, именно этой метафизике отказывают в праве на существование Юм и Кант. Однако, как мы уже указали, их нельзя считать антиметафизиками в полном смысле этого слова, а скорее реформаторами, которые превращают метафизику Аристотеля в метафизику субъекта. Теперь отправным пунктом метафизического рассуждения является сам субъект. Подлинные же антиметафизики в лице позитивистов появляются только в XIX в., в связи с активным формированием науки и научного метода. В целом антиметафизику можно охарактеризовать как философию, которая по тем или иным причинам выступает против метафизики через демонстрацию бессмысленности или недостаточности метафизического способа осмысления философских проблем.

Основное расхождение между метафизикой и антиметафизикой – это их различие в задачах. Если метафизика своей задачей видит вынесение суждений о природе сущего как такового и в целом, то антиметафизика в первую очередь пытается выстроить дискурс борьбы против оснований самой метафизики. Борьба эта выражается в неприятии метафизического способа мышления с его притязаниями на получение достоверного знания умозрительным способом. Отличной иллюстрацией данной борьбы может выступить работа «Дух позитивной философии» Огюста Конта, где метафизика обозначается как нечто «вредное», что выражено в несостоятельности метафизики, которую Конт признает лишь особым видом теологии [3. С. 68]. Позитивная же, «взрослая» философия избавляется от исследований, постулирующих абсолютность какого-то знания. Для Конта приемлемым становится способ, согласно которому любое наше рассуждение должно основываться на данности нам факта в корреспондентском смысле с помощью рационального и экспериментального метода. Конт, как мы видим, не сужает границы метафизики, а вообще говорит о нужде в ее завершении, ведь факт ее столь долгого существования рассматривается «как своего рода хроническая болезнь» [3. С. 69–70]. Таким образом, существенное различие между метафизическим и антиметафизическим дискурсом выражается в отношении философов к отказу от метафизики вообще.

Однако разве сам Конт не абсолютизирует свой позитивный метод? Не является ли попытка отказаться от всякой метафизики вообще своеобразным новым проявлением уже новой метафизики? Антиметафизика действительно сталкивается с трудностью, которая показывает, как антиметафизический настрой оказывается не менее метафизичным; С.М. Малкина замечает в своей диссертации: «...риторика преодоления метафизики вовсе не избавляет от нее. Напротив, в ней происходит гипостазирование „метафизики“, которая царствует, оставаясь при этом неопределенной. Антиметафизика ведет борьбу с проблемой бессмысленности, но этим невольно только ее увеличивает, оставляя по-прежнему действенной метафизику как силу» [4. С. 194]. Осо-

знание этого факта приводит к появлению постметафизики, которая в отличие от антиметафизики, не пытается конституировать отказ от метафизики, нужду в ее преодолении с помощью подмены бессмысленности метафизики на новый и верный «смысл», а работает с философией так, что рассуждение о необходимости отказа от метафизики перестает играть существенную роль.

Постметафизика

Впервые термин «постметафизическое» встречается в сборнике эссе Юргена Хабермаса «Постметафизическое мышление», где очерчиваются стратегии этого самого постметафизического мышления. Хабермас выделяет четыре характеристики метафизического мышления, а именно: мышление тождества, идеализм, философия сознания и сильное понятие теории. Под мышлением тождества Хабермас понимает метафизическую установку, утверждающую о наличии некоторого истока, или первоначала, иными словами, «единого», из которого происходит и упорядочивается многое. Все имеет свое начало в чем-то одном и является его частью: «...единое и многое, абстрактно познаваемое как отношение тождества и различия, является фундаментальным отношением, которое метафизическое мышление познает и как логическое, и как онтологическое: единое является и аксиомой, и существенным основанием, принципом и началом» [5. Р. 30]. Следующая характеристика – идеализм. Мышление тождества привело к формированию доктрины, согласно которой существуют умопостигаемые идеи, придающие форму материальным вещам. Иными словами, эта характеристика указывает на попытку философов уйти от эмпирического познания и достичь некоторой чистоты, занимаясь исключительно интеллигибельным познанием нематериальных сущностей. Третья характеристика – философия сознания, понимаемая не в современном смысле, а в смысле философии Нового времени. После критики новоевропейскими философами теории идей, понятия субстанции и т.п., метафизика приняла новый вид: «идеалистическая философия обновила как мышление тождества, так и доктрину идей на новом фундаменте, который был обнаружен в результате смены парадигм от онтологии к ментализму: субъективность» [5. Р. 31]. Таким образом, понятие субъекта становится отправной точкой любого метафизического рассуждения в новоевропейской философии. Четвертая и последняя характеристика метафизического мышления, по Хабермасу, – сильное понятие теории. Сильное понятие теории требует отказа от естественного отношения к миру и обещает контакт с экстраординарным. То есть, согласно данной характеристике, теоретическая деятельность дает более привилегированный доступ к истине, чем практическая.

Собственно, на каждую из описанных характеристик метафизического мышления приходится заменяющие их постметафизические характеристики. Так, на смену мышлению тождества приходит процедурная рациональность, которая уже не претендует на работу с «единым» порядком вещей, при замене мышления тождества процедурной рациональностью: «Порядок вещей, который обнаруживается в самом мире, или который был спроецирован субъектом, или вырос из процесса самообразования духа, больше не считается рациональным; вместо этого рациональным считается успешное решение проблем с помощью процедурно подходящих отношений с реальностью»

[5. Р. 35]. Решение проблем с помощью подходящих процедур, по Хабермасу, уже отработано в эмпирических науках, где существуют собственные рациональные методы. Ситуированный разум, приходящий на смену идеализму, противопоставляет себя метафизической тотальности, которую мы можем увидеть, например, в философии Гегеля, стараясь как можно ближе быть к человеческой ситуации, т.е. приблизить себя к тем историческим и социальным контекстам, которые окружают человека. А сделать это становится возможно благодаря лингвистическому повороту, который приходит на смену философии сознания. Опора на язык с его intersubjectивностью дает методологическое преимущество в практической достоверности и возможности наблюдения, в отличие от интеллектуальных интуиций о трансцендентальных субъектах. Наконец, под дефляцией сверхобыденного подразумевается примат практики над теорией, иными словами, отказ от излишнего теоретизирования, приводящего к универсализму.

На наш взгляд, несмотря на приведенные Хабермасом характеристики постметафизики, в современной философии отсутствует некий общий постметафизический консенсус, что выражается в противостоянии аналитической и континентальной традиций философии. Однако все же существуют общие моменты: во-первых, обе традиции отказываются от наивного преодоления метафизики в духе антиметафизики; во-вторых, продумывают метафизику заново, что выражается в реактуализации метафизической проблематики. Важно отметить, что постметафизика не означает простого возвращения к метафизике, напротив, впитав опыт как антиметафизических, так и метафизических концепций, постметафизика лишь запускает философствование на иных путях, через те самые выделенные Хабермасом характеристики.

Феноменология и ее отношение к метафизике, антиметафизике и постметафизике

Существует затруднение в выявлении мнения Гуссерля о метафизике, замеченное еще его ассистентом Ойгеном Финком, который считал, что феноменология Гуссерля никак не соотносена ни с метафизикой, ни с ее историей [6]. Это действительно справедливое замечание, до «Картезианских медитаций» в изданных при жизни Гуссерля работах метафизика предстает лишь как негативный термин для маркировки ошибочной философии. В «Картезианских медитациях» Гуссерль очень кратко соотносит феноменологию и метафизику, определяя, что для него означает метафизика. Итак, говоря о результатах проведенного им исследования, он пишет следующее: «Эти результаты – метафизические, если верно то, что познание предельных основ бытия следует называть метафизическим. Но здесь речь идет совсем не о метафизике в привычном смысле слова, исторически выродившейся метафизике, не соответствующей тому смыслу, в котором была первоначально учреждена метафизика как Первая Философия. Чисто интуитивный, конкретный и к тому же аподиктический способ предъявления [результатов] в феноменологии исключает все метафизические авантюры, любые спекулятивные экзальтации» [7. С. 177]. Но и это рассуждение мало что проясняет. Метафизика Аристотеля, которую имеет ввиду Гуссерль как более правильную, не противопоставляется «выродившейся метафизике» напрямую, как не проти-

вопоставляется и сама феноменология Гуссерля. Указание на аподиктичность феноменологии, в отличие от другой метафизики, не является четким критерием различия, ведь множество философов, которых Гуссерль мог бы обвинить в метафизичности, считали, что их знание аподиктично. Например, рассуждение натуралистов, о том, что есть мир физический и в нем имеют место физические объекты, запечатленные нашими органами чувств, по Гуссерлю, будет метафизическим. Ведь для Гуссерля феномен – это ни в коем случае не образ предмета, запечатленный органами чувств, он отсекает рассуждения о том, как у нас материальным образом возникают представления. Важно только сознание, наполненное разнообразным содержанием, а это не метафизические, а чисто интуитивные утверждения, очевидные. Так, позитивисты, претендующие на достоверность и аподиктичность, тоже будут метафизиками. Таким образом, речь о соотношении феноменологии и метафизики изнутри, т.е., по мысли Гуссерля, является проблематичной, что подтверждает замечание Финка. Однако мы получаем признание Гуссерля о том, что проект его феноменологии исследует предельные основы бытия и его можно назвать метафизическим в позитивном смысле этого слова. Теперь перейдем к соотношению Гуссерля с метафизикой, антиметафизикой и постметафизикой.

На первый взгляд, может показаться, что Гуссерль явно предстает антиметафизиком со своим культом философии как строгой науки, который часто под метафизикой понимает лишь «заблуждающуюся» философию, утратившую идеалы научности, скатившуюся в наивный натурализм или философию жизни. Однако, на наш взгляд, Гуссерль скорее близок к метафизике. Как мы видели выше, Гуссерль напрямую заявляет, что понимает свою философию в духе Аристотеля, в смысле Первой философии. И действительно, несмотря на желание Гуссерля создать науку наук, он все-таки расходится с позитивистами и близок в этой мысли скорее к Канту и Аристотелю как учредитель *prima philosophia*. По крайней мере, в своих интенциях на построение философии эти фигуры оказываются ближе друг к другу, чем может показаться на первый взгляд. К тому же Гуссерль не говорит об абсолютной бессмысленности систем мыслителей прошлого, что свойственно как раз антиметафизикам в лице позитивизма (Конт) и ранней аналитической философии (Карнап, Айер). Напротив, он однажды напрямую заявил о своем неприятии критиков метафизики (приводим цитату Гуссерля в переводе Михайлова [8. С. 208]): «...при более пристальном рассмотрении обнаруживается, что борьба против метафизики и большая часть звучащих в ее адрес критических высказываний основываются на том, что под этим именем создали для себя своего рода пугало» [9. S. 232]. Как замечает И.А. Михайлов все в той же статье, метафизика для Гуссерля оказывается подходящей моделью знания, и он «еще надеется на ее трансформацию» [8. С. 208]. Наконец, мы рассмотрим феноменологию Гуссерля в связи с постметафизикой, выявим где ему удалось к ней приблизиться и где он остался метафизиком. Начнем по порядку, с процедурной рациональности.

1. На первый взгляд, сложно упрекнуть Гуссерля в приверженности философии тождества. Однако философ в этом отношении все-таки остается непостметафизичным ввиду того, что в его философии прослеживаются определяющие референцию идеальности. Так, в монографии Е.В. Борисова «Основные черты постметафизической онтологии» автор критикует Гус-

серля за наличие идеи тождества как онтологической характеристики предмета [10]. Гуссерль понимает идеальный предмет как определенного рода универсалию, которая позволяет увидеть нечто единое между двумя предметами, например, зеленый цвет у данной чашки и некоторого огурца будет этой универсалией, эйдосом. Однако Борисов считает, что гипостазирование зеленого как самого по себе попросту излишне, ведь для установления сходства и различия достаточно остенсивного деления цветов, иными словами, простого различия и сходства наших визуальных данных. Гуссерлевская эйдетика, таким образом, выражает идею тождества. Поэтому в отношении данной характеристики постметафизики Гуссерль постметафизичным не является.

2. Следующей характеристикой является ситуированный разум, который у Гуссерля раскрывается в виде жизненного мира, что свидетельствует в пользу того, что эта характеристика присуща феноменологии Гуссерля. В феноменологии окружающая нас реальность не является трансцендентной; так, ситуированный разум располагается внутри жизненного мира, в области человеческой практики. Как мы помним, Гуссерль говорит о жизненном мире в связи с повседневным восприятием нашей действительности, из которого вырастает возможность любой теории вообще. Это отлично укладывается в то, как Хабермас понимает ситуированный разум, к тому же сам Хабермас пользуется этим понятием именно как наследством Гуссерля для раскрытия рассматриваемой постметафизической характеристики. Однако если для Гуссерля понятие жизненного мира было прежде всего связано с созерцанием и теоретическим научным познанием, то Хабермас трактует его в связи с коммуникацией, превращая его полностью в мир повседневных коммуникативных практик. В любом случае Гуссерль явно не занимается чистым, интеллигибельным познанием и близок к человеческой ситуации.

3. Третья характеристика – лингвистический поворот. Остановимся на ней подробнее. В работе В.А. Ладова «Парадоксы в теории познания. Логические основания эпистемологической критики релятивизма» в одной из глав рассматриваются логико-эпистемологические основания феноменологии с помощью семантического анализа языка феноменологии. Собственно, анализу подвергается самая главная процедура, предлагаемая Гуссерлем, – феноменологическая редукция. Она трактуется через понятия экстенционального и интенционального контекстов следующим образом: «Мы должны отказаться от полагания объективного бытия окружающего мира и принимать его только в качестве смысловых коррелятов актов сознания познающего субъекта. На лингвистическом уровне это как раз и означает переход с языка экстенциональных контекстов, где речь идет о вещах и явлениях объективного мира, на язык интенциональных контекстов, где выражаются смысловые конфигурации сознания субъекта, познающего объективный мир» [11. С. 78]. Трактую феноменологическую редукцию как отказ от суждения об истинности или ложности выраженной в предложении мысли, мы и наталкиваемся на проблему, которая говорит нам о противоречивости феноменологической редукции, что явно выражает лингвистическую неподкрепленность феноменологии Гуссерля. Рассмотрим это на примере: «Произнося „на улице идет дождь“, феноменолог оказывается неспособным четко различить и зафиксировать в рефлексии мысль, выражаемую этим предложением, и суждение об

истинности этой мысли. Это значит, что язык неминуемо затягивает феноменолога в сферу естественной установки <...>» [11. С. 83]. Происходит это ввиду того, что в любом предложении мы имплицитно признаем истинность мысли, т.е. каждый интенционал опирается на экстенционал. Это, в свою очередь, означает, что Гуссерль, проводя феноменологическую редукцию, всецело остается в естественной установке, что является существенным противоречием. В целом, критику можно суммировать тем, что Гуссерль, задумав средствами феноменологической редукции отказаться от всего естественного, не отказывается от естественного языка, на котором излагает свое феноменологическое учение. Из этого следует противоречие в попытке неестественное изложить средствами естественного языка. Таким образом, мы можем констатировать отсутствие лингвистического поворота в феноменологии, а значит, в этом аспекте Гуссерль не постметафизичен.

4. Наконец, последняя, выделенная Хабермасом характеристика – дефляция сверхбыденного, выражаемая в примате практического над теоретическим. Для Хабермаса это прежде всего понимается в процессе критики логоцентризма, т.е. «идеалистическим господством логоса теории над коммуникативной социальной практикой» [4. С. 209]. Сам же Хабермас указывает, что данная критика созвучна базовым интенциям феноменологии Гуссерля. Но является ли феноменология Гуссерля в действительности столь практической? С одной стороны, жизненный мир действительно приближает нас к человеческой ситуации, но и тут философов продолжает свои разработки именно в теоретико-познавательном ключе. С другой стороны, ранний и средний периоды философии Гуссерля вряд ли можно связать с коммуникативными социальными практиками. Большая часть феноменологии посвящена теоретизированию в сфере эпистемологии, о чем Гуссерль заявлял в «Логических исследованиях», к тому же проведенный выше анализ его связей с метафизикой располагает нас к выводу, согласно которому в феноменологии Гуссерля отсутствует дефляция сверхбыденного в заданном Хабермасом понимании. Само признание Гуссерля на этот счет гарантирует отсутствие сомнений в том, что феноменология в своей основе содержит примат теоретического над практическим, а не наоборот.

Итак, мы рассмотрели феноменологию Гуссерля в связи с метафизикой, антиметафизикой и постметафизикой. Данная феноменология, на наш взгляд, явно не антиметафизична, но при этом не столь приближена к постметафизике, наш итоговый вывод, скорее, говорит о том, что Гуссерль остается метафизиком. И в этом он оказывается ближе к постметафизике, чем к антиметафизике, которая, как мы помним, занимается еще большим гипостазированием метафизики. Постметафизика же, напротив, лишь ищет новые способы рассмотрения извечных философских проблем [4].

Список источников

1. Малкина С.М. Метафизика: возникновение понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 3-х ч. 2015. № 8 (58). Ч. II. С. 133–136.
2. Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П.Д. Перлова и В.В. Розанова. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
3. Конт О. Дух позитивной философии / пер. с фр. И.А. Шапиро. Ростов н/Д : Феникс, 2003. 256 с.

4. Малкина С.М. Проблема критики метафизики и постметафизическое мышление : дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2017. 376 с.
5. *Habermas J. Postmethaphysical thinking: Philosophical Essays.* Cambridge, MA : MIT Press, 1992. 241 p.
6. Финк О. Элементы критики Гуссерля // Логос. 2016. Т. 26, № 1. С. 47–62.
7. Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В.И. Молчанова. М. : Академический Проект, 2010. 229 с.
8. Михайлов И.А. Философская программа раннего Гуссерля. Метафизика, теория познания // История философии. 2012. № 17. С. 205–224.
9. *Husserl E. Allgemeine Erkenntnistheorie. Vorlesung 1902/03 (HuaDok II/3) / Hrsg. Von Elisabeth Schuhmann.* Dordrecht, Netherlands : Kluwer Academic Publishers, 2001. xviii + 260 p.
10. Борисов Е.В. Основные черты постметафизической онтологии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 120 с.
11. Ладов В.А. Парадоксы в теории познания. Логические основания эпистемологической критики релятивизма. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2020. 128 с.

References

1. Malkina, S.M. (2015) *Metafizika: vzniknovenie ponyatiya* [Metaphysics: The emergence of the concept]. *Istoricheskie, filosofskie, po-liticheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* 8(58). pp. 133–136.
2. Aristotle. (2006) *Metafizika* [Metaphysics]. Translated from Greek by P.D. Pervov, V.V. Rozanov. Moscow: St. Foma's Institute of Philosophy, Theology and History.
3. Comte, O. (2003) *Dukh pozitivnoy filosofii* [The Spirit of Positive Philosophy]. Translated from French by I.A. Shapiro. Rostov on Don: Feniks.
4. Malkina, S.M. (2017) *Problema kritiki metafiziki i postmetafizicheskoe myshlenie* [The problem of criticism of metaphysics and post-metaphysical thinking]. Philosophy Dr. Diss. Saratov.
5. Habermas, J. (1992) *Postmethaphysical thinking: Philosophical Essays.* Cambridge, MA: MIT Press.
6. Fink, O. (2016) *Elementy kritiki Gusserlya* [Elements of Husserl's criticism]. *Logos.* 1(26). pp. 47–62.
7. Husserl, E. (2010) *Kartezianskie meditatsii* [Cartesian Meditations]. Translated from English by V.I. Molchanov. Moscow: Akademicheskiiy Proekt.
8. Mikhaylov, I.A. (2012) *Filosofskaya programma rannego Gusserlya. Metafizika, teoriya poznaniya* [Philosophical program of early Husserl. Metaphysics, theory of knowledge]. *Istoriya filosofii.* 17. pp. 205–224.
9. Husserl, E. (2001) *Allgemeine Erkenntnistheorie. Vorlesung 1902/03 (HuaDok II/3).* Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers.
10. Borisov, E.V. (2009) *Osnovnye cherty postmetafizicheskoy ontologii* [The main features of post-metaphysical ontology]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Ladov, V.A. (2020) *Paradoksy v teorii poznaniya. Logicheskie osnovaniya epistemo-logicheskoy kritiki relyativizma* [Paradoxes in the theory of knowledge. Logical foundations of the epistemological critique of relativism]. Tomsk: Tomsk State University.

Сведения об авторах:

Московец С.А. — студент кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: terawarss@gmail.com

Ладов В.А. — доктор философских наук, доцент, заведующий лабораторией логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН, ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН, (Томск, Россия); профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры гуманитарных проблем информатики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ladov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Moskovets S.A. – student of the Department of History of Philosophy and Logic, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: terawarss@gmail.com

Ladov V.A. – Dr. Sci. (Philosophy), Docent, head of the Laboratory of Logic and Philosophical Research of the Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); leading researcher of the Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); professor of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); professor of the Department of Humanitarian Problems of Informatics, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ladov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.04.2022;
одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 19.04.2022;
approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 05.12.2022*

Научная статья

УДК 1 (091)

doi: 10.17223/1998863X/70/13

ФИЛОСОФИЯ АРИСТОТЕЛЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МЫСЛИ ФИЛИППА МЕЛАНХТОНА

Алексей Михайлович Стрельцов

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия, streltsov@mail.ru*

Аннотация. Показано, как идеолог институциональной Реформации в Германии Ф. Меланхтон предусмотрел особое место для философии в учебном плане Виттембергского университета. Меланхтон полагал, что овладение философским методом должно предшествовать специализации, выбрав для этой цели философию Аристотеля как удовлетворяющую критериям интеллектуальной и лингвистической строгости и в то же время доступности.

Ключевые слова: Меланхтон, Аристотель, методология, Виттемберг, Реформация

Для цитирования: Стрельцов А.М. Философия Аристотеля как методологическое основание университетского образования в мысли Филиппа Меланхтона // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 147–155. doi: 10.17223/1998863X/70/13

Original article

ARISTOTLE'S PHILOSOPHY AS A METHODOLOGICAL FOUNDATION OF UNIVERSITY EDUCATION IN PHILIP MELANCHTHON'S THOUGHT

Alexey M. Streltsov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, streltsov@mail.ru*

Abstract. In the beginning of the Reformation, Martin Luther opposed not only medieval scholasticism, but also Aristotelian philosophy as its foundation. Philip Melanchthon, his younger humanistically predisposed colleague at the Wittenberg University, at first appropriated such Luther's stance by offering a course grounded on Pauline theological accents as interpreted by Augustine. Such a program, however, could not encompass the needs of the students of various fields of study. Therefore, in the 1530s Melanchthon reorganized the University's curriculum by basing it on Aristotle's natural and moral philosophy. According to Melanchthon, who regularly taught philosophy of Aristotle and published commentaries on his works (*On the Soul*, *The Nicomachean Ethics*), appropriation of the general philosophical method had to precede any specialization within a course of studies. Melanchthon chose Aristotle's philosophy to that end as it satisfied the criteria of intellectual and linguistic accuracy and at the same time accessibility. He preferred it to the philosophical systems of Stoics, Platonists, and Augustine. Aristotle's works on natural philosophy are needed to develop an appropriate mindset to be able to strictly ground one's arguments on facts rather than resort to speculative syllogisms of scholastic kind. In other words, philosophy is necessary to cultivate a certain habit (*ἔξις*) as a practice of relating all cognizable things to the right method mastered by way of study of Aristotelian philosophy as it pertains to the chosen field. Aristotle's moral philosophy was supposed to be instrumental in maintaining the established order, to avoid turmoil and rebellion. Melanchthon's pedagogical reform, which earned him the title of *Praeceptor Germaniae*, determined the

character of higher education at the German universities at the time. Lessons of this reform with its foundational place for philosophy as such may turn out to be useful in deciding on priorities for contemporary higher education.

Keywords: Melanchthon, Aristotle, methodology, Wittenberg, Reformation

For citation: Streltsov, A.M. (2022) Aristotle's philosophy as a methodological foundation of university education in Philip Melanchthon's thought. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 147–155. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/13

В ситуации, когда философия как направление образовательной деятельности переживает институциональный кризис, было бы уместно взглянуть на любопытный эксперимент, проведенный в рамках реорганизации учебного плана Виттембергского университета эпохи Реформации. Возможно, именно тогда в Германии были заложены методологические основания, которые со временем привели к появлению философского гения Лейбница и далее через вольфианство способствовали формированию немецкой классической философии.

Лозунг Ренессанса «Ad fontes» подразумевал в том числе преодоление тяжелого наследия схоластики высокого Средневековья: северных гуманистов привлекал живой голос Античности, под которым в той части Европы понималась не только греко-латинская, но и иудео-христианская традиция.

Мартин Лютер, с которым связывают начало германской Реформации, уже на первом этапе своей академической карьеры резко выступил не только против схоластической философии и теологии, но и против Аристотеля, бывшего базовым философом для схоластов. Характерно, что к Платону он не питал такого отвращения, признавая в философской части тезисов «Гейдельбергской диспутации», что идеи Платона лучше Аристотелевых [1. С. 355; 2. С. 387]. О самом Аристотеле, об уместности, основанной на силлогизмах аргументации, Лютер высказывается крайне жестко. В частности, в «Диспутации против схоластической теологии» в тезисе 44 сказано: «Никто не может стать теологом, доколе не останется без Аристотеля»; не менее критично заявляется и в тезисе 50: «Весь Аристотель для теологии то же, что тьма для света» [1. С. 226; 2. С. 380].

Соответственно, когда в программном «Обращении к христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства» 1520 г. Лютер предложил способным и компетентным людям провести глубокие реформы в системе образования, из многочисленного наследия Аристотеля он был готов с рядом оговорок оставить только труды по логике и риторике, чтобы с их помощью подготавливать молодых людей к искусству проповеди. Согласно Лютеру, засилье Аристотеля в университетах нанесло большой ущерб делу образования, поэтому из числа университетских учебников надлежит полностью изъять основные труды Аристотеля, такие как «Физика», «Метафизика», «О душе» и «Никомахова этика», потому что они непригодны для изучения как естественных наук, так и теологии, при том что их изучение занимает очень много времени – с практически нулевым или даже отрицательным результатом [3. С. 106–107].

В сравнении с Лютером получивший титул «Praeceptor Germaniae» Филипп Меланхтон, который младше его на 14 лет, происходит из более интеллектуально развитой юго-западной части Германии (Пфорцхайм, Гейдельберг) и нахо-

дится под большим воздействием гуманизма (знаменитый Иоганн Рейхлин приходился ему двоюродным дедушкой), что, в частности, выражается в его пристрастии к классической филологии и антиковедению в целом. Подобно Лютеру, Меланхтон отверг метод позднесредневековой схоластики, но в отличие от него он пытался найти такое решение взамен старого подхода, которое также опиралось бы на определенное методологическое основание¹.

Меланхтона пригласили в Виттембергский университет из Тюбингена, где он тогда преподавал, именно как молодого (ему был всего 21 год) и подающего большие надежды гуманиста. Это было частью амбициозной задачи виттембергской профессуры выдвинуться на передний край академической науки. Еще в 1516 г. виттембергцы подали прошение курфюрсту Саксонскому о реорганизации учебного плана в университете, чтобы можно было пойти в отрыв от таких традиционалистских и клерикалистских образовательных центров, как Трир, Майнц и Базель. Несомненно, секуляризация образования была на руку местной политической власти, и призывание Меланхтона в Виттемберг явилось ответом курфюрста Саксонии Фридриха на то прошение [5. Р. 73].

Прибыв в университет, по настоянию Лютера Меланхтон занялся теологией, составив в 1521 г. революционный курс по Павловой теологии, получивший известность под названием «*Loci Communes*»². В предисловии к книге Меланхтон раскрывает свое понимание метода. Метод – это процесс и порядок демонстрации при усвоении того или иного предмета, в котором выделяется начало рассуждений, прогресс или развитие, а также ставится цель. В качестве источников такого естественного знания рассматриваются собственно первоначала или принципы, а также чувственно воспринимаемые вещи. Например, в математике, этим началом будут аксиомы, такие как дважды два – четыре. В естественной философии источником знания служат наблюдения и опыт (на языке Меланхтона – «демонстрация»). Меланхтон различает философию и теологию, которая в качестве источника имеет откровение Бога и которая вместо сомнения как метода продвижения вперед полагается на статьи веры. Хотя философия и теология – принципиально разные области, проблема возникает, когда человек приступает к занятию теологией и чтению духовных книг, не овладев методом, т.е. не будучи обученным обращать внимание на порядок и сам язык изложения, иначе говоря, не будучи способным читать и правильно понимать прочитанное. Для того чтобы избежать ошибок, простому человеку необходимо слышать внешнюю интерпретацию о порядке и языке изложения материала; тому же, кто сам читает и берется объяснять прочитанное, необходимо вначале овладеть правильной техникой того, как это делать.

¹ С оценкой П.Н. Котлярова [4. С. 175], что грубые и уничижительные оценки Меланхтоном Аристотеля, сделанные им в 1521 г., являлись данью Лютеру, в целом можно согласиться. Едва ли мы можем однозначно судить, насколько он был в неведении относительно отношения Лютера к Аристотелю в момент поступления в университет [4. С. 174]; однако, зная, как сложилась в дальнейшем его профессиональная карьера, вполне можно предположить, что уже здесь под видом внешней уступчивости были проявлены свойственные ему дипломатические навыки.

² Протестантские историки и теологи в целом высоко ценили вклад этой работы Меланхтона в дело Реформации [6. С. 229], которая была напечатана даже в Венеции под заголовком «*I principii della Theologia de Ippofilo da Terra negra*» (под географической отсылкой к «черной земле» подразумевается, конечно, фамилия Меланхтона); книга пользовалась большим успехом в Риме, где ее читали с живейшим энтузиазмом, пока, наконец, один францисканский монах не выяснил, кто был ее автором, после чего все имевшиеся копии собрали и сожгли [7. Р. 102].

Для Меланхтона эти лекции явились первой попыткой выработки нового метода. Схоластическая методология *quaestio* подразумевала введение ряда дистинкций для разрешения (кажущихся) противоречий в трудах авторитетных философов. Новый метод строился на прогрессии вопросов и ответов, которые проясняли суть обсуждаемой темы. Павловы тексты Меланхтон понимал через призму учения Августина, как и Лютер, позицию которого можно небезосновательно свести к тому, что он «предложил Христа Кирилла [Александрийского] человеку Августина» [8. Р. 4]. В этом смысле – учитывая симбиоз Лютера и Меланхтона в начале 1520-х гг. – первая попытка закладывания методологии, которая бы стала основой педагогических экзерсисов в Виттембергском университете, представляла собой сочетание Павла и Августина. Широко известно, что Августин сохранял зависимость от неоплатонических концепций на протяжении своей карьеры, также и Кирилл (пусть и не так очевидно) пользовался понятийным аппаратом Плотина, Порфирия и других неоплатоников. Казалось бы, о явном использовании Аристотеля на этом этапе речи не идет. Более того, согласно историку Реформации Льюису Шпицу, «[Лютер] предпринял инициативу по реформированию учебной программы Виттембергского университета, заменив Аристотеля и схоластическую философию Августином, Писаниями и антиковедением» [9. Р. 559].

Тем не менее обстоятельства складываются так, что, казалось бы, с позором изгнанный из учебной программы Аристотель далее триумфально возвращается в университет.

Чем это было обусловлено? Причина академического характера заключалась в том, что в то время, как в 1520-е гг. Виттемберг испытал наплыв студентов на волне популярности реформационного учения Лютера, далее, по прошествии 15 лет с начала Реформации, ажиотаж схлынул и количество абитуриентов падало несколько лет подряд. На теологии благодати Павла и Августина и теологических акцентах самого Лютера невозможно было выстроить весь учебный план университета.

Практическим поводом к возвращению философии в университет выступило неуправляемое развитие Реформации на ее левом фланге. Призыв к евангельской свободе был понят как самопровозглашенными теологами, так и широкими народными массами как легитимизация анархии, что привело к радикальным выступлениям анабаптистов, а также событиям Крестьянской войны 1525 г. После этого князья поняли, что необходимо либо подавить Реформацию, либо придать ей институциональный характер.

На уровне университетской программы это означало создание более основательной методологии, привитие культуры мышления как такового.

Неудивительно поэтому, что в университете Меланхтон принял живейшее участие в реорганизации учебного плана. Удалив схоластику, Меланхтон сконцентрировался на классических языках, диалектике, риторике и дисциплинах квадривиума. Сам он в разное время преподавал греческий язык, риторику, этику, моральную и естественную философию и теологию. Более половины прочитанных Меланхтоном курсов были посвящены общим вопросам антиковедения, по ним он также написал учебники.

При этом самая главная структурная реформа заключалась в том, что подготовленный Меланхтоном учебный план в Виттенбергском университете

образца 1537 г. был выстроен на методологических началах именно аристотелевской философии.

Меланхтон думал, что необходимо придерживаться четкой системы, чтобы избежать эксцессов. Правильное мышление предостережет от ошибок, от нечестивого подхода к теологии, от фанатизма, свойственного Мюнцеру и анабаптистам, говорит Меланхтон в речи с характерным названием «О порядке обучения» (*De ordine discendi*) [10. Vol. XI. P. 212]. Соответственно, Меланхтон обратился к философии, высказываясь в «*De philosophia*» в том духе, что эта дисциплина должна послужить методологическим основанием для движения Реформации: «Церковь нуждается в свободном образовании, не только в знании грамматики, но также в навыке многих других искусств и философии (*multarum artium et Philosophiae scientia*)» [10. Vol. XI. P. 279].

Меланхтон рассуждает так: «Итак, поскольку в невежественной теологии так много зла, легко можно рассудить, что церковь нуждается во многих великих искусствах. А именно, чтобы объяснять правильно и отчетливо запутанные и непонятные вопросы, недостаточно знать общие предписания грамматики и диалектики, но необходимо разнообразное знание; ибо многое должно извлечь из естественной философии (*Physicis*) и многое привнести в христианское учение из моральной философии» [10. Vol. XI. P. 280].

Философия необходима для создания правильной методологии: «Ибо никто не может стать мастером метода, если не будет хорошо и правильно обучен философии, а именно тому роду философии, что чужд софистике, ищет и открывает истину упорядоченно и следуя правильному пути. Хорошо обученные этим наукам и усвоившие для себе обычай (*ἔξιν*) соотношения с методом всего, что они желают понять или чему обучить других, также знают, как представлять методы в религиозной дискуссии, как прояснять сложности, собирать рассеянное и проливать свет на туманное и двусмысленное» [10. Vol. XI. P. 280–281].

Такой методический уклад (*ἔξιν*) можно приобрести, только овладев философией. Это включает в себя освоение естественной философии, например, ученое обсуждение души и чувств, такое как, например, в трактате Аристотеля «О душе» [10. Vol. XI. P. 281]. Кстати, Меланхтон даже выпустил комментарий на трактат «О душе», который выдержал несколько изданий и оказал влияние на многие поколения немецких студентов вплоть до Лейбница.

Меланхтон сокрушается об упадке классического образования: «Внезапно подобно грибам появляются теологи, юристы и врачи – без грамматики, без диалектики, без понимания риторики, без яслей естественной и моральной философии» [10. Vol. XI. P. 212]. Все хотят как можно быстрее приступить к своей профессии, не овладев общими основами, без которых не смогут устоять науки как таковые, и сами узкие специальности неизбежно деградируют. Таким образом, необходимо усвоить элементы философии перед тем, как приступать к высшим дисциплинам [10. Vol. XI. P. 213–214].

Желание Меланхтона состояло в том, чтобы помочь будущему узкому специалисту (теологу, юристу, врачу) в овладении методом, а для этого философия незаменима. Без владения методом нельзя правильно философствовать, причем это касается не только неграмотных анабаптистов (это очевидный случай), но и тех, кто получил какое-то образование, но, не овладев

философским методом, не способен «достаточно постигать истоки вещей» [10. Vol. XI. P. 282]. Главная задача методологии состоит в том, чтобы не заявлять ничего без обоснования (*demonstratio*), иначе говоря, не выдвигать абсурдных мнений, которые отстаиваются не демонстрацией, но «софистическими уловками» [10. Vol. XI. P. 283].

Для того чтобы овладеть методологией, необходимо избрать одну разновидность философии, которая бы подошла для этой задачи лучше всего, и уже тогда строить на этом основании. Меланхтон предлагает решение: «Должна быть избрана такая разновидность философии, в которой как можно меньше софистики, и которая сохраняет истинный метод; учение Аристотеля – такого вида» [10. Vol. XI. P. 282]. К этому учению можно добавлять и других авторов, но Аристотеля необходимо использовать в качестве основного путеводителя [10. Vol. XI. P. 282–283]. Меланхтон настолько проникся философским гением Аристотеля, что даже захотел подготовить и издать собрание его сочинений, но Лютер и тут отговорил его от такого шага.

Подытоживая программу Меланхтона, исследователь его философской мысли Сасико Кусукава говорит следующее: «Меланхтон рассматривал плохое образование и смешение философии и теологии в качестве корня проблемы. И именно тогда он обратился к аристотелевской философии для решения проблемы евангелических радикалов. Ему нужно было установить различие между теологическими истинами и истинами, которых возможно достигнуть посредством одного только человеческого разума. Ему нужно было установить должные пути философской демонстрации...» [11. P. XVII]. Таким образом, реформа философской методологии, предпринятая Меланхтоном, была призвана консолидировать движение Реформации, выстроив педагогический процесс так, чтобы устранить появление плохого мышления и в том числе плохой теологии.

Меланхтон отвергает эпикурейцев, стоиков и платоников как альтернативы Аристотелю, потому что изъяны в каждом случае слишком велики, чтобы какую-либо из этих систем можно было использовать в качестве методологического основания. Эпикурейство неправильно рассуждает о цели нравственных благ, высказывается Меланхтон в «*De discrimine Evangelii et Philosophiae*» [10. Vol. XII. P. 691]. Стоическая философия заблуждается в обсуждении свободы от страстей (*ἀπάθεια*) [10. Vol. XII. P. 690]. Августин подвергается критике за неосторожное высказывание в «Исповеди» о том, что христианская доктрина содержится у платоников за исключением только боговоплощения [10. Vol. XII. P. 690].

Может возникнуть вопрос, почему вместо Аристотеля не был выбран Платон. В «*De Platone*» Меланхтон высказывался в том смысле, что он хорош, но не всегда конкретен и понятен: «Поскольку он не часто использует метод, который столь много раз провозглашает, и иногда отступает в сторону свободно в обсуждении и укрывает многое в образы и сознательно скрывает и более того, поскольку он редко провозглашает, на что именно стоит обратить внимание, я согласен, что скорее молодежи следует представить Аристотеля, который полностью объясняет преподаваемые им искусства, использует более легкий метод, подобно нити для направления читателя, и большую часть времени указывает, на что обратить внимание» [10. Vol. XI. P. 423]. Итак, Аристотель намного больше подходит для педагогического эксперимента.

Есть еще другая причина: Меланхтон неоднократно заявлял, что философия не то же самое, что теология (*aliud doctrinae genus esse Philosophiam, aliud Theologiam*), поэтому их нельзя смешивать [10. Vol. XI. P. 282], как если бы повар смешивал соусы при приготовлении еды [10. Vol. XI. P. 130]. Именно в такой открытости синкретизму проявляется уязвимость платоновской философии. Согласно Меланхтону, учение Платона легче смешать с самой теологией и тем самым теологию испортить, а Аристотеля вполне можно использовать как инструмент или метод, сохраняя и поддерживая различие между философией и теологией. «Хотя я сам также люблю и принимаю эти мысли Платона, – говорит Меланхтон, – тем не менее необходимо сурово порицать тех, кто вследствие этого смешивает платоновскую философию с евангелием. Образованным людям следует избегать и ненавидеть такое родовое смешение учения (*confusio generum doctrinae*), чтобы было очевидно, какое место должно быть отведено философии» [10. Vol. XI. P. 424]. В качестве образца такого смешения называется Ориген, очевидно, здесь подразумевается христианская неоплатоническая традиция.

В отличие от Платона, Аристотель дает потрясающие возможности именно для устройства методологического основания. Меланхтон ссылается на это неоднократно, вот типичное высказывание в «De Aristotele»: «Я несомненно думаю, что пренебрежение Аристотелем, этим единственным господином метода, приведет к великой путанице доктрин. И никто не сможет познакомиться с методом, кроме как попрактиковавшись в этом виде аристотелевской философии» [10. Vol. XI. P. 349]. Ссылаясь на диалог Платона «Филеб» (16c5-6), Меланхтон говорит о методе как искре, принесенной Прометеем с небес. Но этот метод – философия именно Аристотеля, а не самого Платона! Без истинной системы учения, т.е. без философии Аристотеля, люди останутся зверьми. То есть они будут вести себя подобно мятежникам во время крестьянских бунтов. Аристотель необходим для того, чтобы поставить само мышление на правильный путь и дальше двигаться этим путем.

Скажем пару слов о том, на какие именно части аристотелевского корпуса Меланхтон опирался в рамках педагогической реформы. В целях подготовки студентов в области логики, риторики и диалектики он использовал «Категории», первую и вторую «Аналитики», «Риторику». Для тех, кому трудно изучать самого Аристотеля на греческом языке, Меланхтон советует начать овладевать искусством диалектики, прочтя такие учебники, как «Dialectica» Иоганна Цезария (Johannes Caesarius, 1468–1550), «Erotemata Dialectices» Йодока Виллиция (Jodocus Willichius, 1501–1552), либо его собственные сочинения по диалектике [10. Vol. VI. P. 657].

В области естественной философии среди прочих сочинений Стагирита изучались «Физика», «О Небе», «О возникновении и уничтожении», «Метеорологика» и «О Душе». Эти трактаты Меланхтон находил полезными для обоснования телеологии, для «утешения» совести (одно из парадигмальных понятий для Меланхтона) посредством нахождения свидетельств божественного управления миром *a posteriori*, в том числе в сфере астрономии либо астрологии. Что касается трактата «О душе», Меланхтон одновременно опирался на философию Аристотеля и приспособлял и менял ее, исходя из конфессиональных потребностей, во многом сводившихся к необходимости полемики в области антропологии и сотериологии [12. P. 351]. Стремление

утвердить цельность человеческого существования, отвержение трехчастной души, равно как и знаменитой аристотелевской формулы о душе как энтелехии тела, заставляет Меланхтона обратить пристальное внимание на анатомию в обсуждении души [13. Р. 84].

Наконец, в сфере моральной философии безраздельно царила «Никомахова этика», на которую Меланхтон написал комментарий, ставший классикой и породивший целую плеяду подобных комментариев. В нем Меланхтон хвалит Аристотеля за доступность философского языка, противопоставляя его философиям, которые выглядят как игры соперничающих школ (снова критика стоиков и эпикурейцев). Меланхтон считает, что они утратили *oratio popularis*, свойственное Аристотелю, и создали специфический философский язык (*nova vocabula genuerunt*), который был чужд обыденной жизни [14. Р. 228].

Учебная программа Виттембергского университета в версии Меланхтона ставит вопросы перед высшей школой современности: какое место занимает философия в системе высшего образования сегодня? Достаточно ли студентам познакомиться с азами истории философии или же необходимо погрузиться в философию как таковую? На каком основании выстраивать мышление? Как рассуждать о тех или иных вопросах? Необходима ли современным исследователям какая-либо философская методология как образовательный стандарт, позволяющий мыслить правильно, или нет? И если да, то какой должна быть эта философия?

Полагаем, что специфика рынка труда XXI в., предъявляющая требования к общему высокому уровню специалистов наряду с периодически возникающей необходимостью их переподготовки и смены рода их деятельности, позволяет вновь говорить об актуальности использования философии как общего методологического основания последующей узкой специализации.

Список источников

1. Luther M. D. Martin Luthers Werke. Weimar : H. Böhlau, 1883. Bd. 1. 710 S.
2. Реформация Мартина Лютера в горизонте европейской философии и культуры : Альманах / под ред. О.Э. Душина. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2013 (Verbum. Вып. 15). 423 с.
3. Лютер М. Избранные произведения / пер. с нем. Ю.А. Голубкина. СПб. : Андреев и согласие, 1994. 427 с.
4. Котляров П.Н. Liberali eruditione и аристотелевское наследие: проекты реформы Ф. Меланхтона в Виттембергском университете // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. № 157 (3). С. 172–181.
5. Appold K.G. Academic Life and Teaching in Post-Reformation Lutheranism // Lutheran Ecclesiastical Culture 1550–1675 / ed. R. Kolb. Leiden ; Boston : Brill, 2008 (Brill's Companion to the Christian Tradition. Vol. 11). P. 65–115.
6. Шафф Ф. История христианской церкви. Т. VII: Современное христианство. Реформация в Германии / пер. с англ. О.А. Рыбакова. СПб. : Библия для всех, 2009. 463 с.
7. Richard J.W. Philip Melanhton. The Protestant Preceptor of Germany. 1497–1560. New York ; London : G. P. Putnam's Sons, 1898. 399 p.
8. Hinlicky P.R. Paths not taken: Fates of theology from Luther through Leibnitz. Grand Rapids, Michigan : Eermands, 2009. 385 p.
9. Spitz L.W. The Renaissance and Reformation Movements. Vol. II. The Reformation. Rev. ed. CPH: Saint Louis, 1987. 614 p.
10. Melancthon P. Corpus Reformatorum Philippi Melanthonis Opera Quae Supersunt Omnia. Vol. I–XXVIII. Halle : C.A. Schwetschke, 1834–1860.
11. Melancthon P. Orations on Philosophy and Education (Cambridge Texts in the History of Philosophy) / ed. S. Kusukawa, Tr.C.F. Salazar. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. XXXIX + 272 p.

12. Cellamare D. Anatomy and the Body in Renaissance Protestant Psychology // *Early Science and Medicine*. 2014. № 19. P. 341–364.

13. Kusakawa S. *The Transformation of Natural Philosophy. The Case of Philip Melancthon*. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 249 p.

14. Svensson M. Aristotelian Practical Philosophy on the Nicomachean Ethics 1529–1682 // *Reformation & Renaissance Review*. 2019. № 3 (21). P. 218–238.

References

1. Luther, M.D. (1883) *Martin Luthers Werke*. Vol. 1. Weimar: H. Böhlau.
2. Dushin, O.E. (ed.) (2013) *Reformatsiya Martina Lyutera v gorizonte evropeyskoy filosofii i kul'tury* [Reformation of Martin Luther in the horizon of European philosophy and culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
3. Luther, M. (1994) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German by Yu.A. Golubkin. St. Petersburg: Andreev i soglasie.
4. Kotlyarov, P.N. (2015) Liberali eruditione i aristotelevskoe nasledie: proekty reformy F. Melankhtona v Vittembergskom universitete [Liberali eruditione and the Aristotelian heritage: F. Melancthon's reform projects at the University of Wittemberg]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*. 157(3). pp. 172–181.
5. Appold, K.G. (2008) Academic Life and Teaching in Post-Reformation Lutheranism. In: Kolb, R. (ed.) *Lutheran Ecclesiastical Culture 1550–1675*. Leiden; Boston: Brill. pp. 65–115.
6. Shaff, F. (2009) *Istoriya khristianskoy tserkvi* [History of the Christian Church]. Vol. 8. Translated from English by O.A. Rybakov. St. Petersburg: Bibliya dlya vseh.
7. Richard, J.W. (1898) *Philip Melancthon. The Protestant Preceptor of Germany. 1497–1560*. New York; London: G. P. Putnam's Sons.
8. Hinlicky, P.R. (2009) *Paths not taken: Fates of theology from Luther through Leibnitz*. Grand Rapids, Michigan: Eerdmans.
9. Spitz, L.W. (1987) *The Renaissance and Reformation Movements*. Vol. 2. Saint Louis: Concord Publishing House.
10. Melancthon, P. (1834–1860) *Corpus Reformatorum Philippi Melanthonis Opera Quae Supersunt Omnia*. Vol. I–XXVIII. Halle: C.A. Schwetschke.
11. Melancthon, P. (1999) *Orations on Philosophy and Education (Cambridge Texts in the History of Philosophy)*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Cellamare, D. (2014) Anatomy and the Body in Renaissance Protestant Psychology. *Early Science and Medicine*. 19. pp. 341–364.
13. Kusakawa, S. (1995) *The Transformation of Natural Philosophy. The Case of Philip Melancthon*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Svensson, M. (2019) Aristotelian Practical Philosophy on the Nicomachean Ethics 1529–1682. *Reformation & Renaissance Review*. 3(21). pp. 218–238.

Сведения об авторе:

Стрельцов А.М. – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: streltsov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Streltsov A.M. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: streltsov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.04.2022;
одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 16.04.2022;
approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 05.12.2022

Научная статья

УДК 165.2

doi: 10.17223/1998863X/70/14

Ф. БЭКОН О ДЕЯТЕЛЬНОМ СУБЪЕКТЕ ПОЗНАНИЯ

Владислав Васильевич Чешев

*Научный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
chwld@rambler.ru*

Аннотация. Предпринята попытка увидеть предложенную Ф. Бэконом методологию эмпирической науки с гносеологической точки зрения. Термин «деятельный субъект познания» не мог употребляться английским философом. Тем не менее Ф. Бэкон указывает на деятельностный характер научного эксперимента, что позволяет ему дать решение вопроса о роли чувственных данных в познании, благодаря чему становится возможным избежать акаталепсии античного скептицизма. Бэконовское понимание эксперимента можно рассматривать как первый подход к представлению о данности объекта познания в формах практики.

Ключевые слова: теория познания, сенсуализм, деятельность, философская антропология, субъект познания

Для цитирования: Чешев В.В. Ф. Бэкон о деятельном субъекте познания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 156–166. doi: 10.17223/1998863X/70/14

Original article

FRANCIS BACON ON THE ACTIVE SUBJECT OF COGNITION

Vladislav V. Cheshev

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, chwld@rambler.ru

Abstract. The article attempts to see the methodology of empirical science proposed by Francis Bacon from an epistemological point of view. It considers the concept of the subject of cognition and its interaction with the cognizable object. The term “active subject of cognition” could not be used by an English philosopher, since this term reflects one of the later approaches to understanding the process of cognition. The article shows that Bacon points to the activity-based nature of the scientific experiment. This approach allows us to give a solution to the problem of the role of sensory data in cognition, which allows us to avoid the acathalepsy of ancient skepticism. The article shows that Bacon’s understanding of the experiment can be considered as the first approach to the representation of the givenness of the object of cognition in the forms of practice. At the same time, the reason why this attitude was not developed in the theory of cognition of the 17th and 18th centuries is analyzed. The author of the article sees the explanation of this fact in the exceptional role of anthropological concepts adopted in the philosophy of the European Enlightenment. The self-sufficiency of the epistemological subject, its cognitive autonomy, is the anthropological basis of the theory of cognition of the past. It is manifested in the classical concepts of sensualism, rationalism and Kantian transcendentalism, which fully realized the idea of a self-sufficient epistemological subject. Epistemological search cannot ignore this circumstance. The modern solution to the problem of cognition requires a new anthropology based on the study of the cultural and active evolution of human communities, and an explanation for the formation of a cognitive attitude to the world and human cognitive abilities. The author shows that Bacon was one of the initiators of an active version of the theory of knowledge. The justification of the validity of this judgment is the subject of this article.

Keywords: theory of knowledge, scientific method, sensualism, rationalism, activity, philosophical anthropology

For citation: Cheshev, V.V. (2022) Francis Bacon on the active subject of cognition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 156–166. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/14

Гносеология или эпистемология. Предварительные замечания

Прежде всего укажем на ракурс рассмотрения обозначенной темы. Сегодня термин «эпистемология» чаще всего замещает термин «гносеология». Но эпистемология, как полагает автор статьи, есть преимущественно исследование знания средствами логики и языковой семантики. Они не могут заместить традиционный философский подход, в котором так или иначе решается проблема соотношения субъекта и объекта познания, а также проблема отношения знания к постигаемой реальности¹. Например, проблема истины, понимаемой как результат познания объекта, внешнего для действующего субъекта, есть проблема философская. Философия должна давать ответ на вопрос о познании мира, в то время как формальный подход склонен сводить вопрос к логической правильности системы суждений, оставляя на периферии внимания вопрос об отношении знания и объекта либо вообще снимая этот вопрос с рассмотрения. Последнее неудивительно, поскольку эпистемология возникла под воздействием позитивистского умозрения, исходным пунктом которого явилось отрицание метафизики, т.е. отказ от постулата о существовании внешних объектов, «истина» которых должна быть освоена в процессе познания. Однако нет сомнения в том, что Ф. Бэкон рассуждал в рамках гносеологической, но не эпистемологической установки. Об этом свидетельствует среди прочего использование им аристотелевского понятия «форма». Форма является для Ф. Бэкона объектом и целью познания, она предстает как нечто общее во взаимодействии вещей, к которому познающий субъект восходит индуктивно. Точнее, Ф. Бэкон называет формы законами действия (чистого действия), раскрываемые человеческим мышлением [2. С. 23, 39]. Аристотель, использовавший учение о форме как одном из метафизических первоначал, не мог отказаться от представления о познании как постижении внешнего мира, его сущности, т.е. его внутренней структуры, заданной первопричинами.

Ставит ли Бэкон вопрос о воспроизводстве объекта в мышлении? Это вопрос теории познания, ставший «мучительным» для современной эпистемологии, для Ф. Бэкона не существует, поскольку для него форма реальна, она присутствует в явлениях. Его задача – описать правильную процедуру ее выявления. Поэтому он предстает в истории философии как методолог опытной науки, а не творец теории познания. Как известно, английский философ предложил индуктивный путь постижения формы, опирающийся на опыт, который дает разуму «свинцовые гири», не позволяющие ему взлетать в абстрактные сферы схоластики, софистики и диалектики, лишенные ясных границ. Поэтому познающий разум, как утверждает Ф. Бэкон, необходимо осво-

¹ И.Т. Касавин и В.Н. Порус отмечают, что «эпистемологические исследования все больше подходят на специально-научные или логико-аналитические. Журналы, публикующие такие материалы, именуются философскими, но что это означает, не совсем ясно» [1. С. 10].

бодить от «идолов», т.е. от произвольных представлений, порождаемых обучением и воспитанием, произвольным употреблением слов, метафизическими спорами и даже природой человека, склонной к искаженному восприятию действительности. При этом, развивая идею опытного постижения природы ради овладения ею и наращивания человеческого могущества, Ф. Бэкон не ставит тех тонких вопросов теории познания, которые начнут обсуждать философы, принявшие эмпирическую ориентацию, провозглашенную Ф. Бэконом. Фундаментальной проблемой теории познания XVII–XVIII вв. становится вопрос о происхождении идей ума и об их отношении к природной (предметной) действительности. Этот вопрос и сегодня остается принципиальным. В XVII в. ответом на возникшую проблему стала дилемма «чувственное–рациональное». Сенсуализм Д. Локка утверждал, что первым источником идей ума является чувственный опыт, точнее, ощущения, вызываемые действием предметов на восприятие человека. Тогда исходные идеи ума являются, по сути, следами чувственного восприятия или идеями памяти. Рефлексия ума, внутренний опыт оперирования с первичными опытными идеями, порождает новые отвлеченные (абстрактные) идеи, опосредованно соотнесенные с природной реальностью через их соотнесение с первичными идеями опыта. Соответственно, природная действительность должна являть себя в простых идеях чувственного опыта. Но здесь теория познания сенсуализма сталкивается с принципиальной трудностью, фиксированной Д. Локком в вопросе о существовании (присущности вещам) качеств, явленных нам в опыте.

Р. Декарт видел альтернативный сенсуализму путь решения гносеологической проблемы. Опорные идеи ума есть идеи врожденные, они в то же время – идеи простые и очевидные. Эти идеи не извлечены из опыта. Вместе с тем они не есть продукт индивидуальных психических способностей, они «интерсубъективны» поскольку присущи уму как некой трансцендентной реальности, соединяющей мысль человека и бытие. Гносеология Декарта опирается тем самым на концепцию сотворенного мира, бог необходим ему как творец мира, как условие применения познавательных способностей человека. Если Д. Локк избавляет теорию познания от каких-либо трансцендентных начал, соединяющих человека и природный мир, то теория познания Р. Декарта опирается на трансцендентные начала, явленные в бытии и в мышлении.

Собственно, дилемма «сенсуализм–рационализм» включает в себе вопрос о взаимоотношении субъекта и объекта, тем самым, вопрос о способе данности познаваемого объекта познающему субъекту. Как уже отмечено, Ф. Бэкон не ставит вопроса о природе и происхождении идей ума. Но это не значит, что он не ставит вопроса об отношении этих идей к действительности и, как следствие, о способе данности объекта познания познающему уму. Де-факто этот вопрос не мог не возникнуть, и методология английского ученого дает на него свой ответ. Тексты сочинений Ф. Бэкона позволяют реконструировать решение им названной проблемы.

Деятельный субъект в методологии Ф. Бэкона

Приписываемый Ф. Бэкону афоризм «знание – сила» отражает целевую ориентацию его философии. Познание природы ради овладения ею и ради

возрастания материального могущества человека – таков смысл познавательных усилий опытной науки, в то время как схоластика, софистика и диалектика в принципе не пригодны для достижения этой цели. Природные объекты, природная действительность в естественной жизненной активности воспринимаются человеком при посредстве органов чувств. Это очевидное положение в философии Ф. Бэкона никак не оспаривается. Однако насколько природа открывает себя человеку в его чувственном восприятии? Форма как сущность тех или иных процессов в природном мире не дана человеку в каком-то конкретном акте чувственного восприятия, она есть нечто общее в этих явлениях и потому не может явить себя как чувственная единичность. Познающий субъект в методологии Ф. Бэкона восходит к ней путем индукции, выявляя форму по сумме признаков, группируемых самим исследователем. Форма обнаруживает себя в явлениях, но сама по себе она не обязана демонстрировать себя человеку. Человек сам принуждает ее к такой демонстрации посредством искусств, т.е. посредством разнообразных деятельных операций, совершаемых как в трудовой деятельности, так и в научном эксперименте. Если субъект познания хочет «увидеть» форму, то он должен «тревожить» природу, вынуждая ее являть себя в соответствующих стесненных обстоятельствах. Ф. Бэкон сравнивает усилия правильного эмпирического познания с действиями пчелы, которая «извлекает материал из садовых и полевых цветов, но располагает и изменяет его по своему умению» [2. С. 58]. Как утверждает Ф. Бэкон, не отличается от этого и подлинное дело философии, которая не ограничивается нетронутым материалом, извлекаемым из естественной истории и из механических опытов, но изменяет его и перерабатывает в разуме.

Это суждение есть очевидное указание на активность субъекта в познавательном процессе. Как видно из текста «Нового Органона», эта активность не сводится к проявлениям умственной активности. В более глубоком смысле она касается взаимодействия субъекта и объекта познания, совершающегося в его экспериментальной деятельности, в опыте, во всех видах преобразовательной деятельности, называемых в то время искусствами. Человек «тревожит» природу, заставляя ее проявлять себя. Именно эти проявления преобразованной природы он собирает подобно тому, как пчела собирает материал с садовых и полевых цветов. Ф. Бэкон не формулирует в общей форме постулат о способе данности объекта познающему субъекту, но ход его мыслей подводит к той формуле, которая выражает деятельный подход к решению поставленного вопроса, т.е. к утверждению, что объект дан познающему субъекту в формах практики. Таким может быть прочтение четвертого афоризма об истолковании природы и царстве человека: «В действиях человек не может ничего другого, как только соединять и разъединять тела природы. Остальное природа совершает внутри себя» [2. С. 12].

Афористичным выражением мысли о данности объекта в формах практики можно считать бэконовское сравнение природы с многоликим Протеем. Это мифическое существо, как о нем повествует предание, не проявляет своей способности к многообразным превращениям, пока его никто не тревожит. Точно так же природа не раскрывает себя, пока она не потревожена действием. Философ указывает на три состояния природы: свободное (естественное), исключительные состояние (монстры), возникающие под действием мощных

препятствий, или же, наконец, природа, «скованная силой человеческого искусства, формируется им заново» [2. С. 219]. Все эти состояния должны быть предметом наук, но история искусств оказывается особенно важной, «потому что она показывает вещи в движении и прямее ведет к практике. Более того, она срывает маску и покров с природных явлений, в большинстве случаев затемненных и скрытых за пестротой форм и внешних проявлений» [2. С. 223].

Признано, что европейская опытная наука рождалась как наука практиков. Эта сторона ее истории определенным образом обнаруживает себя в философско-методологических размышлениях Ф. Бэкона, в частности в утверждении, что практика срывает покров и маску с природных явлений. В этом контексте оказывается уместным образ пчелы, собирающей материал искусств для извлечения форм, этого «меда познания». Философ обращается к описанию приемов индукции, т.е. деятельности мышления, сравнивающей различные проявления исследуемой формы. В его описании индуктивного метода исследования еще не ставится тонкий гносеологический вопрос о происхождении идей ума. Эта проблема встала в полный рост в ходе обретения опытной наукой необходимой ей философской опоры в виде теории познания. Однако Ф. Бэкон, по-новому ставивший вопрос о применении рассудка к опыту, не мог миновать обсуждение роли чувств в познавательном процессе. Английскому философу была хорошо известна постановка этого вопроса скептиками Новой Академии, для которых сомнение в чувствах как пути познания было одним из постулатов гносеологического скепсиса. Чувства не дают прямого восхождения к сущности вещей, и на этом основании возникла акаталепсия скептиков: «Отсюда и мнение, что формы эти истинные отличия вещей, которые в действительности суть законы чистого действия, открыть невозможно и что они лежат за пределами человеческого» [2. С. 39].

У Ф. Бэкона нет ясно выраженной гносеологической концепции, его исследования справедливо оценены как усилия методолога, настаивавшего на экспериментально-индуктивном пути познания. Поэтому в тексте «Нового Органона» трудно найти четкую гносеологическую терминологию. Однако всякая методология неизбежно будет содержать в себе гносеологические предпосылки, пусть даже и не получающие ясной экспликации и растворенные в контексте описания метода. Поэтому уместно обратить внимание на термин «законы чистого действия», неоднократно используемый философом. Выявление таких законов не может совершаться в акте непосредственного чувственного восприятия, оно требует сопоставления, сравнения тех отношений и связей, которые проявляют природные предметы прежде всего в стесненных условиях эксперимента. В рамках новой бэконовской индукции применение разума направлено именно на эти отношения, на поиск некоего инвариантного начала в преобразованиях природной реальности, совершающихся естественным или насильственным путем. В этом, собственно, заключается применение рассудка к опыту, на котором настаивает философ. Он далек от «проблемы реальности» современных аналитиков, в рамках которой вопрос об отношении абстракции к реальности фактически подменен вопросом об отношении чувственного образа к реальности. Для него есть объекты практического действия и анализ изменений, совершающихся в ходе дей-

ствия. Эти объекты воспринимаются в чувственных формах, но это само собой разумеющееся обстоятельство не ведет к акаталепсии и не является препятствием для выявления законов чистого действия. Это позволяет философу утверждать, что «в действительности же мы думаем не об акаталепсии, а об евкаталепсии, ибо мы не умаляем значение чувства, а помогаем ему и не пренебрегаем разумом, а управляем им» [2. С. 75]. В конечном счете, как утверждает Ф. Бэкон, «поскольку наш способ истолкования (после того как история подготовлена и приведена в порядок) принимает во внимание не только движения и деятельность ума (подобно обычной логике), но также и природу вещей, поскольку мы направляем ум так, чтобы он всегда мог пригодными способами обратиться к природе вещей» [2. С. 76].

В бэконовском представлении, исследователь опирается на чувства в своих действиях с вещами. Но та или иная субъективность в их восприятии не мешает операциям с ними, поскольку анализ изменений, порождаемых операциями, ведет к открытию законов чистого действия. Ощущения обслуживают действия, но познание базируется не на них, а на анализе отношений и превращений вещей. Это позволяет постигать природу ради овладения ею, ибо, как утверждает философ, «над природой не властвуют, если ей не подчиняются». Ф. Бэкон не ставит вопрос о специфических свойствах абстракции и ее отношении к предметной реальности. Поэтому у него нет того обращения к проблемам гносеологии, которое породило противостояние сенсуализма и гносеологического рационализма в их классических формах. Ф. Бэкону достаточно уверенности, что предметные действия, дополненные правильными действиями ума, обеспечивают обращение к природе вещей и познание природных закономерностей.

Теория познания и деятельностный субъект

«Новый Органон» сохранился в истории философии как яркое свидетельство становления опытной науки. Наукой был принят бэконовский эмпиризм и его вклад в развитие оснований экспериментальной науки, хотя инструментальная часть его «истинной индукции» в силу множества причин не стала универсальным познавательным средством. Деятельная сторона его метода чаще всего виделась лишь как активность субъекта, расширяющего горизонты познания, расширяющая поле контакта с природной реальностью. Возникает вопрос: могло ли представление о деятельном освоении природы, обнаруживаемое в методологии философа, обрести не только методологический, но также гносеологический контекст? Казалось бы, это должно было произойти в марксистской философии, которая акцентировала естественно-материалистический контекст размышлений Ф. Бэкона и вводила категорию «практика» в свою теорию познания, не забывая тезис К. Маркса, высказанный в «Тезисах о Фейербахе», что человеческая чувственность есть его практическая деятельность. Однако «школьная» теория познания советского марксизма, поселившаяся не только в учебниках, но и в научных трудах, весьма эклектично соединяла в себе положение о практике с препарированным сенсуализмом Нового времени и диалектикой Г. Гегеля. Цель такого синтеза заключалась в обосновании концепции отражения, позитивной стороной которой было утверждение объективности познания, способного раскрывать законы природы, а также объективно-исторические законы обще-

ственной жизни. Но эта цель скорее провозглашалась, нежели достигалась ввиду неадекватности теоретических средств, пренебрегавших действительной сложностью познавательного процесса, зафиксированной, в частности, элеатами на заре становления европейской рациональной философии. Ретроспективно можно утверждать, что проблема теории познания начинается с фиксации качественной несовместимости свойств абстрактного (теоретического) объекта и объекта эмпирического, фиксированного в человеческих чувствах. На этом основании рождается парменидово «бытие» и «небытие», его выбор – между подлинной реальностью, существующей поистине, и реальностью неподлинной, существующей во мнении. Здесь происходит первое обнаружение сложной проблемы взаимоотношения между ощущением, абстрактной мыслью и реальностью, противостоящей человеку как объект познания. Решение этой проблемы становится содержанием гносеологических поисков Нового времени, с классической ясностью обнаружившей трудности ее решения в рамках дилеммы «чувственное–рациональное». Деятельностный подход в теории познания как альтернатива одностороннему сенсуализму современного позитивизма (как, впрочем, и отдельным рецидивам рационализма) должен был дать свое решение вопроса о природе научной абстракции и ее отношении к реальности, преодолевающее их ограниченность.

Возможность объективации абстракций сознания, их своеобразного «соединения» с объективным миром показана в методологических исследованиях отечественного философа В.С. Степина. Под «соединением» понимается в данном случае такое истолкование соотношения теоретических конструктов человеческого ума и предметной действительности, которое в рамках теории познания маргинализирует проблему субъективности человеческого восприятия. Реализация этой конструктивно-деятельностной позиции начата В.С. Степиным в начале 70-х гг. прошлого столетия в исследованиях по методологии науки. Как уже отмечено, методологическое исследование не может избежать гносеологических оснований. Они заявлены в одной из первых публикаций названного автора следующим образом: «Процесс создания моделей теоретического объяснения должен быть рассмотрен как процесс моделирования той практики, в системе которой определен исследуемый объект. Этот вывод и дает ключ к пониманию объективных истоков появления в науке теоретических моделей. Оказывается, что они возникают не в результате индуктивного обобщения данных экспериментально-измерительной деятельности, а формируются на путях схематизации и идеализированного представления самой *структуры* этой деятельности» [3. С. 18].

Предметная практика в любых ее формах, включая практику эксперимента, может быть представлена в двух планах. С одной стороны, она есть особая форма человеческой деятельности, с другой – часть взаимодействий природы. Это представление вполне соответствует цитированному выше афоризму Ф. Бэкона. В гносеологическом контексте оно означает, что объект познания задан структурой практического действия, и теоретическому сознанию он может быть дан только через его реконструкцию в виде абстрактной модели, а этот процесс не может быть сведен к языковой фиксации ощущений, возникающих в ходе такой практики. Реконструкция такого рода, обозначенная В.С. Степиным термином «схематизация», становится опорной

точкой его разнообразных методологических исследований. В самой процедуре схематизации философ выделяет две операции, а именно 1) конструирование абстрактных объектов и 2) синтез абстрактных схем (моделей), исследуемых объектов. На гносеологически первой стадии этого процесса конструируемые абстрактные объекты замещают реальные предметы, которыми оперирует человек в практике эксперимента или в человеческой предметной практике в любых ее проявлениях. Они являются носителями определенного ограниченного набора свойств. Эти свойства могут фиксироваться на уровне чувственного восприятия, но выявляются они не фактом самого чувственного восприятия как такового. Они выделяются и фиксируются «функционально, самым способом включения их в экспериментальное взаимодействие», иначе говоря, «в реальной практике необходимые свойства объектов выделяются самым характером оперирования с ними» [3. С. 20, 22].

Из выделенного набора абстрактных объектов синтезируется абстрактная схема (теоретическая модель) исследуемого объекта. Этот конструктивный синтез произволен. Отношения абстрактных объектов «снимаются» с отношений реальных предметов, которые включены в реальную практику эксперимента или иного практического действия. Построенная в ходе реконструкции абстрактная схема репрезентирует объект исследования, но из самого процесса схематизации следует, что «объект исследования всегда представлен не отдельным элементом (вещью) внутри приборной ситуации, а всей ее структурой» [3. С. 20, 22]. Становится очевидным, что «объект исследования может быть выявлен только через особую структуру отношений участвующих в эксперименте природных фрагментов», поскольку «объект исследования в любом реальном эксперименте как бы погружен в объектную структуру последнего и представлен этой структурой» [3. С. 27].

Гносеологические основания методологических поисков были предложены В.С. Степиным в статье, повторяющей его основной тезис о предметно-деятельном основании познавательного процесса: «Предметные отношения практики на высших этапах научного знания изображаются не как искусственно вызванные человеком, а как естественные процессы, развертывающиеся независимо от человека и человечества. ...С этих позиций объект научного исследования (законы природы) всегда может быть представлен в форме предметной структуры практического действия» [4. С. 209]. Однако в развитой науке процесс построения абстрактных моделей в большинстве случаев не начинается с процедур схематизации предметных структур практики. Теоретические модели могут складываться из набора абстрактных объектов, которыми располагает наука, эти конструкты могут переноситься из одной сферы знания в другую, могут дополняться объектами математики или трансформироваться при наложении математических абстракций на предметные области науки. Такие схемы могут в последующем развертываться в схемы практического действия, что позволяют рассматривать научное познание как «опережающее отражение» практики.

Деятельный субъект Ф. Бэкона и современность

Современная эпистемология, основания которой заложены позитивизмом, является, на наш взгляд, победой сенсуализма, одним из вариантов которого было учение Э. Маха, вдохновлявшее основателей Венского кружка.

Это победа, одержанная де-факто, сделала возможным уклонение от прямого обсуждения гносеологических проблем эмпиризма, составивших историю европейской философии. Различные «конструктивистские» вкрапления сами по себе не отрицают исходного тезиса сенсуализма прошлого об ощущении как содержательном источнике идей ума, с которыми в последующем могут совершаться те или иные когнитивные процедуры. Возникает вопрос: что препятствует возникновению теории, способной продолжить те ростки деятельной гносеологии, которые намечались в текстах Ф. Бэкона и которые вполне очевидным образом явлены в методологических исследованиях В.С. Степина? Ответ на этот вопрос требует обращения к структуре философского знания и к культурно-исторической роли философии в жизни общества.

Философское миропонимание, к какому бы вопросу оно ни обращалось, всегда содержит опорные представления, оформленные как картина мира и образ человека, свойствами которых обусловлено представление об их взаимоотношении. В мировоззрении, которым руководствуется современное западное сознание, прочно утвердилось представление о человеке как автономном самодостаточном существе, наделенном естественными правами. Жизнь человека в обществе предстает как реализация его естественных прав. Его познавательное отношение к миру также предстает как реализация способностей, изначально присущих ему как самодостаточному существу. Способность ощущать внешний мир и способность мыслить оказываются прирожденными свойствами этого автономного существа, при помощи которых он вписан в реальный мир и реализацией которых оказывается его познавательная активность. Тогда неизбежны две альтернативные гносеологические аксиомы: мир открывается человеку непосредственно в его ощущениях (сенсуализм) и мир дан человеку непосредственно в его мышлении (рационализм). Последовательное проведение той или иной позиции натывается на фундаментальные препятствия, поиск пути преодоления которых ведется в проблемном поле, очерченном дилеммой «чувственное–рациональное». Впечатляющим примером «компромиссного» решения оказался кантовский гносеологический трансцендентализм. Все эти поиски европейской гносеологии, осуществлявшиеся на основе антропологии самодостаточного индивида, не без основания были однажды названы в отечественной литературе советского периода «гносеологической робинзонадой». Бесплодность этого антропологического основания для решения гносеологической проблемы привела в конечном счете к выталкиванию ее на периферию эпистемологической проблематики, занятой частными вопросами познания, например, анализом языка науки, вынужденно сталкивающегося с «периферийной» дилеммой «чувственное–рациональное», анализом частных форм воздействия культурного фона на научный поиск и т.п. Теории познания нужен новый поиск: «Будущее философской эпистемологии связано с реформированием ее концептуального аппарата, методологического арсенала и проблемного поля. Это относится ко всем системообразующим понятиям и методологическим принципам» [1. С. 19].

На наш взгляд, решение фундаментальной проблемы познания мира человеком требует другой антропологии, предпосылки которой созрели в современном естественно-научном и гуманитарном знании, хотя остаются не востребованными в современной философии. Речь идет о ряде эволюционных факторов, сформировавших человека и его познавательные способности.

С одной стороны, человек есть существо общественное, на чем в свое время настаивал Аристотель. Но в рассматриваемом нами контексте речь должна идти о человеке не только как о существе политическом, что имелось в виду в высказывании античного философа, ищущем выгоду в человеческой кооперации. Сообщество является способом существования человека еще на биологической стадии его развития, и в эволюционный процесс вступает не человеческая особь сама по себе, но гоминидные сообщества. Свободный и «самодостаточный» индивид эпохи Просвещения есть продукт культурно-исторической эволюции человеческих сообществ. Принятие этого образа человека в основание философской антропологии и теории познания является односторонностью, необходимость которой была обусловлена задачами антифеодальных преобразований того времени, совершавшихся в европейском обществе. Предметно-деятельное отношение к природной среде является изначальным атрибутивным фактором в жизни исторических человеческих сообществ, оно есть способ жизни сообщества, а не производ автономного существа. Из этого способа жизни вырастает познавательное отношение человека к внешней среде, а также осознание того факта, что объект познания дан человеку в формах практики. Разумеется, это положение должно быть дополнено решением вопроса о культурно-исторической природе познавательных (когнитивных) способностей человека, осознанием особенностей его символического поведения и пронизанности символическими средствами всей его социальной активности. В таком случае окажется возможным выход из гносеологического тупика, создаваемого концепцией самодостаточного познающего индивида и возникающей на этом основании неразрешимой дилеммы «чувственное–рациональное». Творчество Ф. Бэкона – одно из первых столкновений с деятельными основаниями человеческого познания [5], и осознание этого обстоятельства может внести новые оценочные суждения о его роли в решении проблемы познания.

Список источников

1. Касавин И.Т., Порус В.Н. Современная эпистемология и ее критики: о кризисах и перспективах // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 4. С. 8–25.
2. Бэкон Ф. Новый органон // Соч. : в 2 т. М. : Мысль. 1978. Т. 2. С. 5–214.
3. Степин В.С., Томильчик Л.Н. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Минск, 1970. 96 с.
4. Степин В.С. Научное познание как «опережающее отражение» практики // Практика и познание. М. : Наука, 1973. С. 206–227.
5. Bacon F. Das neue Organon. Berlin : Akademie – Verlag, 1962. 306 S.

References

1. Kasavin, I.T. & Porus, V.N. (2018) Contemporary epistemology and its crisis: on crisis and perspective. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(4). pp. 8–25. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201855461
2. Bacon, F. (1978) *Sochineniya v 2-kh t.* [Works in 2 vols]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Mysl'. pp. 5–214.
3. Stepin, V.S. & Tomilchik, L.N. (1970) *Prakticheskaya priroda poznaniya i metodologicheskie problemy sovremennoy fiziki* [Practical nature of knowledge and methodological problems of modern physics]. Minsk: [s.n.].
4. Stepin, V.S. (1973) Nauchnoe poznanie kak “operezhayushchee otrazhenie” praktiki [Scientific knowledge as a “leading reflection” of practice]. In: Gorskiy, D.P. (ed.) *Praktika i poznanie* [Practice and Knowledge]. Moscow: Nauka. pp. 206–227.
5. Bacon, F. (1962) *Das neue Organon*. Berlin: Akademie – Verlag.

Сведения об авторе:

Чешев В.В. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и методологии науки философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: chwld@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Cheshev V.V. – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chwld@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2022;
одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 20.10.2022;
approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 05.12.2022*

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.4
doi: 10.17223/1998863X/70/15

КОРРЕЛЯЦИЯ ПОНЯТИЙ «СТИХИЙНОЕ» И «БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ» В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Татьяна Ивановна Бармашова

*Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия,
tatibar910@mail.ru*

Аннотация. Анализируется проблема неправомерности отождествления понятий «стихийное» и «бессознательное» в общественной жизни. Осуществляется разграничение понятий «стихийное» и «бессознательное», устанавливается их соотношение между собой, а также с понятиями «сознательное» и «организованное».

Ключевые слова: сознательное, бессознательное, стихийное, организованное.

Для цитирования: Бармашова Т.И. Корреляция понятий «стихийное» и «бессознательное» в социальной сфере // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 167–176. doi: 10.17223/1998863X/70/15

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

CORRELATION OF THE CONCEPTS “SPONTANEOUS” AND “UNCONSCIOUS” IN THE SOCIAL SPHERE

Tatiana I. Barmashova

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russian Federation, tatibar910@mail.ru

Abstract. In Russian philosophical reflection, the concepts “spontaneous” and “unconscious” in social processes are often identified, which leads to two undesirable consequences. Firstly, such an interpretation leads to an expansive interpretation of the spontaneous, as a result of which the definition denotes a class of heterogeneous phenomena. Secondly, the identification of the spontaneous and the unconscious leads to the ignoring of the concept of the social unconscious in Russian science. Explication of the spontaneous and the conscious as opposites logically means their definition through the dichotomous properties inherent in the oppositional side. Being more complex, the correlation of the spontaneous and the conscious is not reduced to their elementary opposition. Although spontaneity does not exclude some constants of the conscious, their presence is not enough to avoid

disorganization, disorder of the course of social processes. The lack of a sufficient degree of awareness of the social subject undoubtedly leads to spontaneity. However, this fact does not mean that the concept “consciousness” is opposed to the concept “spontaneity” in the categorical sense. Such an opposition means mixing categorical analysis with empirical statements. It seems appropriate to define spontaneous as a form of social activity characterized by an insufficient level of planning, organization, and control over the course of activities. It is these properties that are the criterion for distinguishing between spontaneous and non-spontaneous, in contrast to the traditional pair of categories “spontaneous” and “conscious”. In the author’s opinion, it is legitimate to define the spontaneous through the opposition of organization, the conscious through the opposition of the unconscious. The following point indicates the logic of such a comparison of concepts. The conscious and the unconscious represent the spiritual sphere of being, organization and spontaneity include both the ideal beginning and the material and practical one. It follows from this that “conscious” and “spontaneous” are diverse concepts, as a result of which they are not conjugate categories. Thus, the distinction between the concepts “spontaneous” and “unconscious” not only helps to clarify their relationship with the related categories “organized” and “conscious”, but also has heuristic significance, indicating the grounds for distinguishing the concept of the social unconscious as a separate subject of research.

Keywords: conscious, unconscious, spontaneous, organized

For citation: Barmashova, T.I. (2022) Correlation of the concepts “spontaneous” and “unconscious” in the social sphere. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 167–176. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/15

Как известно, человеческая активность не всегда имеет сознательный, рациональный характер. В жизни социума существуют различные проявления внерациональной активности, к которым относятся, прежде всего, бессознательное, стихийное, спонтанное, хаотичное. До сих пор не существует единого понимания этих понятий, в том числе их соотношения между собой, а также с понятием сознательности.

В настоящее время не все из указанных понятий в равной степени вызывают интерес исследователей. Понятие стихийного фактически выпало из проблемного исследовательского поля. Можно встретить лишь редкие работы по данной проблеме. Заметное охлаждение к проблеме стихийности представляется неоправданным. Недопустимо умалять актуальность данной проблемы, поскольку феномен стихийности является влиятельным фактором общественной жизни. В обществе не существует ни одной сферы, где бы ни проявлялась стихийность. Некоторые мыслители распространяют стихийность не только на человеческую деятельность, но и на мыслительные формы человеческой активности. В частности, М. Хайдеггер, Г. Башляр вели речь о спонтанном, стихийном воображении, позиционируя его как способ бытия человека, как основу его экзистенции [1].

При этом роль стихийности в обществе неоднозначна. Она может играть как отрицательную (усиливая энтропийные процессы), так и положительную (являясь выражением спонтанных творческих порывов) роль. Некоторые исследователи подчеркивают амбивалентный характер хаоса (нередко связанный со стихийностью), способного играть конструктивную роль в эволюции, а потому предлагают избегать отождествления хаоса и энтропии [2. С. 50–51].

При этом мыслители с давних времен так или иначе касались если не понятия «стихийного», то, по крайней мере, идеи стихийности без соответствующего терминологического обозначения. Если обратиться к истории философии, можно заметить выраженный интерес философов к проблеме

организации природного и общественного бытия. Не случайно древние греки уделяли большое внимание понятиям «космос» (в переводе с древнегреческого – «порядок»), «логос» (как некое упорядочивающее начало) и «хаос» (как воплощение беспорядка). Так, у Платона важной проблемой является проблема социальной организации общества, государственного устройства. Идеальное государство базируется на гармоничном устройстве общества. Полис у него отождествляется с Космосом как некоей упорядоченностью, гармонией, где необходимость преобладает над случайностью, стихийностью («Государство», «Политик»). В подобном ключе подходит к решению идеального государства Аристотель. Притягательность данной идеи формирует утопические представления и в более поздние эпохи. Социально-политическим идеалом Ф. Бэкона была Новая Атлантида как идеальное государство, правление которым осуществляет «Дом Соломона», который можно идентифицировать с сообществом мудрецов. Рациональность, развитие научных знаний является основой благополучия этого общества. Аналогичные представления о совершенном обществе имел Т. Кампанелла. Тенденцию рационализации, являющейся спутником прогресса, отстаивали Ж. Кондорсе, А. Сен-Симон, Г. Спенсер, Г. Гегель и многие другие философы. Согласно Г. Гегелю, мировая история идет по пути развития осознанной свободы и разумности, а потому исключает господство стихийных сил.

Для многих мыслителей было характерно связывать стихийность со случайностью, упорядоченность – с необходимостью, закономерностью. В этом отношении они исключали элемент случайности в развитии природы и общества, признавая принцип необходимости в основе всего происходящего. Демокрит допускал лишь реальность необходимости, исключая случайность из жизни природы и общества. Р. Декарт полагал, что в деле исключения случайного нахождения истины должны помочь интуиция и дедукция. Ясное и отчетливое знание лишает почвы стихийного процесса.

С разгулом стихийности связывали развитие мира иррационалисты. А. Шопенгауэр связывал трагедию существования «одного из худших миров» с тем, что миром управляет бессознательная, иррациональная, стихийная воля. Ф. Ницше уже признает два начала организации жизни: для характеристики человеческой культуры он использует понятия «диониссийское начало» и «аполлоническое начало». Для первого начала характерны стихийность, спонтанность, иррациональность. Второе начало воплощается в рациональном, упорядоченном, гармоничном способе бытия. Но оно не является определяющим в жизни человека и общества.

Психоаналитическая теория при объяснении трудноуправляемых процессов основывается на дихотомии сознательного и бессознательного, рационального и иррационального. З. Фрейд связывает импульсивные, стихийные формы человеческой активности с вытесненным содержанием бессознательного. Согласно К.Г. Юнгу, энергия архетипов может прорываться и порождать стихийные, деструктивные проявления личности. Э. Фромм позиционирует стихийное и спонтанное как результат нарушения общественного фильтра, целью которого является не пропустить вредное содержание феномена бессознательного для определенного общества или культуры.

Постструктурализм на место изучения порядка, упорядоченности ставит случайность. Структура стала рассматриваться не как устойчивая целостность, а

как хаотичное, неустойчивое образование. В результате такого подхода хаос становится главным объектом изучения. Созвучные идеи выражает постмодернизм, базируясь на отказе от рациональности культуры, провозглашенной в эпоху Нового времени. Его краеугольным камнем становится понятие свободы. Причем свобода понимается как абсолютная, освобождающая от всех принятых норм общества (этических, эстетических, религиозных и т.д.), в том числе от ответственности. Отсюда вытекает идея стихийной, спонтанной активности социума, апология случайного. О разгуле стихийных общественных процессов, благоприятным условием для возникновения которых является «массовое сознание», ведет речь также Х. Ортега-и-Гассет.

Сомнение в сознательном регулировании общества выражает Ф.А. Хайек. Не являясь сторонником плановой экономики, он скептически относится к идее К. Сен-Симона о возможности управлять обществом на основе рационального плана. Утверждая преимущество рыночной системы перед социалистическим регулированием, он ведет речь также о преимуществе «спонтанных порядков» (предоставляющих индивиду автономию) перед «сознательными порядками» (ведущих к тоталитаризму). Таким образом, стихия рыночных законов более предпочтительна для Ф.А. Хайека, чем упорядоченность плановой экономики и принципы государственного регулирования.

Что в целом можно сказать о понимании стихийного в истории философии? Несмотря на то что данное понятие эксплицировалось в рамках различных концепций (иногда диаметрально противоположных), можно заметить нечто общее, что присуще его пониманию. К этому общему относится противопоставление стихийного сознательному.

Эта методологическая традиция нашла продолжение и в отечественной философской рефлексии. В соответствии с этим И.И. Камынин указывает: «Стихийность имеет смысл лишь по отношению к сознательности, в качестве антипода последней» [3. С. 155]. В этом вопросе с ним солидарны А.Н. Бугреев [4], А.Н. Попсуйко [5], Н.И. Егоренков, И.Е. Стародубцев, М.Н. Стародубцева [6]. Аналогичную позицию занимает Н.Х. Гимадова. Под стихийным она понимает «...то, что осуществляется непреднамеренно, не контролируется людьми, не подчинено их воле. ...В общем, сознательное и стихийное выражают противоположность между процессами в природе и обществе» [7. С. 929]. Распространенную позицию отождествления стихийного и бессознательного также выражает М.Г. Курбанов, рассматривая категории «стихийное» и «сознательное» в качестве противоположных социально-инвариантных основ существования общества [8].

Однако в отдельных случаях можно встретить и другую интенцию, отвергающую сопряженность категорий сознательного и стихийного. Эту позицию выражает, в частности, А.Э. Воскобойников. По этому поводу он указывает: «...трудно согласиться с отождествлением стихийного и бессознательного. Ведь сознание тоже порою может проявляться в стихийной форме...» [9. С. 120]. А.В. Морощук предлагает вместо традиционно используемой в отечественной литературе категориальной пары «стихийное–сознательное» использовать диалектическую оппозицию «стихийное–целенаправленное» [10]. Как соотносительные понятия использует «стихийное» и «организованное» Е.В. Миронов [11], А.А. Краузе [12], И.В. Кроливецкая и И.А. Остапенко [13]. В.С. Кржевов также отходит от дихотомической взаи-

мосвязи сознательного и стихийного, используя как сопоставительные понятия «стихийное» и «планомерное» [14]. Но при этом в задачи упомянутых исследователей не входит категориальный анализ указанных понятий.

В советский период, являясь соотносительными категориями исторического материализма, сознательное и стихийное представляли актуальную и востребованную проблему. В условиях плановой экономики важным считалось исключить стихийность из всех сфер общественной жизни или, по крайней мере, свести к минимуму проявления стихийности в обществе. По этой причине злободневной была экспликация данных понятий и диалектики их взаимосвязи.

Противопоставление сознательного и стихийного неизбежно приводит к отождествлению стихийного и бессознательного. Представляется правдоподобным допустить, что на этом в значительной степени сказывается утверждение В.И. Ленина: «...инстинктивность и есть бессознательность (стихийность), которой должны прийти на помощь социалисты» [15. С. 44]. В советский период существовала негласная установка следования идеям классиков марксизма-ленинизма, что и определяло в значительной степени методологию общественных наук. При этом нередко имело место слепое копирование и интерпретация цитат. В настоящее время общественно-политическая и идеологическая ситуации в обществе изменились, но по инерции имеет место отождествление стихийного и бессознательного во многих исследованиях духовной жизни общества.

Вышеупомянутая цитата из работы В.И. Ленина в действительности может лишь указывать на корреляцию стихийного и бессознательного, не ориентируя на их тождество. Отождествление данных понятий имеет два нежелательных следствия. Во-первых, такая интерпретация детерминирует расширительное толкование стихийного, вследствие чего дефиниция обозначает класс разнородных феноменов. Во-вторых, отождествление стихийного и бессознательного приводит к игнорированию в отечественной науке понятия общественного бессознательного. Одной из особенностей проблемы бессознательного является то, что она позиционируется в преобладающей степени как индивидуально-психологическая. Хотя отдельные исследователи нацеливают на актуализацию бессознательного в культурно-исторической сфере, но в целом проблема бессознательного в духовной жизни общества не достигает уровня методологической рефлексии в необходимой степени, чтобы могло отразить всю полноту общественной жизни человека в аспекте не только отдельной социальной единицы, а также в качестве социальных групп. Не последнюю роль в этом играет отождествление стихийного и бессознательного в социальных процессах, в результате которого понятие общественного бессознательного теряет статус отдельного предмета исследования. В этом отношении возникает необходимость разграничения понятий «стихийное» и «бессознательное», выявления их корреляции между собой, а также с понятиями организованного и сознательного, что и представляет цель данной статьи.

Экспликация стихийного и сознательного как противоположностей логически означает их дефиницию через дихотомические свойства, присущие оппозиционной стороне. Будучи более сложной, корреляция стихийного и сознательного не означает их элементарного противопоставления. Наличие

сознательности недостаточно для того, чтобы избежать хаотичности, неорганизованности, неупорядоченности протекания социальных процессов. Отсутствие достаточной степени осознанности социального субъекта, безусловно, может приводить к стихийной активности. Однако из этого не следует, что «стихийное» и «сознательное» противоположны в категориальном отношении. Иначе в результате противопоставления категориальный анализ подменяется эмпирическими констатациями.

Традиционно сознательность в социальной сфере связывают с такими чертами: 1) понимание общественных законов развития; 2) осознание интересов групп, классов, общества; 3) наличие ясной цели; 4) предвидение результатов; 5) целесообразность; 6) преднамеренность; 7) определенный уровень организации; 8) планомерность; 9) контроль над протеканием деятельности; 10) совпадение результатов деятельности с поставленной целью и т.п.

В результате такого подхода происходит идентификация общих черт, характеризующих какое-либо явление, с конкретными чертами. Вместе с тем сознание необходимо определять не в конкретных явлениях, а категориально, основываясь на его общем понимании как рефлексии. Иначе при конкретной интерпретации как сознательного, так и стихийного будут постоянно возникать противоречия. В действительности перечисленные характеристики сознательности в социальных процессах нередко наличествуют в стихийной активности социума. Так, вызывает возражение понимание стихийности как формы развития общества по непознанным законам. Подобная форма развития может быть присуща незрелым общностям людей на «заре» существования цивилизации. Однако современное общество достаточно хорошо ориентируется в общественных законах развития природы и общества. Вместе с тем одной осознанности недостаточно для предотвращения стихийной активности социального субъекта. Неоправданно отождествлять знание о действительности и организационную сторону (формы и методы) его использования на практике.

Осознание интересов социального субъекта также не всегда способно устранить стихийное явление. Современное общество вполне отдает себе отчет в том, что природа является необходимым условием нашего существования, что ее сохранение служит гарантом нашего благополучия. Однако на каждом шагу человек демонстрирует равнодушное отношение к природе, нещадно эксплуатируя ее в прагматических интересах, игнорируя принцип коэволюции вследствие сиюминутных корыстных целей. По этой причине взаимодействие человека с природой в преобладающей степени имеет нецелесообразный, недальновидный, неорганизованный, стихийный характер.

Наличие ясной цели сознательного субъекта не всегда исключает стихийность протекания социальных процессов. При отсутствии организованности и регулируемости социальных процессов никакая степень осознанности целеполагающего субъекта не в состоянии устранить стихийность, которая чаще всего инициируется нерациональностью планов, безответственностью исполнителей и т.д. Будет ли определенный вид человеческой активности стихийным или нестихийным, во многом зависит от технико-организационной стороны, эффективность которой предполагает выбор оптимальных в данной ситуации средств и рациональный способ их соединения.

В противовес сознательному стихийное нередко обделяют возможностью предвидения результатов деятельности. Более того, стихийность и спонтанность иногда считают факторами, устраняющими возможность прогнозирования будущего [16]. Такая позиция не вполне оправдана. Сама постановка цели неизбежно предполагает создание умозрительной модели прогнозируемого результата, который венчает выдвинутую цель. Несовпадение реального результата деятельности и планируемого результата связывать только со стихийной активностью неоправданно, его не исключает всякая деятельность. В редких случаях идеальная цель может совпасть с реализованной целью. Препятствием являются, в частности, непредвиденные, неучтенные механизмы, средства осуществления цели, если даже понимать прогнозирование как систему «знаний и умений, позволяющих использовать совокупности предшествующих эмпирических фактов для определения совокупности будущих эмпирических фактов...» [17. С. 102].

Целесообразность также традиционно исключают из характеристик стихийности, наделяя ею лишь сознательную активность людей. Представляется неправомерным всецело отказывать стихийным процессам в наличии определенной целесообразности. Иначе, каким образом оценивать проявления стихийных форм социального протеста в истории человеческой цивилизации, которые детерминированы объективным положением социальных субъектов, отражают общественную потребность? Вряд ли можно отказать им в целесообразности.

Выглядит уместным определять стихийное как форму социальной активности, характеризующуюся недостаточным уровнем организованности, плановости, контроля. Данные характеристики человеческой активности следует признать разграничивающими критериями стихийного и нестихийного, но не стихийного и сознательного. Представляется правомерным противопоставлять стихийное организованному, сознательное – бессознательному.

Логическим основанием такого сопряжения понятий являются следующие аргументы. Сознательное и бессознательное – феномены духовной сферы бытия. Организованное и стихийное характеризуются одновременно идеальными и материально-практическими составляющими. По причине разнородности феноменов сознательного и стихийного обозначающие их понятия неоправданно рассматривать как сопряженные категории. Таковыми категориями, соответственно, являются сознательное и бессознательное, стихийное и организованное. Такое понимание дает основание предположить реальность бессознательного в жизни общества и актуализирует необходимость его исследования как отдельной проблемы.

К сожалению, до настоящего времени в отечественной философской мысли отношение к проблеме бессознательного в социальных процессах фактически не изменилось. Отсутствие интереса к понятию «общественное бессознательное» говорит о необходимости системного подхода к проблеме бессознательного в целом, предполагающего рассмотрение этого сложного феномена на всех уровнях бытия человека, в том числе и в области общественной жизни. Хотя некоторые исследователи подчеркивают актуальность философского подхода к проблеме бессознательного [18], что автоматически означает экспликацию бессознательного в социальной сфере, тем не менее, проблема общественного бессознательного в целом не имеет методологиче-

ской отрефлексированности. В этом контексте разведение понятий стихийного и бессознательного предоставляет эвристические возможности понятия бессознательного в социальной сфере.

Каковы основания допускать реальность бессознательного в жизни общества? В данном случае уместным представляется принцип аналогии. Если индивидуальное сознание сосуществует с общественным сознанием, представляя диалектическую пару единичного и общего, то логичным будет предположить подобную корреляцию индивидуально-личностного бессознательного и бессознательного в общественной жизни. Помимо этого, если индивидуальное сознание не является абсолютным, а неизбежно дополняется индивидуальным бессознательным, подобным образом с общественным сознанием может соседствовать общественное бессознательное.

Таким образом, различение понятий «стихийное» и «бессознательное» не только способствует уточнению их соотношения с сопряженными категориями «организованное» и «сознательное», но также имеет эвристическое значение, указывая на основания выделения понятия общественного бессознательного как отдельного предмета исследования.

Список источников

1. Шадов А.А. Спонтанность и стихийность как онтологические характеристики творческого воображения // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6, № 6 А. С. 31–38.
2. Злотникова Т.С. Массовое сознание в философской традиции в современных интерпретациях // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 46–56.
3. Камынин И.И. Методологические проблемы сознательного и стихийного при социализме. Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1971. 276 с.
4. Бугреев А.Н. Диалектика стихийности и сознательности в общественном развитии. М. : Мысль, 1982. 199 с.
5. Попсуйко А.Н. Глобализация: диалектика стихийного и сознательного // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 4 (53). С. 184–190.
6. Егоренков Н.И., Стародубцев И.Е., Стародубцева М.Н. Стихийные и сознательные инновации // Институциональные аспекты инновационных сдвигов : материалы Одиннадцатых Друкеровских чтений / под ред. Р.М. Нижегородцева. Москва ; Новочеркасск, 2011. С. 127–135.
7. Гимадова Н.Х. Соотношение стихийного и сознательного в социальной жизни // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, № 3. С. 928–932.
8. Курбанов М.Г. Стихийное и сознательное в реализации законов общества : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1997. 149 с.
9. Воскобойников А.Э. Бессознательное и сознательное в уединении и на миру // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 119–125.
10. Морошук А.В. Взаимодействие стихийного и целенаправленного в процессе социальной трансформации : дис. ... канд. филос. наук. Липецк, 2004. 161 с.
11. Миронов Е.В. «Стихийное» и «организованное» начала российского общества в русской социально-политической мысли XIX века // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 2 (57). С. 143–145.
12. Краузе А.А. Социально-бессознательное и историческая субъективность в общественном развитии : дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 1998. 158 с.
13. Кроливецкая И.В., Остапенко И.А. Стихийное и организованное в процессе мифологизации массового сознания современного россиянина // Научный альманах. 2016. № 4-4 (18). С. 128–132.
14. Кржевов В.С. Категории стихийного и планомерного в осмыслении истории человечества // Философские науки. 2021. Т. 64, № 4. С. 46–66.
15. Ленин В.И. Что делать? // Полн. собр. соч. 1963. Т. 6. С. 1–192.
16. Данилов А.Н. Спонтанное развитие общества и проблемы прогнозирования будущего // Философские науки. 2019. Т. 62, № 5. С. 27–43.

17. Пирожкова С.В. Прогнозирование и его место в системе научного знания // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 99–110.

18. Автономова Н.С. Концепции бессознательного: гносеологический статус // Вопросы философии. 1985. № 5. С. 81–91.

References

1. Shadov, A.A. (2017) Spontannost' i stikhiynost' kak ontologicheskie kharakteristiki tvorcheskogo voobrazheniya [Spontaneity and haphazardness as ontological characteristics of creative imagination]. *Kontekst i refleksiya: filosoфиya o mire i cheloveke*. 6(6 A). pp. 31–38.

2. Zlotnikova, T.S. (2020) Massovoe soznanie v filosofskoy traditsii v sovremennykh interpretatsiyakh [Mass consciousness in the philosophical tradition in modern interpretations]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 46–56.

3. Kamynin, I.I. (1971) *Metodologicheskie problemy soznatel'nogo i stikhiynogo pri sotsializme* [Methodological problems of the conscious and spontaneous under socialism]. Rostov on Don: Kn. izd-vo.

4. Bugreev, A.N. (1982) *Dialektika stikhiynosti i soznatel'nosti v obshchestvennom razvitiі* [Dialectics of spontaneity and consciousness in social development]. Moscow: Mysl'.

5. Popsuyko, A.N. (2010) Globalizatsiya: dialektika stikhiynogo i soznatel'nogo [Globalization: The dialectic of spontaneous and conscious]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii – Power and Administration in the East of Russia*. 4(53). pp. 184–190.

6. Egorenkov, N.I., Starodubtsev, I.E. & Starodubtseva, M.N. (2011) Stikhiynye i soznatel'nye innovatsii [Spontaneous and conscious innovations]. In: Nizhegorodtsev, R.M. (ed.) *Institutsional'nye aspekty innovatsionnykh sdvigov: materialy Odinnadtsykh Drukerovskikh chteniy* [Institutional aspects of innovation shifts: Materials of the Eleventh Drucker Readings]. Moscow; Novocherkassk: [s.n.]. pp. 127–135.

7. Gimadova, N.Kh. (2009) Sootnoshenie stikhiynogo i soznatel'nogo v sotsial'noy zhizni [Correlation between spontaneous and conscious in social life]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 14(3). pp. 928–932.

8. Kurbanov, M.G. (1997) *Stikhiynoe i soznatel'noe v realizatsii zakonov obshchestva* [Spontaneous and conscious in the implementation of the laws of society]. Philosophy Cand. Diss. St. Petersburg.

9. Voskoboinikov, A.E. (2012) Bessoznatel'noe i soznatel'noe v uединenii i na miru [Unconscious and conscious in solitude and in the world]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 2. pp. 119–125.

10. Moroshchuk, A.V. (2004) *Vzaimodeystvie stikhiynogo i tselenapravlennoгo v protsesse sotsial'noy transformatsii* [Interaction of spontaneous and purposeful in the process of social transformation]. Philosophy Cand. Diss. Lipetsk.

11. Mironov, E.V. (2006) “Stikhiynoe” i “organizovannoe” nachala rossiyskogo obshchestva v russkoy sotsial'no-politicheskoy mysli XIX veka [“Spontaneous” and “Organized” Origins of Russian Society in Russian Socio-Political Thought of the 19th Century]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2(57). pp. 143–145.

12. Krauze, A.A. (1998) *Sotsial'no-bessoznatel'noe i istoricheskaya sub"ektivnost' v obshchestvennom razvitiі* [Socio-unconscious and historical subjectivity in social development]. Philosophy Cand. Diss. Perm.

13. Krolivetskaya, I.V. & Ostapenko, I.A. (2016) Stikhiynoe i organizovannoe v protsesse mifologizatsii massovogo soznaniya sovremennogo rossiyanina [The spontaneous and the planned in the process of mythologization of the mass consciousness of a modern Russian]. *Nauchnyy al'manakh*. 4-4(18). pp. 128–132.

14. Krzhevov, V.S. (2021) Kategorii stikhiynogo i planomernogo v osmyslenii istorii chelovechestva [Categories of spontaneous and planned in understanding the history of humankind]. *Filosofskie nauki*. 64(4). pp. 46–66.

15. Lenin, V.I. (1963) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 6. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 1–192.

16. Danilov, A.N. (2019) Spontannoe razvitiе obshchestva i problemy prognozirovaniya budushchego [Spontaneous development of society and problems of forecasting the future]. *Filosofskie nauki*. 62(5). pp. 27–43.

17. Pirozhkova, S.V. (2018) Prognozirovaniye i ego mesto v sisteme nauchnogo znaniya [Forecasting and its place in the system of scientific knowledge]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 99–110.

18. Avtonomova, N.S. (1985) Kontseptsii bessoznatel'nogo: gnoseologicheskii status [Concepts of the unconscious: An epistemological status]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 81–91.

Сведения об авторе:

Бармашова Т.И. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск, Россия). E-mail: tatibar910@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Barmashova T.I. – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, professor of the Department of Philosophy, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: tatibar910@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.06. 2018;
одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 26.06. 2018;
approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 05.12.2022*

Научная статья

УДК 008

doi: 10.17223/1998863X/70/16

ОТ *НОМО OECONOMICUS* К *НОМО FABER* (ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОСТ-СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА)

Олег Альбертович Донских

*Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИИХ»,
Новосибирск, Россия;*

*Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия,
oleg.donskikh@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются два принципиальных цивилизационных перехода, определивших современное развитие человечества: переход от теоцентризма к антропоцентризму и переход от последнего к техноцентризму. Анализируется процесс трансформации человека, эволюционирующего сначала к человеку экономическому, а потом к человеку творящему. При этом показано, что второй начинает создавать техносферу, которая в пределе поглощает и его самого.

Ключевые слова: антропоцентризм, техноцентризм, постсовременность, *Homo oeconomicus*, *Homo faber*

Для цитирования: Донских О.А. От *Homo oeconomicus* к *Homo faber* (происхождение пост-современного общества) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 177–188. doi: 10.17223/1998863X/70/16

Original article

FROM *HOMO OECONOMICUS* TO *HOMO FABER* (THE ORIGINS OF POSTMODERN SOCIETY)

Oleg A. Donskikh

*Novosibirsk State University of Economics and Management – National Research University,
Novosibirsk, Russian Federation; Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk,
Russian Federation, oleg.donskikh@gmail.com*

Abstract. The article considers two fundamental civilizational transitions that have defined the modern development of mankind: the transition from theocentrism to anthropocentrism and the transition from the latter to technocentrism. Namely, technocentrism determines, in the author's opinion, the key trajectory of this movement. The article shows that, since the Renaissance, the development of capitalism has proceeded in parallel with the tendency to individualization, which both Protestantism and socialism in different variants tried to resist. At the same time, the rationalist approach to man, on the one hand, forms the consciousness of *Homo faber*, the creative man who, with the help of technology, recreates nature and himself, and, on the other hand, adopts a utilitarian ethic that simplifies human relations to the most primitive senses. At the same time, socio-economic sciences emerge guided by the models of physics, assuming that man can be represented objectively as an external nature, i.e., reducing him only to a material base. Progress, which in Condorcet's and Saint-Simon's understanding is moral perfection, is then reduced to the external transformation of man on the basis of science. The reduction of man to a set of simple feelings and needs, regulated rationally, forms the core image of Adam Smith's political economy. This prepares the spiritual foundation for a new stage of civilizational development, when it is not man who is

the measure of all things, but technology. Moral relations are replaced by legal relations, and authentic existence is swapped for non-authentic existence. The state acts as the key agent of all social transformations, regulating human behavior by means of punishments and rewards. Accordingly, a system of “surplus power” emerges, justified by the struggle against subjectivism and the transition to objectivism symbolized by digitalization. Management becomes a science, with management separated from the governed. In the education system, the ideal of creating a harmonious personality is replaced by the ideal of a professional who sells well on the labor market. Relationships in a society built on these principles are becoming increasingly cold, and the individual is becoming less and less of a personality.

Keywords: anthropocentrism, technocentrism, post-modernity, *Homo oeconomicus*, *Homo faber*

For citation: Donskikh O.A. (2022) From *Homo oeconomicus* to *Homo faber* (the origins of postmodern society). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 177–188. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/16

А человек? Он жил безвольно:

Не он – машины, города,

«Жизнь» – так бескровно и безбольно

Пытала дух, как никогда...

А. Блок «Возмездие»

Уже со второй половины прошлого века возникла и приобретает все более зримые черты идея так называемой технологической сингулярности, когда прогресс в области информационных технологий приведет к неконтролируемому развитию, а человек выйдет на стадию транс-пост-человека, теряя свою биологическую природу, которая будет постепенно замещаться природой искусственного происхождения. Представляется интересным посмотреть на этот процесс в более значительной перспективе, когда холодные и прохладные европейские общества начали с ускорением становиться все горячее. И этот процесс достиг современной стадии, когда не просто каждое поколение входит в существенно новый мир, но уже и этот мир меняется с нарастающим ускорением. Это называется «прогрессом» и идет уже независимо от человека, предоставляя ему пассивную роль участника событий, на которые он в принципе не способен повлиять, поскольку «прогресс нельзя остановить». В то же время текущее настоящее кардинально меняет самого человека, ускоренно подменяя внутреннее, биологическое внешним, искусственным и постепенно роботизируя его.

Очевидно, что перспектива, определенная тем, что Кондорсе в конце XVIII в. назвал «прогрессом» в работе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», где он описал прогресс девяти предшествующих его времени эпох и определил направление будущего прогресса человечества в десятую эпоху. Основные надежды на прогрессивное развитие связаны с тремя положениями: «уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами того же народа, наконец, действительное совершенствование человека» [1. С. 221]. Благодаря совершенствованию законов и языка улучшаются отношения между людьми, и возникают надежды на постепенный рост их интеллектуального и морального уровня.

Можно сказать, что мы действительно продвинулись по пути прогресса, начертанном Кондорсе, если иметь в виду 1) падение колониальной системы

в XX в. и 2) рост демократических тенденций. Здесь можно сделать немало оговорок, но общая картина вполне подтверждает его предвидение. Что же касается третьего момента, то, если вести речь о современных тенденциях развития человека, мы больше говорим об опасениях, чем о надеждах, и это не случайно. Очень сомнительно видеть в современном обществе рост интеллектуального и морального уровня. Данная статья и посвящена вопросу, что же происходит с современным человеком, а точнее, что не так с совершенствованием человеческого рода.

История современного общества начинается с Ренессанса. Это связано с тем, что именно в период с XIV по XVI в. в Европе происходит процесс перехода от теоцентризма средневекового общества к антропоцентризму общества Нового времени. Второй переход – от антропоцентризма к техноцентризму – начинается в XIX в. и с ускорением продолжается со второй половины следующего века до настоящего времени.

Западная Европа очевидно является субъектом первого перехода и субъектом и генератором второго, хотя в последнем случае она уже начинает уступать первенство другим.

Нил Фергюсон обращает внимание на тот контраст, который Западная Европа представляет в самом начале XV в. по сравнению с такими империями, как Османская и китайская династия Мин. Она еще не оправилась от чумы, страдает от междоусобиц и вовсе не является чем-то единым. Даже через век, в 1500 г. «будущие европейские империи занимали около 10% поверхности земной суши и охватывали около 16% населения планеты». А к началу XX в. «11 западных империй контролировали почти 3/5 суши и населения и около 3/4 (79%) мирового производства» [2. С. 35]. В качестве причины появления столь уверенного превосходства Фергюсон называет шесть групп, сформировавшихся после 1500 г. уникальных институтов, которые позволили Западной Европе занять столь важное место среди других цивилизаций: конкуренция, наука, имущественные права, медицина, общество потребления, трудовая этика. На их основе возник и бурно развился капитализм как форма организации социума, отношений собственности и основание трансформации человека.

Итак, от тео- к антропоцентризму.

Этот процесс естественно характеризуется все возрастающим индивидуализмом и периодическими попытками ему противостоять.

Во-первых, меняются время и пространство. Человек переходит из замкнутого ценностно-ориентированного пространства к безличной бесконечности и разворачивается лицом от определенного предками прошлого. Именно в это время появляются утопии как признак нового сознания, его обращения к будущему. В 1516 г. была опубликована «Утопия» Томаса Мора, в которой дается очерк справедливого социалистического общества будущего.

Во-вторых, человек оказывается в центре мира. Он, а не Бог, становится мерой всех вещей. Появляется индивидуализм. Человек до этого жил в чело-векоразмерных общинах и для него интересы общины были, безусловно, выше его собственных интересов, потому что вне общины он был ничем. В эпоху Ренессанса он уже не только равняется на авторитеты, но становится вровень с ними и даже превосходит их. Но главное, что он начинает ставить

свои цели, не ориентированные на общину, и начинает действовать самостоятельно. Он мог это делать, лишь опираясь на институт частной собственности. Поэтому совершенно не случайно уже в первой утопии Томас Мор ведет дискуссию на эту тему, перекликаясь с «Государством» Платона. Один из собеседников говорит: «Я полностью убежден, что распределить все поровну и по справедливости, а также счастливо управлять делами человеческими невозможно иначе, как вовсе уничтожив собственность. Если же она останется, то у наибольшей и самой лучшей части людей навсегда останется страх, а также неизбежное бремя нищеты и забот». Второй возражает, поскольку ему «кажется, напротив: никогда не будет возможно жить благополучно там, где все общее. Ибо как получится всего вдоволь, если каждый станет увертываться от труда? Ведь у него нет расчета на собственную выгоду, а уверенность в чужом усердии сделает его ленивым» [3. С. 49–50]. Связь индивидуализма и собственности не только как института, но и как определенного и очень сильного чувства вызывала соответствующую реакцию и приводила к серьезным социальным движениям.

В истории Европы были две наиболее мощные попытки воспрепятствовать индивидуализму: Реформация в XVI в. и социализм в XIX–XX вв. Как показывает Макс Вебер, в конечном итоге Реформация способствует развитию капитализма. Но это никак не является прямой целью ее лидеров, они об этом думали меньше всего. Целью Лютера, Цвингли и других реформаторов было очищение церковных институтов и человека. Само слово «реформация» (от лат. *reformare* – «обновлять») означало обновление испорченного человека, его возврат к первоначальному, чистому состоянию. Причем они пытаются вернуть его в общину. Лютер говорит о том, что члены общины могут принимать исповедь друг у друга, и, вообще, «через участие в таинстве община приносит утешение совести, отягощенной грехом, терзаемой смертью. Однако участие в таинстве обязывает всех членов общины разделить бесчестие Христа и страдания собратьев по вере» [4. Р. 142]. Такое общение членов общины является значительно более обязывающим, чем в католической церкви. Но с этого же начинается движение к индивидуализму, поскольку освобождает для каждого отдельного члена общины отношение к Богу от прямого посредничества церкви. При этом возникает парадоксальный вопрос о личной ответственности. С одной стороны, Лютер считает, в соответствии с учением Августина, что без воли Бога ни один волос не упадет с головы человека, и тогда о свободе воли в принципе говорить не приходится. Об этом он говорит в известной полемике с Эразмом Роттердамским. Но тогда получается, что человек оказывается совершенно безответственным существом. И это тоже не может устроить Лютера. Он понимает парадоксальность того, что Бог может быть ответственным за все, требуя при этом абсолютной ответственности своих созданий. Лютер выходит из этой ситуации, утверждая, что «человек полностью отвечает за ту сферу ответственности, которая дана ему Богом. Он стремился утвердить ответственность Бога в соотношении с ответственностью человека, чтобы сохранить целостность Бога как Творца и целостность человеческого существа как особого творения, созданного по образу и подобию Божьему» [4. Р. 103]. И это ответственность за общину и за себя.

Здесь необходимо обратить внимание на тот факт, что реформационное движение оказалось амбивалентным по отношению к человеку: с одной сто-

роны, это стремление правильно организовать на глубоко религиозной основе общинную жизнь, с другой – требовать от каждого его индивидуально продуманного отношения к организации своей религиозной жизни. Данная ситуация определила возможность экономического отбора людей, пригодных для капиталистического строя. Вебер пишет: «Для того чтобы мог произойти соответствующий специфике капитализма „отбор“ в сфере жизненного уклада и отношения к профессии, т.е. для того чтобы определенный вид поведения и представлений одержал победу над другими, он должен был, разумеется, сначала возникнуть, притом не у отдельных, изолированных друг от друга личностей, а как некое мироощущение, носителями которого являлись *группы* (здесь и далее в цитатах курсив мой. – О.Ф.) людей» [5. С. 77]. И этос данной группы начал задавать образцы поведения и мышления, распространявшийся на все общество, что привело в конечном итоге к устойчивому формированию «духа капитализма», о котором пишут М. Вебер и В. Зомбарт.

Одной из ключевых особенностей данного этоса становится *рационализм*. Разум освобождается от любых догматов. В том числе от догматов прошлого. И начинает сам свободно определять свои предпосылки и выводы. Программировать свое будущее на этой основе. Начинается активное преодоление традиционных форм жизни на основе рациональной организации. Это в первую очередь относится к организации труда. Цеховой способ уступает место капиталистическому. Для этого преодолеваются любые барьеры, как политические, так и мировоззренческие. Зомбарт пишет о том, как входит в быт реклама, которая до Нового времени считалась неприличной и безнравственной. Необходимо заставить людей верить в то, что определенный товар определенного производителя и продавца является наилучшим и совершенно необходимым. «Безусловно предосудительной считалась... *коммерческая реклама*, т.е. восхваление, указание на особые преимущества, которыми одно предприятие якобы, по его же словам, обладает по сравнению с другими. Как высшую же степень коммерческого неприличия рассматривали объявление, что берут более дешевые цены, нежели конкурент» [6. С. 205]. К настоящему времени реклама – двигатель торговли – победила безусловно и безоговорочно.

Рационализм проявляется в искусстве: в живописи – это теория перспективы, в музыке – организация симфонического оркестра. Появляется наука в той форме, которую мы считаем наиболее естественной. Книгопечатание, известное еще в Китае, становится *прессой* и распространяется с огромной скоростью. Индивидуализм противостоит существовавшему исконно коллективизму и глубинно связан с капиталистическим образом действия: для того чтобы реализовать предпринимательскую активность, необходима свобода от традиционных общественных связей. Совершенно не случайно, кстати, что эффективные торговые сети образовывались внутри традиционных обществ чуждыми этническими группами – итальянцами, армянами, евреями, индийцами и т.д.

Параллельно формируется сознание *Homo faber* – человека, который с помощью техники пересоздает природу и самого себя. Это гордое сознание восходит к образу человека, представленного в поэме Мильтона «Потерянный рай»: рай потерян, но перед человеком открыта земля, которую он должен превратить в рай с помощью своего разума и своих усилий. «Ты можешь

возвысить свои познания только достойными их делами: возвысь их добродетелью, терпением, воздержанием, но более всего любовью, христианскою любовью, как назовется в будущем эта любовь, душа всех добродетелей. Тогда ты без скорби покинешь Рай: в душе твоей будет Рай еще более светлый» [7. С. 389]. Люди устремляются к создаваемому ими самими будущему. Сначала просто как труженики – затем изобретая и вовлекая в этот процесс созидания все более развитую технику.

С идеей начала триумфального шествия человеку к светлому будущему вполне коррелирует и идея естественного состояния, из которого человек должен выйти путем организации государства. Иначе, согласно Гоббсу, он погубит сам себя. Появляется теория разделения властей, которая становится основой большинства современных конституций. В XVIII в. рождается либерализм, основная идея которого состоит в том, что не человек для общества, как это было в рамках традиции, а общество для человека. В «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. говорится: «Цель всякого политического союза – обеспечение естественных прав человека. Таковые – свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» [8]. Общество для человека, а не человек для общества.

Появляется утилитарная этика. В отличие от ориентации на следование заповедям провозглашается, что хорошо то, что полезно, то, что приносит максимальное удовольствие максимальному числу людей в каждый данный момент. Все сводится к самым простым ощущениям. «Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей, страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать. ...Системы, которые подвергают его сомнению, занимаются звуками вместо смысла, капризом вместо разума, мраком вместо света» [9. С. 9]. Таким образом, человек упрощается до вполне примитивного механизма, которым должно правильно управлять правительство, которое рассматривает его в соответствующем качестве. Ни о каком образе и подобии Бога уже говорить не приходится.

И, соответственно, по образцу физики возникают социально-экономические науки. В XVII в. – экономика, в первой половине XIX в. – социология, позже – психология. Предполагается, что человека можно изучать так же объективно, как внешнюю природу. И появление слова «ученый» (scientist) в 30-е гг. XIX в. (см.: [10]) маркирует это общее убеждение. Наука о человеке – физиология – «находится еще в том плохом положении, через которое уже прошли астрономические и химические знания. Физиологам надо удалить из своей среды *философов, моралистов и метафизиков*, как астрономы изгнали *астрологов*, а химики *алхимиков*» [11. С. 130]. За этим стоит невысказанное, но явно угадываемое убеждение, что человек – это чисто материальное существо, которое можно научно исследовать и научно совершенствовать. На этой-то основе и возникает теория прогресса, о которой говорилось в начале статьи. Согласно Сен-Симону, в будущем человечество выйдет на этап общественного труда, а труд – это источник всех добродетелей. Промышленный класс естественным образом перейдет из разряда управляемых в разряд управляющих. Промышленный класс будет продолжать свои достижения и овладеет, наконец, всем обществом» [12. С. 315]. При этом мораль станет первенствующим принципом, поскольку именно промышленная

система основана на совершенном равенстве. «Труд – источник всех добродетелей; самый полезный труд должен быть самым уважаемым; следовательно, и божественная и человеческая мораль одинаково призывают промышленный класс играть первую роль в обществе» [13. С. 154]. Поэтому, с точки зрения Сен-Симона, прогресс – это *моральное совершенствование*. При этом Анри Сен-Симон утверждает необходимость опоры на науку в преобразовании общества. По его мнению, должна быть создана специальная академия для совершенствования «кодекса чувств», лежащих в основе морали и политики. За этим стоит убеждение в возможности полного познания человека и его преобразования.

XIX в. известен, с одной стороны, как время, когда наука реально и явно стала служить капитализму и человечеству и постепенно включилась в развитие промышленности, а с другой стороны, она стала одной из основ социалистического движения в форме марксизма, который обосновал неизбежный приход социализма как первой фазы коммунистического общества. Кстати говоря, социализм появляется как борьба с жизненно необходимым для развития капитализма индивидуализмом. Как известно, само слово «социализм» впервые было использовано в работе Пьера Леру «Индивидуализм и социализм» (1834). То есть социализм направлен против рассыпания общества, обеспечивающего необходимую для капитализма свободу и конкуренцию, но не против превращения человека в чисто материальное, постигаемое и управляемое существо. Именно социалистические тенденции направлены на формирование социального государства, где человек оказывается под возрастающим контролем.

В результате с помощью науки формируется новый человек – *Homo oeconomicus*, человек, который рационально высчитывает свое поведение на основе выгоды, в пределе сводя все к цифре. Его образ восходит к Адаму Смиту, который в «Богатстве народов» создает соответствующий идеальный тип человека, склонного к обмену на основе своих способностей: «В охотничьем или пастушеском племени один человек выделяет, например, луки и стрелы с большей быстротой и ловкостью, чем кто-либо другой. Он часто выменивает их у своих соплеменников на скот и дичь; в конце концов он видит, что может таким путем получать больше скота и дичи, нежели охотой. Соображаясь со своей выгодой, он делает изготовление луков и стрел своим главным занятием и становится, таким образом, своего рода оружейником» [14. С. 77]. Но одно дело – идеализированный образ для научных целей (вроде «абсолютно черного тела» физики) и другое – сделать этот образ реальным идеалом, т.е. считать, что это нормальное состояние человека – заботиться в первую очередь о своей выгоде. Это очень остро ощутили поэты; так, например, у Е.А. Боратынского в «Последнем поэте»:

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколения,
Промышленным заботам преданы [15].

Очевидно, что государство должно было развиваться и развивалось таким образом, чтобы сохранять контроль над подданными, реализующими свое стремление к свободному предпринимательству.

Таким образом, Европа за четыре века прошла колоссальный путь, превративший ее в безусловного лидера цивилизационного развития, но платой за это становится иллюзорная свобода с растущей зависимостью от государства, которая проявляется в разных формах – от тоталитарных государств XX в. до демократических, где эта зависимость не так очевидна. Свою роль играет пресса, формирующая коллективное сознание в нужном направлении, но существуют и другие виды зависимости. Так, при введении пенсий по старости в 1880 г. Отто Бисмарк сказал: «Человек с пенсией разительно отличается от своего собрата без оной... им куда легче управлять» [16. С. 220–222]. Эти изменения подготовили переход к новой эпохе, и историческим моментом, с которого начинается строительство новых социальных отношений, можно считать Первую мировую войну, где человек впервые оказался вторичен по отношению к технологиям [17]. Человек, следовательно, перестает быть мерой всех вещей. В. Зомбарт фиксирует в качестве главного изменения в ценностной картине мира поворот к отношениям, которые могут быть объективированы и, соответственно, рассмотрены отдельно от человека. Такой поворот позволяет представить картину жизни количественно, что и выражается в первую очередь денежными единицами разного рода и другими показателями.

Таким образом, от ценности общественных связей мы переходим к ценности свободы, от ценности традиции – к ценности новизны, от ценности человеческих отношений – к ценности количественно выраженной объективации индивидуальных усилий. При этом первые – связи и традиции, – всегда определявшие общественную жизнь, становятся вторичными, подчиненными новым ценностям, осознанным лишь в позапрошлом веке.

С этого момента начинается все ускоряющееся движение от современно-го к постсовременному, от антропоцентризма к техноцентризму. Тенденции, заложенные в период от Ренессанса до начала XX в., начинают в полной мере проявляться в первой половине XXI в.

Современное общество по-разному характеризуется социальными философами – его называют постиндустриальным, информационным, обществом знаний, супериндустриальным, технотронным, технологическим...

Имеет смысл использовать термин «техноцентризм». Во-первых, человек не просто все более зависит от технических устройств, но, превосходя человека в разных отношениях, именно они начинают задавать идеал развития самого человека. Это относится как к физическим его способностям, так и к умственным. Во-вторых, управление обществом становится технообразным.

Отношения между людьми все более опосредуются внешними условиями. В урбанизированном обществе правовые отношения все более замещают отношения моральные. Если Кондорсе и Сен-Симон считали, что прогресс делает общество все более нравственным, то в настоящее время очевидно, что процессы максимальной объективации и цифровизации любых (в пределе) результатов человеческих усилий ведут к элиминации нравственности из человеческих отношений. Поскольку каждое поколение входит в новый мир, старшие поколения перестают быть тем, чем были всегда, – примером для

новых поколений, поскольку их трудовой и социальный опыт не соответствует новым социальным реалиям. Можно ли сейчас ответить на вопрос: кем будет только что рожденный человек? Государство путем трансформации системы образования готовит кадры под себя.

Бауман охарактеризовал наше общество как «текущую современность»: Надежные рабочие места в надежных компаниях кажутся ностальгией дедушек; не существует также таких навыков и такого опыта, приобретение которых гарантировало бы, что вам предложат работу, а после того как она будет предложена, она окажется еще и постоянной. Никто не может уверенно предполагать, что он застрахован от следующего раунда «сокращения штатов», «оптимизации» или «рационализации», от неустойчивых изменений рыночного спроса и капризного, но могучего, непреодолимого давления «конкурентоспособности», «производительности» и «эффективности» [18. Р. 161]. Взаимодействия между людьми стали текучими и, соответственно, не способными удерживать форму. Текучее общество может регулироваться только извне, с помощью права, а не с помощью этики. Этические отношения устанавливаются на основе внутренних установок отдельных индивидов, а юридические – на основе государственного регулирования. Право все полнее заменяет традицию. Традиция – это консервация прошлого, право – формирование будущего. На протяжении поколений люди стремились совершенствовать государство и его законы. В результате появились очень сложные социальные системы, где человеческие возможности контролируются технологически. Человек сводится к набору стандартов.

В этих условиях происходит рост иллюзии свободы личности при усилении роли государства и, соответственно, к усилению контроля и манипулированию. Вопрос о власти упирается в проблему «прибавочного порядка» (термин О. Тоффлера), когда бюрократия начинает работать сама на себя, и это воспринимается как насилие. «Прибавочный порядок является тем избыточным порядком, который навязывается обществу не для его пользы, а исключительно для блага людей, управляющих государством. Прибавочный порядок противоположен полезному или общественно необходимому порядку» [19. С. 572]. Соответственно, складывается система «прибавочной власти», которая обосновывается борьбой с субъективизмом и переходом к объективизму, символизируемому цифровизацией. Менеджмент становится наукой, и при этом управление отделяется от управляемых. Власть становится над-человеческой. Появляется KPI (Key Performance Indicators), или ключевые показатели эффективности – это числовые выраженные в абсолютных или относительных (процентных) значениях показатели для измерения результативности и эффективности предпринятых действий. Это чистое проявление борьбы с субъективностью. Но субъективность неизбежно связана с природой человека и проявляет себя в конкретных ситуациях. Полное в пределе исключение субъективности означает исключение человека из соответствующей системы отношений. В таком случае, разумеется, идеалом становится нечто, превосходящее человека. Ориентация на человека уходит, его место занимают технические системы. Не человек, а они становятся мерой всех вещей. Здесь слово «технический» возвращается к его исконному значению – оно происходит от греч. «techne» – искусство, то, что создано в подражание природе. Но подлинным бытием обладают только образцы, которым

подражает человек, поэтому можно говорить о том, что в наше время неподлинное и подлинное бытие поменялись местами.

В этом случае, и это ведущая тенденция нашего времени, управление сверхсложными образованиями, в том числе самим обществом, передается интеллектуальным системам, которые далеко превосходят человеческие возможности. Уже не люди вписывают с помощью техники окружающую среду в свои системы (как об этом писал Хайдеггер), а технические системы начинают вписывать человека в превосходящую его среду. Несовременный человек оказывается частью совершенной системы и меняется под нее. Предшествующий этап подготовил все к тому, чтобы человек перестал рассматриваться как образ и подобие Бога, а предстал в виде биологического создания, испытывающего страдания и удовольствия и поэтому вполне управляемого посредством «наказаний и наград» (И. Бентам). А требуемый для этого максимальный уход от морали к праву означает исчезновение личности.

Поскольку формирование нужного государству человека происходит в рамках системы образования, то здесь и закладываются основные принципы этого движения. Идеал созидания гармоничной личности замещается идеалом специалиста-профессионала, который хорошо продается на рынке труда. Современные педагогические теории, развивающие идеи специализации и индивидуальных траекторий обучения, в действительности ведут к новым видам мягкого порабощения человека. Под этот идеал подстраивается университет совершенства [20. Р. 21 et al.], который приходит вместо университета культуры.

В качестве яркого примера того, насколько создатели цифровых образовательных систем не отдают себе отчета в том, что они делают с учащимся, можно привести отрывок из «Манифеста о цифровой образовательной среде», который в качестве цели соответствующего проекта представляет «принципы создания цифровых образовательных сред, где ученик будет не объектом обучения, а субъектом – т.е. сам влиять на свое развитие»:

«Привычное понятие «учебник» сохраняет смысл исключительно как подборка образовательного содержания разного типа. На смену ему должна прийти цифровая образовательная среда, где каждый может выбирать собственную образовательную траекторию, состоящую из активностей, которые нужны ему здесь и сейчас. Среда, в свою очередь, должна непрерывно анализировать потребности и способности ученика и предлагать сценарии дальнейшего развития... Это снижает необходимость в стрессовых тестах и помогает оказывать каждому точечную поддержку» [21].

Индивидуальную траекторию обучения обеспечивает образовательная среда, которая направляет учащегося по наиболее легкому пути, и это считается его личным развитием. Вместе с тем в процессе такого обучения исключается то, что формирует личность – сомнения, колебания, упорство, счастье преодоления...

Таким цифровым способом воспитанный специалист окажется идеальным товаром на рынке труда. Отношения в построенном на этих принципах перегретом обществе оказываются все более холодными, а человек – все менее личностью.

Список источников

1. Кондорсэ Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М. : Госсоцэкгиз, 1936. 265 с.
2. Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М. : Изд-во АСТ : CORPUS, 2017. 544 с.
3. Мор Т. Утопия // Томас Мор. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. М. : Науч.-изд. центр «Ладомир» ; Наука, 1998. 463 с.
4. Kolb R. Martin Luther Confessor of the Faith. Oxford University Press, 2009. 215 p.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
6. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека // Собрание сочинений : в 3 т. М. : Владимир Даль, 2005. Т. 1. 637 с.
7. Мильтон Дж. Потерянный рай / пер. А. Шульговской. С. 389. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5807184 (дата обращения: 17.10.2022).
8. Декларация прав человека и гражданина. 1789 г. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780-1800/Dokumenty_fr_rev_1789/text.htm (дата обращения: 17.10.2022).
9. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М. : РОССПЭН, 1998. 416 с.
10. See: Snyder, Laura J. Philosophical Breakfast Club: Four Remarkable Friends who Transformed Science and Changed the World. Broadway Books, 2011. 448 p.
11. Сен-Симон. Письма женева обитателя // Избранные сочинения. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. Т. 1. 468 с.
12. Сен-Симон. Письма к американцу // Избранные сочинения. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. Т. 1. 468 с.
13. Сен-Симон. Катехизис промышленников // Избранные сочинения. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 468 с. Т. 2. 486 с.
14. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо, 2007. 960 с.
15. Боратынский Е.А. Последний поэт. URL: <https://rustih.ru/evgenij-baratynskij-poslednij-poet> (дата обращения: 26.10.2022).
16. Фергюсон Н. Восхождение денег. М. : Изд-во АСТ : CORPUS, 2016. 431 с.
17. Донских О.А. Закат человека и появление человечества (итоги Великой войны) // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1, № 2 (28). С. 9–24.
18. Bauman Z. Liquid Modernity. Polity, 2000. 240 p.
19. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века. М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2009. 669 с.
20. Readings B. The University in Ruins. Harvard University Press, 1996. 238 p.
21. Манифест о цифровой образовательной среде. URL: <http://edutainme.ru/> (дата обращения: 1.11.2022).

References

1. Condorcet, J.A. (1936) *Eskiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma* [A sketch of a historical picture of the human mind progress]. Moscow: Gossotsekgiz.
2. Ferguson, N. (2017) *Tsivilizatsiya: chem Zapad otlichaetsya ot ostal'nogo mira* [Civilization: How the West differs from the rest of the world]. Moscow: AST: CORPUS.
3. More, T. (1998) *Utopiya. Epigrammy. Istoriya Richarda III* [Utopia. Epigrams. History of Richard III]. Translated from English. Moscow: Lodomir; Nauka.
4. Kolb, R. (2009) *Martin Luther Confessor of the Faith*. Oxford University Press.
5. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress.
6. Sombart, W. (2005) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Vladimir Dal'.
7. Milton, J. (n.d.) *Poteryanny ray* [Paradise Lost]. Translated from English by A. Shulgovsky. pp. 389. [Online] Available from: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5807184 (Accessed: 17th October 2022).
8. Vostlit.info. (n.d.) *Deklaratsiya prav cheloveka i grazhdanina. 1789 g.* [Declaration of the rights of Man and Citizen]. [Online] Available from: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780-1800/Dokumenty_fr_rev_1789/text.htm (Accessed: 17th October 2022).

9. Bentham, I. (1998) *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva* [Introduction to the Foundations of Morality and Legislation]. Moscow: ROSSPEN.
10. Snyder, L.J. (2011) *Philosophical Breakfast Club: Four Remarkable Friends who Transformed Science and Changed the World*. Broadway Books.
11. Saint-Simon. (1948a) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
12. Saint-Simon. (1948b) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
13. Saint-Simon. (1948c) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
14. Smith, A. (2007) *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Research on the nature and causes of the wealth of nations]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
15. Boratynskiy, E.A. (n.d.) *Posledniy poet* [The last poet]. [Online] Available from: <https://rustih.ru/evgenij-baratynskij-poslednij-poet/> (Accessed: 26th October 2022).
16. Ferguson, N. (2016) *Voskhozhdenie deneg* [The Ascent of Money]. Translated from English. Moscow: AST; CORPUS.
17. Donskikh, O.A. (2016) Zakat cheloveka i poyavlenie chelovechestva (itogi Velikoy voyny) [The decline of human and the emergence of humankind (the results of the Great War)]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 2(28-1). pp. 9–24.
18. Bauman, Z. (2000) *Liquid Modernity*. Polity.
19. Toffler, A. (2009) *Metamorfozy vlasti: znanie, bogatstvo i sila na poroge XXI veka* [Metamorphoses of power: knowledge, wealth and power on the threshold of the 21st century]. Moscow: AST; AST MOSKVA.
20. Readings, B. (1996) *The University in Ruins*. Harvard University Press.
21. Edutainme.ru. (n.d.) *Manifest o tsifrovoy obrazovatel'noy srede* [Manifesto on the digital educational environment]. [Online] Available from: <http://edutainme.ru/> (Accessed: 1st November 2022).

Сведения об авторе:

Донских О.А. – доктор философских наук, профессор, PhD (Monash, Australia), зав. кафедрой философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИИХ» (Новосибирск, Россия); Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия). E-mail: oleg.donskikh@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.A. Donskikh, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, PhD (Monash, Australia), head of the Department of Philosophy and Humanities, Novosibirsk State University of Economics and Management – National Research University (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oleg.donskikh@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.10.2022;
одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 21.10.2022;
approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 05.12.2022

Научная статья

УДК 162.2

doi: 10.17223/1998863X/70/17

НОНКОГНИТИВИЗМ И МОРАЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Иван Борисович Микиртумов¹, Константин Геннадьевич Фролов²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

¹ imikirtumov@gmail.com

² kgfrolov@hse.ru

Аннотация. Является ли трактовка моральной аргументации как рассуждения в стиле wishful thinking свидетельством против нонкогнитивизма? Рассматриваются основания для положительного и отрицательного ответов на этот вопрос. Авторы выдвигают также новый аргумент против нонкогнитивизма, связанный с проблемой экспликации оснований морального высказывания.

Ключевые слова: нонкогнитивизм, метаэтика, моральная аргументация, положение дел

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора» в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Микиртумов И.Б., Фролов К.Г. Нонкогнитивизм и моральные высказывания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 189–197. doi: 10.17223/1998863X/70/17

Original article

NONCOGNITIVISM AND MORAL CLAIMS

Ivan B. Mikirtumov¹, Konstantin G. Frolov²

^{1,2} St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

² HSE University, Moscow, Russian Federation

¹ imikirtumov@gmail.com

² kgfrolov@hse.ru

Abstract. One of the problems that noncognitivism faces as a metaethical position is that, if its premises are true, then any inference that concludes to a fact based on premises that include a moral claim is an inference from the speaker's non-cognitive state. In this case, the form of such an inference turns out to be similar to the so-called wishful thinking, which is unacceptable. A dilemma arises, where the first option is rejection of moral arguments in favor of facts, and the second option is rejection of noncognitivism. Is treating moral reasoning as wishful thinking evidence against noncognitivism? In the article, we consider the grounds for positive and negative answers to this question. We also put forward a new argument against noncognitivism, connected with the problem of explication of the foundations of a moral claim.

Keywords: noncognitivism, metaethics, moral reasoning, state of affairs

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00158.

For citation: Mikirtumov, I.B. & Frolov, K.G. (2022) Noncognitivism and moral claims. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 189–197. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/17

Нонкогнитивизм – это метаэтическая концепция, согласно которой моральные суждения (высказывания) выражают ментальные состояния субъекта относительно объектов или положений дел, которые не зависят от существования объектов и истинности положений дел. В нонкогнитивизме можно выделить три аспекта: метафизический, семантический и прагматический. Метафизический аспект состоит в антиреализме: никаких моральных фактов в мире не существует – ни независимых от сознаний и мнений познающих агентов, ни зависимых. Семантически это означает, что моральные высказывания не выражают пропозиций [1. Р. 25], не имеют условий истинности и не принимают истинностных значений. Этим нонкогнитивизм отличается от теорий ошибки [2]. Там, где последние из ложности предположения о наличии в мире моральных фактов делают вывод о ложности всех моральных суждений, нонкогнитивизм заключает лишь об их неспособности быть истинными или ложными¹. Наконец, прагматический аспект связан с тем обстоятельством, что, хотя моральные высказывания не принимают истинностных значений, это не делает их бессмысленными.

Произнесение морального суждения – это речевой акт, целью которого не является ни выражение агентом присущих ему убеждений, ни намерение породить какое-либо убеждение у адресата. Цель его в том, чтобы выразить ментальное состояние говорящего, например осуждение, неприятие, отвращение и проч.: «Оно используется для того, чтобы выразить чувство относительно определенных объектов, но не для того, чтобы что-то утверждать о них» [5. Р. 107]. Для речевых актов такого рода вполне типично не выражать полноценных пропозиций. Будучи речевыми действиями, они обладают не условиями истинности, а условиями успешности [6], т.е. условиями, при которых коммуникативное содержание распознается адресатом, а также условиями эффективности [7], при выполнении которых итогом коммуникации становится приведение действительности в соответствие с некогнитивным состоянием высказывания.

Содержание некогнитивных состояний не обязано подвергаться ревизиям и пересмотрам со стороны рационального агента в случае, например, получения свидетельств о несоответствии этого содержания положению дел в мире. Типичным примером такого рода состояний являются желания. Если агент хочет, чтобы некое положение дел имело место в мире, а мир этому желанию не соответствует, то это не требует от агента ревизии его установки, скорее, наоборот, оно может побудить его оказать какое-то воздействие на мир с тем, чтобы привести его в соответствие со своим желанием [8]. Это отличает состояние желания от состояния убеждения, по-

¹ Не стоит путать это расхождение в подходах с дискуссией между Б. Расселом [3] и П. Стросоном [4] по поводу высказываний с пустыми дескрипциями вроде «Нынешний король Франции лыс». Существенное различие по сравнению с вышеуказанной классической дискуссией состоит в том, что в случае проблематичных выражений с определенными дескрипциями мы имеем дело с пустыми знаками для *индивидов*, являющихся конституэнтами пропозиций, тогда как в случае моральных высказываний мы имеем дело со знаками для *свойств, отношений и пропозиций* без экзистенциальных предпосылок.

скольку в случае убеждения несоответствие содержания убеждения положению дел в мире является достаточным основанием для пересмотра такого убеждения.

Помимо ряда несомненных преимуществ, таких, как, например, наличие простого и элегантного объяснения мотивирующего характера моральных суждений, некогнитивистский подход обладает рядом недостатков. На один из них указывает следующее возражение. Пусть перед нами умозаключение, среди посылок которого имеется моральное суждение, выражающее некоторое некогнитивное состояние. Если это умозаключение принимается агентом как валидное, то перед нами пример того, что в англоязычной литературе обозначается термином *wishful thinking*, т.е. переход в рассуждении, например, от желания говорящего к утверждению истинности желаемого, от сомнения – к утверждению ложности его предмета, от страха – к приписыванию тех или иных качеств вызывающим его вещам и пр. Поскольку некогнитивные состояния не призваны отражать положение дел в мире, они располагаются в пространстве внутренней свободы агента и в определенной степени подвержены произволу, так что из произвольных состояний, взятых в качестве посылок, можно выводить произвольные следствия, в том числе о положении дел в мире. Но, говоря словами Киена Дорра, «иррационально формировать свои убеждения о мире так, чтобы они соответствовали вашим желаниям или чувствам» [9. Р. 99].

Рассмотрим сказанное на примере морального умозаключения, являющегося частным случаем *modus ponens*.

(1) Если профессорам не следует обсуждать своих коллег со студентами, то Василий, будучи профессором, не будет обсуждать своих коллег со студентами.

(2) Профессорам не следует обсуждать своих коллег со студентами.

(3) Следовательно, Василий, будучи профессором, не будет обсуждать своих коллег со студентами.

Обратим внимание на то, что у говорящего могут быть различные и независимые друг от друга основания для принятия в качестве убеждения суждений (1) и (2). Так, основанием для (1) может быть то, что агент «сам слышал», как Василий обещал выполнять нормы этического кодекса университета и при этом прямо сказал, что если в кодексе записано, что не следует обсуждать коллег со студентами, то он – Василий – не будет совершать ничего подобного. При этом мы не знаем, существует ли такой кодекс и какие нормы он фиксирует. В свою очередь, основание для принятия суждения (2) двояко. Оно может состоять как в том, что говорящий читал этический кодекс и теперь воспроизводит его норму, так и в том, что таковы представления говорящего о должном. Иными словами, (2) можно интерпретировать «когнитивистски» и некогнитивистски. В силу неопределенности интерпретаций (1) и (2) агент, имея эти суждения среди множества своих убеждений, может заключить по *modus ponens* к (3), и такой вывод окажется корректным в одних случаях и некорректным в других. В случае цитирования кодекса в (2) вывод является приемлемым. Нонкогнитивистская же трактовка (2) не требует согласования содержания с положением дел в мире, так что от наличия у говорящего некоторой некогнитивной установки по отношению к профессорскому злословию никак не зависит, имеются ли случаи обсуждения

профессорами своих коллег со студентами. Если говорящий отдает себе в этом отчет, то он не должен на основании своего некогнитивного состояния заключать к тому, как именно будет поступать Василий. Заключение к (3) было бы некорректным даже при наличии веских свидетельств в пользу достоверности (1), поскольку мы не знаем, существует ли кодекс и значит ли в нем соответствующая норма.

Таким образом, нонкогнитивистски мотивированный запрет на вывод фактов из моральных суждений должен быть уточнен, поскольку в своей простой форме он запрещает рассуждения, воспринимаемые как вполне приемлемые. Что нонкогнитивизм может ответить на это требование?

Рассмотрим варианты уточнения нонкогнитивистской концепции.

Здесь особняком стоит подход Дэниела Столяра [10], который оперирует посылками в качестве утверждений, обладающих дефляционными условиями истинности [11]. Эти условия сводятся к способности высказывания быть погруженным в рамку «*p* истинно» или «*p* ложно». Если после такого погружения получающееся в итоге высказывание грамматически корректно, то исходное высказывание *p* признается способным быть дефляционно истинным или ложным. Такой подход позволяет сохранить формальные основания для вывода (1)–(3) [12. С. 32]. Однако это решение не может отменить того обстоятельства, что содержанием одной из посылок является некогнитивное состояние говорящего и тем самым только легитимирует *wishful thinking*. На дефляционистских основаниях можно вывести многое из того, что является заведомо некорректным, например:

(4) Если я хочу, чтобы сегодня была пятница, то сегодня пятница.

(5) Я хочу, чтобы сегодня была пятница.

(6) Сегодня пятница.

Такое рассуждение дефляционно валидно, что не отменяет его очевидной неприемлемости.

Чтобы представить прочие варианты, сформулируем предложенное Дорром возражение против нонкогнитивизма [9]. Выглядит оно следующим образом: (А) если нонкогнитивизм верен, то все рассуждения, выводящие дескриптивные факты из моральных посылок, могут быть охарактеризованы как *wishful thinking*; (В) все рассуждения, которые могут быть охарактеризованы как *wishful thinking*, являются нерациональными, следовательно, если нонкогнитивизм верен, то все рассуждения, выводящие дескриптивные факты из моральных посылок, нерациональны; однако (С) некоторые рассуждения, выводящие дескриптивные факты из моральных посылок, являются рациональными, следовательно, нонкогнитивизм неверен.

Какую из посылок – (А), (В) или (С) – следует попытаться отклонить, чтобы лишить рассуждение убедительности [13. Р. 176]? Сомнение в (С) означало бы существенный пересмотр наших представлений о моральном дискурсе и отказ от самой возможности делать какие-либо выводы к фактам на основании моральных посылок. Соответственно, большинство сторонников нонкогнитивизма предпринимают попытку атаковать (А) и (В), ставя перед собой задачу показать, что либо вывод фактов на основании моральных посылок не является разновидностью *wishful thinking* [14], либо некоторые рассуждения, имеющие признаки *wishful thinking*, являются при этом вполне корректными [15]. Так, Дж. Ленман [16] утверждает, что проблематичный

статус *wishful thinking* не является безусловным и связан исключительно с тем, какое обоснование имеют посылки, в которых выражены некогнитивные состояния. Сам эффект *wishful thinking* возникает в случае совершения вывода при отсутствии надлежащего основания. Если же такие посылки хорошо обоснованы, то все рассуждение не является некорректным даже при наличии признаков *wishful thinking*. Так, в рассмотренном выше примере основанием для наличия у рассуждающего агента установки, что обсуждение коллег со студентами является формой аморального поведения, было то, что агент прочитал об этом в этическом кодексе университета. Соответственно, его некогнитивная установка соотносилась с фактической стороной дела. При наличии обоснованной веры в то, что Василий будет выполнять все нормы, записанные в этическом кодексе, этого достаточно, чтобы рационально заключить, что он не будет обсуждать своих коллег-профессоров со студентами. Такой вывод нельзя сделать, не имея информации об основании принятия посылки, выражающей некогнитивное состояние, располагая же таковой, мы признаем вывод корректным. Фактически исправление ситуации требует устранения двусмысленности в интерпретации посылки, что и достигается путем предъявления оснований ее принятия.

Со своей стороны Р. Мабрито просто объявляет (В) ложным [15]. Эта точка зрения подтверждается следующим примером корректного выведения содержательных следствий на основании желаний рассуждающего агента:

(7) Если я, будучи ректором университета, хочу, чтобы завтра занятия прошли по расписанию пятницы, то сегодня я подпишу соответствующий приказ и завтра занятия пройдут по расписанию пятницы.

(8) Я, будучи ректором, хочу, чтобы завтра занятия прошли по расписанию пятницы.

(9) Следовательно, завтра занятия пройдут по расписанию пятницы.

Посылка (8) выражает некогнитивное состояние говорящего, а заключение (9) описывает будущее положение дел в мире. При этом нет никаких оснований сомневаться в общей корректности данного рассуждения, несмотря на наличие формальных признаков *wishful thinking*. Более того, в отличие от предыдущего решения Ленмана, некогнитивная установка говорящего в достаточной степени произвольна – ректор не обязан как-либо обосновывать свое желание. Обоснованным здесь является сам переход от желаемого к действительному, подкрепляемый ссылкой на нормативные основания и практику работы ректора, согласно которой он действительно вправе реализовывать свои желания в приказах.

Рассуждая по аналогии, мы можем сказать, что если агент осуждает определенные формы поведения, отмеченные в этическом кодексе как недопустимые и знает, что его коллеги взяли на себя обязательство их не воспроизводить, у него имеются рациональные основания полагать, что его коллеги будут вести себя в соответствии с некоторыми его некогнитивными состояниями. В этом случае переход от желаемого к действительному оказывается имеющим под собой веские основания.

Теперь мы хотим представить еще один довод против некогнитивизма, а именно связанный с ситуацией, которую можно назвать *проблемой экспликации оснований моральных высказываний*. Рассмотрим произнесение говорящим следующего высказывания:

(10) Для преподавателей моего университета является морально недопустимым обсуждать работу своих коллег со студентами, или меня неверно проинформировали об этом при трудоустройстве.

Предложение (10) имеет дизъюнктивную форму, причем первый из дизъюнктов представляет собой моральное утверждение, содержанием которого с точки зрения нонкогнитивизма является некогнитивное состояние. Второй же дизъюнкт подрывает установку говорящего (какой бы она ни была), представленную первым дизъюнктом.

С позиции некоторых форм эмотивизма содержание (10) может быть выражено так:

(11) Я не хочу, чтобы кто-либо из преподавателей моего университета обсуждал со студентами работу своих коллег, или меня неверно проинформировали об этом при трудоустройстве.

Здесь парадоксальным образом оказывается, что говорящий был неверно проинформирован относительно своих собственных желаний.

В экспрессивистской версии то же содержание эквивалентно следующему:

(12) Я осуждаю преподавателей, которые ведут со студентами разговоры о работе своих коллег, или меня неверно проинформировали об этом при трудоустройстве.

Наконец, в версии прескриптивистской получаем:

(13) Коллеги, не следует обсуждать работу друг другу со студентами, или меня неверно проинформировали об этом при трудоустройстве.

Очевидно, что (12) столь же контринтуитивно, что и (11), тогда как (13) приемлемо только в виде вопроса, но не как утверждение.

Как видим, все три версии нонкогнитивистской перефразировки морального высказывания, призванные эксплицировать его основания, оказываются неудовлетворительными. Конечно, требуемая экспликация содержания некогнитивных моральных установок не всегда возможна [5, 17], но неудачные расширения предложения (10) позволяют выявить следующую проблему: если мы, следуя в русле когнитивизма, полагаем моральные установки агентов моральными убеждениями, то в случае неполной уверенности агента в содержании данных установок мы можем моделировать такие ситуации при помощи субъективных оценок вероятности говорящим тех или иных положений дел [18]. Так, например, обстоит дело, если говорящий произносит:

(14) Преподаватели обсуждают со студентами работу своих коллег, но это не точно.

Вторая часть этого предложения модифицирует первую и выражает то обстоятельство, что субъективная оценка говорящим вероятности того, что первая часть его утверждения истинна, меньше 100%, и здесь мы располагаем инструментарием, позволяющим эксплицировать нашу неуверенность в собственных установках.

Однако в случае некогнитивных установок, например желания подобных инструментов нет. Желаемое может быть фактически как истинным, так и ложным, и у нас нет причин субъективно оценивать его вероятность. Высказывание

(15) я хочу, чтобы преподаватели не обсуждали со студентами работу коллег, но это не точно

выражает состояние неуверенности в своем собственном желании, а не в положении дел, которое его реализует. Это состояние нам знакомо и состоит в перемежающихся возникновении и угасании желания, но не в том, что желаемое принимает большую или меньшую степень вероятности или иной количественной меры, когда в одном случае я хочу, чтобы ни один преподаватель никогда не обсуждал коллег со студентами, а в другом довольствуюсь лишь половиной преподавателей. Напротив, высказывание

(16) преподавателям нельзя обсуждать со студентами работу коллег, но это не точно

означает, что говорящий пытается процитировать норму, но не уверен в том, что делает это правильно. Очевидно, что речь здесь не может идти о выражении некогнитивного состояния.

Таким образом, совершая утверждение в (14), мы легко соединяем его с оценками истинности утверждаемой пропозиции. Во фразах же, подобных (15) и выражающих некогнитивную установку, мы переносим эту оценку на установку, так что оператор установки работает как предикат, выражающий отношение между агентом и пропозицией. В самом деле, местоимение «это» в обоих случаях указывает на положение дел, но в (14) таковым оказывается внешнее обстоятельство, а в (15) – наличие желания у говорящего. Наконец, переходя к нормативному суждению (16), мы видим вовсе не желание реализации положения дел, а воспроизводство нормы, т.е. (15) и (16) имеют разное и несводимое друг к другу содержание.

Все это делает некогнитивистскую интерпретацию моральных высказываний формально неудовлетворительной. Причиной тому служит двойственность основания таких высказываний, а именно они могут выражать как социальную норму, так и желание говорящего такую норму ввести, прочитываться как некогнитивно, так и «когнитивно». Конкретная интерпретация зависит от ситуации произнесения и лингвистического контекста. Ситуация может «нести» с собой обстоятельства, позволяющие понять, имеет место первое или второе, контекст же играет роль среды, которая может исключить одну из этих возможностей, что, как мы видели, приводит к однозначной интерпретации (16), но может и сохранить обе. В частности, рассмотренный нами контекст неуверенности агента в содержании установки позволяет дифференцировать два прочтения, задачей же некогнитивистского подхода становится тогда выявление других контекстов, которые обеспечивали бы однозначную некогнитивную интерпретацию морального суждения.

Список источников

1. Carnap R. *Philosophy and Logical Syntax*. London : Routledge, 1935. 100 p.
2. Mackie J.L. *Ethics: Inventing Right and Wrong*. New York : Penguin, 1977. 256 p.
3. Russell B. On Denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14 (56). P. 479–493.
4. Strawson P.F. On Referring // *Mind*. 1950. Vol. 59 (235). P. 320–344.
5. Ayer A.J. *Language, Truth and Logic*. New York : Dover Publications, 1946. 160 p.
6. Searle J., Vanderveken D. *The Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. 240 p.
7. Vanderveken D. *Meaning and Speech Acts*. Vol. 2: *Formal Semantics of Success and Satisfaction*. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. 208 p.
8. Anscombe G.E.M. *Intention*. Ithaca : Cornell University Press, 1963. 106 p.
9. Dorr C. Non-cognitivism and Wishful Thinking // *NOÛS*. 2002. Vol. 36 (1). P. 97–103.

10. Stoljar D. Emotivism and Truth Conditions // *Philosophical Studies*. 1993. Vol. 70 (1). P. 81–101.
11. Ламберов Л.Д. Нонкогнитивизм в этике и дефляционизм: проблема общих методологических оснований // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2013. Т. 50, № 3. С. 34–38.
12. Ламберов Л.Д. Проблема Фреге – Гича (II): о прагматической интерпретации дефляционизма // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия*. 2013. Т. 11, вып. 4. С. 30–34.
13. Schroeder M. *Noncognitivism in Ethics*. New York : Routledge, 2010. 258 p.
14. Enoch D. How Noncognitivists Can Avoid Wishful Thinking? // *Southern Journal of Philosophy*. 2003. Vol. 41. P. 527–545.
15. Mabrito R. Are Expressivists Guilty of Wishful Thinking? // *Philosophical Studies*. 2013. Vol. 165. P. 1069–1081.
16. Lenman J. Noncognitivism and Wishfulness // *Ethical Theory and Moral Practice*. 2003. Vol. 6 (3). P. 265–274.
17. Stevenson C.L. The Emotive Meaning of Ethical Terms // *Mind*. 1937. Vol. 46. P. 14–31.
18. Ramsey F.P. Truth and Probability // *The Foundation of Mathematics and Other Logical Essays*. R.B. Braithwaite. London : Routledge and Kegan Paul, 1931. P. 156–198.

References

1. Carnap, R. (1935) *Philosophy and Logical Syntax*. London: Routledge.
2. Mackie, J.L. (1977) *Ethics: Inventing Right and Wrong*. New York: Penguin.
3. Russell, B. (1905) On Denoting. *Mind*. 14(56). pp. 479–493.
4. Strawson, P.F. (1950) On Referring. *Mind*. 59(235). pp. 320–344.
5. Ayer, A.J. (1946) *Language, Truth and Logic*. New York: Dover Publications.
6. Searle, J. & Vanderveken, D. (1984) *The Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Vanderveken, D. (1991) *Meaning and Speech Acts*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Anscombe, G.E.M. (1963) *Intention*. Ithaca: Cornell University Press.
9. Dorr, C. (2002) Non-cognitivism and Wishful Thinking. *NOÛS*. 36(1). pp. 97–103.
10. Stoljar, D. (1993) Emotivism and Truth Conditions. *Philosophical Studies*. 70(1). pp. 81–101.
11. Lamberov, L.D. (2013) Nonkogntivizm v etike i deflyatsionizm: problema obshchikh metodologicheskikh osnovaniy [Noncognitivism in ethics and deflationism: the problem of common methodological foundations]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 50(3). pp. 34–38.
12. Lamberov, L.D. (2013) Problema Frege – Gicha (II): o pragmaticheskoy interpretatsii deflyatsionizma [The Frege-Geach Problem (II): On the Pragmatic Interpretation of Deflationism]. *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Filosofiya*. 11(4). pp. 30–34.
13. Schroeder, M. (2010) *Noncognitivism in Ethics*. New York: Routledge.
14. Enoch, D. (2003) How Noncognitivists Can Avoid Wishful Thinking? *Southern Journal of Philosophy*. 41. pp. 527–545.
15. Mabrito, R. (2013) Are Expressivists Guilty of Wishful Thinking? *Philosophical Studies*. 165. pp. 1069–1081.
16. Lenman, J. (2003) Noncognitivism and Wishfulness. *Ethical Theory and Moral Practice*. 6(3). pp. 265–274.
17. Stevenson, C.L. (1937) The Emotive Meaning of Ethical Terms. *Mind*. 46. pp. 14–31.
18. Ramsey, F.P. (1931) Truth and Probability. In: Braithwaite, R.B. (ed.) *The Foundation of Mathematics and Other Logical Essays*. London: Routledge and Kegan Paul. pp. 156–198.

Сведения об авторах:

Микиртумов И.Б. – доктор философских наук, доцент факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: imikirtumov@gmail.com

Фролов К.Г. – кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Москва, Россия); старший научный сотрудник

Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kgfrolov@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Mikirtumov I.B. – Dr. Sci. (Philosophy), associate professor, Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation); senior researcher at the Institute of Philosophy, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: imikirtumov@gmail.com

Frolov K.G. – Cand. Sci. (Philosophy), research fellow at the International Laboratory of Logic, Linguistics and Formal Philosophy, HSE University (Moscow, Russian Federation); senior researcher at the Institute of Philosophy, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: kgfrolov@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2022;

одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 05.12.2022

The article was submitted 20.10.2022;

approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 05.12.2022

Научная статья

УДК 167

doi: 10.17223/1998863X/70/18

О НЕКОТОРЫХ СВЯЗЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ С АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИЕЙ В КОНТЕКСТЕ МЕТАФИЗИКИ АГЕНТНОСТИ

Степан Евгеньевич Овчинников

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия, step.ovch@gmail.com

Аннотация. Проводится исследование онтологических оснований акторно-сетевой теории Б. Латура и объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана в контексте проблемы социального действия. Для разрешения онтологических противоречий между указанными подходами используется концептуализация агентности в рамках аналитической философии Д. Дэвидсоном. Формулируется критерий для определения социального действия на основании событийно-каузального подхода к проблеме агентности.

Ключевые слова: социальное действие, интенциональность, агентность, событийно-каузальный подход, онтология

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории», № 18-78-10082.

Для цитирования: Овчинников С.Е. О некоторых связях социальных исследований с аналитической философией в контексте метафизики агентности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 198–206. doi: 10.17223/1998863X/70/18

Original article

ON SOME CONNECTIONS BETWEEN SOCIAL STUDIES AND ANALYTIC PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF ONTOLOGY OF AGENCY

Stepan E. Ovchinnikov

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, step.ovch@gmail.com*

Abstract. The article explores the problem of correlation between the concepts of social action arising in the framework of actor–network theory (ANT) developed by Bruno Latour and object-oriented ontology (OOO) developed by Graham Harman in the context of metaphysics of agency. At the first stage of the research, the ontological foundations of ANT and OOO are considered. Harman develops his concept as a theoretical extension of ANT by replacing the metaphysics of “relations” with a flat ontology of objects. For ANT, all objects are agents, since they appear only in action. For OOO, all agents are objects, since they are opaque and cannot be exhaustively described either by reduction to their components or by identification with their functions. But such an extension, while saving ANT from radical relativism, in turn, creates problems with the definition and classification of objects as agents. In the author’s opinion, in this case, the choice of a description language should be justified not by setting ontological axioms (as Latour and Harman do), but by less abstract

considerations about the explanatory power or the possibility of reducing one description language to another, in particular, as Donald Davidson does in the discussion about agent-causal and event-causal approaches to agency. He shows that the description of the action does not require the postulation of a separate entity of the agent, but can be produced using an event-causal scheme, in which the litmus test of the action is the presence of at least one description under an aspect that makes action intentional. This approach can be specified to describe a social action within ANT framework, for example, using the following criterion: an action is social action if there is a description under intentional aspect and if its result does not depend on the agent's intention. Such a criterion allows us to identify cases where the agent acts intentionally and the result of the action coincides with the intention, but this coincidence is accidental ("rainmaking ritual" has the intention to cause rain and may actually coincide with the event of rain). Within the framework of such a criterion, it is assumed that an action is recognized as social when it is intentional, and when its intentionality is not identical with the actual result of the action, since the result is partially or completely determined by the social structure, and the agent, according to Latour, never "acts alone."

Keywords: social action, intentionality, agency, event-causal approach, ontology

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-78-10082.

For citation: Ovchinnikov, S.E. (2022) On some connections between social studies and analytic philosophy in the context of ontology of agency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 198–206. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/18

Введение

Понятие «социальное действие» является одной из центральных концептуализаций современных социальных исследований, при этом различные теоретические каркасы предлагают разные интерпретации данного понятия. Аналитическая философия, в свою очередь, исследует более общее понятие «действие» и, соотнесенного с ним понятия «агент». В данной статье мы хотим эксплицировать и развить влияние результатов исследований в области онтологии агентности, осуществляемых в рамках аналитической философии, на социальную теорию. Сначала будет проведен краткий обзор инструментов аналитической философии, позволяющих анализировать онтологические допущения в теориях социального действия, затем краткая историческая реконструкция последних. В результате планируется показать, как концептуализации агентности в аналитической философии позволяют раскрыть противоречия между социальными теориями на примере акторно-сетевой теории (АСТ) Бруно Латура и объектно-ориентированной онтологии (ООО) Грэма Хармана.

Аналитическая философия и метафизика

Ни для кого не секрет, что аналитическая философия за последние полвека из предприятия по анализу языка превратилась в самостоятельное направление исследований классических философских проблем. В.В. Васильев в недавнем обзоре дискуссии о самоопределении аналитической философии между В.К. Шохиным и В.В. Целищевым приводит список самых популярных тем исследований в ведущих аналитических журналах, где на первом месте оказалась метафизика, причем, «классические философы действительно интересуют современных метафизиков, эпистемологов и этиков

больше, чем Фреге, Рассел, Мур и Витгенштейн» [1. С. 154]. Б. Страуд в работе «Аналитическая философия и метафизика» показывает, что такой «поворот к метафизике» был заложен в самом основании аналитической философии: «Анализ, как его понимал Рассел, был способом обнаружения реальной логической формы предложений, которые, как мы считаем, должны быть истинными относительно мира, а также методом открытия формы фактов, делающих наши утверждения истинными. Поверхностная грамматическая структура понимаемых нами предложений не является надежным проводником к истинной форме соответствующих им фактов. Именно поэтому философы прошлого зашли в тупик. Арифметические утверждения не указывают на особые сущности, называемые натуральными числами, а то, что выглядит как имена и определенные дескрипции, не обозначает необходимо что-либо, даже если предложения, в которых они появляются, были совершенно осмысленными. Рассел думал, что почти вся традиционная метафизика полна ошибок, возникших благодаря тому, что он называл „плохой грамматикой“, не позволяющей провести дистинкции, которые новая логика сделала возможными. Требовалась „философская грамматика“ – грамматика потому, что она имела дело с формой предложения; философская – из-за того, что открывала формы и элементы, которые образуют реальность, если предложения оказываются истинными. Для таких исследований не должно быть различий между выявлением действительной формы предложений и изучением природы реальности» [2. С. 160]. Иными словами, ключом к пониманию того, что существует, является анализ языка. Использование этого ключа подразумевает серьезное допущение, связанное с отождествлением (тем или иным способом) структуры языка и структуры реальности. Альтернативная стратегия – заменить вопрос о том, что существует, на вопрос о том, что мы вынуждены признать существующим. У. Куайн предложил метод, суть которого состоит в том, что необходимо найти сущности, которые имплицитно включены в теорию, и выражать все в терминах этих сущностей. Для этого предполагается переписать теорию в логических терминах и сохранить в качестве существующих только те, которые являются значениями связанных переменных. В рамках данной работы мы попробуем применить данную стратегию к двум социальным теориям с противоречащими друг другу онтологическими основаниями.

Социальная онтология

Аналогичный поворот к проблемам онтологии можно наблюдать и в социальной философии. Если исследователи XX в. обращались к вопросу о том, как с точки зрения социологии объяснить конкретные явления (отсюда и акцент на разработку понятий для социальной теории, символизм, интеракционизм, а также попытки привести все явления к «социальным», как, в частности, в сильной программе социологии), то теперь под вопросом само существование социальных связей. По мнению Б. Латура, социальное «укорено» (здесь мы используем термин, заимствованный из модальной онтологии) в ассоциациях, которые сами не являются социальными. Его центральный тезис состоит в том, что социальное – это не особый тип объектов, а особый тип связей между объектами: «...я намереваюсь определить социальное не как отдельную область или особый тип вещей, а лишь как очень

своеобразный процесс переустановления связей и пересборки» [3. С. 18]. Хотя сам по себе вопрос о природе объектов не интересует Б. Латура, тем не менее ясно, что в рамках его акторно-сетевой теории объектом является все, что так или иначе действует (и лошадь, и единорог), что приводит нас к плоской онтологии, в которой объекты полностью редуцированы к своим действиям. Представляется, что это сеть со слишком большими ячейками, которая не позволяет отличать независимо существующие вещи от единорогов, поскольку все они являются акторами и могут играть свои роли в социальном процессе. Более того, центральный вопрос для социальной теории – вопрос об определении социального действия, здесь остается открытым, поскольку акцент делается на социальные связи, которые далее не специфицируются.

Объектно-ориентированная онтология Г. Хармана пытается восполнить онтологический пробел АСТ и ввести различие, по крайней мере, между частями объективной реальности и чувственными объектами: «Хорошая теория должна проводить различия между разными типами объектов. Однако она должна прийти к этому различию, а не провозглашать его заранее, как это часто происходит в современном априорном разделении на людей, с одной стороны, и все остальное – с другой» [4. Р. 4]. Хотя АСТ и ввело в общую практику социальных исследований рассмотрение объектов как, с одной стороны, проводников действия, а с другой – как агентов действия, в ее рамках остается открытым вопрос о том, чем являются объекты вне действия (вернее, вне их взаимодействия с человеком). В ответ на это плоская онтология, защищаемая Г. Харманом, подразумевает, что помимо ассоциаций всегда существует некоторый несводимый к сумме действий остаток, характерный для каждого объекта. Разногласия между АСТ Б. Латура и ООО Г. Хармана заключаются, по большому счету, лишь в том, что именно считать сущностями социального процесса. Объектно-ориентированный подход в целом продолжает идеи АСТ, смещая акцент на то как «моя встреча с пламенем или мое этическое призвание образуют новый самостоятельный объект, а не просто поверхностное взаимодействие между двумя постоянно разделенными сущностями» [5. С. 105]. Такое внимание к проблеме объекта исходит из недостаточности двух имеющихся подходов к их определению, а именно (в терминологии Г. Хармана) к «подрыву» (*undermine*) и «надрыву» (*overmine*). Первый предполагает объяснение через редукцию объекта к составляющим частям, а второй – через описание его функций. Когда мы заменяем объект описанием его функций или составляющих, то упускаем нечто важное, считает Г. Харман.

Социальное действие и агентность

Для Б. Латура все объекты являются агентами и вообще «являются» постольку, поскольку обладают агентностью. Для Г. Хармана агенты являются объектами поскольку непрозрачны, как и все остальное в мире. В рамках АСТ специфическая проблема «агентности» (т.е. вопрос о том, как отличить агента от «неагента») вообще не возникает, поскольку все, что не является агентом, эта теория не видит. ООО, в свою очередь, «требует внимания к нереляционной глубине вещей вне всяких связей» [4. Р. 21], но в то же время не дает удовлетворительного определения агента и, как следствие, социального действия.

Сделаем шаг назад в истории социальных наук и рассмотрим классические подходы к теории социального действия. Смена парадигмы с исследования общества на исследование социального действия началась еще в начале XX в. Социальные теории А. Маршалла, В. Парето, Э. Дюркгейма и М. Вебера разделяют, по мнению Т. Парсонса, общую методологию социальных наук, а именно «волюнтаристскую теорию действия». Ее отличительные черты состоят в том, что в процессе научной концептуализации социальные явления расчленяются на «единичные акты», которые логически включают в себя агента, цель, ситуацию и нормативную ориентацию [6. С. 94]. Одним из центральных различий в теориях действия является онтологическая иерархия: социальная структура определяет действия агентов, или же социальная структура воспроизводится посредством повторяющихся действий. В первом случае подразумевается наличие некоторого посредника между действием и социальными структурами (нормы, привычки и т.д., которые описываются «теориями среднего уровня»). Во втором же (речь идет о, например, символическом интеракционизме) действие зависит от значений, которые агент придает окружающим его вещам, и на что делается особенный акцент – это значение возникает и/или преобразуется в результате интерпретации ситуации агентом. Сам Т. Парсонс не дает определенного ответа: с одной стороны, явления внешнего мира признаются главными во влиянии на действие, а с другой – их требуется свести к субъективным терминам действующего (т.е. к его интерпретации) для последующего описания всего акта действия.

Такую же двойственность декларирует и Б. Латур: «АСТ не утверждает, что мы когда-нибудь узнаем, состоит ли на самом деле общество из индивидуальных расчетливых агентов или гигантских макроакторов» [3. С. 46]. При этом ясно, что сам процесс «сборки» социальных групп в рамках АСТ требует непрерывного действия агентов: «...если вы перестали создавать и пересоздавать группы, у вас уже нет групп» [3. С. 52]. Центральной проблемой здесь будет то, какими средствами достигается это непрерывное создание. Для АСТ это «не-социальные ресурсы», а для символического интеракционизма – социальные действия. ООО, в свою очередь, пытается определять объекты (в том числе объектом является «социальное действие») не через то, как они действуют, а через нередуцируемый остаток, что вообще упускает специфическую проблему социального действия из вида. Таким образом, в рамках АСТ вообще все действия социальные (объекты действуют постольку, поскольку являются проводниками действия между людьми), а в ООО нет никаких специфически социальных действий, поскольку редукция описания объекта (коим является в том числе и «социальное действие») к его действию методологически запрещена.

Далее мы обратимся к проблеме агентности в аналитической философии и попытаемся соотнести онтологические структуры АСТ и ООО с подходами к описанию агентности в рамках аналитической философии, которые позволяют различить специфически социальные действия, осуществляемые агентами, и объекты-посредники.

Проблема агентности в аналитической философии

В рамках аналитической философии агентом является сущность, которая имеет способность к действию. Эта способность, как правило, должна быть

описана в интенциональных терминах и объяснена в каузальных. При этом существуют различные подходы к онтологическим основаниям отношения между агентом и действием. Нас будут интересовать два основных: событийно-каузальный (event-causal) и агентно-каузальный (agent-causal). Первый предполагает описание агентности посредством отношений между событиями, в которые агент включен, а в рамках второго предполагается, что агент является нередуцируемой сущностью, которая запускает каузальную цепь. Нетрудно проследить аналогию между событийно-каузальным подходом и АСТ, с одной стороны, и агентно-каузальным и ООО – с другой. В рамках АСТ роль агента редуцирована к его роли в действии, а ООО оставляет за агентом (объектом) нередуцируемую сущность. Таким образом, аналитический дискурс может быть использован как язык критического рассмотрения различий между АСТ и ООО. Приступая к данному рассмотрению, в первую очередь отметим, что любое действие является событием (но не наоборот). Во-вторых, одно и то же событие может быть описано как разные действия. При этом выбор языка описания может основываться либо на онтологических аксиомах (как делают Б. Латур и Г. Харман), либо на менее абстрактных соображениях об объяснительной силе или возможности редукции одного языка к другому (как происходит в рамках аналитической философии, например в дебатах по этому вопросу между Д. Дэвидсоном и Р. Чисхолмом).

Обратимся к аргументации Д. Дэвидсона. Если верно, что агент – нередуцируемая сущность каузального процесса действия, то существует способ отличить действие агента от того, что с ним происходит (от события). В рамках анализа языка можно было бы ожидать, что в дискуссии вокруг того, какие события считать действиями, а какие нет, должна присутствовать «грамматическая лакмусовая бумажка агентности» [7. Р. 4], т.е. некоторые признаки в описаниях событий, по которым можно однозначно определить данное событие как действие. Но, как показывает Д. Дэвидсон, такой бумажки не существует. Не существует строго определенного класса событий, которые можно однозначно классифицировать как действия: «Вот несколько примеров: он моргнул, скатился с кровати, включил свет, закашлялся, сощурился, вспотел, пролил кофе и запнулся о ковер. Мы определим, являются ли эти события действиями, только после того, как узнаем больше, чем говорит нам используемый глагол. Только рассмотрев дополнительную информацию о сути происходящего, мы сможем найти ответ на вопрос о том, что делает данную часть биографии действием» [7. Р. 5]. Ясно, что часть описаний событий автоматически делает данное событие действием (например, ложь – это всегда действие), но, как показывает процитированный пример, для большинства глаголов это не работает. Более того, хотя каждое событие, включающее в себя интенцию, и является действием, не каждое действие включает интенцию. Более того, подход, в рамках которого агент является нередуцируемой сущностью, приводит к парадоксальной ситуации, когда действие является одновременно интенциональным и неинтенциональным, т.е. вместо одного действия с разными описаниями возникает два разных действия (например, когда некто делает интенционально одно, но результат не совпадает с его интенцией). Эту же проблему разделяет и ООО. Нередуцируемый объект, будучи распознанным (априорно определенным) как агент, должен всегда действовать интенционально, поскольку, ввиду его непрозрач-

ности, нельзя отличить интенцию от результата. С другой стороны, Г. Харман пытается «спасти» АСТ от «реляционного расширения», в рамках которого (поскольку агенты определяются только по действиям) возникает ситуация, когда агент вовсе исчезает из онтологической схемы, а реальность полностью подчинена интерпретации действий. Но в конечном итоге представляется, что любая каузальная цепь, где агент участвует как субъект действия, может быть описана в виде каузальной связи между двумя событиями, где агент является частью одного из событий. ООО усложняет язык описания социального действия ради сохранения реалистической онтологии, но не увеличивает его объяснительную силу.

Посмотрим, как ту же проблему решает аналитическая философия. Стратегия Д. Дэвидсона, состоит в переходе от сущностей и действий к их описаниям, что согласуется с АСТ, в рамках которой нет такой отдельной сущности как агент, поскольку он определяется исключительно в рамках действия. Непрозрачность здесь относится не к агенту, а к свойствам его интенции. Д. Дэвидсон предлагает рассматривать три категории событий: агент делает нечто интенционально, и результат совпадает с его намерениями; агент делает нечто интенционально, и результат не совпадает с его намерениями; агент делает нечто не интенционально. Событие считается действием агента, если существует хотя бы одно интенциональное описание этого действия (т.е. первая и вторая категории), которое, в свою очередь, редуцируется к последовательности событий, в которую агент включен. При этом стандартная аналитическая концепция агентности предполагает, что во всей палитре действий (различных описаний одного и того же события) фундаментальным будет именно интенциональное.

Отметим, что идея «неинтенционального» агента и, соответственно, критика стандартной теории агентности, которую защищает Д. Дэвидсон, также находится в поле внимания аналитической философии. Эта критика, по большому счету, аналогична критике акторно-сетевой теории Г. Харманом, поскольку как в АСТ агент исчезает и заменяется его действием, так и в рамках событийно-каузального подхода агент в лучшем случае является частью описания каузальной цепи. Таким образом, можно заключить, что событийно-каузальный язык описания сочетается с онтологией акторно-сетевой теории, а агентно-каузальный – с объектно-ориентированной онтологией. При этом, поскольку событийно-каузальный язык представляется более богатым, а агентно-каузальный может быть к нему редуцирован, именно онтология АСТ является более перспективной для разработки теории социального действия.

Действие и социальное действие

На основании вышесказанного можно выделить две важные концептуализации аналитической философии, которые мы будем использовать для расширения АСТ. Во-первых, вместо развертывания концепции на основании онтологических аксиом предлагается перейти к выбору языка описания, а именно к событийно-каузальной концепции агентности. Во-вторых мы будем использовать интенциональность для отделения действий агентов (людей) от любых других действий акторов (в рамках АСТ актором является социальный институт, книга и религия).

Интенциональность позволяет сохранять фундаментальное описание действия «как есть», как того и требует Б. Латур: «Еще сложнее ситуация с паломником, утверждающим: „Я пришел в этот монастырь, потому что меня позвала Дева Мария“. Как долго нам сдерживать самоуверенную улыбку, – ведь мы тотчас же замещаем вмешательство Девы очевидной иллюзией актора, нашедшего в религиозном символе предлог скрыть чье-то решение? Представители критической социологии ответили бы: „Пока мы хотим быть вежливыми: смеяться в присутствии информанта – проявление невоспитанности“. А социолог ассоциаций должен сказать: „До тех пор, пока есть возможность, надо использовать предоставленный паломником шанс измерить многообразие сил, одновременно действующих в мире“. Если сегодня мы можем открыть для себя, что Дева способна заставить паломников сесть в поезд вопреки всем сомнениям, удерживающим их дома, то это и в самом деле чудо» [3. С. 70–71]. Таким образом, хотя интенциональное описание и будет фундаментальным в описании действия, для социальной науки остается пространство для любых других описаний сосуществующих с исходным без онтологических противоречий. Далее в рамках АСТ утверждается, что социальное действие непрозрачно, т.е. «мы никогда не действуем в одиночку» [3. С. 65]. Иными словами, действие тем или иным способом определяется социальной структурой, что означает, что оно в контексте проблемы агентности попадает либо во вторую, либо в третью категорию событий, описанных Д. Дэвидсоном. Отнесение социальных действий в третью категорию приводит к странному выводу о том, что «участие в ритуальном танце» отождествляется с «ударом пальца о тумбочку». Более адекватным выглядит отнести такие действия, как ритуальные танцы, во вторую категорию, где агент может интенционально вызывать дождь, но фактически осуществляет «социализацию» или какую-либо другую интерпретацию ритуалов.

Заключение

Мы рассмотрели онтологические основания акторно-сетевой теории и объектно-ориентированной онтологии с позиций аналитической философии. Переход от онтологической аксиоматики к выбору между концепциями описания позволяет признать за АСТ большую объяснительную силу в рамках экспликации социального действия. Расширение АСТ за счет, с одной стороны, концептуализации интенциональности, а с другой – применения событийно-каузального подхода к описанию, позволяет сформулировать критерий для выделения подмножества социальных действий из всех действий агента: «...действие является социальным, если существует его интенциональное описание и результат действия не зависит от интенции агента». В рамках данного критерия предполагается, что действие признается социальным когда оно интенционально и когда его интенциональность не связана с действительным результатом действия, поскольку результат, полностью или частично, определяется социальной структурой (агент, по Б. Латуру, никогда «не действует в одиночку»). Иными словами, действие социально, когда существует зазор между интенциональным описанием и описанием результата. Такой критерий также позволяет выявить случаи, когда агент действует интенционально и результат действия совпадает с интенцией, но это совпадение слу-

чайню, например, «танец дождя» имеет интенцию вызвать дождь и может действительно совпасть с событием дождя.

Список источников

1. Васильев В.В. Что такое аналитическая философия почему важен этот вопрос // Философский журнал. 2019. Т. 12, № 1. С. 144–158.
2. Страуд Б. Аналитическая философия и метафизика // Аналитическая философия. Избранные тексты. М. : Изд-во Мос. ун-та, 1993. С. 159–174.
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
4. Harman G. *Immaterialism*. Polity Press, 2016.
5. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М. : Ад Маргинем Пресс, 2001.
6. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2002.
7. Davidson D. Agency // Agent, Action, and Reason / Binkley, Bronaugh, and Marras (eds.), Toronto : University of Toronto Press, 1971.

References

1. Vasiliev, V.V. (2019) Chto takoe analiticheskaya filosofiya pochemu vazhen etot vopros [What is analytical philosophy why is this question important]. *Filosofskiy zhurnal*. 12(1). pp. 144–158.
2. Straud, B. (1993) Analiticheskaya filosofiya i metafizika [Analytical philosophy and metaphysics]. In: Gryaznov, A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya. Izbrannye teksty* [Analytical Philosophy. Selected Texts]. Moscow: Moscow State University. pp. 159–174.
3. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembly of the social: an introduction to actor-network theory]. Translated from French. Moscow: HSE.
4. Harman, G. (2016) *Immaterialism*. Polity Press.
5. Harman, G. (2001) *Ob'ektno-orientirovannaya ontologiya: novaya "teoriya vsego"* [Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
6. Parsons, T. (2002) *O strukture sotsial'nogo deystviya* [On the structure of social action]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii Proekt.
7. Davidson, D. (1971) Agency. In: Binkley, R., Bronaugh, R. and Marras, A. (eds.) *Agent, Action, and Reason*. Toronto: University of Toronto Press.

Сведения об авторе:

Овчинников С.Е. – младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: step.ovch@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ovchinnikov S.E. – junior researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: step.ovch@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2022;
одобрана после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 15.10.2022;
approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 05.12.2022

Научная статья

УДК 17

doi: 10.17223/1998863X/70/19

ПРИСТРАСТНОСТЬ, БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ МОРАЛЬНОГО ОПЫТА

Андрей Вячеславович Прокофьев

Институт философии РАН, Москва, Россия, avprok2006@mail.ru

Аннотация. Проанализированы способы использования феноменологического возражения в дискуссии о возможности обосновать моральные дозволения и обязанности, предполагающие предпочтительное отношение к своим и близким людям. Продemonстрировано, что на настоящий момент еще не сложился такой вариант теоретического описания моральной пристрастности, который успешно преодолевал бы феноменологическое возражение.

Ключевые слова: мораль, этика, беспристрастность, пристрастность, специальные дозволения и обязанности

Для цитирования: Прокофьев А.В. Пристрастность, беспристрастность и феноменология морального опыта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 207–216. doi: 10.17223/1998863X/70/19

Original article

PARTIALITY, IMPARTIALITY, AND THE PHENOMENOLOGY OF MORAL EXPERIENCE

Andrey V. Prokofyev

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
avprok2006@mail.ru*

Abstract. One of the main focal points of the recent discussion on the possibility to justify moral partiality (special permissions and obligations) is the phenomenological objection. Simon Keller transformed it from the objection against the inference of special permissions and obligations from the impartial treatment of all persons into the touchstone for every justification of moral partiality. In his opinion, the projects view and the relationships view also do not pass this test. An agent who contributes to the well-being of her nearest and dearest does not do it because she is afraid to lose the possibility to fulfill her personal project or to maintain her relationships with a particular person. She does it immediately for the sake of her nearest and dearest. This is the basis of Keller's own justification – the individuals view. Though this attempt to avoid the phenomenological objection is not impeccable. To retain the tie of the individuals view with impartiality, Keller considers close relationships between individuals not a moral reason but an enabler of moral reasons. This position gives rise to substantial contradictions. Some supporters of the individuals view try to smooth them out through giving close relationships a status of an intensifier of moral reasons. Their answer to the phenomenological objection is following: the motives of moral agents should include only reasons to act, but not every factor that changes the deontic status of an action. So the fact that relationships intensify moral reasons and the fact that the cause of this intensification is that relationships contribute to agent's good life can be rightfully absent from her consciousnesses. There is a serious problem with this argument. The reason of partiality in the modified individuals view is an equal value of every person intensified in the case of someone nearest and dearest. If only reasons should be present in the

consciousnesses of an agent, then special permissions and obligations turn out to be unjustified. If, on the contrary, her motives should reflect all the process of intensification, then she becomes a person who acts to contribute to her good life. According to the phenomenological objection, it is a wrong reason. The other way to avoid the objection relies on the unity of interests of an agent and her nearest and dearest. It is also vulnerable. So for now the phenomenological objection to justifications of moral partiality creates a complete theoretical impasse.

Keywords: morality, ethics, impartiality, partiality, special permissions and obligations

For citation: Prokofyev, A.V. (2022) Partiality, impartiality, and the phenomenology of moral experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 207–216. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/19

Феноменологическое возражение в теориях обоснования моральной пристрастности

Одной из важнейших проблем этики является проблема создания такой теоретической модели морали, которая непротиворечиво соединяла бы базовую моральную обязанность беспристрастного отношения к каждому человеку с дозволениями и обязанностями, порожденными уникальной историей взаимодействия конкретного морального агента с конкретными реципиентами его действий. В этической литературе эти дозволения и обязанности, допускающие или предписывающие предпочтительное (пристрастное) отношение к людям, которые являются для агента своими и близкими, принято обозначать словом «особые». На уровне распространенных убеждений особые дозволения и обязанности выступают в качестве неотъемлемой части ценностно-нормативной системы морали. Друг в этой сетке координат должен и имеет право оказывать помощь и поддержку своему другу, несмотря на то, что вокруг него есть люди, которые намного больше нуждаются в помощи и поддержке. То же самое касается отношений между родственниками, влюбленными, а также членами разного рода локальных сообществ.

Как можно обосновать такое неодинаковое обращение с людьми, не отрицая одинаковой ценности потребностей и интересов каждого человека? Наиболее простым способом ответа на этот вопрос является вывод особых дозволений и обязанностей из общих, касающихся всех людей. Обязанности друга, родителя, участника романтических отношений, члена больших и малых сообществ, а также их право предпочитать своих и близких реципиентов чужим и дальним, могут быть результатом ситуативного применения универсальных моральных принципов, неявным проявлением моральной беспристрастности. Своих и близких для агента людей можно рассматривать как особо уязвимых в отношении его поведения, особенно зависимых от его решений [1]. В предпочтении их потребностей и интересов можно видеть непереносимое условие существования тех институтов, без которых всем было бы хуже – дружбы, семьи, государства и т.д. [2; 3. Р. 118; 4. Р. 208]. В этой картине морали беспристрастность и пристрастность уже не выглядят противостоящими друг другу явлениями.

Данное решение проблемы вызывает у многих теоретиков сомнения, поскольку под вопросом стоит его соответствие феноменологии морального опыта. Согласившийся с ним человек признает, что содействует благу своего друга, возлюбленного или родственника не потому, что тот имеет для него

исключительную ценность, а потому, что друг, возлюбленный или родственник такой же, как и все остальные люди, и лишь случайные обстоятельства превратили его в приоритетный объект помощи и заботы. Такое понимание агентом оснований своих действий свидетельствует о том, что он не проявляет верности или преданности своим и близким людям. И это не может не вызывать у последних острое разочарование. Автор феноменологического возражения Бернард Уильямс назвал мысль мужа о беспристрастных основаниях и ограничениях действий, совершаемых им ради спасения жизни собственной жены, «лишней мыслью» [3. Р. 18]. Рассуждение, параллельное аргументу от «лишней мысли», было предложено Майклом Стокером [5. Р. 462]. Некоторые важные прецеденты анализа этого аргумента отражены в работах последних лет (см.: [6; 7. Р. 143–162; 8]).

Откликом на артикулированную Уильямсом проблему в этической теории стало восприятие особых дозволений и обязанностей в качестве такого нормативного содержания морали, которое не может быть выведено из равной ценности каждого человека, определяющей необходимость беспристрастного отношения ко всем людям. Уильямс предложил считать особые дозволения и обязанности неперенным сопутствующим обстоятельством некоторых основополагающих жизненных проектов индивидов, проектов, конституирующих идентичность (концепция проектов) [3. Р. 12–18]. Сэмюэль Шеффлер пришел к выводу, что эту часть нормативного содержания морали надо считать обратной стороной самостоятельной ценности близких отношений между конкретными людьми (концепция отношений) [4]. Однако обе эти концепции оказались под вопросом в связи с попыткой Саймона Келлера применить феноменологическое возражение и против них. Келлер предположил, что и концепция проектов, и концепция отношений не обеспечивают достаточного уровня независимости тем основаниям действия, которые предполагают приоритетную поддержку своих и близких людей. Если агент будет объяснять свое содействие благу жены или друга тем, что жена или друг занимают важное место в его фундаментальном жизненном целеполагании, то он также не оправдает ожиданий близкого человека («не ради тебя, а ради моего проекта») [5. Р. 42]. Если муж спасает не свою жену, а свои семейные отношения, то он также будет выглядеть как аномальный морально-психологический тип («не ради тебя, а ради нашего брака»). Его мотивация будет содержать «лишнюю» мысль [5. Р. 63].

Для Келлера единственной альтернативой, которая не создает таких мыслей, является привязанность к конкретному индивиду. В порядке своего возникновения она может быть связана с совместной вовлеченностью в те или иные отношения, в том числе институционализированные, подобные браку или принадлежности к одной и той же семье, но в момент, когда агент совершает действие в соответствии с особой обязанностью или в пределах особого дозволения, он реагирует на то значение, которое имеет для него конкретный человек – его родитель, его ребенок, его брат или сестра и т.д. Так же обстоят дела и с индивидуальными проектами. Отношения с близкими могли выступать в качестве центрального элемента жизненного целеполагания агента, но в момент действия он ориентируется на то значение, которое имеет для него сам близкий человек, а не на сформировавший это значение персональный контекст. В уильямсовском случае феноменологически адек-

ватным ответом на вопрос жены «Зачем ты это сделал?» был бы «Я должен был это сделать ради тебя!». Именно поэтому Келлер называет свой подход «концепцией индивидов» [5. Р. 78–113].

Для того чтобы устранить видимость неравенства близких и дальних людей, противоречащую исходной установке морали, Келлер использует несколько дополнительных аргументов, один из которых опирается на терминологический аппарат нормативной этики Джонатана Дэнси [6. Р. 38–41]. Отношения с близкими людьми, по мнению Келлера, не являясь независимым основанием действия, выступают в качестве «активатора» таких оснований. «Активатор» не имеет собственного нормативного смысла, он сам по себе не служит доводом в пользу совершения тех или иных поступков, и это позволяет Келлеру решить две теоретические задачи. Во-первых, признавая роль отношений для этики пристрастности, избежать сползания концепции индивидов к концепции отношений. Во-вторых, утверждать, что на уровне оснований действия, взятых вне привходящих факторов, интересы и потребности каждого человека сохраняют равную ценность [5. Р. 133–136].

Новые подходы к преодолению феноменологического возражения

Новый способ использования феноменологического возражения, предложенный Келлером, активизировал и видоизменил полемику по вопросу о моральной пристрастности. Появились попытки скорректировать концепцию индивидов, показать, что внутри нее можно найти более сильные аргументы в пользу итогового неравного значения равных с точки зрения морали людей. Возникли теоретические проекты, построенные на основе убеждения в том, что в той критической рамке, которую предложил Келлер, есть более сильные подходы, чем концепция индивидов.

Если вести речь о коррекции, то критиков не устроил дополнительный аргумент Келлера в пользу примирения общих и особых обязанностей и дозволений. Тезис о том, что отношения, сближающие людей, не являются самостоятельным основанием действия, как правило, не вызывает у них серьезных сомнений. А вот попытка Келлера интерпретировать отношения в качестве «активатора» оснований считается неудачной. Прежде всего, из-за того, что она не дает ответ на вопрос о том, почему потребности и интересы других людей в каких-то случаях имеют нормативные следствия и без такого «активатора». Если бы близость была именно «активатором», то в ее отсутствие угроза жизни другого человека или его нужда оставались бы морально безразличными обстоятельствами и лишь в случае близости агента и реципиента создавали бы обязанность спасения или помощи. Однако в общераспространенном моральном опыте спасение чужого человека от грозящей ему опасности или помощь чужому человеку в затруднительной ситуации вполне могут быть обязательными действиями. Обязанность спасать близких и помогать им всего лишь покрывает большее количество типичных ситуаций и является более сильной, чем такая же обязанность в отношении чужих людей.

Поправка критиков состоит в том, что близкие отношения между людьми следует рассматривать не как «активатор», а как «интенсификатор» (это еще одно понятие из терминологического арсенала Дэнси) [6. Р. 42; 7; 8].

В том случае, когда агент сталкивается с потребностями (интересами) близкого человека, он чувствует более мощное нормативное тяготение к совершению тех поступков, которые содействуют удовлетворению потребностей (продвижению интересов) другого человека, сравнительно с тем случаем, когда на кону стоят потребности и интересы какого-нибудь незнакомца. При этом причина интенсифицирующего эффекта состоит в том, что включенность в сближающие людей отношения существенно увеличивает качество жизни агента, способствует тому, чтобы его жизнь была более процветающей. По мнению сторонников этой интерпретации особых дозволений и обязанностей, апелляция к благотворной роли отношений с близкими людьми в жизни агента не превращает их теоретическую позицию в версию концепции отношений, поскольку основанием действия в этом случае, как и у Келлера, будет не наличие отношений, а потребность или интерес другого человека.

Дальнейшее развитие концепции индивидов связано с предположением о существовании двух видов «интенсификаторов». «Интенсификатор» может а) увеличивать значимость достижения какой-то цели для агента, б) снижать индивидуальный вес потерь, которые агенту приходится нести для достижения этой цели. Именно соотношение двух этих величин позволяет проводить границы между обязательными и сверхобязательными действиями. Например, спасение жизни другого человека с помощью какого-то необременительного одномоментного действия представляет собой моральную обязанность, а такое же спасение, но сопряженное с риском для жизни агента или требующее от него посвятить решению этой задачи месяцы или годы жизни, скорее всего, окажется в рубрике «моральный героизм». Здесь «интенсификатором» является масштаб потерь. С другой стороны, подвезти человека с сильным кровотечением до больницы – это действие, которое больше соответствует критериям обязательности, а подвезти туриста к какой-то достопримечательности – критериям морального одобрения, не сопровождающегося вменением действия в обязанность. Здесь в качестве «интенсификатора» выступает уже значимость цели. Йорг Лешке называет ту интенсификацию оснований действия, которая связана с увеличением значимости цели, «прямой», а ту, которая связана с уменьшением потерь агента, – «опосредствованной» [9. Р. 398]. Межличностные отношения, превращающие другого человека в своего и близкого, можно рассматривать в качестве обстоятельства, которое либо увеличивает значимость моральной цели, либо уменьшает масштаб потерь агента.

Лешке считает, что идея прямой интенсификации в этом контексте неприемлема, поскольку тогда интенсифицирующую роль отношений придется воспринимать как самоочевидную данность, а она требует объяснений. В дополнение к аргументу Лешке можно предположить, что прямая интенсификация противоречит тезису о равенстве между людьми. На ее фоне тот, кто способствует улучшению качества жизни агента в силу имеющихся между ними близких отношений, имеет для агента большую ценность, чем другие люди. А если предположить, что отношения, которые улучшают качество жизни агента, всего лишь превращают его потери, понесенные ради блага близкого человека, в менее весомые, то эти два сомнительных утверждения уже не нужны. Особые дозволения и обязанности не приходится считать

неизвестно откуда взявшейся данностью, поскольку они формируются на основе интенсификации общих. Равная ценность людей также оказывается незатронутой, поскольку разное отношение к равным между собой людям оказывается связано с вполне обоснованной разницей в восприятии агентом своих потерь [9. Р. 400–404].

Если перейти от попыток коррекции концепции индивидов к попыткам найти ей более удачную замену, то следует упомянуть теоретический проект Сангву Ума. Он попытался показать, что наименее проблематичное обоснование особых дозволений и обязанностей опирается на «реляционную», т.е. осуществляющуюся в близких межличностных отношениях, деятельность и на соответствующие ей «реляционные» добродетели. «Реляционная» деятельность обеспечивает существенную часть качественной или процветающей жизни друзей, участников романтических отношений, родителей, детей и т.д. Эта часть не может быть заменена чем-то иным, не может быть скомпенсирована участием в «нереляционной» деятельности. Обмен благами или услугами внутри близких межличностных отношений придает этим благам и услугам дополнительное качество. И этого вполне достаточно для того, чтобы предпочтение потребностей и интересов своих и близких людей оказалось допустимым. В свою очередь, добродетели, которые поддерживают «реляционную» деятельность, вносят в близкие отношения императивную составляющую – делают выполнение роли друга, партнера по романтическим отношениям, родителя, ребенка и т.д. достойным одобрения либо обязательным [10]. В отличие от концепции проектов подход Ума существенно ограничивает круг исключений из требования беспристрастности. В отличие от концепции отношений он не позволяет придавать моральной значимости тем отношениям, которые существенно снижают качество жизни их участников. В отличие от модифицированной концепции индивидов он не опирается на разграничение оснований и их «интенсификаторов».

Несостоятельность новых подходов

Могут ли скорректированные версии концепции индивидов или ее альтернатива, опирающаяся на «реляционную» деятельность и «реляционные» добродетели, преодолеть феноменологическое возражение? Сначала о скорректированных версиях. На их основе возникает следующий вариант размышления агента в ситуации, предложенной Уильямсом: «Я спасал именно тебя ради чего-то такого, что есть в каждом человеке, но с учетом того, что я менее остро воспринимаю мои потери ради твоего блага, чем ради блага других. А воспринимаю я их менее остро, поскольку отношения именно с тобой делают мою жизнь процветающей (дают мне долгосрочную выгоду)». В этом рассуждении можно обнаружить как «лишнюю» мысль, связанную с попытками вывода особых дозволений и обязанностей из беспристрастного отношения ко всем людям («не ради тебя, а в силу модифицированного обстоятельствами отношения к любому человеку»), так и «лишнюю» мысль, связанную с попытками вывода особых дозволений и обязанностей из стремления агента к собственному благу («не ради тебя, а ради сохранения моей долгосрочной выгоды»).

Создатели скорректированных версий концепции индивидов отвечают на это, что моральный опыт не должен отражать всю «метафизику» моральной

пристрастности. Эррол Лорд, сторонник «прямой» интенсификации, утверждает, что эта «метафизика» имеет разные уровни: потребности и интересы людей служат основанием действия, близкие отношения интенсифицируют эти основания, а иные факторы, такие как связь отношений с качественной или процветающей жизнью агента, лишь объясняют, почему происходит интенсификация. Мотивы предпочтения интересов и потребностей своих и близких людей не отражают, по крайней мере, последний из этих уровней, поэтому такая мотивация не является «сомнительно эгоистической», сфокусированной на самом агенте [7. Р. 581–582]. Лешке, сторонник «опосредствованной» интенсификации, выстраивает похожее рассуждение. Моральный опыт, по его мнению, должен отражать основания действия, иначе он будет построен на самообмане. Но мы знаем, что уменьшение значимости потерь агента в связи с тем, что близкие отношения увеличивают качество его жизни, не является таким основанием. Оно представляет собой всего лишь релевантный для деонтического статуса действия факт и в связи с этим вполне правомерно отсутствует в сознании агента [9. Р. 404–405].

Однако дело в том, что в рамках предложенного Лордом и Лешке варианта концепции индивидов основанием действий является не особая ценность близкого индивида, а равная моральная ценность потребностей и интересов всех людей. Раз это основание, значит, оно должно присутствовать в моральном опыте, должно мотивировать совершающего выбор агента. Но на фоне такого основания особые дозволения и обязанности предстают в качестве противоречащих моральному долгу. А чтобы это противоречие исчезло, агенту необходимо знать, что существуют обстоятельства, которые изменяют силу основания в отношении разных людей. И если он осведомлен об этом, то его мотивация будет во всех деталях соответствовать «метафизике» моральной пристрастности, а значит, будет включать в себя соображения долговременной собственной выгоды. Напомню, что такое понимание мотивации агента, в соответствии с логикой Келлера, делает любую концепцию обоснования особых дозволений и обязанностей негодной.

Концепция Ума в таком случае выглядит изначально несостоятельной. Здесь концентрация агента на своем собственном интересе не смягчается даже рассуждением о том, что улучшение им качества своей жизни является не основанием действий, а всего лишь «интенсификатором» оснований. Однако Ум пытается снять феноменологическое возражение другим способом. Он стремится показать, что эгоистичность мотивов вообще не является проблемой для обоснования особых дозволений и обязанностей, и настаивает на невозможности перенесения аргумента от «лишней» мысли на те концепции моральной пристрастности, которые сконцентрированы на благе агента (такова не только концепция процветающей жизни, но и концепция проектов). Откликаясь на интерпретацию Уильямсова примера Келлером, Ум пишет: «[Моя жена] как человек, имеющий со мной близкие любовные отношения, в противоположность простым отношениям обмена услугами или односторонним любовным отношениям, была бы разочарована, если узнала бы, что мое содействие ее благополучию не есть в то же время часть реализации моего собственного интереса» [10. Р. 12]. Моральный опыт, по мнению Ума, предполагает отождествление агентом своего блага с благом близких ему людей. То, что благополучие близкого человека превращается в непереносное усло-

вие счастья или процветающей жизни агента, лишь подчеркивает тот факт что в системе ценностных ориентиров последнего близкий человек обладает фундаментальной значимостью.

Аргумент Ума кажется мне довольно сильным. Однако и у этого способа преодоления феноменологического возражения есть свои уязвимые места. Во-первых, он сталкивается с проблемой заменимости близкого человека. «Реляционная» деятельность, обладающая эффектом улучшения качества жизни агента, может с равной долей успешности включать и какого-то другого участника. Значит, особые дозволения и обязанности конкретного агента легко могут менять свой объект. А если эффект улучшения качества жизни при смене участника будет не равным, а большим, то и сама такая смена превращается в обязанность. Фиксируемую феноменологически незаменимость близкого человека гораздо лучше отражает концепция индивидов, чем концепция процветающей жизни. Простое «Я сделал это ради тебя, самого дорогого для меня человека!» точнее выражает мотивацию друга, партнера по романтическим отношениям, мужа, ребенка и т.д. Во-вторых, концепция Ума сталкивается с тем, что на фоне признания морального равенства индивидов приходится объяснять, почему собственное качество жизни должно иметь для агента нормативный приоритет над качеством жизни других людей. Спасая чужого друга, чужую возлюбленную, чужую жену, чужого ребенка и т.д., он может обеспечивать такой же и даже больший прирост качества жизни тех, кто находится с ними в близких отношениях. Келлер показал, что на похожий вопрос нет ответа у концепций отношений и проектов, но концепция процветающей жизни находится не в лучшем положении.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что применение феноменологического возражения в дискуссиях об обоснованности особых дозволений и обязанностей заводит эту дискуссию в тупик. Казалось бы, концепция индивидов Келлера, избегает сведения этой части нормативного содержания морали к чему-то иному, лежащему за пределами верности и преданности конкретным людям, однако, свойственное Келлеру понимание избирательных отношений между людьми в качестве активатора оснований для поступков создает неразрешимые противоречия. А попытки его последователей рассматривать эти отношения как интенсификатор оснований снова редуцируют особые дозволения и обязанности либо к равенству и беспристрастности, либо к собственному интересу агента. Альтернативный подход Ума, отталкивающийся от утверждения, что редукция проявлений моральной пристрастности к качеству жизни агента не создает тех же проблем, что и ее редукция к чему-то иному (отношениям, проектам, эгоистическим интересам), также недостаточно обоснован. Если не отбрасывать идею фундаментального этического равенства (а это в моральной философии невозможно), то предпочтение агентом собственного процветания и обеспечивающей его заботы о своих и близких людях оказывается недопустимым. Соответственно, я считаю, что дальнейшее развитие теории моральной пристрастности возможно только за счет пересмотра роли самого феноменологического возражения в этическом дискурсе. На феноменологическое возражение невозможно ответить, его можно только разоблачить.

Список источников

1. Goodin R. Protecting the Vulnerable. A Re-Analysis of Our Social Responsibilities. Chicago : Chicago University Press, 1985. 243 p.
2. Gewirt A. Ethical Universalism and Particularism // Journal of Philosophy. 1988. № 6. P. 283–302.
3. Waldron J. Special Ties and Natural Duties // Philosophy and Public Affairs. 1993. Vol. 22, № 1. P. 3–30.
4. LaFollette H. Personal Relationships: Love, Identity, and Morality. Oxford : Clarendon Press, 1996. 222 p.
5. Williams B. Moral Luck. Cambridge : Cambridge University Press, 1981. 173 p.
6. Stocker M. The Schizophrenia of Modern Ethical Theories // The Journal of Philosophy. 1976. Vol. 73, № 14. P. 453–466.
7. Baron M. Virtue Ethics, Kantian Ethics, and the ‘One Thought Too Many’ Objection // Kant’s Ethics of Virtue / ed. by M. Betzler. Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2008. P. 245–277.
8. Wolf S. The Variety of Values: Essays on Morality, Meaning, and Love. Oxford : Oxford University Press, 2015. 288 p.
9. Smyth N. Integration and Authority: Rescuing the ‘One Thought Too Many’ Problem // Canadian Journal of Philosophy. 2018. Vol. 46, № 6. P. 812–830.
10. Scheffler S. Boundaries and Allegiances. Oxford : Oxford University Press, 2001. 232 p.

References

1. Goodin, R. (1985) Protecting the Vulnerable. *A Re-Analysis of Our Social Responsibilities*. Chicago: Chicago University Press.
2. Gewirt, A. (1988) Ethical Universalism and Particularism. *Journal of Philosophy*. 6. pp. 283–302.
3. Waldron, J. (1993) Special Ties and Natural Duties. *Philosophy and Public Affairs*. 22(1). pp. 3–30.
4. LaFollette, H. (1996) *Personal Relationships: Love, Identity, and Morality*. Oxford: Clarendon Press.
5. Williams, B. (1981) *Moral Luck*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Stocker, M. (1976) The Schizophrenia of Modern Ethical Theories. *The Journal of Philosophy*. 73(14). pp. 453–466.
7. Baron, M. (2008) Virtue Ethics, Kantian Ethics, and the ‘One Thought Too Many’ Objection. In: Betzler, M. (ed.) *Kant’s Ethics of Virtue*. Berlin, New York: Walter de Gruyter. pp. 245–277.
8. Wolf, S. (2015) *The Variety of Values: Essays on Morality, Meaning, and Love*. Oxford: Oxford University Press.
9. Smyth, N. (2018) Integration and Authority: Rescuing the ‘One Thought Too Many’ Problem. *Canadian Journal of Philosophy*. 46(6). pp. 812–830.
10. Scheffler, S. (2001) *Boundaries and Allegiances*. Oxford: Oxford University Press.
11. Keller, S. (2013) *Partiality*. Princeton: Princeton University Press.
12. Dancy, J. (2004) *Ethics without Principles*. Oxford: Clarendon Press.
13. Lord, E. (2016) Justifying Partiality. *Ethical Theory and Moral Practice*. 19(3). pp. 569–590.
14. Lazar, S. (2016) The Justification of Associative Duties. *Journal of Moral Philosophy*. 13(1). pp. 28–55.
15. Löschke, J. (2018) Relationships as Indirect Intensifiers: Solving the Puzzle of Partiality. *European Journal of Philosophy*. 26(1). pp. 390–410.
16. Um, S. (2020) Solving the Puzzle of Partiality. *Journal of Social Philosophy*. pp. 1–15. DOI: 10.1111/josp.12367

Сведения об авторе:

Прокофьев А.В. – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник сектора этики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт философии Российской академии наук (Институт философии РАН) (Москва, Россия). E-mail: avprok2006@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Prokofyev A.V. – Dr. Sci. (Philosophy), Docent, chief research fellow, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: avprok2006@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.07.2021;
одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 14.07.2021;
approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 05.12.2022*

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.776.23, 070
doi: 10.17223/1998863X/70/20

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРЕМИСТСКИХ СТРАТЕГИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ (ФЕВРАЛЬ–АПРЕЛЬ 2022 ГОДА)

Александра Сергеевна Быкадорова¹, Елена Рашидовна Валитова²

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

^{1,2} Национальный центр информационного противодействия терроризму
и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ asbyk@sfsu.ru

² valitova@ncpti.ru

Аннотация. В начале 2022 г. российское общество столкнулось с новыми угрозами в сети Интернет. Приведены результаты исследования изменений в информационных стратегиях радикальных организаций, воздействующих на русскоязычных пользователей, показана динамика трансформаций в сравнении с активным пандемийным периодом 2020 г. Обоснована необходимость дальнейших усилий для прогнозирования и предотвращения распространения экстремистского контента в социальных сетях и интернет-среде в целом.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, информационные стратегии, экстремистские сообщества, Рунет

Для цитирования: Быкадорова А.С., Валитова Е.Р. Трансформация террористических и экстремистских стратегий в сети Интернет (февраль–апрель 2022 года) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 217–227. doi: 10.17223/1998863X/70/20

SOCIOLOGY

Original article

TRANSFORMATION OF TERRORIST AND EXTREMIST STRATEGIES ON THE INTERNET (FEBRUARY–APRIL 2022)

Alexandra S. Bykadorova¹, Elena R. Valitova²

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

^{1,2} National Center for Information Counteraction to Terrorism and Extremism
in the Educational Environment and the Internet, Rostov-on-Don, Russian Federation

¹ asbyk@sfsu.ru

² valitova@ncpti.ru

Abstract. The Internet provides ample opportunities for spreading radical ideas and influencing public opinion. The study of information strategies of extremist and terrorist movements and the development of effective countermanipulative mechanisms for society are among the most important scientific problems of our time. The authors, using content analysis and comparative analysis, investigated the information strategy of radicals on the Internet in relation to the conducting of a special military operation of the Armed Forces of the Russian Federation on the territory of a neighboring state in 2022. Two hundred Internet materials with signs of propaganda of terrorist and extremist ideas were identified during observations in February–April 2022. They became the basis for conducting content analysis on 11 signs and for constructing matrices. Topics of religious extremism, neo-fascism and nationalism predominate in the array of materials under consideration. The preferred style of writing extremist texts is informational (the author, as it were, informs the reader of some kind of “news,” while using the actual informational occasion only in a small proportion of publications). The data obtained were compared with the results and information strategies of radicals obtained during a study in 2020 (widespread quarantine measures due to the spread of COVID-19). Similar and different features of the transformation of information strategies of extremists on the Internet were found. Typical features of both periods of crisis are the widespread dissemination of extremist materials, the growth in the number of aggressive comments in relation to state institutions and individual nationalities. The key difference was the sharp increase in the volume of Russophobic texts, the formation of enclaves of extremist communities outside social networks – based on neutral sites (electronic libraries, for example). The content analysis has shown an expansion of aggressive practices among older (40+) people, a formation of a distorted reality through special platforms in such a way that an alternative point of view is excluded from the information agenda of Runet.

Keywords: extremism, terrorism, information strategies, extremist strategies, Runet

For citation: Bykadorova, A.S. & Valitova, E.R. (2022) Transformation of terrorist and extremist strategies on the internet (february–april 2022). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 217–227. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/20

Введение

Специальная военная операция Российской Федерации на территории соседнего государства расколола российское и мировое сообщество, что существенно увеличило уровень агрессии в социальных сетях, привело к дискриминационным действиям Meta¹ и других социальных сетей с большим присутствием русскоязычных пользователей.

При этом террористические и экстремистские организации, действующие в стране и на международном уровне, используют сложившийся информационный фон в своих интересах: ведется активная пропаганда насилия – в отношении россиян, представителей еврейской национальности, этнических групп (вербовка новых сторонников, распространение инструкций по сбору самодельных взрывных устройств и проведению диверсий, и др.). Текущая ситуация в сети Интернет во многом повторяет трансформацию информационных стратегий радикальных организаций в период пандемии COVID-19 в 2020 г.: на пути от «нормальности» к «новой нормальности» обществу предстоит преодолеть ряд новых вызовов.

Исследование информационных стратегий экстремистских и террористических движений – одна из важнейших научных проблем современности. Повсеместное употребление терминов «терроризм» и «террорист», особенно

¹ Деятельность компании запрещена на территории Российской Федерации.

в последние 30 лет в политическом и бытовом дискурсе, привело к многочисленным толкованиям термина «террористическая деятельность», фигурирующем в законодательстве Российской Федерации и научных трудах по истории, философии, социологии, политологии, психологии, юриспруденции. В широком представлении терроризм – «деятельность, направленная на совершение преступлений террористического характера и включающая в себя любое из нижеследующих деяний: организацию, планирование, подготовку и совершение террористических акций; подстрекательство к осуществлению террористических акций, призывы к насилию в террористических целях; организацию незаконных военизированных формирований или преступных организаций с целью совершения террористических акций, а равно участие в них; вербовку, вооружение или использование террористов в террористических акциях, а также обучение их террористическим навыкам; финансирование террористической организации или террористов; пособничество в подготовке и совершении террористической акции» [1].

В таком определении неясным остается, понимается ли под терминами «террор» и «терроризм» двести лет назад и сейчас одно и то же; что такое «идеология терроризма» и экстремизм как подстрекательство к насильственным действиям; важно ли изучать феномен терроризма в связи с другими античеловеческими проявлениями, такими как экстремизм или нацизм, фашизм, насильственный протест, гражданская война; что такое кибертерроризм.

Материалы и методы

Российское законодательство в целом достаточно условно разделяет термины «терроризм» и «экстремизм»: каждый феномен определяется в отдельном законе. Однако Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Федеральный закон от 10 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» содержат ряд пересекающихся определений. Например, «**терроризм – идеология насилия** (здесь и далее в цитатах выделено нами. – А.Б., Е.В.) и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [2], и «**экстремистская деятельность (экстремизм): насильственное** изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами; **публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность...**» [3]. Необходимо отметить, что Федеральный список экстремистских материалов, основанный в 2007 г., содержит названия материалов как экстремистского, так и террористического характера. Поэтому определение терроризма и экстремизма является одной из задач текущего исследования наравне с поиском интернет-материалов, содержащих признаки данных общественных явлений, и выделением структурных элементов информационных стратегий радикальных сообществ.

Более научным к определению феноменов является подход, в котором исследуются научные тексты и употребление в них исследуемых терминов.

Анализ дефиниций, предложенных толковыми англоязычными словарями, выявил, что двумя основными компонентами значения термина «terrorism» являются: 1) применение насилия (use of violence); 2) достижение политических целей (political aims) [4. С. 84]. Интересно отметить, что компоненты, обозначающие в качестве основной цели терроризма религиозные или идеологические ценности (т.е. сочетания religious aims, ideological aims), отсутствуют. Исследователи Е.А. Косолюкина и С.А. Маник отмечают, что по сравнению с общими толковыми словарями, использование терминов в политическом дискурсе меньше по объему и включает лишь ряд самых основных единиц.

Исследуя британский политический дискурс, Дэниал Киркпатрик и Ресеп Онурсал приходят к выводу, что терроризм и экстремизм часто используются как синонимы. Представленная учеными графическая модель показывает, что в зависимости от политических предпочтений ораторов, выступавших в парламенте, одни и те же факты приписывались экстремистам и террористам [5].

В рамках лингвистического подхода А.Г. Широколобова предлагает следующий концепт террористической деятельности (ТД), существующий в научной картине мира отечественных исследователей: «...концепт ТД структурно подразделяется на субконцепты СУБЪЕКТ, ЦЕЛИ, ДЕЙСТВИЯ, РЕЗУЛЬТАТ, которые в свою очередь делятся на подсубконцепты, следовательно, смысловая структура концепта ТД отражает общую идею террористической деятельности и проявляет взаимосвязь субконцептов и подсубконцептов и отношений между ними, обозначая реализацию данного явления. Среди субъектов ТД выделяют следующие субъекты: террорист; террористическая организация; террористическая группа; незаконное военное формирование; преступная организация. К целям ТД относят: социальные; политические; идеологические» [6. С. 48].

Отмеченная Широколобовой социальная цель зачастую достигается через информационное распространение материалов экстремистов и террористов. Их информационные стратегии практически не рассматривались как отдельный феномен информационного общества, только с приходом новой интернет-нормальности 2015 г. и широким распространением материалов ИГИЛ¹ для исследователей стали очевидными глобальные сдвиги в восприятии пользователями сети Интернет радикальных нарративов и призывов к насилию [7, 8]. В выступлениях официальных представителей правоохранительных органов, например, появился термин «саморадикализация»² под воздействием просмотренных агитационно-пропагандистских материалов.

Как такового единого инструментария для исследования стратегий экстремистов в сети Интернет не существует. В нашем исследовании под информационной стратегией подразумевается структурированный набор специальных инструментов (контент, каналы его распространения), используемых активной стороной (субъект: предприятием, организацией, человеком) для воздействия на целевую аудиторию (объект: общество, правительство, от-

¹ Деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

² Термин используется в значении, приводимом в публицистической статье «Кто создает „спящие“ ячейки радикалов и экстремистов» // Российская газета. 2018 г. URL: <https://rg.ru/2018/10/30/kto-sozdaet-spiashchie-iachejki-radikalov-i-ekstremistov.html>

дельные социальные группы или люди) с определенной целью (мобилизация/деморализация, побуждение к действию/подавление действия, дезинформация и др.). Объектом изучения стали информационные стратегии террористических и экстремистских организаций, признанных таковыми на территории Российской Федерации; предметом – изменения в информационных стратегиях радикальных организаций, используемых ими в Рунете (включая социальные сети). Основными методами исследования стал качественный контент-анализ и сравнительный анализ стратегий в различные периоды наблюдений (2014–2015, 2020 гг.).

Главная цель исследовательской работы – выявление изменений в информационных стратегиях экстремистских и террористических организаций в сети Интернет в связи с текущей внешнеполитической обстановкой.

На первом этапе в рамках мониторинга социальных сетей и сети Интернет были выявлены 200 материалов, содержащих признаки экстремизма. Необходимо отметить, что публикации, попавшие в поле зрения авторов исследования, отличали доступность и открытость для массового читателя в интернете, социальных сетях и мессенджерах. Мониторинг интернет-пространства осуществлялся в течение февраля–апреля 2022 г. по ключевым словам, в том числе выделенным в заголовках и описаниях публикаций Федерального списка экстремистских материалов Минюста России¹. Размещение публикаций варьировалось, в качестве фиксируемой компоненты характеристики публикаций в последующем контент-анализе отмечалась дата наблюдения (т.е. дата обнаружения материала). Осуществляя мониторинг, исследователи не ранжировали материалы по типу: аудиозапись, видеозапись, текст, креолизованный текст. Данная характеристика вводилась на следующем этапе.

На втором этапе осуществлялась кодировка таблиц контент-анализа для нескольких ключевых характеристик обнаруженных материалов. Важным аспектом стало выделение тематических блоков по имеющимся текстам с признаками экстремизма: антисемитизм, расизм, русофобия, неонацизм, исламизм/джихадизм, скулшутинг, криминальная субкультура, сепаратизм, национализм. Такая группировка была продиктована в том числе анализом деятельности внесенных в Федеральный список террористических организаций² и экстремистских организаций.

В дальнейшем признаки материалов кодировались в соответствии с следующими научными разработками:

1) контент – сложность анализа креолизованных текстов в преобладании визуальных материалов, тем не менее поиск в сети Интернет и выдача агрегаторами публикаций осуществляется на базе лексических единиц и анализа текста, поэтому среди фиксируемых признаков для кодификации были выделены: тематический тип контента; жанр; отсутствие или наличие информационного повода в тексте (т.е. привязки к конкретным событиям дня публикации); используемый в контенте архетип.

2) каналы распространения контента – фиксируемыми признаками были предложены тип канала распространения контента, что позволило уточнить целевую аудиторию сообщения; аккаунт, от имени которого осуществлялась

¹ Официальный сайт Минюста России. URL: <http://pravo.minjust.ru/extremist-materials>

² <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>

публикация, или первая площадка публикации; а также количественный охват просмотров для каждого материала (если данные открыты).

3) язык публикации – еще одна характеристика, которая косвенно дает представление о целевой аудитории публикаций, ее признаками были обозначены стиль публикации и лексические единицы, встречающиеся в ней и содержащие признаки экстремизма.

В рамках исследования термин «контент» обозначил совокупность креолизованных текстов (тексты, фактура которых состоит из двух разнородных частей: вербальной, языковой/речевой, и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам), распространяемых субъектом информационной стратегии.

Под каналом распространения контента подразумевался способ доставки контента целевой аудитории, в кодировочных картах контент-анализа данный признак имел следующие характеристики:

- специальные тематические группы и сообщества в социальных сетях;
- собственные сайты и форумы;
- оппозиционные неформальные СМИ;
- политические группы в социальных сетях;
- сообщества о хобби и путешествиях в социальных сетях;
- тематические религиозные группы в социальных сетях;
- тематические религиозные каналы в мессенджерах;
- встроенные маркетинговые инструменты в социальных сетях;
- национальные и этнические сообщества в социальных сетях;
- молодежные и студенческие группы и страницы в социальных сетях;
- группы выживальщиков и пейнтобилистов в социальных сетях;
- субкультурные сообщества в социальных сетях;
- нейтральный сайт;
- сатирические сообщества;
- аккаунт виртуальной личности.

При анализе текста под архетипом понимался не «коллективный опыт человечества» (Юнг), а вербальное или невербальное воплощение опыта в креолизованном тексте через языковые и/или аудиовизуальные средства. В кодировочные карты контент-анализа по данному признаку вошли двадцать наиболее распространенных нарративов, встречающихся в экстремистских текстах.

Второй этап завершался анализом 200 наблюдений по 11 значимым признакам (для удобства подсчета статистики использовались инструменты Excel) и их кодировкой. В результате были получены ключевые для дальнейшей интерпретации данные и их описание в виде частотных таблиц, матриц и таблиц сопряжения.

На третьем этапе был проведен сравнительный анализ информационных стратегий экстремистских движений в сети Интернет нескольких периодов: 2014–2015, 2020, 2022 гг. В качестве традиционных стратегий экстремистских движений в сети Интернет приняты результаты государственного задания Минобрнауки России для ФГАНУ НИИ «Спецвузавтоматика» в 2014–2015 гг. Итогом исследования стало описание ключевых стратегий экстремистских организаций по продвижению радикальных идей среди молодежи посредством сети Интернет.

Во время пандемии COVID-19 в марте–апреле 2020 г. был проведен мониторинг с последующим анализом 180 выявленных экстремистских материалов. В результате были обозначены такие элементы стратегии радикальных организаций в русскоязычном интернете, как тематика контента, площадки распространения контента и его форматы.

Поскольку временной разрыв между периодами мониторинга экстремистского контента достаточно большой, а также с учетом различных методологий – сравнительный анализ проводился на уровне описаний стратегий радикальных организаций и их отдельных элементов в указанный период наблюдений.

Результаты исследования

Анализ кодировочных карт показал, что в массиве рассматриваемых материалов с признаками экстремизма преобладают темы религиозного экстремизма, неофашизма и национализма. Существенна доля материалов русофобского толка и пропагандирующих криминальную культуру, необходимо отметить, что в предыдущие периоды мониторинга экстремистского контента темы «русофобия» и «криминальная субкультура» отсутствовали.

Русофобская тематика публикаций в рассматриваемом массиве текстов встречалась практически на всех видах интернет-платформ. По убыванию частотности список платформ для публикации текстов с признаками русофобии выглядит следующим образом:

- оппозиционные неформальные СМИ (0,57);
- специальные тематические группы и сообщества в социальных сетях и собственные сайты и форумы (по 0,09);
- молодежные и студенческие группы и страницы в социальных сетях; сатирические сообщества (по 0,07);
- сообщества о хобби и путешествиях в социальных сетях и встроенные маркетинговые инструменты в социальных сетях (по 0,03);
- политические группы в социальных сетях, аккаунты виртуальных личностей (по 0,02);
- нейтральные сайты, субкультурные сообщества в социальных сетях (по 0,01).

Предпочтительный стиль написания пропагандистских текстов – информационный. Автор как бы сообщает читателю некую «новость», при этом фактический информационный повод использует только 20,2% из 200 публикаций. Заявляя новостной характер материала, экстремистские, пропагандисты привлекают потенциальных читателей в сети Интернет обещанием некой новой информации по проблеме. Эффект мнимой сенсационности побуждает пользователей распространять увиденный «новостной» материал без его предварительной критической оценки. Предпочтительными жанрами в исследуемых материалах выступают заметки, хроники и комментарии – суммарно на них приходится около 50% найденных материалов.

Обработка результатов методом матриц демонстрирует, что материалы с пропагандой религиозного экстремизма часто размещаются в открытых онлайн-библиотеках, при этом в качестве канала продвигаются на нейтральных сайтах (30%) и в аккаунтах виртуальных личностей в социальных сетях (30%). Методом таблиц сопряженности было установлено, что в исследуемом

массиве публикаций нейтральные сайты выбирают для продвижения исламизма (0,75), русофобии (0,12), сепаратизма (0,05), расизма (0,04), неофашизма и криминальной субкультуры (по 0,02). Что касается используемых архетипов, то, как и прежде, в подобных публикациях используется образ мудреца или философа, активно цитируются священные книги.

Мониторинг продемонстрировал всплеск русофобии в русскоязычном сегменте сети Интернет, причем для размещения таких публикаций применяются встроенные маркетинговые инструменты социальных сетей, часто первая платформа – нетематические группы в социальных сетях и каналы в мессенджерах.

Несмотря на существенные усилия по распространению контента радикальными группировками, большая часть материалов в социальных сетях охватывает до 50 человек. При этом в мессенджерах, в основном в Telegram, охваты таких материалов на два порядка больше – начинаются от 1 тыс. просмотров. В связи с отсутствием счетчиков просмотров на сайтах электронных библиотек и нейтральных сайтах, где материалы с признаками экстремизма размещаются впервые, оценить реальный охват практически невозможно.

Обсуждение результатов

В 2014–2015 гг. в рамках государственного задания Минобрнауки России проводился анализ ситуации по использованию сети Интернет экстремистскими движениями для пропаганды радикальных идей в образовательной среде Российской Федерации. Итогом исследования стало описание ключевых стратегий экстремистских организаций по продвижению радикальных идей среди молодежи посредством сети Интернет. Дальнейший мониторинг сети Интернет по разработанной методике позволил выявить, например, изменение дискурса идеологов терроризма в период начала пандемии COVID-19. Результаты были представлены 27 мая 2020 г. Национальным центром информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет и Томским политехническим университетом при поддержке Министерства общего и профессионального образования Ростовской области, Южного федерального университета и Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук проведена Всероссийская научно-практическая видеоконференция «Трансформация молодежного экстремизма, идеологии терроризма и других информационных угроз в эпоху пандемии».

К преобладающим трендам пандемийного периода-2020 были отнесены:

- 1) тематика контента – расовая, национальная или религиозная рознь;
- 2) расширение агиальных практик с молодежной аудиторией на более возрастную (от 35 лет);
- 3) формирование искаженной реальности через специальные площадки таким образом, что альтернативная точка зрения исключается из информационной повестки;
- 4) использование онлайн-форматов (онлайн-митинги) протестной активности для формирования искаженного представления о сложившейся на тот момент в России социально-экономической ситуации.

Инфодемия обострила имеющиеся в обществе противоречия, а также продемонстрировала глобальность радикальных настроений. Экстремисты использовали угрозу пандемии как информационный повод в привычных схемах построения экстремистских материалов (страх – реакция ненависти – обвинение «чужого» – призыв к насилию). Рост социальной напряженности спровоцировал радикализацию тех социальных групп, что наиболее пострадали от пандемии, и применяемых ограничительных мер (мигранты, сезонные рабочие).

В текущем исследовании 2022 г. были выделены следующие тренды:

1) массовое распространение русофобии в дискурсе сообществ нейтральной политической тематики (хобби, сообщества по интересам, профессиональные группы в соцсетях);

2) расширение агрессивных практик на более возрастную аудиторию (40 лет +);

3) формирование искаженной реальности через специальные площадки таким образом, что альтернативная точка зрения исключается из информационной повестки;

4) распространение национализма;

5) реабилитация нацизма.

Часть фиксируемых трендов уже отмечалась в исследовании пандемийного периода. Однако их существенное усиление было отмечено регулятором и привело к блокировке отдельных социальных сетей.

При этом необходимо отметить, что целевая аудитория обнаруженного контента определялась по косвенным признакам, а не напрямую. Это одно из ограничений метода качественного контент-анализа и повод для продолжения исследований стратегий экстремистских движений в сети Интернет в будущем.

Выводы

В феврале–апреле 2022 г. интернет-мониторинг показал, что площадками для распространения идеологии насилия стали нетипичные для последних лет лексические единицы и образы в текстах, а также каналы коммуникации. Однако анализ ситуации с экстремистским контентом был бы неполным без общего понимания информационного фона, преобладающего в сети Интернет в данный период времени.

После начала проведения СВО сообщалось о случаях бытовой дискриминации по отношению к россиянам и выходцам из России за границей. Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека призвал европейских правозащитников отреагировать на случаи русофобии. Массовое распространение фейк-ньюс, в том числе радикальными организациями, провоцирует новые волны агрессии по отношению к россиянам.

Что касается информационных стратегий, на фоне всеобщей русофобии, на первый план вышли исторические информационные поводы. Так как борьба с терроризмом в России имеет долгую историю и большая ее часть в интернете представлена в искаженном виде, идеологи террористических организаций используют данную ситуацию для навязывания одностороннего

взгляда на Россию – как государство-агрессора. Особенно часто появляются фейк-ньюс о вооруженных конфликтах на Северном Кавказе, в Сирии.

Список источников

1. Официальный сайт Антитеррористического центра государств – участников Содружества Независимых Государств (АТЦ СНГ). URL: <https://www.cisatc.org/1266> (дата обращения: 16.06.2022).
2. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23522>
3. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939> (дата обращения: 16.06.2022).
4. Косолюкина Е.А., Маник С.А. Моделирование значения терминов «Терроризма» (terrorism, terrorist, terroristact): авторский алгоритм // Политическая лингвистика. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-znacheniya-terminov-terrorizma-terrorism-terrorist-terroristact-avtorskiy-algorithm> (дата обращения: 16.06.2022).
5. Onursal R., Kirkpatrick D. (2019). Is Extremism the 'New' Terrorism? the Convergence of 'Extremism' and 'Terrorism' in British Parliamentary Discourse. *Terrorism and Political Violence*, 1–23. doi:10.1080/09546553.2019.1598391 (accessed: 16.06.2022).
6. Широколобова А.Г. Фрейм и сценарный фрейм русской терминосистемы «Терроризм» как отражение научной картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/freym-i-stsenarnyy-freym-russkoy-terminosistemy-terrorizm-kak-otrazhenie-nauchnoy-kartiny-mira> (дата обращения: 16.06.2022).
7. Литвинова Т.Н. «Информационный джихад» против России: методы враждебной пропаганды и проблемы борьбы с ней // Современная Россия и мир: альтернативы развития (информационные войны в международных отношениях) : сб. науч. ст. / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 112–117.
8. Старостин А.Н. Идеология ИГИЛ, методы ее распространения и способы контрпропаганды // Стоп – ИГИЛ! Урал против экстремизма и терроризма : сб. ст. и материалов / сост. А.Н. Старостин ; отв. ред. А. Ашарин. Екатеринбург, 2016. С. 34–42.

References

1. *The Anti-Terrorist Center of the States Members of the Commonwealth of Independent States (ATC CIS)*. Official Website. [Online] Available from: <https://www.cisatc.org/1266> (Accessed: 16th June 2022).
2. The President of the Russian Federation. (2006) *Federal Law No. 35-FZ dated March 6, 2006 On countering terrorism*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23522>
3. The President of the Russian Federation. (2002) *Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ. On countering extremist activity*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939> (Accessed: 16th June 2022).
4. Kosolyukina, E.A. & Manik, S.A. (2017) Modelirovanie znacheniya terminov “Terrorizma” (terrorism, terrorist, terroristact): avtorskiy algoritm [Modeling the meaning of the terms “Terrorism” (terrorism, terrorist, terroristact): The author’s algorithm]. *Politicheskaya lingvistika*. 4. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-znacheniya-terminov-terrorizma-terrorism-terrorist-terroristact-avtorskiy-algorithm> (Accessed: 16th June 2022).
5. Onursal, R. & Kirkpatrick, D. (2019) Is Extremism the ‘New’ Terrorism? The Convergence of ‘Extremism’ and ‘Terrorism’ in British Parliamentary Discourse. *Terrorism and Political Violence*. 1–23. DOI: 10.1080/09546553.2019.1598391 (Accessed: 16th June 2022).
6. Shirokolobova, A.G. (2014) Freym i stsenarnyy freym russkoy terminosistemy “Terrorizm” kak otrazhenie nauchnoy kartiny mira [Frame and scenario frame of the Russian terminological system “Terrorism” as a reflection of the scientific picture of the world]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/freym-i-stsenarnyy-freym-russkoy-terminosistemy-terrorizm-kak-otrazhenie-nauchnoy-kartiny-mira> (Accessed: 16th June 2022).
7. Litvinova, T.N. (2012) “Informatsionnyy dzhikhad” protiv Rossii: metody vrazhdebnoy propagandy i problemy bor’by s ney [“Information jihad” against Russia: Methods of hostile propaganda and problems of combating it]. In: Chernyshov, Yu.G. (ed.) *Sovremennaya Rossiya i mir: al’ternativy razvitiya (informatsionnye voyny v mezhdunarodnykh otnosheniyakh)* [Modern Russia and the World: Development Alternatives (Information Wars in International Relations)]. Barnaul: Altai State University. pp. 112–117.

8. Starostin, A.N. (2016) Ideologiya IGIL, metody ee rasprostraneniya i sposoby kontrpropagandy [Ideology of ISIS, methods of its dissemination and methods of counter-propaganda]. In: Asharin, A. (ed.) *Stop – IGIL! Ural protiv ekstremizma i terrorizma* [Stop – ISIS! Ural against extremism and terrorism]. Ekaterinburg: [s.n.]. pp. 34–42.

Сведения об авторах:

Быкадорова А.С. – кандидат филологических наук, магистрант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия); заместитель директора по аналитической работе в Национальном центре информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: asbyk@sfedu.ru

Валитова Е.Р. – младший научный сотрудник Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: valitova@ncpti.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Bykadorova A.S. – Cand. Sci. (Philology), master's student at the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation); Deputy Director for Analytical Work, National Center for Information Counteraction to Terrorism and Extremism in the Educational Environment and the Internet (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: asbyk@sfedu.ru

Valitova E.R. – junior researcher, National Center for Information Counteraction to Terrorism and Extremism in the Educational Environment and the Internet (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: valitova@ncpti.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.09.2022;
одобрена после рецензирования 07.11.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 03.09.2022;
approved after reviewing 07.11.2022; accepted for publication 05.12.2022*

Научная статья

УДК 316.4

doi: 10.17223/1998863X/70/21

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ И ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНКАХ

Гульнара Фаатовна Габдрахманова¹,
Ольга Викторовна Лаукарт-Горбачева²

^{1,2} *Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия;*

² *Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия*

¹ *medi54375@mail.ru*

² *olga241202@yandex.ru*

Аннотация. Актуальность изучения человеческого потенциала продиктована требованиями современности и большим разнообразием условий для его воспроизводства в регионах РФ. Сопоставлены заложенный в официальном дискурсе подход Татарстана к накоплению человеческого потенциала и результаты декларируемой политики. Выявлены приоритеты республики, использование их на практике, влияние устойчивых глобальных, общероссийских тенденций и непрогнозируемых вызовов. Доказана необходимость учета факторов риска в качестве перспективного направления развития концепции человеческого потенциала.

Ключевые слова: человеческий потенциал, Республика Татарстан, официальный дискурс, экспертное мнение, образование, экономика, культура, этничность, демография, здоровье

Благодарности: статья подготовлена по проекту «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках национальных республик Российской Федерации» в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» на 2020–2022 гг.

Для цитирования: Габдрахманова Г.Ф., Лаукарт-Горбачева О.В. Человеческий потенциал Республики Татарстан в официальных документах и экспертных оценках // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 228–241. doi: 10.17223/1998863X/70/21

Original article

HUMAN DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN OFFICIAL DOCUMENTS AND EXPERT ASSESSMENTS

Gulnara F. Gabdrakhmanova¹, Olga V. Laukart-Gorbacheva²

^{1,2} *Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russian Federation*

² *Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation*

¹ *medi54375@mail.ru*

² *olga241202@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the problem of human development, the relevance of which is dictated by the requirements of modernity. In the Russian Federation, the issues of human

development, along with saving the population, are considered as components of the country's national interests. The significance of their solution is emphasized in strategic documents, in particular in the National Security Strategy of the Russian Federation (Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021). However, the multi-subjectivity of the Russian Federation, the various possibilities of the budgets of the Russian regions, the conditions and living standards of the population of certain territories of the country, their climatic, resource and sociocultural diversity update the study of the features of human development at the local level. The aim of the article is to compare Tatarstan's approach to the accumulation of human development, laid down in the official discourse of the region, and the results of the declared policy. The study was carried out using two methods: content analysis of the Strategy for the Socio-Economic Development of the Republic of Tatarstan until 2030 and an expert survey, the participants of which were experts in economy, education, health, and ethno-cultural sphere of Tatarstan. As a result of the study, the priorities of the republic in terms of increasing human development and their application were identified. The conclusion is made about the embodiment of the majority of the declared interests of the republic. This concerns Tatarstan's guidelines for the development of education (primarily higher education), support for a diversified economy, modernization of healthcare facilities, the formation of a modern cultural environment, and the use of the region's multi-ethnicity as an investment-attractive brand of the republic. The discrepancy between the declared policy and its implementation in practice was found in terms of the tasks for increasing the birth rate, ensuring labor longevity and education competitiveness at the international level. The article proves the need to take into account risk factors as a promising direction for the deployment of the concept of human development. This is shown by revealing the impact of global, all-Russian trends and unpredictable risks on the successful expression of Tatarstan's priorities.

Keywords: human development, Republic of Tatarstan, official discourse, expert opinion, education, economy, culture, ethnicity, demography, health

Acknowledgments: The article was prepared under the project "Ethnic Features of Human Development in the Economies of the National Republics of the Russian Federation" within the framework of the Program of Fundamental and Applied Scientific Research "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Consolidation the All-Russian Identity" (2020–2022).

For citation: Gabdrakhmanova, G.F. & Laukart-Gorbacheva, O.V. (2022) Human development of the Republic of Tatarstan in official documents and expert assessments. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 228–241. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/21

Введение

В Российской Федерации человеческий потенциал (ЧП) входит в орбиту национальных интересов страны¹, а его развитие вменяется в обязанность региональных властей². Решение прикладной задачи накопления ЧП на отдельных территориях требует соответствующего научного подхода. Наряду с таким экономическим взглядом внимания заслуживает социологическая перспектива, которая «позволяет существенно расширить инструментарий исследования и одновременно решить задачи по разработке новых социологических индикаторов» [1. С. 3].

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 15.04.2022).

² Указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375984/ (дата обращения: 14.04.2022).

В рейтинге Индекса развития ЧП в РФ лидерами являются Республика Татарстан и Белгородская область [2. С. 192]. Их позиции обуславливают необходимость анализа проводимых региональными властями политик по преумножению ЧП, тем более что макроэкономические показатели часто не отражают реальное положение [2. С. 199]. Татарстан интересен своей полиэтничностью, что позволяет оценить возможное влияние этнокультурного фактора на ЧП региона. Цель статьи – сопоставить подход Татарстана к накоплению ЧП, заложенный в официальном дискурсе региона, и результаты декларируемой политики.

Обзор литературы

Возникновение концепта ЧП связано с общественными трансформациями, становлением общества постмодерна, изменением экономического уклада и возрастанием значимости человеческого фактора. Сторонники общественного движения 1940-х гг. развития ЧП, основываясь на концепциях персонального роста, указали на необходимость реализации потенциальных возможностей людей [3–8]. Кристаллизации социально-экономической оценки ЧП поспособствовала концепция человеческого развития Комитета ООН конца 1980-х гг., получившая развитие в исследованиях по планированию прогресса [9, 10]. В них подчеркивается наивысший приоритет ЧП, а человек рассматривается в качестве главной цели развития демократического общества [11]. Органичным дополнением видятся работы А. Сена о влиянии социальных и политических институтов на уровень жизни людей в контексте их материального, экономического благосостояния и возможностей для предоставления свободы, шансов на приобретение и совершенствование знаний, участия в активностях [12]. Синтезом идей о значении разнообразных факторов ЧП стали Программы развития ООН¹.

В отечественной науке доминирование экономического взгляда на ЧП в постсоветских условиях [13–16] постепенно «разбавляется» анализом его социальных аспектов. Осуществляется оценка реальных экономических условий формирования, реализации потенциала человека в трудовой, общественной деятельности, социальной жизни [17]. Новая парадигма ЧП сочетает социальные и экономические факторы, «оживляет» его новыми характеристиками [18. С. 572], выводит на общенациональный и региональный уровень [19] и демонстрирует разброс показателей в регионах РФ². Территориальная специфика раскрывается в специальных работах [20], в том числе и о Татарстане. ЧП рассматривается в контексте социально-экономического развития республики [21, 22] с помощью анализа местного высшего образования [23], программ здравоохранения [24], возможностей для обеспечения производительности труда [25, 26], рисков, связанных с пандемией COVID-19 [22, 27].

¹ Human Development Reports. United nations development programme. URL: <http://hdr.undp.org/> (дата обращения: 15.04.2022).

² Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2006/2007. Регионы России: цели, проблемы, достижения. URL: http://undp.ru/nhdr2006_07rus/NHDR_Russia_2006-07rus.pdf (дата обращения: 15.04.2022); Доклад о развитии человеческого потенциала в Пермском крае. Пермь. URL: http://undp.ru/documents/Regional_Human_Development_Report_for_Perm_krai.pdf (дата обращения: 15.04.2022); Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан. Уфа, 2013. URL: http://www.anrb.ru/uploads/files/doklad_semia-i-chel-razvitie.pdf (дата обращения: 15.04.2022).

В статье под ЧП понимается интегральная форма разнообразных явных и латентных свойств и характеристик населения, отражающих готовность, уровень и возможности его развития в определенных природно-экологических, исторических и социально-экономических условиях. Какие свойства населения важны власти? Как она видит их накопление? Отражается ли проводимая политика на практике? Поставленные вопросы стимулируют обращение к конструктивистской парадигме. М. Фуко [28] и Т.А. ван Дейк [29] считают, что любая реальность, объекты познания, «ритуалы» их постижения, критерии познания рождаются властью и воплощаются с помощью дискурсов, выступающих источником порядка. Т. ван Дейк подчеркивает, что агентами публичного влияния на сознание аудитории в поле власти выступают властные группы. Их интересы могут быть изучены с помощью анализа языка, официального дискурса, например в форме программ группы [29. С. 32].

Материал и методы

Изучение официального дискурса Татарстана проходило путем контент-анализа «Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г.»¹ (далее – Стратегия). Документ разрабатывался представителями республиканской управленческой элиты, ведущими российскими и зарубежными экспертами. Он является программой действий для органов власти и управления Татарстана регионального и муниципального уровней и отражает официальную точку зрения республики.

Контент-анализ осуществлялся с помощью подхода П. Майринга. Он предполагает измерение количественных параметров и фиксацию качественных характеристик, проявляющихся в текстуальных элементах, внетекстуальных явлениях и скрытых латентных значениях [30]. Единицами анализа стали текстовые индикаторы, ассоциируемые с составляющими ЧП. В таком качестве М.А. Гвоздева, М.В. Казакова и Т.Р. Киблицкая видят образование, доходы, продолжительность жизни населения [19], О.И. Иванов – демографический, образовательный, трудовой, культурный, гражданский и духовно-нравственный компоненты [31], О.М. Суслова – потребности и способности субъектов [32]. Наш анализ основывается на методическом инструментарии индекса развития ЧП. Он рассчитывается на основании демографического (рождаемость, смертность, здоровье), социального (образование) и экономического показателей. К ним мы добавили индикатор «культура и этничность». Ее роль в экономическом развитии государств показана в международных исследованиях Л. Харрисона, Г. Хофстеда, Р. Илхарда, Н. Триандиса. В России изучается отношение к здоровью этнических общностей [33] и социально-экономический потенциал их представителей [34, 35].

На первом этапе контент-анализа из текста Стратегии выписывались все слова, ассоциируемые с экономикой, образованием, демографией, здоровьем, культурой и этничностью. На следующем подсчитывалась их число. Для изучения скрытых латентных значений ЧП в Стратегии использовался традиционный (содержательный) анализ текста, предполагающий интерпретацию его содержания.

¹ Закон РТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» от 17 июня 2015 г. № 40-ЗРТ. URL: <http://i.tatarstan2030.ru/> (дата обращения: 15.04.2022).

Последовавший экспертный опрос (N = 13) был направлен на выявление практик декларируемой политики Татарстана о ЧП. Он проведен авторами в октябре–декабре 2021 г. по полуформализованному вопроснику среди специалистов в области экономики, образования, здоровья и этнокультурной сферы Татарстана, обладающих достаточными компетенциями для оценки ЧП республики.

Официальный дискурс

Подсчет используемых в Стратегии слов, связанных с ЧП, позволил выстроить рейтинг интересов Татарстана. Чаще всего упоминается образование (329 слов), реже – экономика (228), культура и этничность (185), демография и здоровье (133).

Детализированный состав слов выглядит следующим образом:

– «образование»: образование (154), высшее образование (38), дошкольное образование (20), компетенции (15), профессиональное образование (14), знания (13), квалификация (12), дополнительное образование (11), навыки (9), система образования (9), среднее профессиональное образование (8), переподготовка (6), профессиональная подготовка (6), школьное (общее) образование (6), профессиональное развитие (3), умения (3), образовательный потенциал (2);

– «экономика»: занятость (56), кадры (51), предпринимательство (50), доходы (20), трудовая миграция (15), миграция и миграционные процессы (14), трудовые ресурсы (8), безработица (4), карьера/карьерная (4), трудовая активность (3), трудовая деятельность (2), трудовой потенциал (1);

– «культура и этничность»: культура (72), идентичность (15), культурное наследие (14), национальные традиции/праздники/ремесла (13), культурно-досуговые учреждения/комплексы/институции (10), культурная жизнь (9), культурный туризм (4), татарский язык (4), культурное развитие (3), культурная среда (3), культурные услуги (3), национальная культура (3), татарский народ (3), двуязычие (2), культурные бренды/арт-бренды (2), культурная деятельность (2), культурная инфраструктура (2), культурные проекты/площадки (2), национальное образование (2), национальный «стержень» (2), национальность (2), поликультурное образование (2), поликультурное пространство (2), русский язык (2), межнациональное согласие (1), многонациональный народ (1), поликультурная образовательная среда (1), поликультурность (1), русский праздник (1), татарская культура (1), этническое разнообразие (1);

– «демография и здоровье»: здравоохранение (51), здоровье (26), система здравоохранения (19), продолжительность жизни (13), долголетие (11), медицинские услуги (5), здоровый образ жизни (4), модель поведения, способствующая снижению заболеваний и сохранению здоровья (2), здоровая активная жизнь (1), самосохранительное поведение (1).

Содержательный анализ Стратегии выявил разнообразные смыслы составляющих ЧП. Образование подается как бренд Татарстана и как возможность появления в республиканской экономике новых уникальных направлений со специалистами, обладающими новейшими компетенциями. Такое понимание подчеркивает предполагаемый для реализации проект «Обучающийся регион: новой экономике – новые профессии и навыки». Задаче развития приоритетного для республики высшего образования подчинен проект

«Партнерство для повышения конкурентоспособности высшей школы». Он нацелен на усиление привлекательности татарстанских вузов на федеральном и международном уровнях посредством развития их кооперации, партнерства с иностранными и ведущими российскими университетами, секторами экономики. Выделяя проблемы неэффективности некоторых вузов, дисбаланса между направлениями подготовки специалистов и запросом региона на развитие инновационной экономики, конкуренции за лучших преподавателей и студентов, в Стратегии подчеркивается лидерство Татарстана среди российских регионов по охвату населения, уровню развития вузов, объемам финансовых средств. Школьное образование, по замыслу авторов документа, должно развивать у подрастающего поколения необходимые для инновационной экономики компетенции и воспитывать патриотизм, прививать поликультурную идентичность. То есть знания и этничность выступают взаимоувязываемыми элементами ЧП Татарстана.

Экономическая составляющая ЧП рассматривается в документе в аспекте занятости, кадров и предпринимательства. Устранение дефицита кадров видится путем привлечения в регион квалифицированных кадров, обеспечения роста производительности труда в несырьевых отраслях экономики, использования экономически неактивного населения, стимулирования пенсионеров к трудовой активности. Развитие предпринимательства считается возможным при комфортных условиях для бизнеса, внедрении образовательных программ, создании кадровых и отраслевых ресурсных центров. Это подчеркивает нацеленность Татарстана на придание гибкого характера рынку труда через включение в него разных слоев населения. Такой задаче подчинено использование потенциала миграции. Она рассматривается как инструмент накопления ЧП за счет привлекательности Татарстана по сравнению с другими субъектами страны (Москва, Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа). Продвигаемый проект «Татарстан – центр притяжения населения в Приволжье» предусматривает миграционный прирост населения, увеличение притока высококвалифицированных специалистов и иностранных студентов. Все это направлено на рост высокоэффективного ЧП Татарстана.

Культура и этничность в документе увязываются с качеством и разнообразием культурной жизни населения Татарстана. Идея получает развитие в проекте «Креативные индустрии Татарстана», призванном подчеркнуть стремление республики к развитию ЧП путем поддержки творческих инициатив и мотивации населения к новым культурным идеям и через создание разнообразной, доступной культурной среды. Культура, обеспеченная соответствующей инфраструктурой, способна, по мнению авторов Стратегии, привлечь специалистов с высоким ЧП из других регионов.

Составляющая ЧП «демография и здоровье» рассматривается преимущественно в аспекте организации здравоохранения. В этой сфере республика обладает высоким научно-образовательным потенциалом и развитой сетью медицинских учреждений. Для увеличения ожидаемой продолжительности жизни, снижения заболеваемости и смертности от управляемых причин выдвигаются специальные задачи: модернизация и повышение эффективности здравоохранения, расширение ее ресурсной базы и конкурентоспособности, внедрение инновационных технологий и оборудования, укрепление и разви-

тие кадрового потенциала, расширение и доступность медицинских услуг, формирование у населения здоровьесберегающего поведения, снижение заболеваемости. Решение видится в создании межтерриториального многофункционального интегрированного медико-реабилитационного кластера, сочетающего возможности диагностики, лечения, рекреации, геронтологии и туризма. Эффект этого проекта видится как мультипликационный – ожидается рост туристических, гостиничных и бытовых услуг, развитие индустрии здорового питания и агропромышленного комплекса. Рассуждая о значении демографических процессов для ЧП Татарстана, авторы документа предполагают, что их оптимизация возможна путем повышения рождаемости и формирования устойчивой миграции в республику. Те есть миграция в документе оценивается с точки зрения экономики и демографической ситуации.

Итак, анализ официального дискурса Татарстана о ЧП показал, что республика сосредоточивается прежде всего на образовании. Оно увязывается с компетенциями, востребованными в современную эпоху, с конкурентоспособностью профессионального образования, соответствующего экономическим запросам региона. Возможности для преумножения ЧП видятся в оптимизации местного рынка труда за счет активизации предпринимательства и вливания в него «неактивных» социальных групп в несырьевых сегментах экономики. Благодаря миграции Татарстан нацелен на пополнение высококвалифицированными специалистами и улучшение демографической ситуации. Повысить привлекательность республики способен ее статус полиэтнического сообщества и региона с качественной, разнообразной, доступной культурной средой. Модернизация здравоохранения и тиражирование ценностей здорового образа жизни рассматриваются как ресурсы повышения рождаемости и снижения смертности.

Экспертный дискурс

Материалы интервью показали, что одним из ведущих условий накопления ЧП являются исторические условия. Для Татарстана в таком качестве выступает длительная и богатая история образования, науки и промышленности. Эксперты назвали открытие в 1804 г. по указу Александра I Казанского университета, эвакуацию в Великую Отечественную войну в ТАССР промышленных объектов и Академии наук СССР, давшей мощный толчок научным направлениям, открытие Ромашкинского нефтяного месторождения и стремление республики во время перестройки *«сохранить»* (наследство советской экономики. – Г.Г., О.Л.) *из последних сил, часто в ущерб себе»* (эксперт № 7). Респонденты указали на интерес первых лиц Татарстана к образованию, сообщив и о неудачных проектах. Так, по их мнению, лишь частично сработала республиканская программа «Алгарыш» по обучению талантливой молодежи за рубежом и ее возвращению в Татарстан.

Оценивая республиканское образование, информанты обратили внимание на мировые и общероссийские тенденции. Отметив, что *«условия для получения качественного образования, безусловно, стали лучше»* (эксперт № 3), они критиковали всеобщность высшего образования в стране и изъятие из работы вузов воспитательного компонента. Отдельное освещение получила проблема утечки мозгов, снизившая научно-образовательный потенциал вузов и препятствующая обновлению преподавательского состава. Этот *«обще-*

системный вопрос» (эксперт № 11) зависит от федерального центра. Эксперты указали на резкую перестройку образования из-за пандемии COVID-19: его более открытый, доступный характер, новые возможности получения знаний, публичный характер компетентности преподавателей и вовлеченности учащихся, рост соучастия родителей, разрыв поколений в освоении цифровых технологий.

Специфической проблемой образования Татарстана была названа слабая в сравнении с некоторыми российскими регионами (пример Калужской и Томской областями) спайка высшего образования с производством, отсутствие механизмов вовлечения молодых и опытных специалистов в перспективные отрасли экономики и науки. Подчеркивалось отсутствие прорывных научно-технических решений, слабая коммерциализация республиканской науки. Некоторые удачные проекты эксперты оценили как *«не Бог весть что»* (эксперт № 7). В целом высшее образование Татарстана – это *«...хорошая система ... у нас все ведущие вузы. ...За редким исключением они достаточно энергично развиваются и обеспечивают воспроизводство человеческого капитала и приращение его»* (эксперт № 3).

Школьное образование Татарстана, по мнению экспертов, нуждается в перестройке работы учителей, активизации их творчества. Информанты заострили внимание на российских регионах, *«которые активно вкладываются в совершенно новые подходы к педагогическому составу»* (эксперт № 6). Отдельное звучание получила проблема оттока талантливых детей: *«ЕГЭ – это система, которая вымывает таланты из регионов. ...олимпиада... определяются самые талантливые и они – победители и призеры – получают право вне конкурса поступить в магистратуру... в ведущие институты центра»* (эксперт № 3). Отметив высокую организацию олимпиадного движения в Татарстане, информанты указали на ее низкую эффективность для ЧП республики. *«...когда мы стали смотреть, а сколько этих олимпиадников у нас осталось на территории, их осталось очень мало»* (эксперт № 6). Подчеркивается стремление республики к повышению социальной активности детей и молодежи.

Информанты выделили три особенности экономики Татарстана, стимулирующие ЧП республики: 1) ее отраслевое, нередко высокотехнологичное многообразие, которое требует различных человеческих ресурсов с высокими компетенциями; 2) финансовые возможности региона, которые *«мы можем обеспечить ... важные звенья, которые необходимы для формирования человеческого потенциала»* (эксперт № 10); 3) человекоцентричность экономической политики, проявляющейся в акцентах региона на *«уровень инфраструктурной, институциональной и культурной жизни... благоприятная городская среда, общественное пространство»* (эксперт № 3). Было указано, что экономике Татарстана важно *«вписаться в глобальную экономику»* (эксперт № 7), но этому мешает *«укрепление государственной собственности (в стране. – Г.Г., О.Л.), усиление дирижерских экономических рычагов политики»* (эксперт № 7). Подчеркивалась необходимость повышения цифровизации Татарстана и цифровой компетентности населения, поскольку *«тот, кто возьмет этот билет, то его человеческий потенциал резко вырастет»* (эксперт № 6). Цифровизация ускорилась во время пандемии, но одновременно

замедлось развитие экономики, произошли структурные изменения, наметился дефицит трудовых ресурсов.

При оценке культуры и этничности эксперты охарактеризовали их как *«...самый первый глубинный фактор, который определяет качество человеческого потенциала. Базовый принцип – это культура. А культура формируется как раз внутри этноса»* (эксперт № 5). То есть благодаря этничности формируется семантика ЧП – смыслы качеств человека, суть его мотивации. Среди таких смыслов назвались традиционные здоровьесберегающие практики и ориентация на рождаемость: *«...вредные привычки осуждаются и в православии, и в мусульманстве. И такие явления, как аборт, например, осуждаются как в православии, так и в мусульманстве. ...представители всех религий ратуют за здоровый образ жизни, за крепкую семью, за повышение рождаемости»* (эксперт № 11). Была выделена халяль-индустрия, пропагандирующая ценности здорового образа жизни и деятельность национально-культурных обществ. Во время пандемии расширились возможности для распространения традиционных ценностей *«в масштабе всей страны, даже мира»* (эксперт № 11) путем онлайн-освещения этнокультурных мероприятий. Другой стороной этничности в преумножении ЧП Татарстана является *«взаимопроникновение культур. ...живущие рядом народы – они берут друг у друга какие-то интересные традиции»* (эксперт № 11). Проводя аналогию с ведущими зарубежными университетами, привлекающими талантливую молодежь из разных стран, эксперты уверены, что поскольку *«у нас множество национальностей... это взаимообогащает. ...влияет на качество, на развитие человеческого потенциала»* (эксперт № 5). Все эксперты указали на отсутствие в Татарстане связи между национальностью человека и его возможностями наращивания ЧП. Разграничение этнической и социально-экономической сфер они объяснили политикой республики. Этничность и межнациональный мир используются для привлечения в регион инвесторов, влияющих на ЧП.

Информанты отметили резкое изменение наметившихся до пандемии благоприятных тенденций в демографической ситуации в республике. Вследствие заболеваемости ковидом произошел рост смертности. В последние годы отмечается старение населения в селах из-за отъезда молодежи и сокращения доли женщин. Для улучшения ситуации необходимо снизить смертность, повысить рождаемость и продлить трудовую активность человека. Помимо улучшения эпидемиологической ситуации в мире, важен новый взгляд на российское здравоохранение. Эксперты отметили запаздывание в отечественной медицине внедрения новых технологий лечения, отсутствие в стране культуры здорового образа жизни и что *«система работает непонятно, непрозрачно»* (эксперт № 3). Высокий рейтинг здравоохранения Татарстана информанты связали с государственной программой «Развитие здравоохранения Республики Татарстан до 2025 года» (эксперт № 12) и серьезными финансовыми вливаниями региона. Они выделили просчеты (*«ликвидация детских перинатальных центров в отдаленных районах республики»* (эксперт № 10)) и необходимость внедрения при лечении больных *«большие европейские... тенденции»* (эксперт № 9).

Оценивая практики ЧП Татарстана, эксперты рассматривали их в русле мировых, общероссийских и региональных проблем. Указывая на внешние

условия, влияющие на российские регионы, они обозначили внутренние ресурсы субъектов страны. Для Татарстана это экономика, образование, этнокультурная сфера и нынешние усилия республики по преумножению ЧП, связанные с цифровизацией, развитием общественных пространств, появлением объектов здравоохранения, мотивацией у населения к социальной активности и образованию, прагматическим подходом к этничности.

Выводы

Выявленные узловые точки декларируемого подхода Татарстана и практик ЧП позволяют выделить следующие их совпадения и расхождения.

В республике в целом реализуются основные идеи Стратегии. Это прослеживается в плане ориентиров Татарстана на развитие образования (прежде всего высшего), поддержку многоукладной экономики, модернизацию объектов здравоохранения, формирование современной культурной среды, использование полиэтничности региона в качестве инвестиционно привлекательного имиджа республики.

В то же время региону не удалось воплотить заявленную в документе задачу по увеличению рождаемости, обеспечению трудового долголетия и конкурентоспособности образования на международном уровне. Это связано с ухудшением эпидемиологической обстановки, переформатировавшей экономические и общественные сферы, с отсутствием спайки образования и производства, прорывных научно-технических решений, с низкой коммерциализацией науки, единообразием в обучении и недостаточной поддержкой сельского здравоохранения. Позитивной практикой, стимулирующей ЧП Татарстана и не отраженной в Стратегии, являются меры по поддержке социальной активности, здоровьесберегающие установки традиционных культур, деятельность национально-культурных обществ.

Исследование позволило дать критическую оценку Стратегии, оценить влияние на ЧП республики устойчивых глобальных, общероссийских тенденций и непрогнозируемых вызовов. Перспективным в современных условиях видится рискологический подход, открывающий новые возможности для теоретического осмысления ЧП и анализа действий властных групп в условиях стремительно меняющейся социальной реальности.

Список источников

1. Валиахметов Р.М. Социологические подходы к оценке и диагностике человеческого потенциала региона // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). С. 1–8. doi: 10.15838/tdi.2018.5.45.8
2. Валиахметов Р.М., Баймурзина Г.Р. Человеческий потенциал регионов России: макроэкономические и социологические показатели // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сб. докл. VI Всерос. социол. конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В.А. Мансуров, ред. Е.Ю. Иванова. М. : РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 192–200.
3. Зейгарник Б.В., Рубинштейн С.Я. О некоторых дискуссионных вопросах патопсихологии // Вопросы психологии. 1970. № 16 (1). С. 121–128.
4. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / под общ. ред. Д.А. Леонтьева и Е.Ю. Патяевой; сост., пер. с нем. и англ. яз. и науч. ред. Д.А. Леонтьева, Е.Ю. Патяевой. М. : Смысл, 2001. 572 с.
5. Фестингер Л. Исследования по принятию решения // Журнал экспериментальной психологии. 1943. № 32 (4). С. 291–306.

6. Dembo T. Some problems in rehabilitation as seen by a Lewinian // Journal of Social Issues. 1982. № 38. P. 131–139.
7. Heider F. Social perception and phenomenal causality // Psychological Review. 1944. № 51 (6). P. 358–374.
8. Barker R. Panic Disorder: Theory, Research and Therapy. Chichester: John Wiley, 1989. 358 p.
9. Griffin K., Knight J., eds. Human Development in the 1980s and Beyond // Journal of Development Planning. Special number. 1989. № 19. P. 9–40.
10. Ul Haq M. The Human Development Paradigm. Readings in Human Development / eds. S. Fukuda-Parr, A.K. Shiva Kuma. Oxford, UK : Oxford University Press, 2003. P. 17–34.
11. Алле М. Экономика как наука : пер. с фр. М. : Наука для общества, РГГУ, 1995. 165 с.
12. Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ. и под ред. Р.М. Нуреева. М. : Новое изд-во, 2004. 432 с.
13. Вереникин А.О. Человеческий потенциал экономического развития : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005. 335 с.
14. Докторович А.Б. Социально ориентированное развитие общества и человеческого потенциала: современные теории, методы системного исследования : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2004. 360 с.
15. Катайцева Е.А. Воспроизводство человеческого потенциала науки в условиях перехода к инновационной экономике: дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. 203 с.
16. Соболева И.В. Воспроизводство человеческого потенциала: теория, методология, приоритетные направления : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2006. 297 с.
17. Буланов В., Катайцева Е. Человеческий капитал как форма проявления человеческого потенциала // Общество и экономика. 2011. № 1. С. 13–22.
18. Валиахметов Р.М. Основные подходы к изучению процессов накопления и реализации человеческого капитала // Альтернативы экономической политики в условиях замедления экономического роста: Сборник статей / под ред. А.А. Аузана, В.В. Герасименко. М. : Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. С. 570–574.
19. Гвоздева М.А., Казакова М.В., Киблицкая Т.Р. Понятие человеческого капитала и его эволюция в истории экономической мысли. М., 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=2981715> (дата обращения: 14.04.2022).
20. Валиахметов Р.М. Проблемы развития человеческого потенциала Республики Башкортостан // Социс. 2015. № 8. С. 50–55.
21. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М. : Эдиториал УРСС, 2003. 264 с.
22. Зотиков Н.З. Социально-экономическое положение регионов в условиях пандемии (на примере регионов ПФО) // Экономические науки. 2020. № 3. С. 9–26. doi: 10.47026/2499-9636-2020-3-9-26
23. Шакиров А.И., Сафиуллин Л.Н. Тенденции развития человеческого капитала в Республике Татарстан // Казанский экономический вестник. 2017. № 5 (31). С. 81–87.
24. Юсупова И.В., Арзамасова А.Г. Актуальная повестка реализации национальных проектов «Демография» и «Здравоохранение» в Республике Татарстан // Казанский экономический вестник. 2020. № 5 (49). С. 63–67.
25. Юрьева О.В., Колесникова Ю.С., Юсупова И.В. Развитие человеческого капитала в Республике Татарстан // Российские регионы в фокусе перемен : сб. докл. XIV Междунар. конф. 2020. С. 611–613.
26. Зайнуллина М.Р. Прогноз основных макроэкономических показателей на 2021–2023 годы Республики Татарстан // Электронный экономический вестник. 2021. № 2. С. 4–10.
27. Герасимов В.О., Шарафутдинов Р.И. Управление человеческим капиталом региона в аспекте стратегии развития Республики Татарстан // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2020. № 18. С. 56–61.
28. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб. : А-сэд, 1994. 408 с.
29. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякин, Е.В. Переверзев, А.М. Аматов. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ» : URSS, 2013. 352 с.
30. Mayring P. Qualitative Inhaltsanalyse. In G. Jüttemann (Hrsg.), Qualitative Forschung in der Psychologie: Grundfragen, Verfahrensweisen, Anwendungsfelder. Weinheim : Beltz, 1985. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssaoar-5571> (дата обращения: 14.04.2022).
31. Иванов О.И. Человеческий капитал и его показатели (взгляд социолога) // Социология и право. 2016. № 1 (31). С. 44–52.

32. Сулова О.М. Теоретико-методологические вопросы исследования человеческого капитала // Экономическая наука современной России. 2011. № 1. С. 72–82.
33. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. М. : РУДН, 2009. 233 с.
34. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М. : Academia, 2002. 480 с.
35. Габдрахманова Г.Ф. Этнокультурные ресурсы экономического развития. Казань : Казан. ун-т, 2010. 370 с.

References

1. Valiakhmetov, R.M. (2018) Sociological Approaches to Assessing and Diagnosing Human Potential in the Region. *Voprosy territorial'nogo razvitiya – Territorial Development Issues*. 5(45). pp. 1–8. (In Russian). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.8
2. Valiakhmetov, R.M. & Baymurzina, G.R. (2020) Chelovecheskiy potentsial regionov Rossii: makroekonomicheskie i sotsiologicheskie pokazateli [Human potential of Russian regions: Macro-economic and sociological indicators]. In: Mansurov, V.A. (ed.) *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov* [Sociology and society: Traditions and innovations in the social development of regions]. Moscow: ROS; FNISTs RAS. pp. 192–200.
3. Zeygarnik, B.V. & Rubinshteyn, S.Ya. (1970) O nekotorykh diskussionnykh voprosakh patopsikhologii [On some debatable issues of pathopsychology]. *Voprosy psikhologii*. 16(1). pp. 121–128.
4. Levin, K. (2001) *Dinamicheskaya psikhologiya: Izbrannye trudy* [Dynamic psychology: Selected works]. Translated from English and German. Moscow: Smysl.
5. Festinger, L. (1943) Issledovaniya po prinyatiyu resheniya [Research on decision making]. *Zhurnal eksperimental'noy psikhologii*. 32(4). pp. 291–306.
6. Dembo, T. (1982) Some problems in rehabilitation as seen by a Lewinian. *Journal of Social Issues*. 38. pp. 131–139.
7. Heider, F. (1944) Social perception and phenomenal causality. *Psychological Review*. 51(6). pp. 358–374.
8. Barker, R. (1989) *Panic Disorder: Theory, Research and Therapy*. Chichester: John Wiley.
9. Griffin, K., Knight, J. (eds.) Human Development in the 1980s and Beyond. *Journal of Development Planning*. 19. pp. 9–40.
10. ul Haq, M. (2003) *The Human Development Paradigm. Readings in Human Development*. Oxford, UK: Oxford University Press. pp. 17–34.
11. Alle, M. (1995) *Ekonomika kak nauka* [Economics as a Science]. Translated from French. Moscow: Nauka dlya obshchestva, RSUH.
12. Sen, A. (2004) *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom]. Translated from English by R.M. Nureev. Moscow: Novoe izd-vo.
13. Verenikin, A.O. (2005) *Chelovecheskiy potentsial ekonomicheskogo razvitiya* [Human Potential of Economic Development]. Economics Dr. Diss. Moscow.
14. Doktorovich, A.B. (2004) *Sotsial'no orientirovannoe razvitie obshchestva i chelovecheskogo potentsiala: sovremennye teorii, metody sistemnogo issledovaniya* [Socially Oriented Development of Society and Human Potential: Modern Theories, Methods of System Research]. Exonomics Dr. Diss. Moscow.
15. Kataytseva, E.A. (2010) *Vosproizvodstvo chelovecheskogo potentsiala nauki v usloviyakh perekhoda k innovatsionnoy ekonomike* [Reproduction of the human potential of science in transition to an innovative economy]. Economics Cand. Diss. Moscow.
16. Soboleva, I.V. (2006) *Vosproizvodstvo chelovecheskogo potentsiala: teoriya, metodologiya, prioritetnye napravleniya* [Reproduction of Human Potential: Theory, Methodology, Priority Areas]. Economics Dr. Diss. Moscow.
17. Bulanov, V. & Kataytseva, E. (2011) Chelovecheskiy kapital kak forma proyavleniya chelovecheskogo potentsiala [Human capital as a form of manifestation of human potential]. *Obshchestvo i ekonomika*. 1. pp. 13–22.
18. Valiakhmetov, R.M. (2015) Osnovnye podkhody k izucheniyu protsessov nakopleniya i realizatsii chelovecheskogo kapitala [Basic approaches to the study of the processes of accumulation and implementation of human capital]. In: Auzan, A.A. & Gerasimenko, V.V. (eds) *Alternativy ekonomicheskoy politiki v usloviyakh zamedleniya ekonomicheskogo rosta* [Alternatives of economic policy under the economic growth slowdown]. Moscow: MSU. pp. 570–574.
19. Gvozdeva, M.A., Kazakova, M.V. & Kiblitckaya, T.R. (2017) *Ponyatie chelovecheskogo kapitala i ego evolyutsiya v istorii ekonomicheskoy mysli* [The concept of human capital and its evolu-

tion in the history of economic thought]. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2981715> (Accessed: 14th April 2022).

20. Valiakhmetov, R.M. (2015) Problemy razvitiya chelovecheskogo potentsiala Respubliki Bashkortostan [Problems of human potential development in the Republic of Bashkortostan]. *Sotsis*. 8. pp. 50–55.

21. Zubarevich, N.V. (2003) *Sotsial'noe razvitie regionov Rossii: problemy i tendentsii perekhodnogo perioda* [Social Development of Russian Regions: Problems and Trends of the Transitional Period]. Moscow: Editorial URSS.

22. Zotikov, N.Z. (2020) Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie regionov v usloviyakh pandemii (na primere regionov PFO) [Socio-economic situation of regions in a pandemic (a case study of the Volga Federal District)]. *Ekonomicheskie nauki*. 3. pp. 9–26. DOI: 10.47026/2499-9636-2020-3-9-26

23. Shakirov, A.I. & Safiullin, L.N. (2017) Tendentsii razvitiya chelovecheskogo kapitala v Respublike Tatarstan [Trends in the development of human capital in the Republic of Tatarstan]. *Kazanskiy ekonomicheskii vestnik*. 5(31). pp. 81–87.

24. Yusupova, I.V. & Arzamasova, A.G. (2020) Aktual'naya povestka realizatsii natsional'nykh proektov "Demografiya" i "Zdravookhraneniye" v Respublike Tatarstan [Actual agenda for the implementation of the national projects "Demography" and "Health" in the Republic of Tatarstan]. *Kazanskiy ekonomicheskii vestnik*. 5(49). pp. 63–67.

25. Yurieva, O.V., Kolesnikova, Yu.S. & Yusupova, I.V. (2020) Razvitie chelovecheskogo kapitala v Respublike Tatarstan [Development of human capital in the Republic of Tatarstan]. In: *Rossiyskie regiony v fokuse peremen* [Russian Regions in the Focus of Change]. pp. 611–613.

26. Zaynullina, M.R. (2021) Prognoz osnovnykh makroekonomicheskikh pokazateley na 2021–2023 gody Respubliki Tatarstan [Forecast of the main macroeconomic indicators for 2021–2023 of the Republic of Tatarstan]. *Elektronnyy ekonomicheskii vestnik*. 2. pp. 4–10.

27. Gerasimov, V.O. & Sharafutdinov, R.I. (2020) Upravlenie chelovecheskim kapitalom regiona v aspekte strategii razvitiya Respubliki Tatarstan [Management of human capital in the region in terms of the development strategy of the Republic of Tatarstan]. *Nauchnye trudy Tsentra perspektivnykh ekonomicheskikh issledovaniy*. 18. pp. 56–61.

28. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archeology of the Humanities]. Translated from French by V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad.

29. van Dijk, T.A. (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Translated from English by E.A. Kozhemyakin, E.V. Pereverzev, A.M. Amатов. Moscow: LIBROKOM; URSS.

30. Mayring, P. (1985) Qualitative Inhaltsanalyse. In: Jüttemann, G. (Hrsg.) *Qualitative Forschung in der Psychologie: Grundfragen, Verfahrensweisen, Anwendungsfelder*. Weinheim: Beltz. [Online] Available from: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssao-5571> (Accessed: 14th April 2022).

31. Ivanov, O.I. (2016) Chelovecheskiy kapital i ego pokazateli (vzglyad sotsiologa) [Human capital and its indicators (a sociologist's point of view)]. *Sotsiologiya i pravo*. 1(31). pp. 44–52.

32. Suslova, O.M. (2011) Teoretiko-metodologicheskie voprosy issledovaniya chelovecheskogo kapitala [Theoretical and methodological issues of human capital research]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. 1. pp. 72–82.

33. Tatarko, A.N. & Lebedeva, N.M. (2009) *Sotsial'nyy kapital: teoriya i psikhologicheskie issledovaniya* [Social Capital: Theory and Psychological Research]. Moscow: RUDN.

34. Drobizheva, L.M. (ed.) (2002) *Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniya i real'nost'* [Social Inequality of Ethnic Groups: Ideas and Reality]. Moscow: Academia.

35. Gabdrakhmanova, G.F. (2010) *Etnokul'turnye resursy ekonomicheskogo razvitiya* [Ethnocultural Resources of Economic Development]. Kazan: Kazan State University.

Сведения об авторах:

Габдрахманова Г.Ф. – доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия). E-mail: medi54375@mail.ru

Лаукарт-Горбачева О.В. – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия); доцент кафедры общей и этниче-

ской социологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: olga241202@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Gabdrakhmanova G.F. – Dr. Sci. (Sociology), Docent, head of the Department of Ethnological Research, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: medi54375@mail.ru

Laukart-Gorbacheva O.V. – Cand. Sci. (Sociology), Docent, senior researcher of the Department of Ethnological Research, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); associate professor of the Department of General and Ethnic Sociology, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: olga241202@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2022;
одобрена после рецензирования 09.11.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 16.04.2022;
approved after reviewing 09.11.2022; accepted for publication 05.12.2022*

Научная статья

УДК 316.4

doi: 10.17223/1998863X/70/22

МОЛОДЕЖЬ В ПОИСКАХ СВОЕЙ ПАРТИИ

Ольга Викторовна Крыштановская¹, Иван Андреевич Лавров²

^{1,2} *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

¹ *olgakryshst@yandex.ru*

² *lavrov.sociology@gmail.com*

Аннотация. Статья написана по материалам качественного социологического исследования, проводившегося с августа по ноябрь 2021 г. в 13 регионах РФ и включавшего 31 фокус-группу. Было установлено, что подавляющее большинство молодых людей не видят сегодня политических партий, способных выражать их интересы. Более того, они проявляют политический нигилизм, ставя под сомнение сам институт представительной демократии и идею парламентаризма.

Ключевые слова: молодежь, партии, поколения, парламент, лидеры

Благодарности: статья написана по материалам исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31795.

Для цитирования: Крыштановская О.В., Лавров И.А. Молодежь в поисках своей партии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 242–250. doi: 10.17223/1998863X/70/22

Original article

YOUTH IN SEARCH OF THEIR POLITICAL PARTY

Olga V. Kryshstanovskaya¹, Ivan A. Lavrov²

^{1,2} *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation*

¹ *olgakryshst@yandex.ru*

² *lavrov.sociology@gmail.com*

Abstract. In the 2010s–2020s, we can observe a contradiction in Russia: on the one hand, sociologists record the depoliticization of youth; on the other hand, young people are increasingly becoming subjects of the political underground. This alarming trend, called alienation, is a consequence of a lack of a dialogue between youth and parties, which results in a social divide and frustration among young people. In this article, based on the materials of a qualitative sociological study conducted in August–November 2021 on 31 focus groups in 13 subjects of the Russian Federation covering 300 people aged 18 to 25, we elaborate on these issues. According to the results of the study, most of young people identify themselves as liberals, socialists, and conservatives. The groups of both liberals and socialists were dominated by tolerant positions on all acute political issues, which brought them closer together. In contrast, the patriarchal conservatives rejected tolerance and favored traditional values. Instead of a right-/left-wing continuum, we found that attitudes toward minorities are becoming a prevalent split factor among young people and the old ideological scheme is losing its relevance. It would be logical to assume that young people, having decided on their ideological positions, give preference to the corresponding party or leader. However, 90% of young people surveyed said that there are no parties in Russia today that express their interests. A discrepancy arises between the demand of the generation of 20-year-olds and the

presented range of Russian politic structures. Today, due to the Internet, young people are genuinely becoming interested in public affairs. In parallel, there is the old world of “youth policy” which was invented by adults for the young. Among the zoomer generation there is a sense of disbelief in the old-style political system. Parliament seems to them a relic of the past when direct democracy was impossible. Zoomers today see how effective social media are: millions of people speak out every day on current issues, they no longer need “representatives” to be heard. Young people are not against the creation of a party capable of expressing their interests, but, in general, another party within the framework of the old idea of representative democracy does not arouse their enthusiasm. They are looking for another opportunity to express an active position, and so far they have not found it. To understand the young is sometimes the shortest way to avoid problems in the future.

Keywords: youth, political parties, generations, leaders

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and EISR, Project No. 21-011-31795.

For citation: Kryshtanovskaya, & O.V. Lavrov, I.A. (2022) Youth in search of their political party. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 242–00. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/22

В России в 2010–2020-х гг. можно было наблюдать противоречие: с одной стороны, социологические исследования фиксировали деполитизацию молодежи, утрату ею интереса к политике [1]. С другой стороны, были заметны и обратные явления: субъектами политического андеграунда становились чаще всего молодые люди, студенчество, которые активно выражали свои критические взгляды, искали способы канализации своей активности, но, не находя их, переходили в политическую тень.

Многие российские исследователи полагают, что молодежь не видит себя в российской политике, так как не заинтересована в участии в ней [2, 3]. Социологи из Левада-центра¹ установили, что более 80% российской молодежи вовсе не интересуются политикой. Л. Гудков и Д. Волков уверены, что молодым людям присуща общая неуверенность, ощущение исключенности из политики, обвинение власти в полном безразличии к проблемам 20–30-летних [4, 5]. В то же время исследователи, занимающиеся изучением уличной активности, фиксировали, что ядро протеста составляют молодые люди до 35 лет, чаще всего студенты. Об этом писал В.В. Петухов, подчеркивая, что в отсутствии шансов проявить себя в политике молодежь радикализируется [6. С. 62]. А.С. Архипова фиксировала, что протест 2020-х гг. молодеет, в него вовлекаются даже школьники [7. С. 307]. А.А. Комарова в своем исследовании молодежи 15–19 лет обнаружила большую роль социальных сетей в этом процессе [8]. Наличие двух таких разных трендов говорит об одном: налицо феномен, который в научной литературе принято называть отчуждением. Эта тревожная тенденция – следствие недостаточности диалога между молодежью и партиями, итогом чего становится социальный разрыв, нехватка новых лиц в политике, а также фрустрация молодых людей. Остановимся подробно на этих вопросах.

Методы исследования

Качественное социологическое исследование было проведено в августе–ноябре 2021 гг. и охватило 300 человек в возрасте 18–25 лет. Была проведена

¹ 5 сентября 2016 г. Минюст РФ внес Левада-центр в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

31 фокус-группа в 13 субъектах РФ (Москва, Санкт-Петербург, Московская, Свердловская, Смоленская, Воронежская, Иркутская, Челябинская, Тульская, Рязанская области, Республика Чувашия, Карелия и Татарстан).

Аполитичные зумеры?

Наше исследование продемонстрировало следующее: на вопрос «Интересуетесь ли вы политикой?» треть опрошенных ответили отрицательно. Однако групповая динамика дала уточнения: молодые люди признавались, что следят за потоком политических новостей, правда их источник – не традиционные СМИ, а цифровые площадки, среди которых лидируют сеть ВКонтакте, YouTube и Telegram. Самыми популярными сайтами у молодежной аудитории с целью получения политических новостей, являются «Медуза»¹, РИА-новости и РБК. Среди медиа-персон вне конкуренции те, кто критикует власть. Эти данные заставляют усомниться в аполитичности молодежи нулевых и приводят к выводу, что зумеры регулярно следят за новостным потоком, что проявляется в их высокой осведомленности о политической повестке.

Идеологические пристрастия молодых

В нашем опросе мы использовали такую тактику: сначала задавался прямой вопрос о политических взглядах, а затем обсуждались суждения, связанные с различными острыми политическими темами. Тест-вопросы касались четырех обширных тем: отношения к поправке в Конституцию РФ о том, что брак – это союз между мужчиной и женщиной; отношение к мигрантам, привлечение которых в страну могло бы способствовать решению демографической проблемы; отношение к ситуации во французских школах, где обсуждается справедливость запретов ношения хиджабов, крестиков и других религиозных проявлений; отношение к роли государства в экономике (в частности к национализации недр). Смысл такого двойного замера сводился к тому, чтобы узнать, насколько декларируемая позиция соответствует реальным предпочтениям молодых людей.

На вопрос о собственных политических взглядах каждый пятый респондент сказал, что не симпатизирует никакой идеологии. Большинство же молодых людей признались в симпатиях к либерализму (почти 40%), левым идеям (около 20%), консерватизму и центризму (примерно 15%). Небольшая часть опрошенных утверждала, что склонна к анархизму, декларируя, что им нравится примыкать к оппозиции, какой бы идеологический характер она ни имела.

Далее анализу подверглись три самые многочисленные группы, которые обозначили свои взгляды как либеральные (правые), социалистические (левые) и центристские, которые содержательно тяготели к консервативной позиции. Российская особенность состоит в том, что центристы и консерваторы воспринимаются политическим «центром» не с точки зрения набора взглядов, а как «физический» центр политической системы, который можно было бы обозначить как «Кремль». Таким образом, у молодых людей в сознании закрепились такая расстановка сил: в центре находится президент и его коман-

¹ 23 апреля 2021 г. Минюст РФ внес интернет-издание «Медуза» в реестр иностранных СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

да, а справа и слева располагаются оппозиционные фланги, которые критикуют «центр» с позиций более рыночных и либеральных или с позиций социалистических.

В группах и «либералов», и «социалистов» по самоидентификации превалировали толерантные позиции по всем острым политическим вопросам, что их сближало. Напротив, «патриархальные» консерваторы отвергали терпимость и ратовали за традиционные ценности, критикуя иные подходы за аморальность. Терпимость противостоит консерватизму именно по вопросу принятия другого. Молодые люди, занимающие консервативную позицию, жестче всех прочих оценивали недопустимость гомосексуальных браков, внедрение идей ислама в христианский мир, расширение миграции за счет выходцев из мусульманских стран и территорий.

Социалисты и либералы проявили схожую позицию в отношении всех видов дискриминации, которую они расценивают как несправедливую и нечестную. Наиболее терпимую позицию в отношении к мигрантам занимают представители левых взглядов. Это отчасти связано с популярностью в этой среде советских клише о равенстве всех наций и народностей, проживающих в СССР. Здесь надо отметить, что советское прошлое воспринимается зумерами-социалистами как эталонная модель устройства общества.

Молодежь и левых и правых взглядов сходилась в своем толерантном отношении к людям разных религий. Различия в позициях этих групп касались только экономических вопросов, хотя и здесь никто не требовал полного контроля государства над частным сектором. В той или иной степени и либералы, и социалисты ратовали за смешанную экономику с развитым рынком, различаясь лишь в деталях.

Данные нашего исследования позволяют утверждать, что более релевантно разделять современных зумеров не на три, а на две идеологические группы, так как позиция социалистов и либералов в большинстве политических вопросов схожа. Обе эти группы противостоят молодым консерваторам, которые не согласны проявлять толерантность к инакости и аморальности, как они ее трактуют. Вместо континуума с правым и левым полюсами мы обнаружили группы, различающиеся жестким или мягким отношением к «другим». Одни принимают терпимое отношение к непривычному, чужому, другому. Другие отвергают все чужеродное, требуя соблюдения жестких норм и правил в нашем обществе. Именно отношение к разного рода меньшинствам становится сегодня превалирующим в молодежной среде, а старая идеологическая схема теряет свою актуальность.

Молодежь и партии – в разных измерениях

Теперь посмотрим, как политические взгляды молодых согласуются с реальными выборами в России. Находят ли молодые люди возможность голосовать за те партии, которые выражают их интересы? И если да, то какие это партии? Логично было бы предположить, что молодые либералы выразили симпатии либерально-демократической партии. Социалисты и коммунисты считали бы «своей» КПРФ или «Справедливую Россию». А вот консерваторы должны были бы примкнуть к «Единой России». Но происходит ли это на самом деле? Совсем нет! 90% опрошенных молодых людей уверены, что партий, выражающих их интересы сегодня в России нет.

Обнаружилась и еще одна особенность: подавляющее большинство зумеров не считают ЛДПР партией, выражающей либерально-демократическую позицию. Другие партии также воспринимаются молодыми людьми не так, как маркировано в названии. По данным наших фокус-групп, значительная часть молодых тяготеет к идеологии «мягкого социализма» или социал-демократии, однако они не воспринимают «Справедливую Россию» как «свою» партию. Исключение составляет КПРФ, в коммунистических идеалах которой никто не сомневается. Получается, что молодые либералы не видят в российском ландшафте либеральной партии, социалисты – социалистической. И только консерваторы прочно стоят на ногах, видя опору в «Единой России».

Эта странная «слепота» молодых отчасти есть следствие их незрелости и неспособности различать персонажей политического театра, но также указывает на то, что действующие лица надели чужие маски. Образуется нестыковка между предъявленным спектром структур российского политикума и запросом поколения двадцатилетних. Еще одна причина «слепоты» зумеров не столько в идеологии, сколько в стилистике. Один из респондентов Даниил (25 лет) высказал распространенное мнение: «Все эти ЛДПРы, эсеры, коммунисты просто старые, их лидеры одеты как столетние деды, они говорят как деды. Это скучно и совсем не прикольно. Я вообще не понимаю, что они говорят – бубнят что-то бессмысленное». Восприятию 20-летних мешают седые головы, партикулярные костюмы, речи на «канцелярите». Они нуждаются в переводчиках, чтобы понять «взрослых» политиков.

В этой ситуации удивительна история успеха партии «Новые люди» в 2021 г., которая сумела преодолеть пятипроцентный барьер и войти в Госдуму в значительной степени из-за своих молодых сторонников. 20-летние не могли объяснить, в чем суть идеологии «Новых людей», но чувствуют свежесть подхода, видят блогерскую активность ее лидеров. Немалую роль сыграла и личность якутского политика Сарданы Авксентьевой, которая получила всероссийскую известность как популярный блогер. Эта партия привлекла к избирательной кампании студентов, которые стали ее волонтерами. Лидерам удалось создать ощущение веселого комьюнити, объединившего энергичных и креативных ребят. «Новые люди» выиграли в значительной степени благодаря своей активности в социальных сетях, которая превосходила все другие политические партии, боровшиеся за места в парламенте.

Идеальная партия для двадцатилетних?

Мы установили, что молодежь сегодня не видит ни одной партии, которая бы выражала ее интересы. Но интересно узнать, о какой партии мечтают молодые? Какой должна была бы быть партия, чтобы зумеры решились примкнуть к ней? Этот вопрос заставил наших респондентов задуматься. Они стали называть не имена или идеологические маркеры, а те действия, которые они ожидали бы. Самым важным для молодых стал социальный блок: преодоление бедности, уменьшение разрыва между богатыми и бедными, преодоление инфляции, улучшение медицины. Многие молодые видят причинно-следственную связь между расходами государства на геополитику и благосостоянием народа, полагая, что надо меньше тратить на международные проекты, а больше – на помощь старикам, малообеспеченным и многодетным семьям. Важное место молодые люди придают доступности образования, сетуя на высокие цены и недостаточность бюджетных мест в вузах.

Другой важнейший для молодежи блок состоит из требований к политическим партиям «слышать народ», общаться с простыми людьми, заботиться о маленьком человеке, понимать его нужды и потребности. Зумеры возмущаются тем, что людей у власти занимают только собственные интересы, а «на народ им наплевать». Особенно остро они чувствуют безразличие политиков к интересам молодого поколения. Проблемная сфера, которая также волнует молодых, – несправедливое отношение к меньшинствам любого рода (включая ЛГБТ), вопросы семейного насилия, дискриминация женщин в некоторых сферах жизни, жестокое обращение с животными, глобальные и локальные проблемы экологии. Молодые считают важными также проблемы, связанные с неравенством перед законом, когда «одним все можно, а других сажают за лайк». Если не бороться с нарушениями в полиции и в целом в правоохранительной системе, то человек не сможет чувствовать себя в безопасности, говорили наши респонденты.

Важными для молодых являются и вопросы внешнего позиционирования России. В фокус-группах высказывались пожелания, чтобы Россия стала более дружелюбной и открытой, чтобы расширялись контакты с другими странами, программы обмена и стажировок. Раздражение вызывает контроль над интернетом. Практически все молодые критикуют непрозрачность выборов и неэффективность судебной системы.

Идеальную партию респонденты наделяют разными качествами, выдвигая на первый план честность, прозрачность и современность. Как правило, больше всего мы ценим то, что в дефиците. Этот выбор красноречиво говорит о том, что мораль на сегодняшний день – самая дефицитная вещь в политике. Не менее востребована и прозрачность, под которой молодые люди понимают возможность наблюдать за процессом принятия решений, а также контролировать работу «избранных народа», коммуницировать с ними в социальных сетях.

Поколение двадцатилетних выдвигает «современность» в ряд самых важных ценностей. В фокус-группах наши респонденты говорили, что индифферентны к политике, так как она «скучная», «не модная», «занудная». Важно говорить с молодежью на живом языке, общаться в социальных сетях, понимать актуальные тренды. Мы обнаружили, что для зумеров не существует политика, который не представлен в социальных медиа, лишен чувства юмора, не креативен, «бубнит по бумажке», «говорит казенным языком». Действующие парламентские партии они называют «усталыми», «вялыми», лишенными связи с реальной жизнью, некоммуникабельными. Большое значение зумеры придают тому, чтобы в партии были представлены молодые лица.

Заметим, что все сказанное выше относится к левому и правому молодежному направлению. А вот молодые консерваторы, центристы ценят «современную патриархальность», ратуют за следование традициям, семейным ценностям, а реформаторскому, креативному, бунтарскому духу предпочитают мораль, патриотизм и скромность. Для них категория «современность» не имеет большого значения.

Лидер молодежи – какой он?

Большая часть наших респондентов утверждали, что сегодня не видят политиков, которые могли бы повести за собой молодежь. Но они легко называли те черты и характеристики, которыми должен обладать лидер иде-

альной партии. И здесь, так же как и с «идеальной партией», на первый план вышли нравственные категории «честность» и «порядочность». На фокус-группах звучали такие высказывания: «политик должен выполнять свои обещания», «он должен вызывать доверие», «слова и дела у него не должны расходиться», «работать на благо страны», «быть справедливым» и проч. Честность опередила даже профессионализм и компетентность, которые молодые люди уважают, но все-таки не выделяют как самую главную черту лидера.

Молодежь ожидает, что лидер будет умным, интеллектуальным, должен много знать, иметь хорошее образование, «иметь гибкий ум и конструктивный подход, чтобы придумывать способы выхода из сложной ситуации», «иметь жизненный опыт и понимание других людей». Но несмотря на важность таких характеристик, они значительно уступают ценности нравственной позиции, что является симптомом нашего времени: быть честным сегодня важнее, чем умным.

Поколение 20-летних и здесь выдвигает стилистические требования: у лидера должно «отсутствовать совковое мышление», он должен «понимать мейнстрим». Ценится его «активность в социальных сетях», «общение на живом языке» и открытость в целом. Зумеры чувствительны именно к современности, деля политиков на архаичных, доцифровых и тех, кто принимает реалии цифрового мира, «находясь в тренде». Причем дело не в возрасте, как может показаться на первый взгляд. Современность является именно важной стилистической, а вовсе не демографической характеристикой. Ведь современные респонденты воспринимают таких персон, как президент Владимир Путин (69 лет), бывший лидер ЛДПР Владимир Жириновский (75 лет), журналист и блогер Александр Невзоров (63), философ Александр Дугин (60). Это опровергает предположение, что молодые пойдут только за лидером своего поколения.

Партийный нигилизм и одиночество молодых

До эпохи цифры, подавляющее большинство двадцатилетних оставалось равнодушным к политике, воспринимая ее как скучную демагогию. И только сегодня политика приобрела «фан», стала веселой, карнавально яркой. Интернет заговорил с молодыми людьми языком улицы, и был услышан. В субкультуре появились «герои», которые не боялись быть не такими, как все. Интернет и революционный дух оказались на одной волне: в их сплаве родился подлинный интерес молодых к государственным делам, к повестке дня, к правам человека и справедливости.

Параллельно продолжал существовать мир старой доброй «молодежной политики», которую придумывали взрослые для молодых. Партии создавали «молодежные крылья», привлекали туда молодых карьеристов, которые трудились помощниками партийных иерархов, а затем перекочевывали в депутаты. Но этот накатанный процесс никак не задевал новую волну – сетевая молодежь равнодушно проходила мимо усилий официальных структур. Вадим Радаев отмечает: «Судя по всему, молодежь все больше оказывается вне зоны влияния политических партий» [9. С. 26].

Многим молодым присуще чувство неуверенности, страха, своей ненужности стране. Это отчуждение, изолированность от политической повестки проявились не только в том, что они не видят «своей» партии и «своего» ли-

дера. Среди поколения зумеров чувствуется неверие в политическую систему старого типа в целом. Зачем нужны партии, которые направляют своих представителей в парламент? Зачем нужен сам парламент? Ведь он – пережиток прошлого, когда прямая демократия была невозможна. Зумеры подвергают сомнению принцип парламентаризма. Сегодня они видят, как эффективно работают социальные сети, в которых рождаются не лидеры старого типа, а инфлюенсеры, сообщества «новой власти». Каждый день в постах миллионы людей высказываются по актуальным вопросам, им больше не нужны «представители», чтобы быть услышанными.

Молодые не против того, чтобы в России появилась партия, способная выражать их интересы, не против ярких современных лидеров, но в целом создание еще одной партии в рамках старой идеи представительной демократии не вызывает в них энтузиазма. Рождение еще одного института старой власти для двадцатилетних воспринимается как искусственная игра «взрослых» в «молодежную политику». Совсем другое дело – разговор о реальном влиянии сети, это занимает молодежь по-настоящему. Сегодня поколение зумеров концентрируется главным образом вокруг трех идеологических течений: либерализма, социал-демократии и консерватизма. Но старые партии не привлекают их. Они ищут иной возможности для проявления активной позиции, и пока не находят. И понять молодых – иногда самый короткий путь избежать проблем в будущем.

Список источников

1. Ильин А.Н. Деконсолидация и деполитизация, характерные для общества потребления // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 101–115.
2. Зарубин В.Г., Вторушин С.И. Деполитизация как феномен социального поведения студенческой молодежи // Политическая культура учителей и учащейся молодежи: опыт формирования и теоретические проблемы. СПб. : Образование, 1991. С. 64–70.
3. ВЦИОМ. Молодежь и политика: точки соприкосновения. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-i-politika-tochki-soprikosnoveniya> (дата обращения: 17.10.2021).
4. Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Путия К., Рысева А. «Поколение Z»: молодежь времени путинского правления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2020. № 2 (130). С. 21–121.
5. Волков Д. Молодежь от Москвы до Брянска. Приведет ли смена поколений к модернизации страны? 2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/11/25/molodezh-ot-moskvy-do-bryanska-privedet-li-smena-pokolenij-k-modernizatsii-strany/> (дата обращения: 21.10.2021).
6. Петухов В.В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 56–62.
7. Архипова А.С., Захаров А.В., Козлова И.В. Этнография протеста: кто и почему вышел на улицы в январе–апреле 2021? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 289–323.
8. Комарова А.А. Политические лидеры и молодежь: взаимодействие в социальных сетях // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 1. С. 42–49.
9. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М. : ВШЭ, 2020.

References

1. Ilyin, A.N. (2014) De-consolidation and de-politicization as characteristic of consumer society. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 3. pp. 101–115. (In Russian). DOI: 10.19181/socjour.2014.3.515
2. Zarubin, V.G. & Vtorushin, S.I. (1991) Depolitizatsiya kak fenomen sotsial'nogo povedeniya studentcheskoy molodezhi [Depoliticization as a Phenomenon of Social Behavior of Student Youth]. In: *Politicheskaya kul'tura uchiteley i uchashcheyhsya molodezhi: opyt formirovaniya i teoreticheskie*

problem [Political Culture of Teachers and Student Youth: Formation Experience and Theoretical Problems]. St. Petersburg: Obrazovanie. pp. 64–70.

3. VTsIOM. (2021) *Molodezh' i politika: točki soprikosnoveniya* [Youth and politics: points of contact]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-i-politika-točki-soprikosnoveniya> (Accessed: 17th October 2021).

4. Gudkov, L., Zorkaya, N., Kochergina, E., Pipiya, K. & Ryseva, A. (2020) “Pokolenie Z”: molodezh' vremeni putinskogo pravleniya [“Generation Z”: Youth during Putin's rule]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2(130). pp. 21–121.

5. Volkov, D. (2021) *Molodezh' ot Moskvy do Bryanska. Privedet li smena pokoleniy k modernizatsii strany?* [Youth from Moscow to Bryansk. Will the change of generations lead to the modernization of the country?]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2021/11/25/molodezh-ot-moskvy-do-bryanska-privedet-li-smena-pokolenij-k-modernizatsii-strany/> (Accessed: 21st October 2021).

6. Petukhov, V.V. (2012) Pokolenie “nulevykh”: sotsial'nye nastroyeniya, ideologicheskie ustanovki i politicheskoe uchastie [Generation of the “noughties”: Social moods, ideological attitudes and political participation]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 56–62.

7. Arkhipova, A.S., Zakharov, A.V. & Kozlova, I.V. (2021) Etnografiya protesta: kto i pochemu vyshel na ulitsy v yanvare–aprele 2021? [Ethnography of protest: Who and why took to the streets in January–April 2021?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 5. pp. 289–323.

8. Komarova, A.A. (2021) Political leaders and young people: interaction in social networks. *Tsifrovaya sotsiologiya – Digital Sociology*. 4(1). pp. 42–49. (In Russian). DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-1-42-49

9. Radaev, V.V. (2020) *Millenialy: kak menyaetsya rossiyskoe obshchestvo* [Millennials: How Russian Society is Changing]. Moscow: HSE.

Сведения об авторах:

Крыштановская О.В. – доктор социологических наук, директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: olgakrysht@yandex.ru

Лавров И.А. – заместитель директора Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр» Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: lavrov.sociology@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kryshtanovskaya O.V. – Dr. Sci. (Sociology), director of the Yadov Center for Digital Sociology, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: olgakrysht@yandex.ru

Lavrov I.A. – deputy director of the Yadov Center for Digital Sociology, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: lavrov.sociology@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022;

одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 05.12.2022

The article was submitted 20.09.2022;

approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 05.12.2022

Научная статья

УДК 355.01

doi: 10.17223/1998863X/70/23

КОНЦЕПЦИЯ МИРОВЫХ ВОЙН: ВЫЗОВЫ, СУБСТИТУТЫ, ФОРМАЛЬНЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ, ИЛИ КАК ВОЗМОЖНА МИРОВАЯ ВОЙНА В XXI ВЕКЕ?

Азат Борисович Рахманов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
azrakhmanov@mail.ru*

Аннотация. В социальных науках до сих пор концепция мировых войн разработана в недостаточной мере. Это привело к возникновению расширительных трактовок мировых войн, которые предлагают отнести к ним большие войны Нового времени и войны наших дней, а также стало причиной использования субститутов понятия мировой войны. Для выявления специфики мировых войн необходимо выделить их формальные и реальные критерии. Эти критерии позволяют ответить на вопрос о возможности мировой войны в будущем.

Ключевые слова: наука о войне, мировая война, глобальный капитализм, И. Валлерстайн, А. Тойнби, Дж. Модельски

Для цитирования: Рахманов А.Б. Концепция мировых войн: вызовы, субституты, формальные и реальные критерии, или Как возможна мировая война в XXI веке? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 251–268. doi: 10.17223/1998863X/70/23

Original article

THE CONCEPT OF WORLD WARS: CHALLENGES, SUBSTITUTES, FORMAL AND REAL CRITERIA, OR HOW IS A WORLD WAR POSSIBLE IN THE 21ST CENTURY?

Azat Borisovich Rakhmanov

*Lomonosov Moscow State University, Faculty of sociology, Moscow, Russian Federation,
azrakhmanov@mail.ru*

Abstract. The First and the Second World Wars are among the most important events in the world history of the XX century. They have largely influenced the development of mankind, and modern society is largely formed under their powerful impact. At the same time, the concept of world wars is still insufficiently developed in the social sciences. This has led to a number of challenges to this concept, which propose to expand the scope of the notion of “world war”, including, in particular, the major wars of the New Age and the Cold War. In addition, the view that the totality of the wars of the late 20th and early 21st centuries constitutes the Third World War has become widespread these days. Furthermore, in the social sciences, substitutes for the concept of “world war” are used more and more frequently. These are notions that replace the idea of world wars, partly coinciding with it in scope (“general war” by A. Toynbee, “global war” by G. Modelski, etc.). In order to identify the specifics of world wars, distinguishing them from other major wars, the author proposes to single out their formal and real criteria. As formal criteria for world wars,

the author considers the following factors: 1) the direct participation of the armed forces of most of the leading states of the world, 2) the participation of blocs of states on both sides, 3) the deployment of military operations on the territory of at least two continents and in the World Ocean connecting them, and finally 4) simultaneity of clashes in the main centers of war. Establishing real criteria involves identifying the causes of world wars. The author connects the world wars with monopoly capitalism, which arose at the turn of the 19th and 20th centuries. Monopoly capitalism is moving from a transnational to a global phase, which leads to the transformation of the causes of world wars. From the point of view of the unity of formal and real criteria, we can confidently assert that only the war of 1914–1918 and the war of 1939–1945 really were the world wars. Identification of the evolution of the causes of world wars allows us to discuss the possibility of the Third World War in the 21st century.

Keywords: war studies, world war, transnational capitalism, global capitalism, I. Wallerstein, A. Toynbee, G. Modelski

For citation: Rakhmanov, A.B. (2022) The concept of world wars: challenges, substitutes, formal and real criteria, or How is a world war possible in the 21st century? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 251–268. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/23

Введение

Войны, как и социальные революции, являются важнейшими формами социальной динамики, выступая как необходимое средство снятия созревших имманентных противоречий общественного развития, как неизбежный способ перехода общества от одной стадии развития к другой. Если социальные революции всегда были объектом пристального внимания социальных теоретиков, в частности, в рамках исторической социологии, то войны как социальное явление исследованы намного меньше. Войны изучали главным образом либо представители военной науки, которых интересовало искусство побеждать (Сунь-цзы, Вегеций, Н. Макиавелли), либо историки, которые занимались фактографией (Полибий, Г. Дельбрюк, Б. Лиддел Гарт, Е.И. Разин), либо социологи, которые касались отдельных эмпирических закономерностей (П.А. Сорокин, Н.Н. Головин). В числе немногих примеров подхода к войнам с точки зрения фундаментальной социальной теории следует назвать главы о теории насилия в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса [1] и классический труд американского ученого К. Райта «Исследование войны» [2]. Между тем война как социальное явление требует усилий теоретического обществознания на стыке философии, социологии, политологии, психологии и экономической науки. Актуальность изучения войны несомненна, поскольку в XXI в. человечество продолжает воевать – столь же много, как и ранее, но с помощью более разрушительного оружия.

Для того чтобы развивать науку о войне, необходимо исходить из анализа наиболее зрелых и масштабных случаев этого явления, и такими были, безусловно, Первая и Вторая мировые войны. Вероятно, первыми в истории общественной мысли понятие мировой войны использовали К. Маркс и Ф. Энгельс в статьях в «Новой Рейнской газете» в 1849 г. Мировой войной они называли возможную общеевропейскую войну, выступающую как пролог к мировой революции. Однако, несмотря на столь внушительную историю понятия мировой войны, глубокое теоретическое исследование этого явления в социальных науках до сих пор отсутствует.

Концепция мировых войн и вызовы, вставшие перед ней

Концепция мировых войн плохо разработана в социальных науках, и даже в специальной литературе непросто встретить соответствующую дефиницию (см. например: [3–6]). Многие авторы ограничиваются тем, что предлагают остенсивное определение мировых войн, т.е. определение посредством указания на Первую и Вторую мировые войны. В том случае, когда прямое и явное определение все же дается, оно чаще всего является кратким и весьма широким. Например, американский словарь «Merriam-Webster» определяет мировую войну как «войну, в которую вовлечены все или большинство ведущих наций мира» [7]. Одну из крайне немногих развернутых концепций мировых войн предлагает современная российская «Военная энциклопедия». Это издание определяет мировую войну как «форму разрешения международных противоречий глобального характера и масштаба», при этом ей приписываются следующие черты: 1) «противниками выступают коалиции государств»; 2) «охват значительной части стран мира при непосредственном участии практически всех великих держав»; 3) «решительность политических и экономических целей противоборствующих сторон»; 4) «ведение боевых действий на огромной территории, охватывающей многие театры военных действий на различных континентах и в акваториях Мирового океана»; 5) «масштабность и интенсивность стратегических операций»; 6) «максимальное использование оружия и военной техники большой разрушительной мощи» [8. С. 160]. Нетрудно заметить, что эти характеристики все же являются чрезмерно широкими и неопределенными, и, согласно им, к мировым войнам можно отнести все крупные войны, которые вели наиболее могущественные государства любой эпохи. Специфика мировых войн в определении «Военной энциклопедии» не выявлена. Вполне закономерно, что, хотя для большинства исследователей и для массового общественного сознания понятие мировой войны неразрывно связано с войнами 1914–1918 и 1939–1945 гг., концепция мировых войн в силу своей неразвитости столкнулась с рядом вызовов. Речь идет о попытках увеличить объем понятия мировой войны.

Во-первых, это распространение понятия мировой войны на большие войны XVII–XIX вв. Согласно этому подходу, в число мировых войн должны быть включены Тридцатилетняя война 1618–1648 гг., война за испанское наследство 1701–1714 гг., Семилетняя война 1756–1763 гг., войны революционной и наполеоновской Франции в 1792–1815 гг., а также Крымская война 1853–1856 гг. Сторонники такого подхода полагают, что указанные международные вооруженные конфликты могут быть названы мировыми войнами в силу того, что в них участвовали все или большинство ведущих держав мира и эти войны (за исключением Тридцатилетней войны) разворачивались на территории двух или трех континентов, а также в водах Мирового океана. Вероятно, одним из первых и, несомненно, самым известным адептом подобного подхода был выдающийся британский политик и историк У. Черчилль, который в 1948 г. назвал первой мировой войной Семилетнюю войну [9. С. 7]. При этом Черчилль полагал, что войны 1914–1918 и 1939–1945 гг. были двумя фазами единой мировой войны. Известный американский социолог И. Валлерстайн полагал, что мировые войны – это войны в циклически раз-

вивающейся современной мир-системе между двумя ее наиболее сильными государствами. Валлерстайн полагал, что первой мировой войной была Тридцатилетняя война 1618–1648 гг., второй – войны революционной и наполеоновской Франции в 1792–1815 гг., третьей он считал войну 1914–1945 гг. Американский ученый говорил о «тридцатилетних мировых войнах», которые всякий раз происходили между «морскими» и «сухопутными» державами, причем первые неизменно побеждали (Нидерланды – Испанию, Великобритания – Францию и США – Германию) [10]. Гегемон в предшествующем цикле становился младшим партнером гегемона в текущем цикле (Нидерланды по отношению к Великобритании, Великобритания по отношению к США). Если бы три мировые войны закончились иначе, т.е. победой Испании Габсбургов, наполеоновской Франции или гитлеровской Германии, то европейская мир-экономика была бы преобразована в мир-империю, полагал Валлерстайн. Он считал, что в первой половине XXI в. может начаться четвертая мировая война, что является одной из альтернатив развития мир-системы.

Во-вторых, это подход, который предполагает отнесение начала Второй мировой войны к вооруженным конфликтам 1930-х гг., предшествовавшим 1939 г. В этом случае в качестве ее исходного пункта может служить агрессия Японии против Китая в 1931 г., Итало-эфиопская война 1935–1936 гг., гражданская война в Испании 1936–1939 гг., начало японо-китайской войны 1937–1945 гг. Краткосрочные войны между СССР и Японией в июле–августе 1938 г. у озера Хасан и в мае–сентябре 1939 г. на реке Халхин-Гол в этом случае оказываются частью Второй мировой войны. Англо-американский классик исторической социологии М. Манн полагает, что война 1939–1945 гг. была лишь центральной фазой Второй мировой войны, за начало которой он предлагает принять 1931 г., а завершение – 1949 г., когда китайские коммунисты в ходе гражданской войны победили Гоминьдан и создали КНР [11. Р. 423].

В-третьих, это позиция, которая предполагает, что Третья мировая война уже произошла, и таковой признается совокупность войн эпохи холодной войны, в рамках которой противостояли друг другу, с одной стороны, СССР и другие социалистические страны, с другой – капиталистический Запад во главе с США. Речь идет о таких войнах, как война в Корее в 1950–1953, война во Вьетнаме 1964–1975, арабо-израильские войны 1967 и 1973 гг., война в Афганистане 1979–1989 гг. и т.д. Так полагал, например, американский исследователь М. Маршалл, который считал, что Третья мировая война шла с 1946 по 1990 г. и в ней погибли 56 млн человек [5. Р. 3]. Он считал, что ее главной особенностью было то, что основные акторы, т.е. США и СССР, чаще всего в полной мере не участвовали в ней.

В-четвертых, это подход, согласно которому Третья мировая война началась в конце XX или в начале XXI в. и продолжается по сей день. Ее исходным пунктом можно считать войну в Персидском заливе 1990–1991 гг. между международной коалицией во главе с США и Ираком, или войну НАТО против Югославии в 1999 г., или террористический акт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. и последующую так называемую войну с террором, которая, в частности, включала в себя ввод войск США в Афганистан, или войну США и их союзников против Ирака в 2003 г. В этом случае война против Ливии в

2011 г. и начавшаяся в том же году война в Сирии рассматриваются как эпизоды этой войны. Немецкий ученый Л. Кюнхардт называет Третьей мировой войной совокупность международных и гражданских, а также актов терроризма, произошедших в мире после 1990 г. Кюнхардт указывает на то, что в результате этой войны в 1990–2016 гг. на планете погибли примерно 10,5 млн человек. Третья мировая война, подобно Тридцатилетней войне, представляет собой чередование фаз обострения и затиший, и она не закончена [12. Р. 13–16]. Данные вызовы, безусловно, требуют надлежащего ответа.

Субституты понятия мировой войны

Использование понятия мировой войны осложняется и запутывается в связи с тем, что в социальных науках нередко используются понятия, которые замещают его, при этом лишь отчасти совпадая с ним по объему. Назовем такие понятия субститутами. В определенной мере это характерно для концепции И. Валлерстайна, который называл выделенные им мировые войны одновременно и «войнами за гегемонию в мир-системе».

В чистом виде субститут понятия мировой войны заключен в концепции выдающегося британского философа истории А. Тойнби, который в 9-м томе своего грандиозного 12-томного труда «Исследование истории» рассмотрел закономерности войны и мира, характерные для современной западной системы международных отношений, возникшей в конце XV в. [13. Р. 236–237]. Развитие этой системы было цикличным – сначала последовал вводный цикл («увертюра»), а потом четыре регулярных цикла. Каждый из пяти циклов включал в себя всеобщую войну (universal war), передышку, дополнительную войну и всеобщий мир, а второй и четвертый регулярные циклы, кроме того, – еще и предварительную войну (табл. 1). Всеобщая война Тойнби, очевидно, выступает субститутым понятия мировой войны.

Таблица 1. Циклы войны и мира в современной и постсовременной истории Запада по А. Тойнби [13. Р. 255]

Фаза	Увертюра	Первый регулярный цикл	Второй регулярный цикл	Третий регулярный цикл	Четвертый регулярный цикл
I. Предварительные войны	–	–	1667–1668 гг.	–	1911–1912 гг.
II. Всеобщие войны	1494–1525 гг.	1568–1609 гг.	1672–1713 гг.	1792–1815 гг.	1914–1918 гг.
III. Передышка	1525–1536 гг.	1609–1618 гг.	1713–1733 гг.	1815–1848 гг.	1918–1939 гг.
IV. Дополнительные войны	1536–1559 гг.	1618–1648 гг.	1733–1763 гг.	1848–1871 гг.	1939–1945 гг.
V. Всеобщий мир	1559–1569 гг.	1648–1672 гг.	1763–1792 гг.	1871–1914 гг.	1945–

К всеобщим войнам Тойнби относит первый период Итальянских войн (1494–1525 гг.), войну за независимость Нидерландов (1568–1609 гг.), войны Людовика XIV (1672–1713 гг.), войны революционной и наполеоновской Франции и, наконец, Первую мировую войну. Вторая мировая война оказывается у него дополнительной войной четвертого регулярного цикла. Тойнби вслед за Черчиллем, объединяет Первую и Вторую мировые войны в единую войну, назвав ее «двойной германо-западной войной 1914–1918 и 1939–1945 годов» [13. Р. 236]. Тойнби выделял всеобщие войны и внутри циклов войны и мира в Античности [13. Р. 270].

Американский политолог Р. Гилпин использовал понятие войны за гегемонию (*gegemonic war*), под которым он понимал средство разрешения противоречия между структурой международной системы и перераспределением сил в ней [14. Р. 197]. Это понятие он возводил к Фукидиду. Война за гегемонию характеризуется тремя признаками: 1) возникает контекст противостояния между господствующей державой (державами) и ее (их) соперниками, в который вовлекаются все основные и большинство второстепенных стран; 2) в случае победы происходит коренная политическая, социальная и идеологическая трансформация международной системы вплоть до тотального уничтожения побежденной стороны; 3) используются неограниченные средства самого разного рода, в силу чего такие войны отличаются интенсивностью, длительностью и масштабностью, это мировые войны. К войнам за гегемонию Гилпин отнес Пелопонесскую войну между Афинами и Спартой, Вторую Пуническую войну между Римом и Карфагеном, Тридцатилетнюю войну, войны Людовика XIV в 1667–1713 гг., революционные и наполеоновские войны, Первую и Вторую мировые войны [14. Р. 199–200]. Понятие войны за гегемонию применял и американский ученый Д. Гольдстайн. Он полагал, что с 1495 г. в мире существует система великих держав, которая в своем развитии прошла три цикла, и каждый из них завершался войной за гегемонию. Выделенные Гольдстайном войны за гегемонию совпадают с мировыми войнами Валлерстайна [15. Р. 16]. Гольдстайн прогнозировал рост угрозы войн в период 2000–2030 гг.

Американский ученый Дж. Икенберри оперировал понятием больших войн (*major wars*), к которым он отнес вооруженные конфликты, определяющие последующий мировой порядок. Он выделил пять больших войн – Тридцатилетнюю войну, войну за испанское наследство, войны революционной и наполеоновской Франции, а также Первую и Вторую мировые войны [16].

Американский исследователь Д. Модельски, который разработал концепцию глобальной политической системы, опираясь на структурный функционализм Т. Парсонса, использовал понятие глобальной войны [17]. Согласно Модельски, начиная с 1494 г. в мире существует глобальная политическая система, образованная взаимодействием в первую очередь глобальных держав (наиболее могущественных государств мира, преследующих политические цели в рамках всей планеты, военно-морская мощь которой составляет не менее 10% от уровня мировой) и мировой державы (самой мощной из глобальных держав, военно-морская мощь – 50% от мировой). Глобальная политическая система изначально была образована четырьмя глобальными державами – Португалией, Испанией, Англией и Францией, в начале XX в. ее составляли шесть глобальных держав – Великобритания, Франция, Германия, Россия, США и Япония, после 1945 г. только две – США и СССР.

Глобальная политическая система развивается циклически, и за пять веков своего существования она пережила четыре цикла, вступив во второй половине XX в. в пятый цикл. Каждый цикл начинался с фазы глобальной войны (актуализация функции целедостижения), далее следовали фазы мировой державы (адаптация), делегитимации (поддержание образца) и деконцентрации (интеграция). На фазе глобальной войны выявляется наиболее силь-

ное государство глобальной системы, на фазе мировой державы это государство безраздельно доминирует в мировой политике, на фазе делегитимации происходит ослабление ее власти, на фазе деконцентрации появляется соперник – государство, претендующее на то, чтобы стать мировой державой в новом цикле. Но соперники никогда не становились новыми мировыми державами. В качестве мировых держав, т.е. победителей в глобальных войнах, последовательно выступали Португалия, Нидерланды, Великобритания (дважды) и США (табл. 2).

Таблица 2. Циклы глобальной политической системы и глобальные войны по Д. Модельски [17. Р. 40]

Цикл	Фаза циклов				Соперник
	Глобальная война	Мировая держава	Делегитимация	Деконцентрация	
Португальский	Итальянские войны и войны в Индийском океане 1494–1516 гг.	1516–1539 гг.	1540–1560 гг.	1560–1580 гг.	Испания
Нидерландский	Испанско-нидерландская война 1580–1609 гг.	1609–1639 гг.	1640–1660 гг.	1660–1688 гг.	Франция
I британский	Войны Людовика XIV 1688–1713 гг.	1714–1739 гг.	1740–1763	1764–1792 гг.	Франция
II британский	Войны революционной и наполеоновской Франции 1792–1815 гг.	1815–1849 гг.	1850–1873 гг.	1874–1914 гг.	Германия
Американский	I и II Мировые войны 1914–1945 гг.	1945–1973	1973–2000 гг.	2000–2030 гг.	СССР

Американский политолог Д. Леви, исследовавший войны в мировой системе с 1495 по 1975 г., использовал понятие всеобщей войны (general war), понимая под ней войну между всеми или большинством великих держав. В число великих держав, на его взгляд, входили: Франция и Англия/Великобритания – в 1495–1975 гг., Австрия – в 1495–1519 и 1556–1918 гг., Испания – 1495–1519 и 1556–1808, Османская империя – в 1495–1699, Нидерланды – в 1609–1713 гг., Швеция – в 1617–1721 гг., Россия/СССР – в 1721–1975 гг., Пруссия/Германия – в 1740–1975 гг., Италия – в 1861–1943 гг., США – в 1898–1975 гг., Япония – в 1905–1945 гг., Китай – в 1949–1975 гг. К всеобщим войнам он отнес Тридцатилетнюю войну (участвовали шесть из семи великих держав), голландские войны Людовика XIV (6/7), войны Аугсбургской лиги 1688–1697 гг. (5/7), войну за испанское наследство (5/6), войну за австрийское наследство 1739–1748 гг. (6/6), Семилетнюю войну (6/6), войны революционной и наполеоновской Франции (6/6), Первую (8/8) и Вторую (7/7) мировые войны [18. Р. 75].

Использование субститутов понятия мировой войны, безусловно, является следствием отсутствия разработанной концепции мировых войн.

Формальные критерии мировых войн

Для того что выявить специфику такого социального явления, как мировая война, отличив его от субститутов, необходимо ответить на вопрос о его ключевых характеристиках. Характеристики в аспекте решения задачи

выделения явления в ряду близких ему явлений выступают как критерии. При этом следует различить формальные и реальные критерии мировых войн. Формальные критерии предполагают вычленение несущественных, поверхностных характеристик, пусть даже и они являются уникальными, т.е. присущими только этому явлению. Реальные критерии предполагают вычленение его существенных характеристик, т.е. образующих сущность предмета.

Примером выделения формальных характеристик служит определение человека, данное Платоном. Согласно Диогену Лаэртскому, Платон определил человека как двуногое животное без перьев. Античный философский анекдот гласит, что Диоген Синопский принес главе Академии ощипанного петуха и заявил, что так выглядит человек Платона. После этого Платон в свое определение человека включил еще один признак – наличие широких ногтей [19. С. 246]. Платоновские характеристики – быть одновременно двуногим, без перьев и с плоскими ногтями – позволяют безошибочно выделить человека среди других живых существ, но при этом не затрагивают его существенных характеристики. Дефиниция человека как «животного, производящего орудия труда», данная Б. Франклином, несмотря на то что она отдает робинзонадой, определение сущности человека как «совокупности общественных отношений», введенное К. Марксом в «Тезисах о Фейербахе», несмотря на социологизаторскую ограниченность, указывают именно на существенные характеристики человека. Мышление, воспроизводящее только поверхность постигаемого предмета, овладевает им только формально, мышление, воспроизводящее сущность предмета, овладевает им реально. Подобным же образом следует различать формальные и реальные критерии мировых войн. Попытаемся выделить вначале формальные критерии на основе анализа двух бесспорных случаев – Первой и Второй мировых войн.

Формальными критериями мировой войны являются: 1) прямое участие с самого начала войны (с первого месяца) вооруженных сил большинства ведущих государств мира; 2) участие с обеих сторон не просто ведущих государств, а блоков ведущих государств; 3) развертывание военных действий на территории не менее чем двух континентов и в акваториях Мирового океана; 4) одновременность боевых действий в основных очагах войны. Если некоей войне присущи все четыре характеристики, то она является мировой. Третий и четвертый критерии очевидны, первый нуждается в пояснении, которое сделает ясным и второй критерий.

О том, составляют ли участвующие в войне государства большинство ведущих стран мира, мы можем судить по совокупному валовому внутреннему продукту (ВВП) основных воюющих стран. ВВП говорит об экономической мощи страны и косвенно – о ее военно-политической мощи. Ведущая страна мира обладает значительным объемом экономики и большой численностью вооруженных сил. При этом ее производительные силы и вооруженные силы могут быть отсталыми, как это было в случае Китая в эпоху Первой и Второй опиумных войн. Подсчитаем совокупный ВВП основных участников крупных войн последних веков, включая Первую и Вторую мировые войны (табл. 3).

Таблица 3. Доля совокупного ВВП основных участников войн Нового и Новейшего времени от мирового ВВП¹

Война	Основные участники	Доля от мирового ВВП, %
Тридцатилетняя война 1618–1648 гг.	Западная, Восточная Европа и Россия ²	26,15 ³
Война за испанское наследство 1701–1714 гг.	Западная Европа, колонии в Северной Америке (будущие США и Канада)	22,68 ⁴
Семилетняя война 1756–1763 гг.	Западная Европа, Восточная Европа, будущие США и Канада, Россия (будущий СССР)	32,10 ⁵
Войны революционной и наполеоновской Франции 1792–1815 гг.	Вся Западная и Восточная Европа, Россия	32,34 ⁶
Крымская война 1853–1856 гг.	Великобритания, Франция, Россия ⁷ , Италия, Турция ⁸	28,56 ⁹
Вторая опиумная война 1856–1860 гг.	Великобритания, Франция, США, Китай	41,80 ¹⁰
Первая мировая война (на 1.09.1914)	Великобритания, Франция, Бельгия, Россия, Германия, Австрия, Восточная Европа, Япония	40,22 ¹¹
Первая мировая война (на 11.11.1918)	Те же, Турция ¹² , Италия, США	63,86 ¹³
Вторая мировая война (на 1.10.1939) ¹⁴	Великобритания, Франция, СССР, Германия (с Австрией), страны Восточной Европы, Япония, Китай	44,94 ¹⁵
Вторая мировая война (на 9.05.1945) ¹⁶	Те же, Италия, США	71,70 ¹⁷

Совокупный ВВП ведущих государств, участвующих в мировой войне, как показывает опыт Первой и Второй мировых войн, должен быть не менее 40% от уровня мирового ВВП. Это означает, что если в войне участвуют государства с совокупным ВВП свыше 40%, мы можем говорить об участии большинства или всех ведущих государств мира.

Среди всех представленных в табл. 3 войн только Вторая опиумная война по совокупному ВВП сопоставима с Первой мировой войной на момент ее начала. Но, используя второй и третий критерии, мы отбрасываем Вторую опиумную войну, поскольку цинский Китай не состоял в союзе с какой-либо из ведущих стран мира и боевые действия велись только на китайской территории и в прибрежных водах.

¹ Подсчитано по: [20. Р. 214, 261, 590].

² У Мэддисона речь идет о «бывшем СССР».

³ Данные за 1600 г.

⁴ Данные за 1700 г.

⁵ Средняя величина от данных о ВВП за 1700 и 1820 гг.

⁶ Данные за 1820 г.

⁷ У Мэддисона речь идет о «бывшем СССР».

⁸ Данные по Западной Азии, с которой, за вычетом Ирана, в основном совпадала Османская империя в рассматриваемый период.

⁹ Данные за 1870 г.

¹⁰ Данные за 1870 г.

¹¹ Данные за 1913 г.

¹² Данные по Западной Азии.

¹³ Данные за 1913 г.

¹⁴ Подсчитано по: [21. С. 509–510].

¹⁵ Данные за 1938 г.

¹⁶ Подсчитано по: [21. С. 509–510].

¹⁷ Данные за 1938 г.

Начало Японо-китайской войны 1937–1945 гг. не может рассматриваться как исходный пункт Второй мировой войны, ибо, во-первых, в ней участвовали только два из числа ведущих государств мира, а не блоки этих государств, во-вторых, она велась только на территории Китая и в прилегающей акватории. В Итало-эфиопской войне 1935–1936 гг. участвовало только одно из числа ведущих государств – Италия. В Гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. в ограниченном масштабе участвовали Германия, Италия и СССР, но боевые действия происходили на территории только одной страны. Вторая мировая война стала мировой в сентябре 1939 г., поскольку вспыхнувшая европейская война, в которой сошлись в противостоянии Германия, Польша, Великобритания, Франция и СССР, дополнила идущую с 1937 г. Японо-китайскую войну. При этом европейский очаг войны в силу характеристик участников стал более важным, чем восточноазиатский. Все войны 1930-х гг., предшествовавшие сентябрю 1939 г., следует считать не частью Второй мировой войны, а прологом к ней, подобно тому как Итало-турецкую войну 1911–1912 гг., Первую Балканскую войну 1912–1913 гг. и Вторую Балканскую войну 1913 г. необходимо рассматривать как пролог к Первой мировой войне, а не как ее составные части. Точнее говоря, та фаза Японо-китайской войны 1937–1945 гг., которая предшествовала сентябрю 1939 г., выступала как пролог ко Второй мировой войне, а фазу, которая протекала с сентября 1939 г. по сентябрь 1945 г., надлежит рассматривать как часть Второй мировой войны. Войны, выступавшие в качестве прологов к мировым войнам, были направлены на снятие локальных противоречий международных отношений, что создавало предпосылки для обострения фундаментальных противоречий, которые преодолевались уже с помощью мировых войн.

Холодная война в целом соответствует первому, второму и третьему формальным критериям, но не отвечает четвертому. Отдельные войны этого периода, например война в Корее 1950–1953 гг. или война во Вьетнаме 1964–1975 гг., не удовлетворяют третьему критерию.

Войны конца XX и начала XXI в. – против Ирака в 1991 и в 2003 гг., против Югославии в 1999 г., против Ливии в 2007 г. – не могут рассматриваться как Третья мировая война, поскольку они не соответствуют всем формальным критериям, кроме первого. Согласно «Военной энциклопедии», в Первой мировой войне участвовали 39 государств и она разворачивалась одновременно на территории в 4 млн км², во Второй – 61 государство, и она охватывала 22 млн км² [5. Р. 160]. Исходя из того что мировые войны – развивающееся явление, а глобализация, несмотря на все современные противоречия, перерывы и колебания, прогрессирует, в гипотетической Третьей мировой войне должны были бы принять участие не менее 80–100 государств, и она должна была идти на территории не менее 30–40 млн км². В случае Первой мировой войны существовал один основной театр военных действий – Европа / Атлантический океан, сражения в Азии и в африканских колониях имели второстепенное значение. В случае Второй мировой одновременно использовались уже два основных театра военных действий – Европа / Атлантический океан и Восточная и Юго-Восточная Азия / Тихий океан, тогда как североафриканский театр имел второстепенное значение. В случае гипотетической Третьей мировой войны бои должны были бы охватывать одновременно как минимум три основных театра боевых действий и три океана.

Скорее всего, в этом случае произошло бы слияние не менее трех континентов и трех океанов в единый супертеатр боевых действий. Но этого нельзя сказать о холодной войне и о войнах конца XX и начала XXI в., что позволяет уверенно отклонить их рассмотрение как эпизодов якобы идущей Третьей мировой войны.

Уникальной является война, начавшаяся в Сирии в 2011 г. Сложность этого случая заключается в том, что здесь дано прямое военное противостояние не между двумя сторонами, а, по меньшей мере, между четырьмя: 1) властями Сирии в союзе с Россией и Ираном; 2) Западом во главе с США и их сирийской клиентелой, включая суннитов и курдов; 3) Турцией; 4) так называемым Исламским государством Ирака и Леванта (ИГИЛ; запрещено в России). Сирийские власти в союзе с Россией и Ираном воевали против суннитских мятежников и против ИГИЛ, Запад воевал против ИГИЛ, Турция воевала против курдов, ИГИЛ воевало со всеми. Само по себе участие большого количества государств не делает войну мировой, иначе подавление восстания ихэтуаней в Китае в 1899–1901 гг., в котором участвовали войска восьми ведущих стран мира (Великобритании, Германии, России, Франции, Японии, США, Австро-Венгрии и Италии), следовало бы назвать мировой войной. Кстати, у ИГИЛ и ихэтуаней было много схожих черт – в обоих случаях речь шла о противостоянии сил, отстаивающих докапиталистические порядки против расширяющейся мировой капиталистической системы, против капиталистической цивилизации. Ихэтуани и ИГИЛ не имели на своей стороне ведущих стран мира, не говоря уже о блоках таких стран, что противоречит второму критерию, с ними воевали на ограниченной территории, что противоречит третьему критерию, поэтому речь не может идти о том, чтобы эти войны рассматривать как мировые.

Фазы монополистического капитализма, реальные критерии мировых войн и возможность мировой войны в XXI в.

Для выявления реальных критериев мировых войн необходимо ответить на вопрос о причинах Первой и Второй мировых войн. Это требует рассмотрения стадий развития капитализма и в частности пересмотра концепции империализма, разрабатывавшейся в начале XX в. Р. Гильфердингом, К. Каутским и В.И. Лениным.

К концу XIX в. в основных странах Западной Европы (Великобритания, Германия, Франция, Бельгия, Нидерланды, австрийская часть Австро-Венгрии) и в США победила промышленная революция. В Японии, Италии, Испании и в Российской империи она только разворачивалась. В экономике индустриально-капиталистических обществ с необходимостью складывается господство монополий, и на рубеже XIX–XX вв. произошел переход к стадии монополистического капитализма, которая не очень удачно была названа стадией империализма¹. Такое общество располагает колоссальной мощью производительных сил, которые требуют выхода за пределы формы нацио-

¹ Некорректность использования в данном случае термина «империализм» обусловлена тем, что, во-первых, возникает необходимость пояснять отличия от различных империй – Римской, Османской, Российской, Британской и т.д., во-вторых, тем, что в начале XX в. монополистический капитализм предполагал существование колониальных империй, тогда как современный монополистический капитализм исключает их.

нального капитализма. В результате колониальная система, которая возникла в Новое время, претерпела трансформацию – колонии и полукolonии стали нужны не как территория для расселения колонистов и источник колониальных товаров (чем были, в частности, в XIX в. для Британской империи Канада, Австралия, Индия и Китай), а в первую очередь как сырьевая база для промышленности, рынок сбыта индустриальной продукции и территория для вывода промышленных производств. Монополистический капитализм в своем возникновении с необходимостью принимает транснациональную форму, которая предполагает гарантированный контроль капиталистической метрополии над определенной колониально-полукolonиальной зоной, а также над зависимыми государствами.

В начале XX в. ряд транснационально-монополистических держав (Великобритания, Франция, Россия, Бельгия, Нидерланды и др.) обладал обширной колониально-полукolonиально-зависимой периферией – весь мир был поделен, и свободных, т.е. не подчиненных капиталистическим метрополиям, территорий практически уже не оставалось. В отличие от этого Германия, США и Япония обладали скромными колониальными владениями. Но у США это компенсировалось тем, что они, во-первых, обладали колоссальной территорией с огромными природными богатствами, быстро растущим населением и, следовательно, быстро растущим рынком, во-вторых, располагали (совместно с Великобританией) в Латинской Америке системой зависимых государств, а Япония была недостаточно сильна для того, чтобы бросить вызов ведущим колониальным державам. Это и привело к тому, что стремление Германии расширить свою колониально-полукolonиально-зависимую периферию, стать одной из ведущих держав транснационально-монополистического капитализма, возможно, первой среди них, что можно было сделать только за счет Британской, Французской и Российской империй, стало основной причиной Первой мировой войны. Немецкий исследователь творчества Макса Вебера В. Моммзен приводит слова своего героя, оправдывающие вступление Германии в Первую мировую войну и предлагающие идеологическое «обоснование» экспроприации трех колониальных империй: «Вечным позором явилось бы для нас, если мы не имели бы мужества побеспокоиться о том, чтобы в мире не господствовали ни русское варварство, с одной стороны, ни английское однообразие – с другой, ни французское пустозвонство – с третьей. Ради этого ведется эта война» [22. S. 225]. Иные причины (реванш Франции в Эльзасе и Лотарингии, борьба Австро-Венгрии против Сербии, планы захвата Россией Восточной Пруссии, немецкой и австрийской Польши, Константинополя и проливов и т.д.) имели второстепенное значение.

Дальнейшее развитие производительных сил монополистического капитализма в наиболее развитых странах приводит к тому, что транснациональная форма превращается в прокрустово ложе для этих сил. Первыми такого уровня производительных сил достигают США к 1920 г., и, на мой взгляд, этот уровень предвиден еще К. Марксом в «Экономических рукописях 1857–1858 годов». В этой работе Маркс писал об «автоматической системе машин» как о перспективе развития капиталистического производства, подразумевая под этим трансформацию крупных промышленных предприятий в целостные механизированные комплексы, приводимые в движение одним источником энергии. Это к 1920 г. произошло в США благодаря переходу от пара к элек-

тричеству как основному источнику энергии на промышленных предприятиях, благодаря чему утвердилось господство конвейерного производства. Одновременно в сельском хозяйстве этой страны началось массовое использование тракторов и комбайнов с двигателями внутреннего сгорания. В этом США намного опередили другие развитые страны. Если использовать душевой ВВП как показатель экономико-технологического развития, то уровень США 1920 г. Великобритания достигла в 1934 г., Германия – в 1941 г., Франция – в 1951 г., Италия – в 1959 г., Япония – в 1964 г., СССР – в 1970 г. [20. Р. 440–441, 466, 560]. О возникшем уже в начале 1920-х гг. импульсе США к переходу за пределы транснационального капитализма, на мой взгляд, свидетельствовал Вашингтонский военно-морской договор, заключенный между США, Великобританией, Японией, Францией и Италией в 1922 г. Согласно этому договору, соотношение пределов совокупного водоизмещения флотов основных военных кораблей (линкоров и линейных крейсеров) этих стран выглядело как 5 : 5 : 3 : 1,75 : 1,75; флотов авианосцев – как 2,25 : 2,25 : 1,35 : 1 : 1. Примечательно, что США обладали незначительными колониями и не собирались их расширять, но намеревались иметь военный флот не меньше, чем Великобритания – ведущая колониальная держава мира.

Благодаря подъему производительных сил на указанный уровень у монополистического капитала самых развитых стран формируется необходимость (и возможность) оперировать во всемирном масштабе, потребность в контроле над всем миром, чему препятствовало разделение мира на колониальные империи с монопольным доступом капитала только одной метрополии. Это и обуславливает переход монополистического капитализма от транснациональной к глобальной форме, что потребовало демонтажа колониальной системы, который произошел в основном к 1965 г. Таким образом, закат колониализма в 1945–1965 гг. был не проявлением апокалиптически и эсхатологически понимаемого «общего кризиса капитализма», не поражением мирового капитализма – такая догма и по сию пору господствует в левой/марксистской/антиимпериалистической литературе, – а кризисом транснациональной формы монополистического капитализма и необходимой предпосылкой перехода к его глобальной форме. Марксисты всего мира перепутали очередную метаморфозу капитализма с его упадком. С этой точки зрения антиколониальная, национально-освободительная борьба народов Азии и Африки была лишь одной – и скорее всего, второстепенной – причиной конца колониализма. Именно в 1960-е гг. с массовым возникновением транснациональных компаний¹, которые действовали уже не в рамках колониальных империй, а в масштабах всего мира, и начался тот процесс, который в 1990-е гг. будет назван глобализацией. Главными бенефициариями демонтажа колониализма были в первую очередь наиболее развитые капиталистические страны, тогда как элиты и народы бывших колониальных стран – лишь во вторую очередь. Таким образом, на мой взгляд, стадию монополистического капитализма следует подразделить на две субстадии (фазы): 1) транснациональную (1900–1965 гг.) и 2) глобальную (1965–).

Сказанное выше помогает понять причины Второй мировой войны, и они во многом были не тождественными причинам Первой мировой.

¹ Транснациональные компании точнее было бы называть глобальными.

К 1939 г. монополистическому капиталу США, Великобритании и Германии был присущ импульс перехода от транснационального к глобальному капитализму, хотя и в разной степени. Но в США этот импульс сдерживался огромными ресурсами страны, о которых было сказано выше, что и обусловило борьбу изоляционистов и экспансионистов, которая шла в этой стране вплоть до 1941 г.; в Великобритании – тем, что эта страна обладала самой большой колониальной империей в мире и совокупностью зависимых государств; Германия же была обделена ресурсами и не обладала колониями. В силу этого инициатором Второй мировой войны стала фашистская Германия. Она начала войну для того, чтобы стать главным центром глобального монополистического капитализма, для чего необходимо было, во-первых, сокрушить колониальные империи Великобритании и Франции, интегрировав сами эти страны в систему глобального капитализма в качестве субцентров; во-вторых, помешать США стать центром глобального капитализма, отведя им роль лишь субцентра; в-третьих, сокрушить СССР как социалистическую страну и, следовательно, как предел мирового капитализма. Противостояние Германии и США в рамках Второй мировой войны было борьбой за возможность стать главным центром глобального капитализма. Речь шла о борьбе между фашистским и демократическим вариантом перехода к глобальному капитализму, между чрезвычайно насильственно-кровавым и депотическим путем и путем, который предполагал несколько меньший уровень насилия и несколько больший уровень согласования интересов. В рассуждениях Валлерстайна о конфликте между США и Германией как основном содержании войны 1939–1945 гг. есть, безусловно, весомое рациональное зерно, но он недооценивал значение противостояния СССР и Германии. СССР воевал ради своего выживания в качестве страны социализма и, как известно, сыграл решающую роль в разгроме германского фашизма. Великобритания и Франция во Второй мировой войне защищали свои колониальные империи, кроме того, Великобритания стремилась помешать Германии стать главным центром глобального капитализма. Япония и Италия, серьезно уступая по уровню развития США, Великобритании и Германии, воевали для того, чтобы расширить свою колониально-полуколониальную периферию – можно сказать, что внутри Второй мировой войны они вели свою Первую мировую войну. В связи с этим подход Черчилля, Валлерстайна и Модельски, увидевших в Первой и Второй мировых войнах единую войну, был верен для случая Японии и Италии, тогда как для США, Германии и Великобритании и, конечно, СССР как геополитическом преемнике Российской империи – совершенно нет. Кстати, различие в уровне развития капитализма в Великобритании и Франции обусловило и различие подходов этих стран к демонтажу колониализма – первая относительно легко рассталась со своей колониальной империей, тогда как вторая, сопротивляясь неизбежному, вела колониальные войны в Индокитае и Алжире.

После 1965 г. на планете преобладает глобальный монополистический капитализм. О позиции страны в мировой экономике свидетельствует объем ее экономики, который мы можем измерить в долях от мирового ВВП, а также уровень экономического развития, о котором мы судим по душевому ВВП. Первым главным центром глобального капитализма ныне являются США (в 2021 г. – 15,67% от мирового ВВП [23] при душевом ВВП по па-

ритету покупательной способности валют (ППС), равном \$69288 [24]), вторым главным центром – Евросоюз (14,75%, \$48436), субцентрами – Япония (3,68%, \$42940), Индия (6,96%, \$7334) и Бразилия (2,34%, \$16056). Формируются новые субцентры, например в треугольнике Индонезия–Таиланд–Филиппины. Глобальный капитализм сложился как единый субъект-объект, между центрами и субцентрами которого военные конфликты уже невозможны. После распада в силу имманентных внутренних противоречий СССР в 1991 г. бывшие составные части вошли в мировую капиталистическую систему. Россия стала одним из субцентров глобального капитализма, но самым автономным из них. Россия занимает скромные позиции в мировой экономике – ВВП по ППС России в 2021 г. составил лишь 3,26% от мирового при душевом ВВП по ППС, равном \$32803, но благодаря наследию СССР она является военной державой высшего ранга наряду с США и Китаем.

В конце XX и начале XXI в. США и их союзники провели серию войн с целью подчинения небольших стран (Ирак, Югославия, Ливия, Сирия), которые, балансируя в период холодной войны между Западом и СССР, сохраняли свой суверенитет. Всюду, кроме Сирии, эти войны закончились успехом Запада. Глобальный капитализм во главе с США и их союзниками стремился «оптимизировать» мир под себя.

Однако так называемый однополярный мир просуществовал недолго. Во втором десятилетии XXI в. складывается новый мировой центр – социалистический Китай. Эта страна по объему экономики опередила США и Евросоюз несколько лет назад, и в 2021 г. ВВП Китая по ППС был равен 18,61% от мирового), но по уровню развития еще серьезно уступает им (душевой ВВП по ППС – \$19338), а также стремится догнать Запад в военной области. Противоречия между глобальным капитализмом и Китаем растут, будучи комплексными и непреодолимыми. Иран, Венесуэла, Сирия и ряд других стран мира отстаивают свой суверенитет в тени мощных Китая и России.

Вышесказанное позволяет определить реальные критерии мировых войн. Мировые войны представляют собой историческое, т.е. развивающееся явление. Они, возникнув как следствие индустриально-монополистического капитализма, развиваются в пространстве трех измерений: 1) характера участников; 2) целей войны; 3) масштаба. Первая мировая война была конфликтом между ведущими капиталистическими державами за оптимальное перераспределение колониально-полуколониально-зависимой периферии, и ареной интенсивных боевых действий являлась только Европа, тогда как сражения в Азии и Африке, а также в Мировом океане были незначительными. Вторая мировая война стала конфликтом между ведущими капиталистическими странами за господство в мире, за переход к глобальному капитализму и – в еще большей степени – конфликтом между социалистической державой и наиболее агрессивным капиталистическим государством, причем интенсивные боевые действия велись в Европе, Азии, Африке, в Атлантическом и Тихом океанах. Следовательно, с учетом того, что глобальный капитализм стал единым субъектом, Третья мировая война могла бы быть только войной между глобальным капитализмом и могущественной социалистической державой за всемирное господство, причем военные действия должны были бы вестись

уже на территории большей части планеты. Такой социалистической державой, разумеется, может быть только Китай, который на наших глазах уже превратился в державу глобального масштаба и скоро будет способен, не подрывая своих сил, подобно СССР в эпоху холодной войны, противостоять Западу и всему миру одновременно. В гипотетическую войну Западу и Китаю вовлеклась бы довольно скоро большая часть государств планеты, включая, скорее всего, и Россию.

Сказанное позволяет со всей определенностью исключить крупные войны, происходившие до начала XX в., из числа мировых. Холодная война также не была мировой войной, поскольку СССР был слишком слаб в экономическом и демографическом отношении для того, чтобы вести войну с глобальным капитализмом во всем мире. В 1980 г. ВВП СССР составлял всего 11,71% от мирового, его союзники были незначительны и ненадежны, тогда как совокупный ВВП США, Западной Европы и Японии был равен 52,61% от мирового ВВП, при этом среднедушевой ВВП СССР был 48,24% от уровня США [21. С. 509–512]. Холодную войну в лучшем случае следует рассматривать как подготовку к Третьей мировой войне, и в ходе этой подготовки СССР подорвал свои силы и прекратил существование. Мы должны исключить и рассмотрение локальных войн конца XX и начала XXI в. как эпизодов якобы идущей Третьей мировой войны.

Заключение

Выделение формальных и реальных критериев мировых войн позволяет должным образом ответить на вызовы, вставшие перед концепцией мировых войн, и решительно утверждать, что человечество знало только две мировые войны – Первую (1914–1918 гг.) и Вторую (1939–1945 гг.). Все иные крупные войны прошлого (до XX в.), холодная война, а также войны конца XX и начала XXI в. не могут быть причислены к разряду мировых, поскольку они не отвечают формальным и реальным критериям мировых войн. Эти критерии следует брать в единстве.

Гипотетическая Третья мировая война в будущем не исключена, но все же это крайне маловероятная перспектива. Возможную войну Западу против Китая и России сдерживает наличие у всех потенциальных участников ядерного оружия, применение которого является смертельно опасным для всех сторон. Масштабное применение ядерного оружия даже лишь одной из сторон конфликта нанесет непоправимый ущерб планете и полностью обесмыслит победу. В силу этого едва ли возможны войны между странами, которые обладают ядерным оружием, в том числе войны, например, между Индией и Пакистаном, Индией и Китаем.

Угроза Третьей мировой войны может стать реальной только в том случае, если будет создано оружие, которое девальвировало бы ядерный потенциал противника. Но едва ли США и их союзники смогут достичь такого принципиального перевеса в военной сфере. Россия и Китай обладают научно-технологическим потенциалом, достаточным для того, чтобы разрабатывать самые современные типы вооружений и защитить себя и своих союзников. В связи с этим будем надеяться, что противоречия внутри глобального общества будут решаться мирным способом и человечество никогда не увидит Третью мировую войну.

Список источников

1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 20.
2. Wright Q. A Study of War. Chicago : The University of Chicago Press, 1942. Vol. 1, 2.
3. Axelrod A. Encyclopedia of World War II. New York : Facts On File, 2007.
4. Encyclopedia of Military Science. Los Angeles : SAGE Publications, 2013. Vol. 1–4.
5. Marshall M.G. Third World War. System, Process, and Conflict Dynamics. New York : Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1999.
6. The Origin and Prevention of Major Wars / ed. by R.I. Rotberg and T.K. Rabb. Cambridge : Cambridge University Press, 1989.
7. Definition of world war. Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/world%20war> (accessed: 2.07.2022).
8. Военная энциклопедия : в 8 т. М. : Воен. изд-во, 2001. Т. 5.
9. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1 : Надвигающаяся буря. М. : Терра, 1997.
10. Wallerstein I. The Modern World-System. I–IV. Berkely : University of California Press, 2011.
11. Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 3: Global Empires and Revolution, 1890–1945. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
12. Kühnhardt L. The Global Society and Its Enemies. Liberal Order Beyond the Third World War. Cham : Springer International Publishing, 2017.
13. Toynbee A. A Study of History. London : Oxford University Press, 1954. Vol. IX.
14. Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
15. Goldstein J. Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age. New Haven ; London : Yale University Press, 1988.
16. Ikenberry J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and The Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2001.
17. Modelski G. Long Cycles in World Politics. Basingstoke ; London : Macmillan Press, 1987.
18. Levy J. War in the Modern Great Power System. 1495–1975. Lexington : The University Press of Kentucky, 1983.
19. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. : Мысль, 1979.
20. Maddison A. The World Economy. Paris : OECD Publications, 2006. Vol. 1, 2.
21. Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет. М. : Экономистъ, 2003.
22. Mommsen W. Max Weber und die deutsche Politik. Tübingen : J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1974.
23. GDP, PPP (current international \$). The World bank. Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (accessed: 16.07.2022).
24. GDP per capita, PPP (current international \$). The World bank. Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (accessed: 16.07.2022).

References

1. Marx, K. & Engels, F. (1961) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. 2nd ed. Vol. 20. Translated from German. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
2. Wright, Q. (1942) *A Study of War*. Chicago: The University of Chicago Press.
3. Axelrod, A. (2007) *Encyclopedia of World War II*. New York: Facts On File.
4. Kurt Piehler, G. (ed.) (2013) *Encyclopedia of Military Science*. Vol. 1-4. Los Angeles: SAGE Publications.
5. Marshall, M.G. (1999) *Third World War. System, Process, and Conflict Dynamics*. New York: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
6. Rotberg, R.I. & Rabb, T.K. (eds) (1989) *The Origin and Prevention of Major Wars*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Merriam-Webster. (n.d.) *War*. [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/world%20war> (Accessed: 2nd July 2022).
8. Rodionov, I.N. (ed.) (2001) *Voennaya entsiklopediya* [Military encyclopedia in 8 vols]. Vol. 5. Moscow: Voennoe izdatel'stvo.
9. Churchill, W. (2007) *Vtoraya mirovaya vojna* [The Second World War]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Terra.
10. Wallerstein, I. (2011) *The Modern World-System*. Berkely: University of California Press.

11. Mann, M. (2012) *The Sources of Social Power*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Kühnhardt, L. (2017) *The Global Society and Its Enemies. Liberal Order Beyond the Third World War*. Cham: Springer International Publishing.
13. Toynbee, A. (1954) *A Study of History*. Vol. 9. London: Oxford University Press.
14. Gilpin, R. (1981) *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Goldstein, J. (1988) *Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age*. New Haven and London: Yale University Press.
16. Ikenberry, J. (2001) *After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and The Rebuilding of Order After Major Wars*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
17. Modelski, G. (1987) *Long Cycles in World Politics*. Basingstoke and London: Macmillan Press.
18. Levy, J. (1983) *War in the Modern Great Power System. 1495–1975*. Lexington: The University Press of Kentucky.
19. Diogenes Laërtius. (1979) *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenit'kh filosofov* [Lives and Opinions of Eminent Philosophers]. Translated from Greek. Moscow: Mysl'.
20. Maddison, A. (2006) *The World Economy*. Paris: OECD Publications.
21. Korolev, I.S. (ed.) (2003) *Mirovaya ekonomika. Global'nye tendentsii za 100 let* [World Economy. Global trends for 100 years]. Moscow: Ekonomist.
22. Mommsen, W. (1974) *Max Weber und die deutsche Politik*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).
23. The World Bank. (n.d.) *GDP, PPP (current international \$). Data*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (Accessed: 16th July 2022).
24. The World Bank. (n.d.) *GDP per capita, PPP (current international \$). Data*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (Accessed: 16th July 2022).

Сведения об авторе:

Рахманов А.Б. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Rakhmanov A.B. – Doctor of Science (Philosophy), Professor at the department of History and Theory of Sociology Lomonosov Moscow State University, Faculty of sociology (Moscow, Russian Federation). E-mail: azrakhmanov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.11.2022;
одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 01.11.2022;
approved after reviewing 08.11.2022; accepted for publication 05.12.2022*

Научная статья

УДК 316.485.22

doi: 10.17223/1998863X/70/24

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ГОТОВНОСТЬ К ДЕЙСТВИЯМ

Ангелина Николаевна Шрайбер¹, Валентина Андреевна Артюхина²

^{1,2} *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

¹ *a-ka-lina2007@mail.ru*

² *a-walentina@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается специфика протестных настроений студенческой молодежи. Проанализированы субъективные оценки студентов, в результате чего определены показатели удовлетворенности жизнью и образовательным процессом, отношение к дистанционному обучению, а также проблемы, способные спровоцировать протестное поведение. Также проведен анализ вероятности участия студенческой молодежи в акциях протеста и их отношение к мирным и радикальным способам выражения протестных настроений.

Ключевые слова: протестные настроения, студенческая молодежь, протестное поведение

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Алтайского государственного университета, договор о предоставлении гранта на выполнение научно-исследовательских работ от 26.11.2021.

Для цитирования: Шрайбер А.Н., Артюхина В.А. Протестные настроения студенческой молодежи: причины возникновения и готовность к действиям // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 269–279. doi: 10.17223/1998863X/70/24

Original article

STUDENTS' PROTEST MOOD: CAUSES OF EMERGENCE AND READINESS TO ACT

Angelina N. Shrayber¹, Valentina A. Artyukhina²

^{1,2} *Altai State University, Barnaul, Russian Federation*

¹ *ka-lina2007@mail.ru*

² *walentina@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of an empirical sociological study of the main causes of students' protest sentiments. The study included the collection and analysis of data obtained through questionnaires (n=608), in-depth interviews (n=12) and focus groups (n=10) of students of Altai Krai. Reasons of students' protest sentiments were determined by the analysis of subjective assessments of satisfaction with life and education, attitude to distance education, as well as current problems that could provoke social tension and conflict. Indicators of students' readiness to protest actions were: attitude towards people attending protests, evaluation of the effectiveness of peaceful and radical protest behaviour; students' willingness to participate in rallies. The study identified the following trends. Not only the degree of satisfaction with the conditions of their life and educational activities, but also the quality of relationships with others influence the formation of students' protest mood. Many students suffered from biased and unfair treatment by teachers or peers, which affected their mental state. Various forms of discrimination can trigger protests by young people to claim their rights. The most pressing issues for young people are the economic and political situation.

This raises concerns about the financial situation of both students and their families. These problems may encourage protest behaviour. Psychological, religious and ethnic aspects also influence protest mood. The respondents' opinions on the effectiveness of different ways of expressing protest actions are different. Many respondents note the effectiveness of both peaceful and radical methods in achieving their goals. Students are not ready to take part in protests; however, they do not completely deny this possibility. The results obtained indicate the importance of conducting additional studies to identify other factors of protest mood among young people in order to predict and prevent youth protests and ensure safety in educational institutions.

Keywords: protest mood, student youth, protest behaviour

Acknowledgments: The study was supported by the Altai State University, a grant agreement for research work dated November 26, 2021.

For citation: Shrayber, A.N. & Artyukhina, V.A. (2022) Students' protest mood: causes of emergence and readiness to act. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 269–279. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/24

Введение

В динамично развивающемся обществе социальные изменения – закономерное явление. Нововведения, возникающие в экономической, политической, социальной, культурной сферах, вносят вклад в изменение восприятия индивидами как общественной, так и частной жизни. Реакцией на происходящие события становятся протестные настроения населения. Наличие их является нормой, так как нет человека, который был бы полностью доволен своим образом жизни. Но общность проблем способна привести к идентичности протестных настроений среди населения локального социума, что будет стимулировать возникновение протестных поведений. Особое внимание стоит уделять молодежи, так как данная социальная группа чаще всего является основным участников протестных действий в силу своего более острого восприятия несовершенств общества и завышенных ожиданий от самих себя и окружающих [1–3]. Поэтому есть необходимость выяснить специфику протестных настроений в студенческой среде и определить их основные причины.

Изучение протестных настроений в отечественной науке начиналось с определения самого термина. Феномен протестного настроения изначально рассматривался Ж.Т. Тощенко через призму социального настроения, которое представляло собой «не только самое массовидное явление, но и одну из наиболее значительных сил, побуждающих людей к деятельности, накладывающей отпечаток на поведение различных коллективов, групп, слоев общества, а также классов, наций и даже народов» [4. С. 25]. В настоящее время в социологическом ракурсе авторы дают собственные определения данному феномену. Например, И.А. Савченко с коллегами в работе «Социологическое исследование протестных настроений современной молодежи» определяет данное понятие как «отклоняющееся от нормы поведение определенных групп молодого поколения по отношению к существующим политическим, социальным, культурным положениям и традициям» [5. С. 119]. В работе С.Р. Хайкина и Н.П. Попова «Протестные настроения на Северном Кавказе: общее и особенное» термин определяется как «состояние общественного сознания, недовольство, которое возникает в ситуации реальной или мнимой невозможности удовлетворения доминирующих потребностей и интересов социальных общностей» [6. С. 14]. Актуален анализ протестных настроений молодежи в контексте «социального запроса на перемены», когда различные

группы и слои общества выражают не только свою неудовлетворенность нынешними условиями жизнедеятельности, но и ожидают коренных перемен в общественной системе [7, 8]. Также распространена методология исследования протестных настроений через протестный потенциал, т.е. намерение участвовать в различных формах протеста, протестных мероприятиях, проводимых в регионе [9–11]. В ряде научных работ можно встретить исследование предпосылок возникновения протестных настроений в молодежной среде посредством анализа молодежной субкультуры, формирующей протестные настроения и протестную активность [12–14]. Изучение протестной готовности связано с замерами актуального состояния социальной напряженности, а также одобрения и выбором возможных протестных форм. Данные исследования особенно актуальны в региональном значении, так как направлены на выявление конкретных региональных факторов, способствующих возникновению социальной напряженности [15–17]. В Алтайском крае исследования протестных настроений реализуются в рамках мониторинга социальной напряженности и конфликтности локального социума. В.В. Нагайцев и Е.В. Пустовалова обращают внимание на противоречие между интересами, социальными ожиданиями всей или части социальной общности и мерой их фактического удовлетворения как на главную предпосылку социальной напряженности [18]. При разработке комплекса мер социального характера по снижению социальной напряженности и конфликтности населения в Алтайском крае использовались эмпирические данные мониторинговых исследований протестных настроений жителей региона, разработанных на основе междисциплинарного анализа основных причин социальной напряженности [19, 20]. В представленном социологическом исследовании протестные настроения студенческой молодежи – это отражение в ее сознании недовольства определенными аспектами в социально-экономической, политической, духовно-нравственной, экологической сферах жизни. Интерпретируя сущность и содержание данного феномена как реакцию молодежи на происходящие события, можно прогнозировать, предотвращать и профилировать протестное поведение.

Методы исследования

Для определения основных причин протестных настроений, а также готовности студенческой молодежи к протестным действиям была разработана методика эмпирического социологического исследования на основе сочетания количественных и качественных методов. Полевая часть исследования проходила в три этапа. На первом этапе реализовано массовое анкетирование студентов учебных заведений высшего и среднего профессионального образования (по четыре учреждения соответственно). Генеральную совокупность исследования составила студенческая молодежь г. Барнаула Алтайского края. Исследование носило выборочный характер, объем выборочной совокупности составил 608 респондентов ($n = 608$). Для построения выборочной совокупности были использованы принципы невероятностной, целенаправленной выборки. Методом отбора единиц стала квотная выборка. Квотами выступили уровень получаемого образования и пол респондента. Распределение респондентов равнозначное, в выборку вошли 304 респондента, получающие высшее образование (ВО), и 304 – получающие среднее профессиональное образование (СПО), по 154 респондента женского и мужского пола. На втором этапе реали-

зованы глубинные интервью ($n = 12$). Вопросы для глубинного интервью строились на основе первичных данных массового опроса, что позволило получить развернутые комментарии по уже выявленным закономерностям. На третьем этапе было проведено фокус-групповое исследование ($n = 10$). Принципы квотной выборки распространялись на все методы сбора информации.

Причины протестных настроений студенческой молодежи определялись с помощью анализа субъективных оценок удовлетворенности жизнью и образовательным процессом, отношения к дистанционному образованию, а также актуальных проблем, способных спровоцировать социальную напряженность и конфликтность. Составляющими аспектами готовности студенческой молодежи к протестным действиям выступали такие показатели, как отношение к людям, выходящим на акции протеста; оценка эффективности мирных и радикальных способов проявления протестного поведения; намеренность студентов участвовать в митингах.

Результаты исследования

Удовлетворенность уровнем своей жизни – важный показатель в выявлении основных причин протестных настроений. Принятие или непринятие тех условий жизнедеятельности, в которых существует человек, оказывают огромное влияние на его психологическое состояние. Полностью и скорее удовлетворены жизнью в Алтайском крае чуть более 50% студентов, принявших участие в опросе, при этом больше удовлетворены студенты средних профессиональных учреждений. Соответственно, респонденты, обучающиеся в вузах, чаще выбирали ответы «совершенно не удовлетворен» и «скорее не удовлетворен» (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос об удовлетворенности качеством жизни в регионе, %

Ответ	Всего	Уровень образования	
		ВО	СПО
Полностью удовлетворен	16,8	13,2	20,4
Скорее удовлетворен	35,2	34,2	36,2
Скорее не удовлетворен	28,6	30,9	26,3
Совершенно не удовлетворен	14,1	15,1	13,2
Затрудняюсь ответить	5,3	6,6	3,9
Всего	100,0	100,0	100,0

Качество жизни студенческая молодежь оценивала через такие показатели, как удовлетворенность своим материальным положением, условиями проживания, уровнем достатка семьи. Полностью удовлетворенных своим материальным положением оказалось 20,4% респондентов, скорее удовлетворенных – 39,5% (в сумме 59,9%), полностью и скорее не удовлетворенных – 36,5%. Прослеживается тенденция, что студенты средних профессиональных учреждений более удовлетворены своим материальным положением, чем студенты вузов (68,4 и 51,3% соответственно). Данная закономерность распространяется на показатель «условия вашего проживания». Удовлетворены своими условиями проживания 74,3% респондентов, обучающиеся в вузе, и 82,2% студентов колледжей. При этом совершенно не удовлетворенных в этом вопросе насчитывается 4,6 и 2% студентов вузов и колледжей соответственно. Показатели удовлетворенности материальным достатком семьи рас-

пределились относительно равномерно как по полу, так и по уровню получаемого образования. Наблюдается довольно высокий процент респондентов, неудовлетворенных материальным положением своей семьи полностью или частично (25,4%). Данные распределения свидетельствуют о прямой зависимости оценок качества жизни респондента в регионе от материального положения его семьи.

Важный фактор протестных настроений студенческой молодежи – уровень комфортности образовательной среды, так как учеба является их основной сферой деятельности. В результате исследования определились наиболее популярные аспекты комфортной учебной среды (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о составляющих комфортной учебной среды, %

Ответ	Всего*	Пол		Уровень образования	
		муж.	жен.	ВО	СПО
Комфортные аудитории (доступность компьютерного класса, хорошо оснащенные библиотеки)	78,3	75,7	80,9	77,6	78,9
Интересные практики и стажировки	62,2	57,9	66,4	58,6	65,8
Невысокая стоимость обучения	56,6	51,3	61,8	53,9	59,2
Благоприятные отношения с одногруппниками и преподавателями	56,6	52,6	60,5	55,3	57,9
Хорошая столовая	53,9	51,3	56,6	58,6	49,3
Материальная поддержка от учебного заведения (повышенные стипендии, поощрения и помощь)	48	47,4	48,7	59,2	36,8
Компетентная и готовая помочь администрация учебного заведения	47,4	46,1	48,7	50,7	44,1
Возможность дистанционного обучения	39,5	32,2	46,7	44,7	34,2
Внеучебная студенческая активность (научные, спортивные, творческие секции)	36,2	32,9	39,5	38,8	33,6
Другое	4,9	2,6	7,2	6,6	3,3

* Здесь и в табл. 3: сумма процентов в таблице превышает 100%, так как респонденты могли указывать несколько вариантов ответа.

Ответы респондентов свидетельствуют о важности создания целостной картины комфортного обучения в финансовом, образовательном, материально-техническом и культурном плане. Если сравнивать приоритеты в вопросе комфортного обучения среди студентов высших и средних учебных заведений, то видно, что стоимость обучения и наличие интересных практик и стажировок предпочтительнее для студентов колледжей, а возможность получение материальной помощи и дополнительной поддержки от учебного заведения больше интересна студентам вузов, тем более практика материального стимулирования студентов распространена во многих университетах Алтайского края. Учащиеся СПО так объясняют свой выбор: «обучение в колледже не должно дорого стоить, это не высшее образование, мой диплом не будет так цениться работодателем», «мне важно, чтобы в моем колледже были практики с первых дней обучения, так как срок обучения всего 2 года, без практики я не освою профессию». При этом студенты вузов чаще отмечали, что для комфортного обучения необходим дистанционный формат.

Дистанционный формат обучения стал нововведением начиная с 2020 г., и на начальных этапах внедрения данного процесса возникали проблемы как

в адаптации к нему, так и в тонкостях обучения в таких условиях. Большинство студентов как высших, так и средних учебных заведений относятся положительно к дистанционному обучению (69,1 и 58,5% соответственно). Однако немалая часть опрошенных отрицательно отзываются о дистанционном обучении, этим отличаются учащиеся колледжей (28,9%). В рамках фокус-группы и глубинного интервью респонденты положительно отзывались о дистанционном обучении: *«отнеслась положительно, хотелось отдохнуть на тот момент, а с вводом дистанта появились послабления в обучении, меньше контроля и больше свободного времени»; «это была отличная возможность успешно сдать экзамены»*. Однако на вопрос «Изменилось ли у вас отношение к нему спустя 2 года?» некоторые информанты указывали на негативные тенденции в связи с проблемами, усложняющими учебу: *«многие испытывают проблемы с наличием техники, а также подключением к электронным платформам, были случаи, когда на платформу невозможно зайти из-за переизбытка пользователей»*. Основными причинами отрицательных оценок дистанционного обучения стали проблемы, связанные со сложностью организации учебного дня (43,3%), ленью (42,7%), нестабильностью интернет-соединения (41%). Такого же мнения придерживаются информанты фокус-группы: *«моя продуктивность и дисциплинированность снижается, я начинаю больше лениться, и при этом, даже выполняя задания, ничего не остается в голове»*. Немаловажной проблемой является неудовлетворенность усвоенным материалом (38%), нехватка обратной связи от преподавателей (23,7%), особенно в ситуациях проверки практических заданий. Не получая желаемое или ожидаемое, студенты начинают протестовать, принципиально не выполняя задания на образовательных платформах.

Протестные настроения зависят также от удовлетворенности студентов целым рядом показателей: выбранным учебным заведением и специальностью, своей успеваемостью, взаимоотношениями с окружающими. Ситуация со степенью удовлетворенности выбранной специальностью, успеваемостью и качеством образованием довольно благоприятна. Но есть доля опрошенных, которые совершенно не удовлетворены выбранной профессией (8,2%), успеваемостью (10,9%), качеством получаемого образования (2,6%), престижностью учебного заведения (2,3%) и платным образованием (12,2%). Абсолютное большинство опрошенных студентов полностью или скорее удовлетворены взаимоотношениями с людьми как в учебной деятельности, так и в личной жизни. Однако около 5% опрошенных указывают на проблемы коммуникации со сверстниками, преподавателями и членами семьи. Причиной этого могут быть случаи дискриминации в учебной и внеучебной деятельности. Почти половина опрошенных (48,7%) хоть раз испытывали предвзятое или несправедливое отношение со стороны преподавателей или сверстников. Из них под постоянным давлением находятся 2,3% студентов, довольно часто такое отношение испытывают 6,6% опрошенных, а иногда 39,8%. Последнее в большей степени характерно для студентов университетов, тогда как студенты колледжей меньше пострадали от предвзятого отношения со стороны преподавателей и других студентов. Таким образом, в образовательной среде студентов высших и средних учебных заведений в целом все удовлетворяет. Однако не стоит исключать пусть и незначительный, но имеющий место процент студентов, которые не удовлетворены своей

учебной деятельностью, что может привести к конфликтам, а также проявлению протестных настроений в открытой форме.

Обратимся к общим проблемам, волнующим студенческую молодежь. Наиболее актуальными проблемами для студентов являются внешне- и внутриполитические, экономические и в сфере образования. Не менее важными выступают проблемы в сфере здравоохранения, экологии и связанные с пандемией. Также респонденты отметили актуальность духовных и межэтнических вопросов. Отвечая на вопрос о факторах, которые могут спровоцировать протестное поведение людей в открытой форме, прослеживается аналогичная вариативность (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие из нижеперечисленных проблем для вас наиболее актуальны?», %

Ответ	Всего	Уровень образования	
		ВО	СПО
Внешнеполитические	57,3	60,9	53,6
Экономические	57	57	57
Внутриполитические	52,3	51,7	53
В сфере образования	40,7	44,4	37,1
В сфере здравоохранения	38,4	38,4	38,4
Экологические	33,1	35,8	30,5
Проблемы, связанные с пандемией	32,8	31,8	33,8
В сфере межэтнических отношений	21,9	24,5	19,2
В духовной сфере	16,2	15,9	16,6
Затрудняюсь ответить	12,6	9,9	15,2

При этом на вопрос «Сталкивались ли вы с проблемными ситуациями, которые вызвали у вас желание принять участие в акциях протеста?» большинство опрошенных отвечали «нет» (52,3%), утвердительно ответили 11,2% респондентов. Участники фокус-группы выразили общее мнение, что никакие события не могут сподвигнуть их на радикальные действия, способные угрожать общественной безопасности. Но, говоря о случаях проявления экстремизма, участники фокус-группы предполагали, что «люди совершают подобные поступки по причинам как психологического, так и социального характера, например нахождения в глубокой депрессии, психического нездоровья, специфического воспитания».

Отношение респондентов к людям, участвующим в акциях протеста, неоднозначное (табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к людям, выходящим на акции протеста?», %

Ответ	Всего	Уровень образования	
		ВО	СПО
Полностью поддерживаю их и готов выйти вместе с ними	7,6	7,2	7,9
Частично поддерживаю их доводы, но они действуют неосмотрительно	37,5	45,4	29,6
Они слишком радикальны	25	21,7	28,3
Затрудняюсь ответить	29	25,7	34,2
Итого	100	100	100

Более того, 28% опрошенных имеют в своем окружении людей, поддерживающих протесты, а 9,5% допускают совершение протестных действий «за компанию». При этом на вопрос «если в ближайшее воскресенье состоится митинг, вы присоединитесь к нему?» 7,5% опрошенных дали утвердительный

ответ, и в нем участвовали бы больше мужчины (12,5%) и студенты университетов (8,5%). Большинство респондентов не пошли бы на митинг (82,9%), в основном такое поведение характерно для женщин (87,5%). Но есть и затруднившиеся ответить на поставленный вопрос, которые потенциально могут быть протестно активными (9,2%).

Немаловажным является отношение к методам, с помощью которых люди проявляют свое протестное поведение. В рамках данного исследования респондентам был задан вопрос об эффективности ряда способов достижения человеком или группой своих целей, включая как мирные, так и радикальные. Большая часть респондентов указала на неэффективность мирных методов в достижении целей: флешмобы (66,8%), демонстрации, митинги и шествия (51,7%), протестное голосование (56,6%). Примечательно, что также есть студенты, которые считают эффективными такие радикальные методы, как вандализм (8,2%), захват заложников (14,4 %), применение огнестрельного оружия (11,5%) и террористические акты (10,5%). По мнению информантов фокус-группы, такое распределение может зависеть от понимания того, *«что мирные методы невидимы для государственной власти, а использование радикальных методов заставляет через страх и угрозу решить существующие проблемы быстро»*. Стоит учитывать, что применение любого метода говорит о наличии протестных настроений в студенческой среде, однако особую опасность представляют люди, которые склонны к применению радикальных методов.

Выводы

В результате интерпретации эмпирических данных определено несколько тенденций.

1. Удовлетворенность уровнем своей жизни – основополагающий показатель в выявлении основных причин протестных настроений студенческой молодежи. Значительная часть опрошенных не довольны качеством жизни в регионе. Такое отношение является совокупностью субъективных оценок материального положения и условий проживания студента и его семьи.

2. Неудовлетворенность условиями учебной деятельности оказывает влияние на формирование протестных настроений среди студенческой молодежи. В результате исследования определились аспекты, провоцирующие рост протестных настроений. Это недостаточная материально-техническая база учебного заведения, высокая стоимость образовательных услуг, избыток дистанционного формата обучения, неудовлетворенность выбранной специальностью и престижностью университета или колледжа, проблемы с успеваемостью и коммуникацией в учебной и внеучебной деятельности.

3. Наиболее актуальной проблемой для молодежи является положение дел в экономической и политической сферах. В связи с этим возникает обеспокоенность финансовым положением как самих студентов, так и их семей. Данные проблемы могут способствовать возникновению протестного поведения. Также на протестное поведение влияют психологические, религиозные и этнические аспекты.

4. В молодежной среде остро стоит проблема дискриминации. Многие студенты испытывали предвзятое и несправедливое отношение со стороны преподавателей или сверстников. Подобного рода случаи могут стать толчком к протестным действиям молодежи за отстаивание своих прав, так как в

современной культуре распространяется тренд – демонстративная борьба за справедливость.

5. Отношение молодежи к людям, участвующим в акциях протеста, неоднозначное: около половины респондентов поддерживают подобную деятельность, хотя основная часть не готова принимать в них активное участие. При этом треть участников исследования имеют в своем окружении людей, поддерживающих протесты, и допускают возможность совершения протестных действий «за компанию».

6. Среди студенческой молодежи крайне редко встречаются люди, поддерживающие протестное поведение радикальной направленности. Отношение к экстремизму и терроризму крайне негативное в связи с ощущением угрозы для себя и своих близких. Оценка способов проявления протестных настроений в основном отрицательная: как мирные, так и радикальные способы достижения целей студентами оценены как неэффективные. Но стоит учитывать, что представленные в исследовании оценки и мнения субъективны, поэтому говорить о том, что неудовлетворенные качеством жизни студенты обязательно станут выражать свои протестные настроения нецелесообразно, однако в совокупности с другими аспектами социальной среды они могут усилить протестные настроения.

Полученные результаты указывают на важность проведения дополнительных исследований по выявлению иных факторов протестных настроений среди молодежи с целью прогнозирования и предотвращения протестной активности молодежи и обеспечения безопасности социальной среды.

Список источников

1. Габа О.И. Молодежь как субъект протестных настроений // Знание, понимание, умение. 2015. № 1. С. 144–151.
2. Петухов В.В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119–138.
3. Савченко Д.С. Протестная гражданская активность российского студенчества: социологический анализ // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protestnaya-grazhdanskaya-aktivnost-rossiyskogo-studenchestva-sotsiologicheskii-analiz> (дата обращения: 10.07.2022).
4. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–35.
5. Варди́кян М.С., Николаева А.А., Савченко И.А. Социологическое исследование протестных настроений современной молодежи // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 118–122.
6. Хайкин С.Р., Попов Н.П. Протестные настроения на Северном Кавказе: общее и особенное // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4 (110). С. 14–28.
7. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40–53.
8. Петухов Р.В. Почему люди хотят изменений? Исследование В. Петуховым причин актуализации общественного запроса на перемены // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 2S. С. 61–73.
9. Авцинова Г.И. Протестный потенциал российской молодежи: парадигмы исследования и политическая практика // PolitBook. 2015. № 1. С. 111–126.
10. Шаповалова И.С., Валиева И.Н. Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 2. С. 345–362.
11. Шлыкова Е.В. Потенциал протестной активности молодежи в условиях риска: анализ случая // Вестник Института социологии. 2015. Т. 6, № 2. С. 117–136.
12. Безрукова Е.Ю. Молодежный протест: риски, перспективы, последствия // Конфликтология. 2020. Т. 15, № 1. С. 94–103.

13. Ковтун Е.И. Специфика современных молодежных протестных движений // Вопросы политологии. 2019. Т. 9, № 4. С. 712–721.
14. Меркулов П.А., Проказина Н.В. Методологические подходы к анализу протестной деятельности молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 1. С. 15–23.
15. Марин Е.Б. Молодежные протестные настроения в Приморском крае (на примере студенчества) // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9, № 3. С. 63–82.
16. Руденкин Д.В. Импульсы роста протестной активности российской молодежи: кейс Екатеринбурга // Конфликтология / nota bene. 2020. № 1. С. 1–14.
17. Баранова Г.В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 143–152.
18. Нагайцев В.В., Пустовалова Е.В. Уровень социальной напряженности в системе показателей социального благополучия населения региона // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2–2 (66). С. 209–213.
19. Разработка и продвижение комплекса мер социального характера по снижению уровня социальной напряженности и конфликтности населения в Алтайском крае в 2018–2020 гг. / В.В. Нагайцев [и др.]. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2019. 350 с.
20. Шрайбер А.Н. Междисциплинарный анализ основных факторов социальной напряженности и конфликтности в региональном социуме // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира : материалы Третьего Санкт-Петербургского междунар. конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. СПб. : Фонд развития конфликтологии, 2019. С. 403–406.

References

1. Gaba, O.I. (2015) Molodezh' kak sub"ekt protestnykh nastroyeniy [Youth as a Subject of Protest Feelings]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 1. pp. 144–151.
2. Petukhov, V.V. (2020) Rossiyskaya molodezh' i ee rol' v transformatsii obshchestva [Russian Youth and Its Role in Society Transformation]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 3. pp. 119–138.
3. Savchenko, D.S. (2012) Protestnaya grazhdanskaya aktivnost' rossiyskogo studenchestva: sotsiologicheskii analiz [Protest civic activity of Russian students: a sociological analysis]. *Russian Journal of Education and Psychology*. 12. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/protestnaya-grazhdanskaya-aktivnost-rossiyskogo-studenchestva-sotsiologicheskii-analiz> (Accessed: 10th July 2022).
4. Toshchenko, Zh.T. (1998) Sotsial'noe nastroyenie – fenomen sovremennoy sotsiologicheskoy teorii i praktiki [Social mood – a phenomenon of modern sociological theory and practice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 21–35.
5. Vardikyan, M.S., Nikolaeva, A.A. & Savchenko, I.A. (2021) Sotsiologicheskoe issledovanie protestnykh nastroyeniy sovremennoy molodezhi [Sociological study of protest mood of modern youth]. *Vlast'*. 29(1). pp. 118–122.
6. Khaykin, S.R. & Popov, N.P. (2012) Protestnye nastroyeniya na Severnom Kavkaze: obshchee i osobennoe [Protest moods in the North Caucasus: general and special]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 4(110). pp. 14–28.
7. Petukhov, V.V. (2018) Dinamika sotsial'nykh nastroyeniy rossiyan i formirovaniye zaprosa na peremeny [Dynamics of social moods of Russians and the formation of a request for change]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 40–53.
8. Petukhov, R. V. (2022) Pochemu lyudi khotyat izmeneniy? Issledovanie V. Petukhovym prichin ak-tualizatsii obshchestvennogo zaprosa na peremeny [Why do people want changes? V.V. Petukhov's study of the reasons for the actualisation of the public demand for changes]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 13(2S). pp. 61–73.
9. Avtsinova, G.I. (2015) Protestnyy potentsial rossiyskoy molodezhi: paradigma issledovaniya i politicheskaya praktika [Protest Potential of Russian Youth: Research Paradigm and Political Practice]. *PolitBook*. 1. pp. 111–126.
10. Shapovalova, I.S. & Valieva, I.N. (2022) Protestnyy potentsial regional'nogo studenchestva v Rossii: sotsial'nye predposylki [Protest Potential of Regional Students in Russia: Social Preconditions]. *Integratsiya obrazovaniya – Integration of Education*. 26(1). pp. 345–362.
11. Shlykova, E.V. (2015) Potentsial protestnoy aktivnosti molodezhi v usloviyakh riska: analiz sluchaya [Young People's Protest Potential in a High-Risk Environment: Case Study]. *Vestnik Instituta sotsiologii – Bulletin of the Institute of Sociology*. 6(2). pp. 117–136.

12. Bezrukova, E.Yu. (2020) Molodezhnyy protest: riski, perspektivy, posledstviya [Youth Protest: Risks, Prospects, Consequences]. *Konfliktologiya – Conflictology*. 15(1). pp. 94–103.
13. Kovtun, E.I. (2019) Spetsifika sovremennykh molodezhnykh protestnykh dvizheniy [Specificity of Modern Youth Protest Movements]. *Voprosy politologii – Political Science Issues*. 9(4). pp. 712–721
14. Merkulov, P.A. & Prokazina, N.V. (2017) Metodologicheskie podkhody k analizu protestnoy deya-tel'nosti molodezhi [Methodological Approaches to the Analysis of the Youth Protest Activity]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk – Central Russian Journal of Social Sciences*. 12(1). pp. 15–23.
15. Marin, E.B. (2018) Molodezhnye protestnye nastroyeniya v Primorskom krae (na primere studentchestva) [Youth Protest Moods in Primorsky Region (on the Example of Students)]. *Vestnik Instituta sotsiologii – Bulletin of the Institute of Sociology*. 9(3). pp. 63–82.
16. Rudenkin, D.V. (2020) Impul'sy rosta protestnoy aktivnosti rossiyskoy molodezhi: keys Ekaterinburga [Growth Impulses of Protest Activity of Russian Youth: The Case of Yekaterinburg]. *Konfliktologiya / nota bene – Conflictology / nota bene*. 1. pp. 1–14.
17. Baranova, G.V. (2012) Metodika analiza protestnoy aktivnosti naseleniya Rossii [Methods for Analyzing the Protest Activity of the Population of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 143–152.
18. Nagaytsev, V.V. & Pustovalova, E.V. (2010) Uroven' sotsial'noy napryazhennosti v sisteme pokazateley sotsial'nogo blagopoluchiya naseleniya regiona [The Level of Social Tension and Conflict in the System of Social Indicators for Measuring Social Wellbeing of Population in Regions]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 2-2(66). pp. 209–213.
19. Nagaytsev, V.V. et al. (2019) *Razrabotka i prodvizhenie kompleksa mer sotsial'nogo kharaktera po snizheniyu urovnya sotsial'noy napryazhennosti i konfliktnosti naseleniya v Altayskom krae v 2018–2020 gg.* [Development and promotion of a set of social measures to reduce the level of social tension and conflict of the population in the Altai Territory in 2018–2020]. Barnaul: AltSU.
20. Shrayber, A.N. (2019) Mezhdistsiplinarnyy analiz osnovnykh faktorov sotsial'noy napryazhennosti i konfliktnosti v regional'nom sotsiume [Interdisciplinary analysis of the main manifestations of social tension and conflict in the observed society]. *Konfliktologiya XXI veka. Puti i sredstva ukrepleniya mira* [Conflictology of the 21st Century. Ways and Means of Peace Building]. Proc. of the Third St. Petersburg International Congress of Conflictologists. St Petersburg, November 15–16, 2019. St. Petersburg: Fund of Conflictology Development. pp. 403–406.

Сведения об авторах:

Шрайбер А.Н. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и конфликтологии Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: ka-lina2007@mail.ru

Артюхина В.А. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и конфликтологии Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: a-walentina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Shrayber A.N. – Cand. Sci. (Sociology), associate professor at the Department of Sociology and Conflictology, Institute of Humanities, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ka-lina2007@mail.ru

Artyukhina V.A. – Cand. Sci. (Sociology), associate professor at the Department of Sociology and Conflictology, Institute of Humanities, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: a-walentina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.08.2022;
одобрена после рецензирования 07.11.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 24.08.2022;
approved after reviewing 07.11.2022; accepted for publication 05.12.2022

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2022. № 70

Редакторы *Н.А. Афанасьева*
Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 26.12.2022 г. Дата выхода в свет 17.02.2023 г.

Формат 70х100¹/₁₆. Печ. л. 17,5; усл. печ. л. 22,8; уч.-изд. 24.

Тираж 50 экз. Заказ № 5345. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru